

Сьюзен Коллинз
Сойка-пересмешница
Голодные игры 3

Часть I. ОСТАНКИ
Глава первая

Я уставилась на свои ботинки, наблюдая за тем, как тонкий слой золы оседает на изношенную кожу. На этом месте стояла кровать, которую я делила со своей сестрой, Прим. А вон там был кухонный стол. Кирпичи от трубы, сваленные в обугленную кучу, служат опорной точкой для остальной части дома. Как иначе я могу ориентироваться в этом океане серости?

От Дистрикта-12 не осталось почти ничего. Месяц назад capitoлийские зажигательные бомбы уничтожили дома бедных шахтеров в Шлаке, магазины в городе, и даже Дом Правосудия. Единственной территорией, избежавшей сожжения, стала Деревня победителей. Я не знаю, почему именно она. Пожалуй, потому, чтобы все, кто вынужден приезжать сюда по делам Капитолия, имели достойное место для проживания. Эксцентричный репортер. Комитет оценки состояния угольных шахт. Отряд Миротворцев для контроля возвратившихся беженцев.

Но кроме меня сюда никто не возвращается. Да и это лишь краткий визит. Власти Тринадцатого Дистрикта были против моего отъезда домой. Они рассматривали это как дорогостоящую и бессмысленную авантюру, учитывая, что — для защиты — по меньшей мере, десятков невидимых планолетов кружат над моей головой, и тут нет никаких сведений, которые можно было бы заполучить. Но все-таки мне нужно было это увидеть. До такой степени, что я это стало обязательным условием моего участия в любом из их планов.

В конце концов, Плутарх Хэвенсби, Глава Распорядителей Игр, который координировал действия повстанцев в Капитолии, развел руками.

— Отпустите ее. Лучше потратить впустую день, чем месяц. Может, маленькое турне по Двенадцатому — именно то, что ей нужно, чтобы убедиться: мы на одной стороне.

На одной стороне.

Резкая боль пронзает висок, и я прижимаю к нему руку. Прямо в том месте, куда Джоанна Мейсон ударила меня катушкой для провода. Воспоминания проносятся вихрем, в то время как я пытаюсь разобраться, что правда, а что ложь. Какая череда событий привела меня к тому, что я стою на руинах своего города?

Это дается с трудом, из-за того, что последствия полученного от Джоанны сотрясения не совсем исчезли, и мысли до сих пор путались. А также из-за наркотиков, которые использовали для контроля над моей болью и сознанием — иногда они заставляли меня видеть странные вещи. Я так думаю. Я до сих пор не совсем уверена, что у меня были галлюцинации той ночью, когда половина моей больничной палаты превратилась в ковер из извивающихся змей.

Я использую метод, предложенный одним из врачей. Начинаю с простейших вещей, которые — я знаю — являются правдой, и постепенно подбираюсь к более сложным. В голове моей начинает прокручиваться список.

Меня зовут Китнисс Эвердин. Мне семнадцать лет. Мой дом — Дистрикт-12.

Я участвовала в Голодных Играх. И сбежала. Капитолий меня ненавидит.

Пита взяли в плен. Считается, что он мертв. Скорее всего, он мертв. Вероятно, было бы лучше, если бы он умер...

— Китнисс. Мне следует спуститься? — голос моего лучшего друга Гейла долетает до меня через гарнитуру,

на ношении которой настояли повстанцы.

Он наверху, в планолете, внимательно смотрит на меня и готов броситься вниз, если вдруг что-то пойдет не так. Я осознаю, что прямо сейчас сижу на корточках, локти поставила на бедра, а голову зажала между руками. Я должна увидеть масштабы разрушений. Только не это. Не тогда, когда, наконец, меня избавили от лекарств.

Я выпрямилась и махнула ему в знак того, чтобы он улетал.

— Нет. Я в порядке.

Для подтверждения своих слов я пошла прочь от своего старого дома в сторону города. Гейл попросил, чтобы в Двенадцатом его высадили вместе со мной, но не стал настаивать, когда я отказалась от его компании. Он понимает, что сегодня я не хочу никого рядом с собой. Даже его. Некоторые прогулки должны совершаться в одиночестве.

Лето было очень жарким и засушливым. Ни один дождь не разворошил груды пепла, оставшиеся после атаки. От моих шагов они то поднимались вверх, то вновь опускались. Никакой ветерок не развеял их.

Я не отрывала взгляда от того, что — по моим воспоминаниям — было дорогой, потому что когда меня первый раз высадили на Луговине, я была невнимательна и наткнулась на камень. Только это был не камень — это оказался чей-то череп. Он несколько раз перевернулся в воздухе и приземлился лицом вверх, а я долгое время не могла перестать смотреть на зубы, гадая, чьи же они, и думая о том, что мои в аналогичных обстоятельствах, вероятно, выглядели бы точно так же.

Следуя привычке, я иду по дороге, но это плохой выбор: она полна останков тех, кто пытался убежать. Некоторые из них были полностью сожжены. Но другие, похуже, наглотавшись дыма, избежали сильного огня и теперь лежат, воняют, в различных стадиях разложения, кишачая мухами тухлятина для падальщиков.

Это я убила тебя, думаю я, проходя мимо кучи. И тебя. И тебя.

Потому что так и есть. Моя стрела, направленная на щель в силовом поле, окружавшем арену, привела к этой вспышке возмездия. Это погрузило в хаос весь Панем. В голове я слышу слова президента Сноу, произнесенные утром того дня, когда у меня начинался тур Победителей: — Китнисс Эвердин, огненная Китнисс. Ты высекала искру, которая, оставленная без присмотра, может привести к аду, способному разрушить Панем.

Как оказалось, он не преувеличивал и не запугивал. Пожалуй, он искренне пытался заручиться моей помощью. Но я уже организовала некое движение, контролировать которое была не в состоянии.

Горит. Все еще горит, тупо думаю я.

От пожара в угольных шахтах наружу вырывается черный дым и распространяется по округе. И не осталось никого, кто бы за этим присмотрел. Более девяноста процентов жителей Дистрикта мертвы. Оставшиеся восемьсот человек нашли пристанище в Дистрикте-13, а это, насколько я понимаю, то же самое, что и быть вечно бездомным.

Я знаю, что не должна так думать, знаю, что мне следует быть благодарной за то, как нас приняли. Больных, раненых, голодных и с пустыми руками. Тем не менее, я никак не могу обойти стороной тот факт, что Тринадцатый Дистрикт сыграл немаловажную роль в уничтожении Двенадцатого. Это не снимает с меня вину — тут ее достаточно для всех. Но без них я не была бы частью крупного заговора по свержению Капитолия или у меня не было бы средств для достижения этой цели.

Жители Дистрикта-12 не организовали собственное вооруженное сопротивление. Просто им не повезло, что у них была я. Некоторые выжившие считают, что большая удача, наконец, освободиться от Дистрикта-12. Избежать бесконечного голода и угнетения, опасных шахт, порки нашим последним Главой Миротворцев, Ромулусом Тредом. Новый дом всем нам казался чудом, поскольку до недавнего времени мы и не подозревали, что Дистрикт-13 по-прежнему существует.

Ответственность за эвакуацию выживших свалилась на плечи Гейла, хоть и согласился он с неохотой. Как только закончилось Двадцатипятилетие Подавления — едва меня подняли с арены — в Дистрикте-12 отрубилось электричество, экраны телевизоров погасли, и в Шлаке стало настолько тихо, что люди могли слышать биение сердец друг друга. Никто ничего не предпринимал в знак протеста или одобрения произошедшего на арене. Тем не менее, всего за пятнадцать минут небо заполнили планолеты, и посыпались бомбы.

Именно Гейлу пришла в голову мысль о Луговине, одном из немногих мест, где нет старых деревянных домов с въевшейся угольной пылью. Он призвал всех, кого только мог, следовать в этом направлении, включая мою мать и Прим. Он сформировал команду, которая разобрала забор — теперь вместо него просто безобидная сетка

с отключенным электричеством — и повел людей в леса. Он отвел их на единственное подходящее место — озеро, которое мой отец показал мне, когда я была ребенком. И именно оттуда они наблюдали за далеким пламенем, пожиравшим все, что они знали в этом мире.

Бомбардировщики исчезли задолго до рассвета, огонь шел на убыль, подтягивались последние отставшие. Моя мать и Прим организовали медпункт для пострадавших и пытались вылечить их, используя все то, что можно отыскать в лесу. У Гейла было два лука, колчан со стрелами к каждому из них, один охотничий нож, одна рыболовная сеть и более восьмиста до ужаса напуганных людей, которых нужно прокормить. С помощью тех, кто был трудоспособным, они управились за три дня. И вот, когда планолет неожиданно прилетел для их эвакуации в Дистрикт-13, там было более чем достаточно чистых белых отсеков для жилья, много одежды и трехразовое питание. Отсеки имели недостаток в том, что находились под землей, одежда была одинаковой, а еда — довольно безвкусной, но для беженцев из Двенадцатого это отодвигалось на второй план. Они были в безопасности. О них заботились. Они были живы, и встретили их с распростертыми объятиями.

Этот неожиданный энтузиазм истолковали как проявление доброты. Но мужчина по имени Далтон, пешком сбежавший из Десятого Дистрикта в Тринадцатый несколько лет назад, раскрыл мне настоящий мотив: — Они нуждаются в тебе. Во мне. Они нуждаются во всех нас. Не так давно у них прошла какая-то эпидемия оспы и убила множество людей, а еще большее количество оставила бесплодными. Новый скот для разведения. Вот кем они нас видят.

Еще в Десятом он работал на одном из коровьих ранчо, сохраняя генетическую разнородность стада посредством имплантации замороженных коровьих эмбрионов. Скорее всего, насчет Тринадцатого он абсолютно прав: не кажется, что вокруг полно детишек. Ну и что? Нас не водили за ручку, а учили работать, дети продолжали учиться. Тем, кто был старше четырнадцати, присваивали начальный военный ранг и почтительно величали "Солдатом". Каждому беженцу власти Тринадцатого автоматически присваивали гражданство.

И все же, я их ненавижу. Но сейчас, разумеется, я ненавижу почти всех. И себя — больше, чем кого-либо.

Поверхность под ногами становится жестче, и под ковром из пепла я ощущаю каменную брусчатку центральной площади. Там, где раньше находились магазины, осталась лишь мелкая кучка мусора. Куча почерневших обломков заменила собой Дом Правосудия. Я шагаю туда, где предположительно находилась пекарня, принадлежавшая семье Пита. На ее месте не осталось ничего, кроме глыбы расплавленной пожаром печи. Ни родители Пита, ни оба его старших брата, никто не добрался до Тринадцатого. Менее десятка хорошо обеспеченных людей смогли убежать от огня. В любом случае, у Пита нет ни единой причины желать возвращения домой. Кроме меня...

Я отхожу от пекарни и спотыкаюсь обо что-то, теряю равновесие и усаживаюсь на кусок раскаленного солнцем металла. Гадаю, что же это может быть, потом вспоминаю последние нововведения Треда касательно этой площади. Плахи, столбы для порки, а это — остатки виселицы.

Плохо. Это плохо. Это окунает в водоворот картинок, которые терзают меня как спящую, так и бодрствующую. Пита подвергают пыткам — топят, жгут, мучают, бьют электричеством, наносят тяжкие увечья, избивают — так Капитолий пытается заполучить информацию о восстании, о котором он не имеет понятия. Я плотно закрываю глаза и стараюсь добраться до него через сотни и сотни миль, чтобы передать свои мысли в его сознание, дать ему знать: он не один. Но это так. И я не могу ему помочь.

Бегу. Прочь от площади к единственному месту, не уничтоженному огнем. Я перешагиваю через обломки дома мэра, в котором жила моя подруга Мадж. Ни звука от нее или ее семьи. Их отвезли в Капитолий из-за положения ее отца или оставили в огне? Пепел кружится вокруг меня, и я подношу подол рубашки ко рту. Без разницы, что я вдыхаю, но без этого я могу задохнуться.

Трава выжжена, и серый снег падает здесь точно так же, как и везде, но двенадцать прекрасных домов Деревни Победителей уцелели. Я залетаю в дом, в котором жила весь прошлый год, со стуком захлопываю дверь и прислоняюсь к ней спиной. Место кажется нетронутым. Чистым. Подозрительно тихим.

Зачем я вернулась в Двенадцатый? Как этот визит поможет мне ответить на вопрос, от которого я не могу уйти?

— Что мне делать? — шепчу я стенам.

Потому что на самом деле не знаю.

Люди продолжали говорить со мной, говорить, говорить, говорить. Плутарх Хэвенсби. Его помощница

Фалвия Кардью. И прочие разные лидеры Дистрикта. Военные чиновники. Но не Альма Койн, президент Тринадцатого, она лишь наблюдает. Ей около пятидесяти лет, у нее седые волосы, плотной пеленой спадающие на плечи. Я несколько очарована ее волосами, потому что они настолько аккуратны, без единого изъяна, спутанного клочка, даже без посеченных кончиков. Глаза у нее серые, но не такие, как у людей из Шлака. Они очень мутные, будто из них высосали весь цвет. Цвет грязного снега, о таянии которого ты мечтаешь.

Чего они хотят от меня — чтобы я приняла на себя роль, которую они для меня подготовили. Символ восстания. Сойка-пересмешница. Того, что я сделала в прошлом — бросила вызов Капитолию на Играх, подкинув тем самым вдохновляющую идею — было недостаточно. Теперь я должна стать реальным лидером, лицом, голосом, воплощением революции. Человеком, на которого Дистрикты — большинство из которых в открытую находятся в состоянии войны с Капитолием — могут возлагать надежды, прокладывая путь к победе.

И мне не придется делать это в одиночку. У них собрана целая команда людей, которые будут делать мне макияж, подбирать одежду, писать речи, организовывать мои выступления — как будто я уже где-то это слышала — и все, что мне остается делать — играть свою роль.

Иногда я прислушиваюсь к ним, а иногда просто смотрю на идеальную линию волос Койн и пытаюсь понять, парик это или нет. В конце концов, я покидаю комнату, потому что голова начинает болеть, или подходит время для еды, или мне кажется, что если я не выберусь наружу, то начну кричать. Я не утруждаюсь тем, чтобы что-нибудь сказать. Я просто встаю и выхожу.

Вчера вечером, когда за мной закрывали дверь, я слышала, как Койн сказала: — Я говорила тебе, что, в первую очередь, мы должны спасти мальчика.

Имея в виду Пита. Я не могла не согласиться. Он был бы превосходным оратором.

А кого они вытащили с арены вместо него? Меня, не желающую сотрудничать. Бити, старшего изобретателя из Третьего, которого я редко вижу, потому что в ту минуту, как только он смог выпрямить спину, его сразу же потащили разрабатывать оружие. Буквально, они отвезли его больничную койку в какое-то суперсекретное место, и теперь он лишь изредка появляется на кормежке. Он очень умный и может очень помочь делу, но совсем не горит желанием. Потом, Финник Одейр, секс-символ из рыболовного дистрикта, который сохранил Питу жизнь на арене, когда я не смогла. Они хотят превратить в лидера мятежников и Финника, но сперва им придется заставить его находиться в сознании более чем пять минут. Даже когда он отдает себе отчет, ему нужно повторить одно и то же раза по три, чтобы информация дошла до его мозга. Врачи говорят, это из-за удара током, который он получил на арене, но я знаю, что все более сложно. Я знаю, что Финник не может сосредоточиться ни на чем в Тринадцатом, потому что он усердно пытается увидеть, что же происходит в Капитолии с Энни, сумасшедшей девушкой из его Дистрикта — единственным человеком на планете, которого он любит.

Несмотря на серьезные сомнения, мне нужно было простить Финника за его роль в заговоре, из-за которого я оказалась тут. По крайней мере, он имеет представление, через что я прохожу. А быть рядом с кем-либо, кто так много рыдает — отнимает слишком большое количество энергии.

Я двигаюсь по лестнице охотничьей походкой, нет желания издавать какой-нибудь шум. Я подбираю несколько памятных вещей: фотография моих родителей в день их свадьбы, голубая резинка для волос Прим, семейная книга по лекарственным и съедобным растениям. Падая, книга открывается на странице с желтыми цветами, и я быстро ее закрываю, потому что их нарисовала кисть Пита.

Что я собираюсь делать?

И есть ли смысл вообще чего-нибудь предпринимать? Моя мать, моя сестра и семья Гейла, наконец, в безопасности. Что касается остальных жителей Двенадцатого — они либо погибли, что необратимо, либо находятся в безопасности в Тринадцатом. И в остальных дистриктах тоже есть мятежники.

Разумеется, я ненавижу Капитолий, но так же не уверена, что мое пребывание Сойкой-пересмешницей обеспечит преимущество тем, кто пытается сравнять его с землей. Как я могу помочь дистриктам, когда каждый раз, стоит мне сделать движение, результатом являются страдания и гибель людей? Пожилой мужчина из Дистрикта-11, застреленный за свист в знак одобрения. Принятие репрессивных мер в Двенадцатом после моего вмешательства в порку Гейла. Моего стилиста, Цинну, утащили из Стартового комплекса, окровавленного и без сознания, еще до начала Игр. Источники Плутарха уверены, что его убили во время допроса. Драгоценный, загадочный, любимый Цинна умер по моей вине. Я отгоняю эту мысль, потому что думать об этом, не теряя полностью свой хрупкий контроль над ситуацией, невыносимо болезненно.

Что я собираюсь делать?

Стать Сойкой-пересмешницей... может ли все хорошее, сотворенное мной, перевесить причиненный вред? Кому я могу верить в ответе на этот вопрос? Конечно, не этой команде Тринадцатого. Я клянусь, сейчас, когда моя семья и Гейл в безопасности, я могу сбежать. Не беря в расчет одной незавершенной части дела.

Пит.

Если бы я точно знала, что он мертв, я бы попросту затерялась в лесах и ни разу не оглядывалась. Но пока я сомневаюсь, я застряла.

Я слышу шипение и разворачиваюсь на пятках туда, откуда раздается звук. В дверях кухни, с выгнутой в дугу спиной, плоскими ушами, стоит самый уродливый кот в мире.

— Лютик, — говорю я.

Тысячи людей погибли, но он выжил и даже выглядит вполне сытым. Чем? Он может выбираться из дома и пробираться обратно через окно в кладовке, которое мы всегда оставляем приоткрытым. Должно быть, он питается полевыми мышами. Я отказывалась думать по-другому.

Я присаживаюсь на корточки и протягиваю руку.

— Иди сюда, мальчик.

Как бы не так. Он зол из-за того, что его покинули. Кроме того, я не предлагаю ему еду, а моя способность обеспечивать обедками всегда являлась для него моим основным окупающимся качеством. Какое-то время, когда мы пересекались в старом доме, потому что оба не любили этот новый, казалось, что связь между нами немного окрепла. Это явно прошло. Он недовольно прищуривает свои желтые глаза.

— Хочешь увидеть Прим? — спрашиваю его.

Ее имя привлекает его внимание. Не считая его собственного имени, это слово — единственное, которое для него не пустой звук. Он хрипло мяукает и подходит ко мне. Я беру его на руки, глажу по шерстке, потом подхожу к шкафу, вытаскиваю свою охотничью сумку и бесцеремонно запикиваю его туда. Нет другого способа, каким бы я была способна отнести его на планолет, а для моей сестры он значит целый мир. Ее коза, Леди, действительно полезное животное, к сожалению, не выжила.

В гарнитуре я слышу голос Гейла, говорящий мне, что мы должны возвращаться. Но охотничья сумка напомнила мне об еще одной вещи, которую я хочу. Я вешаю сумку за ремешок на спинку стула и бросаюсь в свою спальню. Внутри комода висит охотничья куртка моего отца. До Двадцатипятилетия я перенесла ее сюда из старого дома, думая, что ее присутствие может стать утешением для мамы и Прим, когда я умру. Слава Богу, иначе бы сейчас она была пеплом.

Мягкая кожа расслабляет, и на данный момент меня успокаивают воспоминания о часах, проведенных в ней. Затем по непонятным причинам мои ладони начинают потеть. В затылке возникает странное ощущение. Я резко поворачиваюсь, чтобы осмотреть комнату, и убеждаюсь, что она пуста. Опрятна. И все на своих местах. Ни единого шума, чтобы меня встревожить. Тогда что?

Мой нос сморщился. Это из-за запаха. Приторного и искусственного. Что-то белое выглядывает из вазы с гербарием на моем шкафу. Я приближаюсь к нему осторожными шагами. Там, вся скрытая своими засушенными кузинами, лежит свежая белая роза. Идеальная. Вплоть до последней колючки и шелкового лепесточка. И я сразу же понимаю, кто мне ее прислал.

Президент Сноу.

Когда меня начинает тошнить от вони, я отступаю и убираюсь оттуда. Как долго она там пролежала? День? Час? Повстанцы досконально проверили Деревню Победителей на наличие взрывчатых веществ, подслушивающих устройств, еще чего-нибудь необычного, прежде чем позволили мне пройти сюда. Но, похоже, роза не показалась им примечательной. Только мне.

Внизу я срываю охотничью сумку со стула, волоку ее по полу, пока не вспоминаю, что она занята. На лужайке я отчаянно сигналиваю планолету, в то время как Лютик мечется в сумке. Я пихаю его локтем, но это лишь приводит его в ярость. Планолет появляется в поле зрения, и вниз опускается лестница. Я вступаю на нее и

жмусь к ней до тех пор, пока не оказываюсь на борту.

Гейл помогает мне освободиться от лестницы.

— Ты в порядке?

— Да, — отвечаю я, рукавом стирая пот с лица.

"Он оставил мне розу!" хотела я закричать, но была уверена, что это не та информация, которой мне следует делиться с кем-то вроде Плутарха. Во-первых, это прозвучит как безумие. Не померещилось ли мне — что вполне возможно — или я просто слишком эмоционально реагирую — все равно это гарантирует мне обратное путешествие в вызванную лекарствами страну снов, которой я так сильно старалась избежать. Никто и не поймет до конца — это не просто цветок, даже не просто цветок Президента Сноу, а обещание отомстить — потому что в одной с ним в студии, когда он угрожал мне перед Туром победителей, больше никого не было.

Лежавшая на моем шкафу, эта белая-словно-снег роза была для меня личным сообщением. Она напоминает о незавершенном деле. Она шепчет: "Я могу тебя найти. Я могу до тебя добраться. Не исключено, что я наблюдаю за тобой прямо сейчас".

Глава вторая

Капитолийские планолеты не собираются ударить по нам прямо сейчас?

Пока мы путешествуем по Дистрикту-12, я с тревогой ожидаю признаков атаки, но никто не преследует нас. Через несколько минут после того, как слышу разговор Плутарха с пилотом, который подтверждает, что воздушное пространство свободно, я понемногу расслабляюсь.

Гейл кивает на мою охотничью сумку, указывая на исходящий из нее вой.

— Теперь я понимаю, почему ты должна была вернуться туда.

— Даже если был хоть один шанс найти его, — я бросаю сумку на сидение, а гадкое создание начинает низко гортанно рычать. — Заткнись! — говорю я сумке, опускаясь на мягкое сиденье возле окна напротив.

Гейл садится возле меня.

— Плохо там, внизу?

— Хуже и быть не могло, — отвечаю я.

Смотрю в его глаза и вижу отражение собственной печали. Наши руки тянутся друг к другу, сохраняя ту часть Двенадцатого, которую каким-то образом Сноу не смог уничтожить. Мы сидим в тишине до конца полета в Тринадцатый, который занимает около сорока пяти минут. Пешком — не больше недели. Бонни и Твил из Дистрикта-8, с которыми я столкнулась прошлой зимой в лесу, в итоге, были так уж и далеки от своей цели. Но они явно не достигли ее. Когда я спрашивала о них в Тринадцатом, казалось, что никто даже не знает, о ком я говорю. Думаю, они погибли в лесу.

С воздуха Тринадцатый выглядит так же весело, как и Двенадцатый. Вопреки тому, что Капитолий показывает по телевизору, руины не дымятся, но и нет почти никакой наземной жизни. Спустя семьдесят пять лет после Темных Времен — когда, как говорят, Тринадцатый был уничтожен в войне между Капитолием и дистриктами — все новые сооружения теперь находятся под землей. Тогда уже здесь существовал огромный подземный объект, столетиями создаваемый как тайное убежище для лидеров правительства на время войны или как последнее прибежище для человечества на случай, если жизнь наверху станет невозможной. И что более важно для обитателей Тринадцатого — он был центром капитолийской программы развития ядерного оружия. В Темные Времена мятежники из Тринадцатого вырвались из-под силового контроля правительства, испытали на Капитолии свои ядерные ракеты и заключили сделку: они будут притворяться мертвыми в обмен на то, что их оставят в покое. У Капитолия был еще один арсенал ядерного оружия на западе, но по условиям сделки он мог использовать его против Тринадцатого только при нанесении ответного удара. Они были вынуждены принять условия Тринадцатого.

Капитолий уничтожил видимые остатки дистрикта и отрезал все связи с внешним миром. Может, лидеры Капитолия думали, что без посторонней помощи Тринадцатый вымрет сам. И несколько раз это почти случилось, но все же им удавалось выкарабкаться благодаря строгому распределению ресурсов, четкой дисциплине и постоянной бдительности против возможных атак Капитолия.

Теперь горожане живут практически только под землей. Им разрешено выходить наружу для занятий и принятия солнечных ванн, но лишь в строго отведенное время, указанного в твоём расписании. И необходимо четко соблюдать этот распорядок. Каждое утро ты должен сунуть свою правую руку в специальную штуковину на стене. Бледными фиолетовыми чернилами она наносит на предплечье отпечаток с твоим графиком на текущий день.

7:00 — Завтрак.

7:30 — Работа на кухне.

8:30 — Учебный Центр, кабинет номер 17.

И так далее. Чернила не смываются до 22:00 часов — Купания.

В это время то, что сохраняет их водостойкими, разрушается, и расписание полностью смывается. Сигналы выключения света в 22:30 говорят о том, что все, кроме тех, кто на ночной смене, должны быть в постелях.

Поначалу, пока я была в госпитале, я могла отказаться от отпечатка. Но как только я переехала с мамой и сестрой в отсек номер 307, от меня ждали, что я буду следовать программе. Но, кроме выхода для приемов пищи, я в большинстве случаев игнорировала предписания на своей руке. Просто возвращалась обратно в наш закуток, или бродила по Тринадцатому, или спала, спрятавшись где-нибудь. В заброшенном воздуховоде. За трубами в прачечной. В Учебном Центре есть каморка, и она просто замечательная, так как никто, кажется, не нуждается в школьных принадлежностях. Они очень экономные; излишняя трата воспринимается практически как преступление. К счастью, жители Двенадцатого никогда не были расточительными. Но как-то раз я увидела, как Фалвия Кардью скомкала листок бумаги, на котором были написаны только пару слов, и по взглядам, направленным на нее, можно было подумать, что она кого-то убила. Ее лицо покраснело, сделав инкрустированные серебристые цветы на полных щеках еще заметнее. Настоящий портрет расточительства.

Одно из немногих моих развлечений в Тринадцатом — наблюдать за горсткой разбалованных Капитолийских "мятежников", испытывая некоторое смятение, видя, как они пытаются приспособиться.

Я не знаю, как долго смогу увильнуть от пунктуальности и посещаемости, требуемой моими хозяевами, к коей я была абсолютна равнодушна. Сейчас они не трогают меня лишь потому, что меня классифицировали как умственно дезориентированную — это обозначено на моем пластиковом медицинском браслете — и все должны толерантно относиться к моему бродяжничеству. Но это не может продолжаться вечно. Как и их терпимость в отношении вопроса о Сойке-пересмешнице.

С посадочной площадки Гейл и я спускаемся по множеству лестниц, направляясь к отсеку 307. Мы вполне могли воспользоваться лифтом, но он слишком явно напоминает мне о том лифте, который поднимал меня на арену. Я с трудом приспосабливаюсь к столь длительному пребыванию под землей. Но после сюрреалистически неожиданной находки — розы — спуск впервые заставляет меня почувствовать себя в безопасности.

Я колеблюсь у двери с номером 307, предвкушая вопросы родных.

— Что я должна сказать им про Двенадцатый? — спрашиваю Гейла.

— Сомневаюсь, что они захотят узнать подробности. Они видели, как он горел. Больше всего их беспокоит, как ты справляешься, — Гейл касается моей щеки. — Как и меня.

На мгновение я прижимаю лицо к его руке.

— Жить буду.

Потом я делаю глубокий вдох и открываю дверь. Мама и сестра дома из-за пункта 18:00 — Размышления — получасового бездействия перед ужином. Они пытаются оценить мое эмоциональное состояние, и я вижу тревогу на их лицах. Перед тем, как кто-нибудь из них о чем-то спросит, я освобождаю свою сумку и это превращается в пункт 18:00 — Обожание кота. Прим садится прямо на пол, причитая и убаюкивая этого ужасного Лютика, перестающего мурлыкать лишь для того, чтобы изредка шипеть на меня. А особо самодовольным взглядом он одаривает меня, когда Прим повязывает ему вокруг шеи голубую ленточку.

Мама крепко прижимает к груди свадебную фотографию и ставит ее рядом с книгами о растениях на наш изданный в провинции комод. Я вешаю куртку отца на спинку стула. На мгновение это место выглядит почти как дом. И полагаю, именно поэтому путешествие в Двенадцатый не было совсем напрасным.

В 18:30 — Ужин, и мы направляемся вниз, в столовую, когда коммуникаф Гейла вдруг начинает сигналить. Выглядит этот приборчик как большие наручные часы, но он принимает печатные сообщения. Быть

награжденным коммуникафом — это особая привилегия важных для Благого дела людей. Гейл получил этот статус после спасения жителей Двенадцатого.

— Штабу нужны мы оба, — говорит он.

Отставая от Гейла на несколько шагов, я старалась совладать с собой прежде, чем меня вовлекут в то, что, без сомнения, обещает стать безжалостным совещанием о Сойке-пересмешнице. Останавливаюсь у двери Штаба — комнаты для собраний военсовета и обсуждений высокотехнологичных разработок, оборудованной компьютеризированными говорящими стенами, электронными картами, которые показывают передвижения войск в разных дистриктах, и гигантским прямоугольным столом с приборной панелью, которую мне нельзя было трогать. Но меня никто не замечает, потому что все сгрудилось в дальнем конце комнаты, у экрана телевизора, круглосуточно транслирующего Капитолийское телевидение.

Я начинаю подумывать над тем, что могу улизнуть, когда Плутарх, чья широкая спина загораживала телевизор, замечает меня и тут же машет, чтобы я присоединилась к ним. Я неохотно иду вперед, пытаюсь сообразить, что интересного там может быть для меня.

Постоянно одно и то же. Панорама войны. Пропаганда. Повторы бомбардировок Дистрикта-12. Угрожающие обращения президента Сноу. Поэтому увидеть Цезаря Фликкермана, бессменного хозяина Голодных Игр, с его разукрашенным лицом и костюмом с иголки, готовящегося к интервью, — почти развлечение. Пока камера не отъезжает назад, и я не вижу, что его гость — Пит.

Звук не доходит до меня. Меня охватывает такое же причиняющее боль сочетание удушья и хрипоты, которое возникает, когда тонешь — из-за нехватки кислорода. Я расталкиваю людей впереди себя, пока не оказываюсь прямо напротив него, и кладу руку на экран. Я ищу в его глазах малейший признак боли, любое отражение агонии, вызванной пыток. Ничего. Пит выглядит здоровым и сильным. Его кожа безупречна, она светится, как будто все тело отполировали. Его манеры сдержаны и серьезны. Я не могу связать эту картинку с избитым, истекающим кровью парнем, который преследует меня в снах.

Цезарь поудобнее усаживается в кресле напротив Пита и дарит ему продолжительный взгляд.

— Итак... Пит... добро пожаловать обратно.

Пит еле заметно улыбается. — Могу поспорить, вы думали, что уже взяли у меня последнее интервью, Цезарь. — Признаюсь, да, — говорит Цезарь. — В ночь перед Двадцатипятилетием Подавления кто мог подумать, что мы увидим тебя снова?

— Это точно не входило в мои планы, — отвечает Пит, нахмурившись.

Цезарь слегка наклоняется к нему.

— Полагаю, всем нам были понятны твои планы. Пожертвовать собой на арене, чтобы Китнисс Эвердин и ваш ребенок могли выжить.

— Так и было. Просто и понятно, — пальцы Пита чертят что-то на обивке подлокотника кресла. — Но у других людей тоже были планы.

Да, у других людей тоже были планы, подумала я.

Догадался ли Пит, что мятежники использовали нас, как пешек? Что мое спасение было организовано с самого начала? И, наконец, что наш ментор, Хеймитч Эбернети, предал нас обоих ради дела, которое — как он притворялся — совсем его не интересовало?

В последовавшей за этим тишине я обращаю внимание на черточки, что пролегли у Пита между бровей. Он догадался или ему рассказали. Но Капитолий не убил и даже не наказал его. И сейчас это превосходит мои самые смелые надежды. Я упиваюсь тем, что он цел, здоровым его тела и разума. Это проходит сквозь меня, как морфлинг, который мне давали в госпитале в последние недели, чтобы притупить боль.

— Почему бы тебе не рассказать нам о последней ночи на арене? — предлагает Цезарь. — Помоги нам разобраться во всем.

Пит кивает, но берет паузу перед тем, как начать говорить.

— Та последняя ночь... Рассказать вам о последней ночи... ну, сначала вам придется представить каково это — находиться на арене. Это все равно, что быть насекомым, находящимся в ловушке под дымящейся чашкой. А вокруг тебя джунгли... зеленые, живые и тикающие. Эти гигантские часы отсчитывают последние секунды твоей жизни. Каждый час предвещает новый ужас. Ты должен осознавать, что за последние два дня умерли

шестнадцать человек, некоторые из них — защищая тебя. Все происходит очень быстро, и последние восемь будут мертвы уже к утру. Выживет лишь один. Победитель. И твой план рассчитан на то, чтобы это был не ты.

От воспоминаний мое тело бросает в жар. Рука скользит вниз по экрану и вяло опускается. Питу не нужна кисть, чтобы рисовать картины с Игр. У него это получается и с помощью слов.

— Как только ты оказываешься на арене, остальной мир становится очень далеким, — продолжает он. — Все вещи и люди, которых ты любил и о которых заботился, практически прекращают существовать. Розовое небо, чудовища в джунглях и трибуны, жаждущие твоей крови — твоя последняя реальность, единственное, что действительно важно. Несмотря на то, как плохо ты себя чувствуешь, тебе придется убивать, потому что на арене у тебя лишь одно желание. И оно очень дорогого стоит.

— Оно стоит твоей жизни, — говорит Цезарь.

— О, нет. Оно стоит гораздо больше, чем жизнь. Убиение невинных? — говорит Пит. — Это стоит всего вашего естества.

— Всего вашего естества, — тихо повторяет Цезарь.

В комнате повисло молчание, и я чувствовала, как оно расплзается по Панему. Весь народ тянется к экранам. Потому что никто и никогда не рассказывал о том, каково это — находиться на арене.

Пит продолжает.

— И ты цепляешься за свое желание. И в ту последнюю ночь, да, моим желанием было спасти Китнисс. Но даже не зная о мятежниках, я не чувствовал спокойствия. Все было слишком сложно. Я начал понимать, что жалею о том, что не сбежал с ней раньше днем, как она предлагала. Но в тот момент уже не было возможности выбраться.

— Ты был слишком увлечен планом Бити наэлектризовать соленое озеро, — говорит Цезарь.

— Слишком занят игрой в союзников с другими. Я не должен был позволять им разделять нас! — Пит взрывается. — Тогда я и потерял ее.

— Когда ты остался у дерева, в которое ударяет молния, а она вместе с Джоанной Мейсон потащили катушку с проводом к воде, — поясняет Цезарь.

— Я не хотел этого! — Пит краснеет от волнения. — Но я не мог спорить с Бити, не показав, что мы собираемся разбить союз. Когда тот провод обрезали, все стало просто сумасшедшим. Помню лишь отрывки. Как пытался найти ее. Как видел Брута, убивающего Чэфа. Как я сам убивал Брута. Я знаю, что она звала меня. Потом молния ударила в дерево и силовое поле... взорвалось.

— Китнисс взорвала его, Пит, — говорит Цезарь. — Ты же видел запись.

— Она не ведала, что творит. Никто из нас не понимал плана Бити. Вы же видели, как она пыталась сообразить, что же делать с тем проводом, — огрызается Пит.

— Ладно. Просто это выглядит подозрительно, — говорит Цезарь. — Как будто она с самого начала была посвящена в план мятежников.

Пит поднимается на ноги, наклоняется к лицу Цезаря, сжимая руки на подлокотниках кресла своего интервьюера. — Правда? И в ее планы входила Джоанна, чуть не прикончившая ее? Электрошок, который ее парализовал? Ради взрыва? — он уже кричит. — Она не знала, Цезарь! Никто из нас не знал ничего, кроме того, что мы пытались помочь друг другу выжить!

Цезарь кладет руку на грудь Питу в одновременно и примирительном, и защитном жесте.

— Ладно, Пит, я тебе верю.

— Вот и хорошо, — Пит отстраняется от Цезаря, убирает руки и проводит ими по волосам, спутывая аккуратные стильные белые локоны. Сильно расстроенный, он падает в свое кресло.

Цезарь ждет минуту, разглядывая Пита.

— А как насчет твоего ментора, Хеймитча Эбернети?

Лицо Пита становится суровым.

— Я не знаю, что было известно Хеймитчу.

— Мог он быть частью заговора? — спрашивает Цезарь.

— Он никогда не упоминал об этом, — говорит Пит.

Цезарь продолжает настаивать.

— А что подсказывает тебе твое сердце?

— Что мне не стоило доверять ему, — говорит Пит. — Это все.

Я не видела Хеймитча с того времени, как напала на него на планолете и оставила на его лице длинные

порезы. Я знаю, что здесь ему было плохо. Дистрикт-13 строго запрещает производство или потребление опьяняющих напитков, и даже алкоголь для натирания держится в больнице под замком. В конце концов, Хеймитча принудили к трезвости, безо всяких тайников или домашнего варева для облегчения его переходного периода. Они оставили его в изолированном месте, пока он не протрезвел, так как не хотели выставлять его напоказ. Это, должно быть, было мучительно, но я перестала симпатизировать Хеймитчу когда поняла, что он обманул нас. Надеюсь, он смотрит Капитолийское телевидение сейчас и видит, что Пит тоже его осуждает.

Цезарь хлопает Пита по плечу.

— Мы можем прекратить, если хочешь.

— А нам еще есть, что обсудить? — с оттенком иронии спрашивает Пит.

— Я планировал спросить тебя, что ты думаешь о войне, но если ты слишком расстроен... — начинает Цезарь.

— О, я не настолько расстроен, чтобы не ответить на это, — Пит делает глубокий вдох и смотрит прямо в камеру. — Я хочу, чтобы все, кто смотрит — неважно, на стороне Капитолия вы или мятежников — остановились всего на миг и подумали, что значит эта война. Для человечества. сражаясь друг с другом раньше мы были близки к вымиранию. Теперь количество нас стало еще меньшим. А наше положение — еще более бедным. Это именно то, чего мы хотим? Поубивать друг друга? В надежде на что? Что какой-то благородный род унаследует дымящиеся останки?

— Я не очень... Не уверен, что понимаю, о чем ты... — говорит Цезарь.

— Мы не можем воевать друг с другом, Цезарь, — объясняет Пит. — Нас останется не так много, чтобы продолжать военные действия. Если все не сложат оружие — и я говорю, что это нужно сделать как можно скорее — все это, в любом случае, закончится.

— То есть... ты взываешь к разоружению? — спрашивает Цезарь.

— Да. Я взываю к разоружению, — устало говорит Пит. — А теперь почему бы нам не попросить охрану отвести меня обратно в апартаменты, чтобы я мог построить очередную сотню карточных домиков?

Цезарь поворачивается к камере.

— Что ж. Думаю, на этом закончим. Возвращаемся к обычной программе.

Передача заканчивается музыкой, а потом появляется женщина, которая зачитывает список ожидаемого в Капитолии дефицита: свежие фрукты, солнечные батареи, мыло. Я смотрю на нее с непривычной заинтересованностью, потому что знаю, что все будут ожидать моей реакции на интервью. Но я в любом случае не смогу так быстро все обдумать — радость от того, что увидела Пита живым и невредимым, его защиту моей невиновности в сотрудничестве с мятежниками и его несомненную причастность к Капитолию, проявившееся в призыве прекратить огонь. О, это прозвучало, словно он осуждал обе стороны, ведущие эту войну! Но на данном этапе незначительных побед мятежников прекращение огня может привести лишь к возвращению к предыдущему статусу. Или даже хуже.

Позади себя я слышу обвинения в адрес Пита. Слова "предатель", "обманщик" и "враг" отскакивают от стен. Так как я не могу ни присоединиться к оскорблениям мятежников, ни возразить им, лучшее, что я могу сделать — убраться отсюда. И только я добираюсь до двери, голос Койн перекрикивает остальных.

— Тебя никто не отпускал, солдат Эвердин.

Один из людей Койн берет меня за руку. Правда, это не агрессивное движение, но после арены я чувствую себя беззащитной при каждом незнакомом прикосновении. Я вырываю руку и бегу по коридору. Шагов погони не слышно, но я не останавливаюсь. Мой разум быстро составляет список моих тайных укрытий, и я сматываюсь в каморку с продовольствием, свернувшись клубком вокруг коробки с мелом.

— Ты жив, — шепчу я, прижимая ладони к щекам и ощущая столь широкую улыбку, что она, должно быть, выглядит как гримаса.

Пит жив. И он предатель. Но сейчас мне наплевать. На то, что он говорит или на тех, для кого он это говорит; важно только то, что он по-прежнему может говорить.

Спустя некоторое время дверь открывается и кто-то проскальзывает внутрь. Гейл медленно опускается рядом со мной, и из его носа капает кровь.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Я оказался на пути Боггса, — отвечает он, пожав плечами.

Я вытираю его нос своим рукавом. — Будь осторожнее! — я стараюсь быть нежной. Промокаю, а не вытираю. — Это который из них?

— О, да ты знаешь, он правая рука Койн. Тот, который пытался остановить тебя, — он отстраняет мою руку. — Перестань! Из-за тебя я истеку кровью до смерти.

Тонкая струйка превращается в ручей. Я прекращаю попытки оказать первую помощь.

— Ты дрался с Боггсом?

— Нет, просто загородил ему проход к двери, когда он попытался преследовать тебя. Его локоть попал мне в нос, — говорит Гейл.

— Они наверняка накажут тебя, — говорю я.

— Уже наказали, — он поднимает вверх запястье.

Я непонимающе смотрю на него.

— Койн забрала мой комуникаф.

Я закусываю губу, стараясь оставаться серьезной. Но это кажется такой глупостью.

— Простите, солдат Гейл Хоторн.

— Не стоит, солдат Китнисс Эвердин, — он ухмыляется. — Я все равно чувствовал себя придурком, пока разгуливал с ним.

Мы оба начинаем смеяться.

— Думаю, это было понижение в должности.

Это одна из немногих хороших вещей в Тринадцатом. Возвращение Гейла. Как только давление Капитолия по поводу нашей с Питом свадьбы сошло на нет, мы с Гейлом смогли вернуть нашу дружбу. И он не пытается подтолкнуть ее к чему-то большему — поцеловать меня или заговорить о любви. То ли потому, что я была слишком больна, то ли потому, что дает мне немного пространства, то ли потому, что знает, что это было бы жестоко, учитывая, что Пит находится в руках у Капитолия. Какой бы не была причина, у меня снова есть кто-то, с кем можно делиться секретами.

— Кто эти люди? — спрашиваю.

— Они — это мы. Будь у нас вместо угля ядерное оружие, — отвечает он.

— Мне не нравится мысль о том, что в Темные времена Двенадцатый мог отказать мятежникам в поддержке.

— Мог. Случись так, нам пришлось бы либо сдаться, либо начать ядерную войну, — говорит Гейл. — В этом смысле тот факт, что они выжили, вообще невероятен.

Может, потому, что на моей обуви все еще остался пепел нашего дистрикта, но впервые я почувствовала к жителям Тринадцатого то, в чем они отказали мне: уважение. За то, что остались в живых вопреки всему. Первые годы, должно быть, были ужасны: после того, как город разбомбили в пух и прах, они ютились в комнатках под землей. Население ушло, не имея возможности обратиться за помощью. На протяжении последних семидесяти пяти лет они учились быть самостоятельными, создавали из своих жителей армию и строили новое общество без посторонней помощи. Они могли бы стать еще могущественнее, если бы эпидемия сифилиса не нанесла урон рождаемости и не сделала их столь отчаянно нуждающимися в обновлении генофонда и селекции. Да, они милитаристы, чрезмерно следующие заданной программе и отчасти лишены чувства юмора, но они здесь. И собираются помериться силами с Капитолием.

— И тем не мене, понадобилось слишком много времени, чтобы они смогли заявить о себе, — говорю я.

— Это было непросто. Они должны были создать базу повстанцев в Капитолии, и что-то похожее на подпольные организации во всех дистриктах, — говорит он. — Потом им нужно было привести все в действие. И им была нужна ты.

— Им также был нужен Пит, но они, похоже, забыли об этом, — говорю я.

Лицо Гейла помрачнело.

— Сегодня Пит мог все испортить. Большинство мятежников, конечно, тотчас забудут его слова. Но есть дистрикты, в которых сопротивление более шаткое. Разоружение — явно идея президента Сноу. Но из уст Пита она звучит разумно.

Я боюсь ответа Гейла, но все же спрашиваю.

— Почему, по-твоему, он это сделал?

— Его могли пытаться. Или убедить. Мне кажется, он заключил своего рода сделку, чтобы защитить тебя. Он пустил идею о разоружении взамен на то, что Сноу разрешил ему показать тебя как поставленную в тупик беременную девочку, которая понятия не имела, что происходит, и которую мятежники взяли в плен. На случай, если дистрикты потерпят поражение, у тебя будет шанс получить помилование. Если ты правильно это обыграешь, — я, должно быть, все еще выгляжу непонимающей, потому что следующую фразу Гейл

произносит очень медленно. — Китнисс... Он по-прежнему пытается оставить тебя в живых.

Оставить меня в живых? И вот тогда я понимаю. Игры все еще продолжаются. Мы ушли с арены, но так как нас с Питом не убили, его последнее желание сохранить мне жизнь остается в силе. Его план заключается в том, чтобы я притаилась, оставаясь в безопасности в своей тюрьме, пока идет война. И тогда ни одной из сторон не понадобится убивать меня. А Пит? Если победят мятежники, это будет значить его гибель. Если победа будет за Капитолием, кто знает? Может, они позволят жить нам обоим — если я правильно это обыграю, — чтобы посмотреть, как продолжаются Игры.

В моей голове проносятся картинки: копьё, пронизывающее тело Руты на арене; бесчувственный Гейл, свисающий со столба для побоев; заваленный трупами пустырь моего дома.

И ради чего?

Ради чего?

Моя кровь закипает, и вспоминаю остальное: увиденное мельком восстание Дистрикта-8. Победители, сомкнувшие руки в ночь перед Двадцатипятилетием Подавления. И моя неслучайная стрела, выпущенная в силовое поле на арене. Как же сильно я хотела, чтобы это поселилось глубоко в сердце у моего врага!

Я поднимаюсь, опрокидывая коробку с сотней карандашей и распинываю их по полу.

— Что такое? — спрашивает Гейл.

— О разоружении не может быть и речи, — я наклоняюсь, неуклюже собирая палочки с темно-серым графитом обратно в коробку. — Мы не можем отступить.

— Я знаю, — Гейл подбирает горсть карандашей и выравнивает их, постучав ими по полу.

— Какой бы не была причина, заставившая Пита сказать такое, он ошибается, — глупые палочки не хотят возвращаться в коробку, и от расстройства я ломаю некоторые из них.

— Знаю. Дай сюда. Ты ломаешь их на части, — он забирает у меня коробку и снова наполняет ее быстрыми отточенными движениями.

— Он не знает, что они сделали с Двенадцатым. Если бы он мог видеть, что от него осталось... — начинаю я.

— Китнисс, я не спорю. Если бы я мог нажать на кнопку и тем самым убить всех, кто работает на Капитолий, я бы сделал это. Без колебаний, — он опускает последний карандаш в коробку и защелкивает крышку. — Вопрос состоит в том, что собираешься делать ты?

Выходит, что вопрос, снедающий меня изнутри, всегда имел лишь один возможный ответ. Но понадобилась уловка Пита, чтобы я поняла это.

Что собираюсь делать я?

Я делаю глубокий вдох. Мои руки легко поднимаются — как бы воскрешая черно-белые крылья, которые мне дал Цинна — а потом опускаю их.

— Я собираюсь стать Сойкой-пересмешницей.

Глава третья

В глазах Лютика, вернувшегося к своей работе ночного защитника Прим и лежащего в ее объятиях, отражается свет ночника, висящего над дверью. Прим крепко прижалась к матери. Спящие, они выглядят точь-в-точь как в утро той Жатвы, которая привела меня на мои первые голодные игры. У меня отдельная кровать, потому что мне нужно восстанавливать силы и потому что со мной никто не может спать — из-за ночных кошмаров и ерзаний.

Проворочавшись в кровати несколько часов, я, в конце концов, смиряюсь тем, что и эта ночь будет бессонной. Под зорким взглядом Лютика, по холодному полу, я на цыпочках крадусь к комоду.

В среднем ящике комода лежит моя казенная одежда. Все носят одинаковые серые брюки и заправленные в

них рубашки. Под одеждой я храню несколько вещей, которые были со мной, когда меня забирали с арены. Моя брошь, в виде сойки-пересмешницы, память о Пите, золотой медальон с фотографиями моей мамы, Прим и Гейла внутри. Серебряный парашют, в котором лежит втулка для добывания сока из деревьев, и жемчужина, которую Пит подарил мне за несколько часов до того, как я отключила силовое поле. Дистрикт-13 конфисковал мой тюбик с мазью для кожи, чтобы использовать ее в больнице, а также мой лук и стрелы, так как оружие разрешено носить только охранникам. Мои лук и стрелы под надежной защитой хранятся на складе.

Я нащупываю в комодке лишь парашют и шарю пальцами внутри до тех пор, пока не дотрагиваюсь до жемчужины. Я сажусь на кровать, скрестив ноги по-турецки, и дотрагиваюсь гладкой поверхностью переливающейся жемчужины о свои губы. Не знаю почему, но меня это успокаивает. Словно сам Пит целует меня прохладными губами.

— Китнисс? — шепчет Прим. Она проснулась и смотрит на меня сквозь темноту. — Что с тобой?

— Ничего. Просто приснился плохой сон. Спи. — Автоматически говорю я. Чтобы защитить ее и маму, я ничего им не рассказываю.

Стараясь не разбудить маму, Прим выбирается из кровати с Лютиком на руках и садится рядом со мной. Она дотрагивается до моей руки, сжимающей жемчужину.

— Ты замерзла, — взяв еще одно одеяло с подножия кровати, она заворачивает нас троих в него, окружая меня своим теплом и теплом Лютика. — Ты можешь мне все рассказать, ты же знаешь. Я умею хранить секреты. Даже от мамы.

Она действительно исчезает. Та маленькая девчушка, с выбивающимся из пояса юбки, словно утиный хвостик, кусочком блузки, та, которой нужно было помогать доставать тарелки из буфета, и которая отпрашивалась, чтобы сбежать посмотреть в окно булочной на глазированные пироги. Время и горе заставили ее повзрослеть слишком быстро, по крайней мере, на мой взгляд, превращая ее в юную женщину, которая зашивает кровоточащие раны и знает, что наша мать принимает все слишком близко к сердцу.

— Завтра утром я соглашусь быть Сойкой, — говорю я ей.

— Потому что ты этого хочешь или потому что чувствуешь, что вынуждена? — спрашивает она.

Я недолго смеюсь.

— Полагаю, и то, и другое. Нет. Я этого хочу. Я должна, если это поможет мятежникам одержать победу над Сноу, — Я крепче сжимаю в кулаке жемчужину. — Просто... Пит. Я боюсь, что если мы победим, мятежники казнят его как предателя.

Прим задумывается над моими словами.

— Китнисс, я думаю, ты не понимаешь, насколько важна для благого дела. Важные люди, которые имеют значение для всех — обычно получают то, что хотят. Если ты хочешь защитить Питу от мятежников, то ты сможешь.

Думаю, я действительно важна, раз они не боялись рискнуть ради меня, пройдя через множество проблем. Они возили меня в Дистрикт-12.

— Ты хочешь сказать... я смогу настоять на том, чтобы они предоставили Питу защиту? И им придется с этим согласиться?

— Я думаю, ты можешь настоять на чем угодно, и им придется согласиться, — Прим хмурит лоб. — Только как ты узнаешь, сдержат они свое слово или нет?

Я помню всю ложь Хеймитча, которую он говорил нам с Питом, чтобы мы делали то, что он хотел. Что остановит мятежников от того, чтобы сорвать нашу сделку? Устная клятва за закрытыми дверями, даже заявление на бумаге — все это может легко потерять свою цену после войны. Ее существование или законность опровергнут. Любые свидетели в Штабе станут бесполезными. А может повернуться так, что они станут одними из тех, кто, возможно, подпишет Питу смертный приговор. Мне понадобится намного больше одного свидетеля. Мне понадобятся все, кто есть.

— Это должно произойти публично, — говорю я. Лютик взмахивает хвостом, что я принимаю за согласие. — Я заставлю Койн объявить об этом перед всеми жителями Тринадцатого.

Прим улыбается.

— О, хорошо. Это, конечно, не гарантия, но так им будет гораздо труднее отказаться от своих слов.

Я чувствую некоторое облегчение, которое наступает после того, как я принимаю окончательное решение.

— Мне бы стоило будить тебя гораздо чаще, утенок.

— Мне бы тоже этого хотелось, — говорит Прим. Она целует меня.
— Попробуй сейчас поспать, хорошо? — И я тут же засыпаю.

Утром я вижу, что сразу после завтрака в 7:00, следует собрание Штаба в 7:30, что меня полностью устраивает, поскольку я уже готова предъявить им свои требования. В столовой я провожу перед сенсором рукой с расписанием, на котором что-то вроде индивидуального номера. Пока я двигаю свой поднос вдоль металлической полки перед котлами с пищей, вижу перед собой самый обычный завтрак- миска с теплой кашей, чашка молока и небольшое количество фруктов или овощей. Сегодня пюре из репы. Все это доставляют с подземных ферм Тринадцатого Дистрикта. Я сижу за столом, выделенным для семей Эвердин и Хоторн, а также и некоторых других беженцев, и уплетаю еду, мечтая о добавке, которой здесь никогда не бывает. Они подходят к питанию с научной точки зрения. Ты получаешь ровно столько калорий, сколько необходимо, чтобы дотянуть до следующего приема пищи, ни больше, ни меньше. Размер порции зависит от возраста, роста, телосложения, здоровья и объема физических нагрузок, необходимых для выполнения составленного для тебя расписания. Людей из Двенадцатого кормят чуть получше, чем жителей Тринадцатого, чтобы немного увеличить наш вес. Полагаю, это делается из-за того, что костлявые солдаты устают слишком быстро. Хотя это и помогает. Всего месяц, а мы уже выглядим здоровее, особенно дети.

Гейл ставит свой поднос рядом со мной, и я стараюсь не смотреть на его пюре слишком жалобно, потому что мне очень хочется еще, и он тут же с готовностью пододвигает свою пищу ко мне. Несмотря на то, что я переключаю свое внимание на аккуратно сложенную салфетку, полная ложка репы шмякается в мою миску.

— Ты должен перестать так делать, — говорю я. Но, учитывая, что я уже зачерпнула ложкой пюре, звучит неубедительно. — Правда. Может, это запрещено. — У них очень строгие правила насчет еды. К примеру, если ты что-то не доешь и захочешь оставить на потом, ты не сможешь вынести еду столовой. Очевидно, в первые дни произошло несколько инцидентов с утаиванием еды. Некоторых людей, таких, как Гейл и я, которые годами снабжали продовольствием свои семьи, это не устраивает. Мы знаем, что значит быть голодными, но нам не сказали, как нам наесться тем количеством еды, которое нам дают. В каких-то вопросах Дикстрикт-13 контролирует своих обитателей даже больше, чем Капитолий.

— Что они могут сделать? Они уже забрали мой коммуникатор, — говорит Гейл.

Пока я выскребаю ложкой содержимое своей миски, меня озаряет.

— Эй, может мне стоит поставить им условие, если они хотят, чтобы я была Сойкой?

— Что я могу кормить тебя репой? — спрашивает он.

— Нет, что мы можем охотиться. — Его поглощает эта мысль. — Нам бы пришлось отдавать все на кухню. Но мы, хотя бы могли... — Мне не нужно заканчивать, потому что он и так знает. Мы могли бы выбраться наружу. В лес. Мы вновь могли бы стать самими собой.

— Попробуй, — говорит он. — Сейчас самое время. Ты можешь попросить у них хоть луну с неба и им придется найти способ достать ее.

Он не знает, что я уже прошу у них луну с неба, требуя сохранить Питу жизнь.

Прежде чем я решаю, рассказать ему или нет, колокольчик сигнализирует об окончании времени завтрака. При мысли о встрече с Койн наедине я нервничаю.

— Что у тебя в расписании?

Гейл осматривает свою руку.

— Уроки по ядерной истории. Где, кстати, твое отсутствие уже отметили.

— Мне нужно идти в штаб. Пошли со мной? — спрашиваю я.

— Ладно. Но они могут выгнать меня после вчерашнего.

Когда мы идем относить свои подносы, он говорит: — Знаешь, лучше внести Лютика в список твоих требований. Не думаю, что здесь с пониманием относятся к бесполезным домашним животным.

— О, они найдут ему работу. Каждое утро будут наносить расписание на его лапу, — говорю я. Но мысленно отмечаю, что надо бы занести его в список ради Прим.

К тому времени, как мы доходим до Штаба, Койн, Плутарх и все их люди уже собрались. Кое-кто выразительно понимает брови при виде Гейла, но никто не осмеливается его прогнать. Список требований в моей голове становится слишком запутанным, поэтому я тут же прошу лист бумаги и карандаш. Мой явный

интерес к работе — первый проявленный мной за все время нахождения здесь — становится для них сюрпризом. Несколько человек переглядываются. Может быть, они запланировали для меня парочку особо-специальных лекций. Но вместо этого Койн лично подает мне то, что я прошу, и все в тишине ждут, пока я сижу за столом и царапаю что-то на листе бумаги.

Лютик. Охота. Безопасность Пита. Публичное заявление.

Вот и все. Возможно, это мой единственный шанс поторговаться. Думай. Чего ты еще хочешь? Я чувствую его, стоящего за моим плечом. Гейл, добавляю я в список. Я не думаю, что смогу сделать это без него.

Голова начинает болеть и мысли путаются. Я закрываю глаза и повторяю про себя.

Меня зовут Китнисс Эвердин. Мне семнадцать. Я живу в Дикстрикте-12. И я участвовала в Голодных играх. Я сбежала. Капитолий ненавидит меня. Пит в плену. Он жив. Он предатель, но жив. Я должна защитить его жизнь.

Список. Тем не менее, он все еще кажется слишком маленьким. Я должна думать шире; заглядывая гораздо дальше своего нынешнего состояния, когда я представляю огромную важность, в будущем, в котором я могу уже ничего не стоить. Мне нужно попросить еще что-нибудь? Для своей семьи? Для остальных своих людей? Моя кожа зудит из-за осевшего на ней пепла мертвецов. Меня мутит от ощущения тяжести в ноге из-за придавившего ее черепа. Запах крови и роз раздражает мой нос.

Карандаш двигается по странице сам по себе. Я открываю глаза и вижу пляшущие буквы. Я УБЬЮ СНОУ. Если его захватят в плен, я хочу иметь привилегию добраться до него первой.

Плутарх осторожно кашляет.

— Пишешь то, что нужно сделать? — я поднимаю голову и бросаю взгляд на часы. Я сижу здесь уже двадцать минут. Не только у Финика проблемы с вниманием.

— Да, — говорю я. Мой голос звучит хрипло, поэтому я откашливаюсь. — Да, это соглашение. Я буду вашей Сойкой.

Я выжидаю, чтобы они могли вздохнуть с облегчением, поздравить и похлопать друг друга по спине. Койн, как всегда невозмутима, и почти разочарованно смотрит на меня.

— Но у меня есть несколько условий, — я разглаживаю список и начинаю. — Моей семье разрешается иметь кота.

Моя крошечная просьба вызывает спор. Мятежники из Капитолия не видят в этом ничего особенного — конечно же, я могу держать домашнее животное, — в то время как для представителей Дикстрикт-13 наличие у меня кота сопровождается большими трудностями.

В конце концов, именно это служит причиной того, что меня переселят на верхний уровень, в котором есть роскошное надземное восьмидюймовое окно. Лютик сможет гулять и спокойно делать свои дела. Предполагается, что он сам будет добывать себе еду. Если он не вернется до комендантского часа — останется на улице. Если из-за него возникнут хоть какие-нибудь проблемы с безопасностью — его незамедлительно расстреляют.

Звучит нормально. Не так уж сильно отличается от той жизни, которую он вел после того, как мы ушли. Кроме момента о его вероятном расстреле. Если он станет слишком тощим, я смогу стащить с кухни немного ребрихи, при условии, что мое следующее условие из списка выполнят.

— Я хочу охотиться. С Гейлом. В лесу, — говорю я, и все замолкают.

— Мы не будем далеко уходить. Пользоваться будем своими собственными луками. А на вашей кухне появится мясо, — добавляет Гейл.

Я спешу вставить слово, прежде чем они могут отказать:

— Просто... Я не могу дышать, сидя здесь взаперти как ... Мне гораздо быстрее стало бы лучше, если ... я смогла бы охотиться.

Плутарх начинает объяснять минусы — опасности, дополнительная безопасность, риск получения травмы — но Койн прерывает его.

— Нет. Разреши им. Дай им два часа в день и вычти их из учебного времени. Нахождение в пределах радиуса в четверть мили. С коммуникаторами и отслеживающими браслетами. Что дальше?

Я просматриваю свой список.

— Гейл. Он будет нужен мне для всего этого.

— С тобой в качестве кого? При выключенной камере? Рядом с тобой все время? Ты хочешь представить его в качестве нового любовника? — спрашивает Койн.

Она произнесла это без какого-либо злого умысла, наоборот, — ее слова очень равнодушны. Но мой рот все равно открывается от шока: — Что?!

— Я считаю, мы должны продолжать придерживаться прежней легенды с романом. Быстрый переход от Пита может привести к тому, что ты разонравишься людям, — отвечает Плутарх. — Особенно если учесть, что они думают будто ты беременна от него.

— Согласна. Итак, при камере Гейл может изображать одного из повстанцев. Подходит? — Говорит Койн, а я просто смотрю на нее. Она нетерпеливо повторяет. — Ради Гейла. Этого будет достаточно?

— Мы всегда можем представлять его в качестве твоего кузена, — поясняет Фалвия.

— Мы не родственники, — произноси мы с Гейлом одновременно.

— Да, но, возможно, для камеры нам нужно придерживаться такой версии, — говорит Плутарх. — Вне камеры, — может быть кем угодно. Еще что-нибудь?

Я потрясена таким поворотом разговора. Намек на то, что я запросто могла бы избавиться от Пита, что я влюблена в Гейла, что все это было лишь игрой. Мои щеки начинают гореть.

Даже упоминание, что я думаю о том, кого хочу представить в качестве моего любовника, придает ситуации очень унижительный оттенок. Я поддаюсь своей злости и выдвигаю самое важное условие:

— Когда война закончится, если мы победим, я хочу, чтобы Пита пощадили.

Мертвая тишина. Я чувствую, как тело Гейла напряглось. Думаю, мне стоило бы сказать ему об этом раньше, но я не знала, как он отреагирует. Не тогда, когда дело касается Пита.

— Ему не должны причинить никакого вреда, — продолжаю я. Новая мысль приходит в мою голову. — То же самое касается и других трибутов, Джоанны и Энобарии. — Откровенно говоря, мне совершенно все равно, что будет с Энобарией, жестоким трибутом из Дистрикта-2. Она вообще мне даже не нравится, но кажется неправильным вот так бросать ее одну.

— Нет, — твердо произносит Койн.

— Да, — отвечаю я на её выпад. — Не их вина, что вы бросили их на арене. Кто знает, что Капитолий делает с ними?

— Их будут судить вместе с другими военными преступниками, и обойдутся так, как решит суд, — говорит она.

— Им предоставят безопасность! — Я вскакиваю со стула, и говорю громким, звенящим голосом. — Вы лично пообещаете это перед всеми жителями Тринадцатого Дистрикта и оставшимися из Двенадцатого. В ближайшее время. Сегодня. Это запишут для будущих поколений. Вы лично и все ваше правительство отвечаете за их безопасность, или же вам придется искать себе другую Сойку!

Мои слова повисают в воздухе на долгое время.

— Это она! — Я слышу, как Флавия шепчет Плутарху. — Точно. В костюме, на заднем фоне выстрелы, и в окружении легкого дыма.

— Да, это то, что нам нужно, — шепотом говорит Плутарх.

Я хочу одарить их свирепым взглядом, но чувствую, что мне нельзя сейчас отворачиваться от Койн. Я вижу, как она взвешивает мой условия и возможную выгоду, которую может от меня получить.

— Что скажете, Президент? — спрашивает Плутарх. — Вы могли бы подписать официальное помилование, учитывая обстоятельства. И этот мальчик... он даже несовершеннолетний.

— Верно, — наконец говорит Койн. — Но тебе бы лучше выполнить свою роль.

— Я её выполню, когда вы сделаете заявление, — говорю я.

— Объяви национальное собрание в целях безопасности во время сегодняшнего Совета, — приказывает она. — Я сделаю объявление. В твоём списке еще что-нибудь осталось, Китнисс?

Я сжала листок в своей правой руке. Но я разглаживаю его на столе и зачитываю неровные буквы.

— Еще одна вещь. Я убью Сноу.

Впервые за все время я вижу подобие улыбки на губах президента.

— Когда придет время, я тебе в этом помогу.

Может быть она и права. У меня нет ни единой причины, чтобы убивать Сноу. И думаю, я и в самом деле могу рассчитывать, что в этом она мне поможет.

— Довольно справедливо.

Койн перевела взгляд на свою руку, на часы. Похоже, она, как и остальные, придерживалась расписания.

— Оставляю ее в твоих руках, Плутарх. — Она вместе со своей группой выходит из комнаты, оставляя меня с Плутархом, Фалвией и Гейлом.

— Прекрасно, — Плутарх падает в кресло, ставя локти на стол и потирая глаза. — Ты знаешь, по чему я скучаю? Больше всего? По кофе. Позволь спросить, неужели я так многого прошу, если у нас появится по хоть что-нибудь, чтобы запивать кашу и репу?

— Мы не думали, что здесь она будет такая жесткая, — объясняет нам Фалвия, массируя Плутарху плечи. — Низкого качества.

— По крайней мере, нам бы не помешала небольшая помощь со стороны, — говорит Плутарх. — Я хочу сказать, даже в Двенадцатом был черный рынок, верно?

— Да, Котел, — говорит Гейл. — Там мы торговали.

— Вот видите? А посмотрите, какие вы правильные! Да практически неподкупные! — Вздыхает Плутарх. — Ну, войны не длятся вечно. Поэтому рад вас видеть в команде, — он тянется рукой в сторону, где Фалвия уже протягивает ему большой альбом в черном кожаном переплете. — В целом, Китнисс, ты знаешь о чем мы просим тебя. Боюсь, ты испытываешь смешанные чувства по поводу своего участия. Надеюсь, это поможет.

Плутарх пододвигает альбом ко мне. Минуту я смотрю на него с подозрением. Затем любопытство берет над мной верх. Я перелистываю обложку и вижу себя, стоящую прямо и уверенно, в черной униформе. Только один человек мог создать одежду, на первый взгляд практичную, а на второй — представляющую собой произведение искусства. Устремленный вниз шлем, изогнутый нагрудник, слегка широкие рукава, позволяющие увидеть белые складки под руками? Только в его руках я вновь Сойка.

— Цинна, — шепчу я.

— Да. Он взял с меня обещание не показывать тебе эту книгу, пока ты самостоятельно не решишь, быть Сойкой или нет. Поверь, соблазн был велик — говорит Плутарх. — Листай дальше.

Я медленно переворачиваю листы, рассматривая каждую деталь униформы. Аккуратно сшитые слои натальной брони, спрятанное оружие в обуви и за поясом, специальное уплотнение в области сердца. На последней странице под наброском моей броши, Цинна написал: «Я по-прежнему ставлю на тебя».

— Когда он... — мой голос подводит меня.

— Давай посмотрим. Ну, после объявления о Двадцатипятилетию Подавления. За несколько недель до Игр, может быть? И есть не только эскизы. У нас твоя униформа. О, и у Бити на оружейном складе есть для тебя действительно кое-что особенное. Даже не буду на это намекать, — говорит Плутарх.

— Ты станешь самым элегантно одетым повстанцем в истории, — говорит Гейл с улыбкой. Внезапно я понимаю, что он держался ради меня. Как и Цинна, он хотел, чтобы я приняла это решение с самого начала.

— В наши планы входит напасть во время эфира, — говорит Плутарх. — Показать сериал из того, что мы называем «пропо» — это аббревиатура от «пропагандистские ролики», — с твоим участием, всему населению Панема.

— Но как? Только Капитолий может контролировать трансляции, — говорит Гейл.

— Но у нас есть Бити. Около десяти лет назад он существенно перестроил подземную сеть, по которой транслируются все программы. Он считает, что существует вполне разумный шанс это сделать. Конечно, нам нужен какой-то материал для передачи в эфир. Китнисс, тебя уже ждут в студии. — Плутарх поворачивается к своей ассистентке. — Фалвия?

— Мы с Плутархом обсуждали, как преподнести тебя в самом выгодном свете. Думаем, лучше всего, если ты станешь нашим лидером повстанцев не только внешне, но и внутренне. Другими словами, давай подберем тебе самый потрясающий образ Сойки, а затем поработаем над твоей личностью, чтобы ты стала достойной его! — Радостно произносит она.

— У вас уже есть ее униформа, — говорит Гейл.

— Да, но разве она пугающая и кровавая? Разве она несет в себе дух мятежа? Как мы можем испортить ее образ без отвратительных людей? В любом случае, она должна что-то из себя представлять. Я имею в виду, очевидно это... — Фалвия быстро подошла ко мне, обхватив руками мое лицо — с такой задачей не справится. Я рефлекторно отклоняю голову назад, но она уже занята тем, что собирает свои вещи. — Поэтому у нас есть для тебя еще один маленький сюрприз. Пошли.

Фалвия подает нам знак рукой и мы с Гейлом следуем за ней и Плутархом в зал.

— Из лучших побуждений, но оскорбительно, — шепчет Гейл мне на ухо.

— Добро пожаловать в Капитолий, — сгримасничала я в ответ. Но слова Фалвии не произвели на меня никакого эффекта. Я крепко сжимаю руками альбом и позволяю себе надеяться. Должно быть я принимаю правильно решение, раз уж Цинне так этого хотелось.

Мы заходим в лифт и Плутарх проверяет свои записи.

— Давайте посмотрим. Отделение Три-Девять-Ноль-Восемь? — он нажимает кнопку, на которой написано 39, но ничего не происходит.

— Вам следует включить его ключом, — говорит Фалвия.

Плутарх достает ключ на тоненькой цепочке из-под своей рубашки и вставляет его в отверстие, которого я раньше не замечала. Двери закрываются. — Ага, значит, вот так.

Лифт опускается на десять, двадцать, тридцать с лишним уровней, еще ниже того уровня где, как я знала, находится Дистрикт-13. Двери открывают взору широкий белый коридор с красными дверями, которые выглядят почти декоративными по сравнению с серыми на верхних этажах. На каждой двери ярко выделяется номер. 3901, 3902, 3903...

Пока мы выходим, я оглядываюсь назад, чтобы посмотреть, как лифт закрывается, и вижу металлические решетки, закрывающие двери лифта. Когда я поворачиваюсь обратно, то вижу, как из одной из комнат в дальнем конце коридора появляется охранник. Дверь за его спиной бесшумно закрылась, а он идет напрямиком к нам.

Плутарх двигается ему навстречу, приветственно вскидывая руку, а мы следуем вслед за ним. Что-то здесь не так. Не просто отрезанный доступ к лифту, боязнь замкнутого пространства, будучи так глубоко под землей, или непереносимый запах антисептика. Один взгляд на Гейла и я вижу, что он чувствует то же, что и я.

— Доброе утро, мы просто искали... — начинает Плутарх.

— Вы ошиблись этажом, — резко отвечает охранник.

— Правда? — Плутарх дважды проверяет свои записи. — У меня написано Три-Девять-Ноль-Восемь здесь. — Не могли бы вы позвонить...

— Боюсь, я вынужден попросить вас уйти. По поводу несостыковок в записях обратитесь в главный офис, — говорит охранник.

Прямо перед нами. Комната 3908. Всего в нескольких шагах. Дверь — вообще-то, все двери — выглядят неправильными. Без ручек. Они должно быть свободно висят на петлях, как та же дверь, из которой появился охранник.

— Повторите, где он находится? — спрашивает Фалвия.

— Вы найдете главный офис на седьмом этаже, — говорит охранник, вытягивая руки, чтобы загнать нас обратно к лифту.

Из-за двери 3908 до нас доносится звук. Тихое хныканье. Что-то вроде запуганной собаки, избегающей удара, только слишком человечный и знакомый. Мы с Гейлом на секунду встречаемся взглядами, но этого достаточно для двух человек, которые действуют как единое целое. Я позволяю альбому Цинны упасть к ногам охранника с громким стуком. Спустя секунду он наклоняется, чтобы поднять его, и Гейл тоже наклоняется, но умышленно ударяясь головами.

— Ой, извините, — произносит он с легким смешком, хватаясь за руки охранника, чтобы не упасть, и немного отворачивая его от меня.

Это мой шанс. Я мчусь мимо отвлекшегося охранника, толкаю дверь с надписью 3908 и вижу их. Полуголых, в синяках и прикованных к стене.

Мою команду по подготовке.

Глава четвертая

Вонь немытых тел, застоявшейся мочи и прочей заразы просачивалась сквозь завесу из антисептика. Три фигуры, узнаваемые только благодаря их чересчур яркому выбору образов — на лицо Венин нанесены золотые татуировки. Длинные рыжие спиралевидные локоны Флавия. Упругая кожа Октавии, которая теперь заметно

обвисла, словно её тело сдвинувшийся шарик.

Увидев меня, Флавий и Октавия отступают от кафельной стены, словно ожидают нападения, хотя я никогда не причиню им вреда. Мои недобрые мысли были худшим преступлением против них, да и те я держала при себе, так почему же они мне аукнулись?

Охране было велено выпроводить меня, но судя по доносившимся звукам потасовки, я поняла, что Гейл как-то задержал их. Чтобы заполучить ответы, я пересекаю комнату и подхожу к Вении, которая всегда была самой сильной из них. Я приседаю на корточки и беру ее ледяные руки, тут же сжавшие мои, словно тиски.

— Что случилось, Вения? — спрашиваю я. — Что вы здесь делаете?

— Они забрали нас. У Капитолия, — говорит она осипшим голосом.

Плутарх входит следом за мной.

— Какого черта здесь происходит?

— Кто забрал вас? — допытываюсь я.

— Люди, — сбивчиво отвечает она, — ночью, когда ты сбежала.

— Мы подумали, что, возможно, тебе будет удобнее работать с твоей постоянной командой, — говорит Плутарх позади меня.

— Цинна попросил об этом.

— Цинна попросил об этом? — рычу я.

Потому что знаю одно — Цинна никогда бы не допустил такого жестокого обращения с этой троицей, к которой относился с добротой и терпением.

— Почему с ними обращаются так, словно они преступники?

— Я честно не знаю, — что-то в его голосе заставляет меня поверить ему, и бледное лицо Флавия подтверждает его слова.

Плутарх поворачивается к охраннику, только что появившемуся в дверях, а следом за ним — Гейл. — Я лишь сказал им, что они арестованы. За что их они наказаны?

— За кражу еды. Мы должны были задержать их после происшествия с хлебом, — говорит охранник.

Брови Вении сошлись на переносице, будто она пыталась осмыслить услышанное. — Никто и ничего нам не сказал. Мы были очень голодны. И ведь она взяла всего лишь кусочек.

Октавия начинает рыдать, заглушая всхлипы своей рваной туникой. Я думаю о том, как выжила первое время на арене — Октавия тайком, под столом, передала мне рулет, потому что не могла смотреть, как я голодаю. Я медленно подхожу к ее трясущейся от рыданий фигурке.

— Октавия? — прикасаюсь к ней, и она вздрагивает. — Октавия? Всё будет хорошо. Я вытащу тебя отсюда, хорошо?

— Это опасно, — говорит Плутарх.

— А все потому, что они взяли кусок хлеба? — спрашивает Гейл.

— Это уже не первое их нарушение. Их предупреждали. Но, тем не менее, они снова украли хлеб, — охранник на мгновение замолчал, словно размышляя над их судьбой. — Вам не позволено брать хлеб.

Я не могла заставить Октавию открыть лицо, но сейчас она приподнимает голову. Кандалы на ее запястьях сдвигаются на несколько сантиметров, открывая свежие раны.

— Я отведу вас к своей матери, — говорю я и обращаюсь к охраннику: — Освободите их.

Он качает головой. — Я не уполномочен.

— Освободите их! Сейчас же! — кричу я.

Он выходит из себя. Обычные граждане не обращаются к нему таким образом. — У меня нет ордера на освобождение. И ты не имеешь права...

— Сделай это от моего имени, — говорит Плутарх. — Все равно мы приехали забрать этих троих. Они нужны отделу Спецвооружения. Всю ответственность я беру на себя.

Охранник удаляется, чтобы куда-то позвонить. Возвращается он со связкой ключей. Подготовительная команда была вынуждена находиться в одном положении так долго, что даже после того, как кандалы сняли, они с трудом могут идти. Гейл, Плутарх и я помогаем им. Флавий наступает на металлическую решетку над круглым отверстием в полу, и у меня скручивает живот, когда я догадываюсь, для чего в этой комнате нужен сток — в него с помощью шланга смывали с белых плиток пятна человеческих страданий.

В больнице я нахожу свою мать — лишь ей одной я могу доверить заботу о них. У нее уходит меньше минуты на то, чтобы разместить всю троицу, учитывая их нынешнее состояние, но на ее лице застывает маска ужаса. И я знаю, что не из-за вида изуродованных тел: в Двенадцатом Дистрикте она сталкивалась с подобным ежедневно, а от осознания того, что такого рода вещи происходят и в Тринадцатом.

Мою маму пригласили работать в больницу, но воспринимали ее скорее как медсестру, нежели врача, несмотря на ее значительный опыт в лечении людей. Тем не менее, никто не помешал ей определить наше трио в смотровую, чтобы оценить тяжесть их травм. Я сажусь на скамейку рядом с входом в больницу, ожидая ее вердикта. По их телам она сможет понять, насколько серьезные раны им нанесли.

Гейл садится рядом и обнимает меня за плечи. — Она поставит их на ноги, — я киваю, задаваясь вопросом, не вспоминает ли он сейчас о той жестокой порке, которой его подвергли в Двенадцатом.

Плутарх и Фалвия присаживаются на скамейке напротив, но никак не комментируют состояние моей подготовительной команды. Если им ничего не известно о жестоком обращении с ними, тогда почему они не предпринимают никаких действий от лица Президента Койн? Я решаю подтолкнуть их.

— Полагаю, мы все должны взять это на заметку, — говорю я.

— Что? Нет. Что ты имеешь в виду? — спрашивает Фалвия.

— Наказание моей подготовительной команды — это предупреждение, — говорю я ей. — И не только мне. Но и вам тоже. О том, в чьих руках, на самом деле, контроль над ситуацией, и что произойдет, если ее послушаться. И если у вас имеются какие-либо заблуждения относительно существующей власти, то я развею их прямо сейчас. По-видимому, принадлежность Капитолию здесь не защищает. Быть может, это даже необходимо.

— Нельзя сравнивать Плутарха, который поднял повстанческое восстание с этими... тремя косметологами, — ледяным тоном возражает Фалвия.

Я пожимаю плечами. — Ну если это ты говоришь, Фалвия. Но что случится, если ты окажешься в стане врагов Койн? Мою подготовительную команду похитили. По крайней мере, они могут надеяться, что хоть на один день вернуться в Капитолий. Гейл и я сможем жить в лесах. А вы? Куда побежите вы вдвоем?

— Не исключено, что в военной стратегии мы имеем чуть более важное значение, чем ты думаешь, —

равнодушно отвечает Плутарх.

— Ну конечно, так и есть. Трибуты тоже были очень важны для Игр. До поры до времени, — говорю я. — И тогда мы стали абсолютно ненужными, ведь так, Плутарх?

Больше мы ничего не говорим. Мы ждем в тишине до тех пор, пока моя мать не находит нас.

— С ними все будет в порядке, — сообщает она. — Нет никаких тяжелых телесных повреждений.

— Хорошо. Превосходно, — говорит Плутарх. — Как скоро они смогут приступить к работе?

— Вероятно, завтра, — отвечает она. — Но будьте готовы к некоторой эмоциональной нестабильности, после всего, через что им пришлось пройти. Они были совсем не готовы ни к чему подобному, учитывая их жизнь в Капитолии.

— Как и все мы, — говорит Плутарх.

То ли потому, что моя подготовительная команда была выведена из строя, то ли потому, что я сама была на грани, Плутарх освободил меня от обязанностей Сойки-пересмешницы на весь день. Мы с Гейлом пошли на обед, где нам подали фасоль, тушеный лук, кусок хлеба и стакан воды. После рассказа Вении хлеб застревает у меня в горле, так что его остатки я перекладываю на поднос Гейла. Мы немногословны во время обеда и, как только наши миски пустеют, Гейл закатывает рукав, дабы проверить свой график. — Сейчас у меня тренировка.

Я закатываю свой рукав и подношу свою руку к его. — У меня тоже, — я помню, что тренировка сейчас приравнивается к охоте.

Мое желание уйти в лес хотя бы на пару часов берет верх над текущими проблемами. Возможность отвлечься на зелень и солнечный свет, несомненно, поможет мне разобраться в своих мыслях. Как только мы минуем главные коридоры, Гейл и я, словно школьники, наперегонки несемся к складу с оружием, а когда финишируем, я замечаю у себя одышку и головокружение. Напоминающие мне, что я не окончательно восстановилась. Охрана выдает нам наше старое оружие, а также ножи и мешок, который заменяет охотничью сумку. Я позволяю им прикрепить прибор слежения к моей лодыжке и пытаюсь делать вид, будто слушаю их, когда они объясняют, как пользоваться ручным коммуникатором. Единственное, что я помню — он похож на часы — и мы должны вернуться в Тринадцатый в указанное время, иначе нас лишат охотничьих привилегий. И я приложу все усилия для соблюдения этого — единственного — правила.

Мы выходим наружу, на большой огороженный полигон у кромки леса. Охрана без комментариев открывает хорошо смазанные ворота. Было бы невероятно трудно протискиваться через свою же изгородь — забор тридцати футов в высоту, увенчанный колючей проволокой и постоянно жужжащими проводами с подключенным к ним электричеством. Мы идем по лесу до тех пор, пока забор не исчезает из виду. На небольшой полянке мы останавливаемся и запрокидываем головы, греясь в лучах солнца. Раскинув руки в разные стороны, я медленно кружусь, и окружающий мир непрерывно вращается вокруг меня.

Недостаток дождей, который я наблюдала в Двенадцатом, сгубил также и местную растительность, почти полностью лишив деревья листвы, сотворив из них хрустящий под ногами ковер. Мы снимаем нашу обувь. Моя мне в любом случае не по размеру, на так как в Тринадцатом ничего не пропадает зазря, я ношу пару, из которой кто-то уже вырос. По-видимому, кто-то из нас ходит крайне забавно, потому что изношены они как-то неправильно.

Мы охотимся, как в старые времена, в тишине — для общения друг с другом слова не нужны, потому что здесь, в лесу, мы двигаемся как две части одного целого. Предугадывая движения другого, мы прикрываем друг другу спину. Сколько прошло? Восемь месяцев? Девять? С тех пор как мы были свободны? Но это не совсем то же самое, учитывая все, что произошло, наличие датчиков на наших щиколотках и тот факт, что отдыхать

подобным образом мне придется часто. Но в настоящее время это единственно возможное для меня подобие счастья.

Животные тут недостаточно осторожны. Им требуется некоторое время, чтобы понять — этот незнакомый им запах означает смерть. Через полтора часа у нас на руках дюжина разнообразной добычи: зайцы, белки и индейки. И закончив охоту, мы решаем провести оставшееся время на берегу пруда, который, должно быть, подпитывается подземным источником, поскольку вода в нем холодная и сладкая.

Когда Гейл предлагает выпотрошить дичь, я не возражаю. Кладу на язык несколько листьев мяты, закрываю глаза и, оперевшись спиной о камень, растворяюсь в звуках. Позволяю палящему дневному солнцу гулять по моей коже, почти в полном покое, до тех пор, пока голос Гейла не нарушает его. — Китнисс, почему ты так беспокоишься о своей подготовительной команде?

Я открываю глаза, надеясь увидеть, что он шутит, но он с гневным взглядом потрошит зайца. — А почему я не должна?

— Хм. Вот смотри. Потому что весь прошедший год они потратили на то, чтобы заставить тебя убивать? — предполагает он.

— Все гораздо сложнее. Я знаю их. Они не злые и не жестокие. Они даже не слишком умные. Обидеть их — все равно что обидеть ребенка. Они не понимаю... в смысле, они не знают... — я путаюсь в собственных словах.

— Чего они не знают, Китнисс? — спрашивает он. — Что Трибуты — не твоё трио уродов, а те почти дети, которые вовлечены во все это — вынуждены сражаться до смерти. Что ты шла на ту арену для развлечения людей? Это страшная тайна Капитолия?

— Нет, но они не смотрят на это так, как мы, — говорю я. — Они в этом выросли и...

— Ты их еще и защищаешь? — одним быстрым движением он срывает кожу с зайца.

Это причиняет острую боль, потому что я на самом деле их защищаю, и это нелепо. Я пытаюсь найти этому логическое объяснение. — Думаю, я буду защищать любого, с кем обойдутся так же, как с ними из-за куска хлеба. Может быть, это напоминает мне о том, что случилось с тобой из-за индейки!

И тем не менее, он прав. И правда странно, что я так сильно переживаю за свою подготовительную команду. Я должна ненавидеть их и желать, чтобы их вздернули на виселице. Но они такие беспомощные, и принадлежат Цинне, а он был на моей стороне, верно?

— Я не хочу спорить, — говорит Гейл. — Но не думаю, что, наказав их за нарушение здешних правил, Койн хотела сообщить тебе что-то. Наверное, она думала, что ты воспримешь это как любезность, — он засовывает кролика в мешок и поднимается. — Нам пора выдвигаться, если мы хотим вернуться вовремя.

Я игнорирую его протянутую руку и, пошатываясь, поднимаюсь на ноги. — Хорошо.

На обратном пути никто из нас не проронил ни слова, но как только мы оказываемся за воротами, я думаю совсем о другом. Во время Двадцатипятилетия Подавления Октавия и Флавий вынуждены были уйти, потому что не могли перестать реветь из-за того, что я вернулась. И Вения с трудом смогла сказать "прощай".

— Я постараюсь и буду держать в голосе, что они... изменили тебя, — говорит Гейл.

— Постарайся, — говорю я.

Мы отдаём мясо Сальной Сэй на кухню. Её вполне устраивает Тринадцатый Дистрикт, даже несмотря на то, что — по ее мнению — поварам не достаёт воображения. Но женщина, пришедшая с аппетитной дикой собакой и ревенем, высушенном на солнце, связана по рукам и ногам.

Измученная охотой и отсутствием сна, я возвращаюсь в свою комнату и нахожу её совершенно пустой, и только тогда вспоминаю, что мы переехали из-за Лютика. Я поднимаюсь этажом выше и нахожу комнату Е. Она выглядит так же, как и триста седьмая, но с окном — два фута в ширину, восемь дюймов в высоту — по центру внешней стены. Оно закрывается тяжёлой металлической задвижкой, но сейчас она открыта, и кота нигде не видно. Я растягиваюсь на своей постели, луч полуденного солнца играет на моём лице. Следующее, что я помню — моя сестра будит меня для шестичасового собрания.

Прим говорит мне, что о собрании объявили после обеда. Все жители, за исключением тех, кто на важных заданиях, должны на нем присутствовать.

Мы идем в сторону Зала Заседаний, просторной комнаты, в которой легко могли бы уместиться тысячи людей. Могло показаться, что он был построен для большого приема и, возможно, именно здесь состоялось первое собрание перед эпидемии оспы. Прим спокойно тычет пальцем на последствия этой масштабной катастрофы: рубцы от оспы на телах людей, несколько изуродованных детей.

— Они здесь много страдали, — говорит она.

Но после сегодняшнего утра я не настроена жалеть Тринадцатый. — Не больше, чем мы в Двенадцатом, — говорю я.

Я вижу свою мать, возглавляющую группу способных передвигаться пациентов, все так же одетых в свои больничные рубашки и халаты. Среди них находится и Финник, пусть и в полубессознательном состоянии, но он по-прежнему шикарен. В руках у него кусок тонкой веревки, менее фута в длину, слишком короткой даже для него, свёрнутой в удобную петлю. Его пальцы автоматически и очень быстро связывают и развязывают многочисленные узлы, пока он осматривается вокруг. Вероятно, это часть его терапии.

Я подхожу к нему и говорю: — Привет, Финник, — он не замечает меня, поэтому я легонько толкаю его, привлекая внимание к себе. — Финник! Как ты?

— Китнисс, — говорит он, схватив мою руку. Думаю, он просто успокоился, увидев знакомое лицо. — Зачем нас здесь собрали?

— Я сказала Койн, что буду ее Сойкой-пересмешницей. Но я заставила ее пообещать, если победят повстанцы, обеспечить остальным трибунам неприкосновенность, — говорю я ему. — Прилюдно, так чтобы свидетелей было много.

— О, хорошо. Потому что я беспокоюсь за Энни. По незнанию, она может сказать что-то, что будет истолковано как предательство, — говорит Финник.

Энни. Ну и ну. Я совершенно забыла о ней. — Не беспокойся, я позабочусь об этом.

Я сжимаю руку Финника и смотрю прямо на трибуну в передней части зала. Койн взглянула на меня поверх листочка со своей речью, приподняв брови. — Мне нужно, чтобы вы добавили Энни Креста в список неприкосновенных, — говорю я ей.

Президент слегка хмурится. — Кто это?

— Она Финника Одейра... — кто? Я на самом деле не знаю, как ее представить. — Она — друг Финника Одейра. Из Четвертого Дистрикта. Еще один победитель. Она была арестована и доставлена в Капитолий во время взрыва арены.

— Оу, сумасшедшая девчонка. В этом нет необходимости, — говорит она. — У нас не принято наказывать кого-то из-за того, что он слабый.

Я думаю о сцене, которую наблюдала этим утром. Об Октавии, прижавшейся к стене. О том, что Койн и я имеем полярно разные представления о слабости. Но я говорю лишь: — Нет? Тогда не должно быть проблем с тем, чтобы добавить Энни.

— Хорошо, — соглашается президент, записывая имя Энни. — Ты хочешь быть здесь со мной, во время объявления? — я отрицательно качаю головой. — Мне так не кажется. Лучше поспеши и затеряйся в толпе. Я начинаю.

Я возвращаюсь к Финнику.

Слова — ещё одна вещь, которой не разбрасываются в Тринадцатом. Койн призывает публику к вниманию и говорит им, что я согласилась быть Сойкой-пересмешницей, что подготовлю остальных победителей: Пита, Джоанну, Энобарю и Энни, и что их пощадят за любое нарушение, которое они совершат на благо восстания. В гуле толпы я слышу неодобрение. Полагаю, что никто не сомневается в том, что я хочу быть Сойкой-пересмешницей. Так что их разозлила объявленная цена — помилование возможного противника. Я стою, равнодушная к враждебным взглядам, бросаемым в мою сторону.

Некоторое время президент не вмешивается во всеобщее волнение, после чего продолжает в свойственной ей оживленной манере. Только слова, которые вырываются из ее рта, для меня являются полной неожиданностью.

— Но в ответ на это беспрецедентное требование, Солдат Эвердин обещала посвятить себя нашему благу делу. Из этого следует, что любое отклонение от миссии — мотивом или поступком — будет рассматриваться, как нарушение сделки. Неприкосновенность будет отменена, и судьба четырех победителей решится согласно законам Тринадцатого Дистрикта. Как и ее собственная. Спасибо.

Другими словами — стоит мне нарушить правила, и все мы умрем.

Глава пятая

Еще одна сила, с которой нужно считаться. Еще один властный игрок, который решил использовать меня как пешку в своей игре, несмотря на то, что ничто никогда не идет по плану. Сначала распорядители Игр превозносят меня до небес, а затем низвергают оттуда из-за горстки ядовитых ягод. Затем президент Сноу, пытается использовать меня, чтобы погасить вспыхнувшее пламя восстания, да только от каждого моего шага оно разгорается все сильнее. Потом повстанцы, вытаскивают меня с помощью металлического гребка с арены и провозглашают Сойкой-пересмешницей, а сейчас пытаются справиться с потрясением, понимая, что я, возможно, не очень-то и хочу обрастать крыльями. И теперь вот Койн, со своей драгоценной горсткой ядерного оружия и слаженным механизмом Дистрикта-13, которая, наконец-то начинает догадываться, что ухаживать за Сойкой-пересмешницей гораздо сложнее, нежели изловить ее. Но она быстро поняла, что я действую сама по себе и не заслуживаю доверия. Она первая всенародно объявила, что я представляю угрозу.

Я пробегаю пальцами вдоль густого слоя мыльной пены в ванне. Хорошенько отмокнуть в воде — всего лишь первый шаг к обретению мной нового образа. Моей команде по подготовке предстоит нелегкая работа по превращению меня в нечто привлекательное, учитывая мои выжженные волосы, обгоревшую кожу и уродливые шрамы, — с тем, чтобы затем вновь выжечь мне волосы, поработать над кожей и нанести шрамы, но уже в более эстетичном варианте.

— Вернемся к ее изначальной красоте, — первым делом утром приказала Фалвия. — Начнем с этого. Изначальная красота — это то, как человек выглядит по утрам, едва встав с кровати, то есть естественно, но

безупречно. Это значит, что у моих ногтей идеальная форма, но они не отполированы. Волосы мягкие и блестящие, но не уложены. Кожа гладкая и чистая, но на ней ни грамма косметики. Волосы и синяки на теле удалены, но так, что это не бросается в глаза. Полагаю, в мой первый день в Капитолии в качестве трибута, Цинна давал такие же указания. Единственное отличие — я была участником соревнований. А как мятежнице, думаю, мне нужно больше походить на саму себя. Но, похоже, у всенародной мятежницы есть собственные стандарты, которых она придерживается.

Сполоснув пену со своего тела, я поворачиваюсь и вижу ждущую меня наготове Октавию с полотенцем в руках. Без яркой одежды, тяжелого макияжа, окрашивающих веществ, драгоценностей и безделушек, которыми она раньше украшала волосы, она сильно отличается от той женщины, которую я знала в Капитолии.

Помню, как однажды она пришла с ярко-розовыми локонами, усеянными разноцветными мерцающими огоньками в виде мышей. Она рассказала мне, что у нее дома в качестве домашних животных живут несколько мышей. В то время эта мысль отталкивала меня, потому что, если только мы не умираем от голода — мы считаем мышей вредителями. Но, возможно, Октавия их любила, потому что они были маленькими, мягкими и пискливыми. Как она. Пока она меня вытирает, я пытаюсь привыкнуть к новой Октавии из Дистрикт-13. Ее настоящие волосы на удивление приятного каштанового цвета. Лицо у нее самое обычное, но очень приятное. Она моложе, чем я думала. Ей, быть может, чуть больше двадцати. Без накладных трехдюймовых ногтей ее пальцы оказываются чересчур короткими и непрерывно дрожат. Я хочу сказать ей, что уже все в порядке и я позабочусь о том, чтобы Койн больше никогда не причинила ей вреда. Но разноцветные синяки, раскрасившие ее болезненно бледную кожу, напоминают мне лишь о моей собственной беспомощности.

Флавий тоже кажется бесцветным без своей привычной красной помады и яркой одежды. Однако он, каким-то образом, снова оказался в своих оранжевых кудряшках. Кто изменился меньше всех, так это Вения. Ее волосы цвета морской волны лежат ровно, а не топорщатся в виде спаек и можно увидеть отрастающие серые корни. Тем не менее, в ней всегда больше всего поражали ее золотистые татуировки, а они остались точно такими же золотистыми и потрясающими. Она подходит и забирает полотенце из рук Октавии.

— Китнисс не собирается нам вредить, — тихо, но твердо говорит она ей. — Китнисс даже не знала, что мы здесь. Теперь все обойдется. — Октавия слабо кивает, но так и не осмеливается поднять на меня глаза.

Вернуть мне изначальную красоту оказывается совсем непросто, даже при наличии расширенного арсенала средств, принадлежностей и инструментов, которые Плутарх столь предусмотрительно захватил с собой из Капитолия. У моей команды подготовки все получается просто отлично, но лишь до того, как они пытаются разобраться с тем местом на моей руке, откуда Джоанна извлекает датчик слежения. Ни одна бригада медиков не выглядела бы столь сосредоточенной, пытаясь замаскировать зияющую рану на моей руке. Теперь у меня на руке шероховатый, неровный, бугрящийся шрам по форме и размеру напоминающий яблоко. В обычных условиях его бы скрывал длинный рукав, но в костюме Сойки, который сделал Цинна, рукава оканчиваются чуть выше локтя. Это вызывает у Фалвии и Плутарха такую обеспокоенность, что они начинают спорить. Могу поклясться, один вид моего шрама вызывает у Фалвии рвотный рефлекс. Для одной из тех, кто работает с Распорядителем Игр, она на редкость чувствительна. Но, полагаю, привыкла видеть неприятные вещи только на экране.

— Все и так знают, что здесь у меня шрам, — угрюмо говорю я.

— Знать и видеть — разные вещи, — говорит Фалвия. — И он определенно противный. Мы с Плутархом подумаем об этом за обедом.

— Все будет хорошо, — говорит Плутарх, пренебрежительно махнув рукой. — Может быть, браслет на руку или что-нибудь другое. — Я одеваюсь, чувствуя отвращение; теперь я могу отправиться в столовую. Моя команда подготовки жметя в кучу возле двери.

— Вам принесут еду сюда? — спрашиваю я.

— Нет, — говорит Вения. — Мы должны идти в столовую.

Я вздыхаю про себя, представляя, как вхожу в столовую следом за этой троицей. Но на меня и так постоянно кто-нибудь пялится. Поэтому это всего лишь небольшое дополнение к тому, что обычно со мной происходит. — Я покажу вам, где находится столовая, — говорю я. — Идём.

Взгляды украдкой и чуть слышное перешептывание, обычно сопровождающие мое появление, ничто по сравнению с реакцией, вызванной причудливым видом моей команды. Разинутые рты, показывающие на них пальцы, восклицания.

— Просто не обращайтесь на них внимания, — говорю я команде подготовки. Опустив глаза, они автоматически идут за мной вдоль очереди, принимая миски сероватой рыбой, тушеной бамией и стаканы с водой.

Мы занимаем места за столом, рядом с группой из Шлака. Они демонстрируют немного больше сдержанности, чем люди из Тринадцатого, хотя, возможно, просто от смущения. Ливи, которая была моей соседкой ещё в Двенадцатом, осторожно здоровается с ними, а мать Гейла, Хейзел, которая должно быть, знает об их заточении, поднимает ложку с тушеной бамией. — Не волнуйтесь, — говорит она. — Оно вкуснее, чем кажется.

Но самую большую поддержку нам оказывает Поза, пятилетняя сестренка Гейла. Она подбегает к Октавии и неуверенно дотрагивается до ее кожи пальчиком.

— У вас зеленая кожа. Вы больны?

— Все дело в моде, Поза. Как красить губы помадой, — говорю я.

— Предполагалось, что это будет красиво, — шепчет Октавия, и я вижу слезы, готовые упасть с ее ресниц. Поза удовлетворена таким ответом и как ни в чем не бывало говорит: — Я думаю, ты была бы симпатичной с любым цветом кожи.

На губах Октавии появляется крошечное подобие улыбки.

— Спасибо.

— Если вы действительно хотите произвести на Позу впечатление, вам придётся покрасить себя в ярко-розовый, — говорит Гейл, ставя поднос рядом со мной. — Это её любимый цвет. — Поза хихикает и бежит обратно к своей матери. Гейл указывает головой на миску Флавия. — Я бы не стал позволять этому остывать. На консистенции это отражается не самым лучшим способом.

Все принимают за еду. У бамии не такой уж и плохой вкус, но она определенно слишком густая, с чем сложно смириться. Чтобы проглотить хотя бы одну ложку, тебе нужно как минимум три раза усиленно сглотнуть, прежде чем она соизволит сдвинуться с места. Гейл, обычно неразговорчивый во время еды, прилагает все усилия, чтобы поддержать беседу, расспрашивая о моем новом образе. Я-то знаю, что он таким образом пытается сгладить острые углы. Вчера вечером мы поспорили после того, как он предложил мне не оставлять Койн никакого иного выбора, кроме как принять мое требование гарантировать безопасность в случае нашей победы и так, чтобы это выглядело как ее собственное решение.

— Китнисс, она главная в этом Дистрикте. Она не сможет этого сделать, если это будет выглядеть так, будто она действует под твоим давлением.

— Хочешь сказать, она не выдержит любого несогласия, даже если это справедливо, — парировала я.

— Я хочу сказать, что ты ставишь её в непростое положение. Заставляя ее дать Питу и другим иммунитет, когда мы даже не знаем, какой именно ущерб это может принести — уверенно сказал Гейл.

— То есть я всего лишь должна согласиться с планом и лишить остальных трибутов шанса выжить? Не то чтобы это так уж важно, тем более, мы и так это сделаем! — Сказала я и захлопнула дверь у него перед лицом. Я не села с ним за завтраком, а когда утром Плутарх отсылал его на тренировку, не сказала ему ни слова. Знаю, он так говорил со мной лишь потому, что беспокоится обо мне, но мне нужно, чтобы он был на моей стороне, а не на стороне Койн. Как он может этого не понимать?

После обеда, согласно нашему расписанию, я и Гейл отправляемся в спецотдел по обороне, чтобы встретиться там с Бити. Мы едем в лифте, и Гейл, наконец-то, обращается ко мне: — Все еще злишься. — А ты все еще не извиняешься, — парирую я в ответ.

— Я по-прежнему настаиваю на том, что сказал. Или ты хочешь, чтобы я солгал? — спрашивает он.

— Нет, я хочу, чтобы ты всё переосмыслил и пришёл к правильному мнению, — говорю я ему. На это он лишь смеется в ответ. Нет, так нельзя. Это не дело, пытаться диктовать Гейлу то, что он должен думать. И в этом, если быть честной, основная причина, по которой я так ему верю.

Этаж Спецотдела Обороны находится почти так же глубоко внизу, как и подземелье, в котором мы нашли группу подготовки. Это куча комнат, заставленных компьютерами, лабораториями, научным оборудованием и испытательными полигонами.

Когда мы спрашиваем о Бити, нас отправляют блуждать по лабиринту, прежде чем мы утыкаемся в огромное витринное стекло. За ним находится первая самая прекрасная вещь, которую я вижу в закрытом Дистрикте 13: имитация луга, заполненного настоящими деревьями, цветущими растениями и живыми колибри. В центре луга, в кресле-каталке, неподвижно сидит Бити и разглядывает ярко-зеленую птичку, которая собирает нектар с большого оранжевого цветка. Он провожает глазами улетающую птичку и в этот момент видит нас. Бити приветственно машет нам рукой, приглашая присоединиться к нему внутри.

Воздух прохладный и вполне пригодный для дыхания, а не влажный и удушливый, как я предполагала. Со всех сторон доносится шуршание маленьких крылышек, которые я обычно путала со звуком от насекомых в наших лесах. Мне приходится удивляться, думая о том, какая счастливая случайность поспособствовала тому, чтобы здесь появилось настолько приятное место.

Бити все ещё бледен, но его глаза за неуклюжими очками светятся от радости. — Разве они не прекрасны? Тринадцатый много лет занимается изучением их аэродинамики. Прямой и обратный полёт, скорость до шестидесяти миль в час. Если бы я мог создать тебе такие же крылья, как у них, Китнисс!

— Сомневаюсь, что смогу управляться с ними, Бити, — смеюсь я.

— Одну секунду, сейчас увидишь. Вы можете подстрелить колибри из лука? — спрашивает он.

— Никогда не пробовала. На них не так уж много мяса, — отвечаю я.

— Нет. И вы не единственные, кто убивает ради охоты, — говорит он. — Хотя, уверен, в них не так-то легко попасть.

— Может быть, вы могли бы заманить их в ловушку, — говорит Гейл. Его лицо принимает то отстраненное выражение, которое у него обычно возникает тогда, когда он раздумывает над каким-нибудь решением.

— Возьмите сеть с очень мелкими ячейками. Огородите территорию и оставьте вход в пару квадратных футов. Сделайте внутри приманку с цветным нектаром. Пока они едят, закройте входное отверстие. Они полетят прочь от шума, и тогда угодят в сеть.

— Сработает? — спрашивает Бити.

— Не знаю. Это просто идея, — говорит Гейл. — Они могут перехитрить.

— Могут. Но вы играете на их природных инстинктах — улетать от опасности. Мысли, как твоя жертва... вот тогда ты найдёшь их слабые места, — говорит Бити.

Я вспоминаю кое-что, о чем не люблю думать. При подготовке к Двадцатипятилетию Подавления, я видела запись, на которой Бити, еще совсем мальчишка, соединял два провода, убивших током компанию детей, которые охотились за ним. Тела, бьющиеся в конвульсиях, причудливые выражения лиц. В те моменты, которые привели Бити к победе в старых Голодных Играх, он видел лица тех, кому пришлось из-за этого умереть. Мы все действовали только в порядке самообороны...

Внезапно мне хочется уйти из комнаты с колибри до того, как кто-то из них угодит в сеть.

— Бити, Плутарх сказал, что у тебя что-то для меня есть.

— Да, есть. Твой новый лук. — Он задает на ручке кресла ручной контроль и катится прочь из комнаты. Пока мы следуем за ним через изгибы и повороты Спецотдела Обороны, он рассказывает нам о кресле. — Я уже могу понемногу ходить. Но слишком быстро устаю. Так что в кресле мне легче передвигаться. Как там Финник?

— Он... у него проблемы с концентрацией, — отвечаю я. Я не хочу говорить, что у него полное психическое расстройство.

— Проблемы с концентрацией, да? — Бити мрачно улыбается. — Если бы вы знали, что пережил Финник за последние несколько лет, вы бы поняли, как замечательно, что он по-прежнему с нами. Скажи ему, что я работаю над его новым трезубцем, ладно? Чтобы немного его отвлечь.

Отвлечься, кажется, последнее, что нужно Финику, но я обещаю, что передам его сообщение.

Четверо солдат охраняют вход в зал, обозначенный отделом Спецвооружения. Проверка расписаний, отпечатанных на наших предплечьях, всего лишь предварительный шаг. У нас берут отпечатки пальцев, сетчатки глаз, образцы ДНК, и еще нам нужно пройти через специальные металлические детекторы. Бити приходится оставить свое кресло-каталку снаружи, но как только мы проходим все уровни безопасности, ему предоставляют другое. Происходящее кажется мне абсурдом: я не представляю, как кто-нибудь, представляющий угрозу Правительству, сможет проникнуть в Дистрикт-13, учитывая их охрану. Или же такие меры предосторожности были введены лишь недавно, с притоком большого числа беженцев?

У дверей склада мы встречаемся со вторым этапом проверки опознания — как если бы мой ДНК мог измениться за время, потраченное на то, чтобы пройти двадцать ярдов по коридору — и, наконец, нас допускают к коллекции оружия. Должна признать, от арсенала у меня перехватывает дыхание. Ряды огнестрельного оружия, гранатометов, взрывчатки, бронированного транспорта. — Конечно же, Воздушно-Десантная Дивизия располагается отдельно, — говорит нам Бити.

— Конечно, — вторю я, как будто это само собой разумеется. Я не знаю, где бы могли бы найти своё место в этом высокотехнологичном оборудовании простые лук и стрелы, но затем мы наталкиваемся на стену смертоносного оружия — снаряжение стрелка из лука. На тренировках я игралась с большим количеством Капитолийского оружия, но ни одно из них не предназначалось для военных действий. Я сосредотачиваю всё своё внимание на луке смертельного действия, так нагруженном всякой оптикой и техническими новинками, что уверена — я даже не смогу его поднять, не то что стрелять.

— Гейл, может быть ты хочешь опробовать некоторые из них, — говорит Бити.

— Серьезно? — спрашивает Гейл.

— Для боя, тебе, конечно же, выдадут оружие. Но, если в пропо ты выступишь как один из команды Китнисс, кому-то из вас нужно выглядеть поэффектнее... Я подумал, что ты, возможно, захочешь выбрать себе оружие сам, — говорит Бити.

— Да, хотелось бы. — Руки Гейла смыкаются вокруг того самого лука, который минуту назад привлек моё внимание, и поднимают его на плечо. Он нацеливает его в разных направлениях комнаты, заглядывая через оптический прицел.

— Это кажется не очень справедливым по отношению к оленю, — говорю я.

— Не будем осваивать его на оленях, не так ли? — спрашивает он.

— Я вернусь, — говорит Бити. Он набирает на панели код, и открывается небольшая дверь. Я смотрю, пока он не исчезает и за ним не закрывается дверь.

— Итак, для тебя это было бы легко? Применить это на человеке? — спрашиваю я.

— Я этого не говорил. — Гейл опускает лук на свою сторону. — Но если бы у меня было оружие, которое могло бы остановить то, что я увидел в Двенадцатом... если бы у меня было оружие, которое могло бы удержать тебя от арены... я бы использовал его.

— Я тоже, — признаю я. Но я не знаю, что сказать ему о последствиях убийства человека. О том, что это навсегда остается с тобой.

Бити въезжает в комнату с высокой, прямоугольной коробкой, неуклюже расположенной между подножкой и его плечом. Он останавливается и протягивает ее ко мне — Для тебя.

Я ставлю коробку на пол и открываю защелки на одной стороне. Крышка бесшумно открывается. Внутри коробки, на подушке из жатого темно-бордового бархата, лежит великолепный черный лук.

— Да, — в восхищении шепчу я. Я осторожно поднимаю его в воздух, чтобы полюбоваться совершенным соотношением, элегантным дизайном и изогнутыми деталями, которые намекают на крылья, распростертые в полете. Там что-то ещё. Я должна удерживать его неподвижно, чтобы убедиться, что мне не кажется. Нет, лук в моих руках живой. Я прижимаю его к моей щеке и ощущаю легкий гул, распространяющийся по костям моего лица. — Что он делает? — спрашиваю я.

— Здоровается, — с усмешкой объясняет Бити. — Он услышал твой голос.

— Он распознаёт мой голос? — спрашиваю я.

— Только твой, — говорит он. — Видишь ли, они хотели, чтобы я сконструировал лук, основанный только на внешнем виде. Как часть твоего костюма, понимаешь? Но я подумал, что это пустая трата времени. Хочу сказать, что, если тебе когда-нибудь понадобится им воспользоваться? Не просто, как модным аксессуаром. Вот так я ушел за пределы простого и направился внутрь своего воображения. Однако лучше объяснить на

практике. Хочешь его опробовать?

Нам хочется. Для нас уже подготовлено стрельбище. Стрелы, что спроектировал Бити, не менее поразительны, чем сам лук. Я могу стрелять дальше, чем на сто ярдов. Разнообразные стрелы — острые как бритва, зажигательные, взрывчатые — превращают лук в универсальное оружие. Каждая из них опознаваема по характерно окрашенному древцу. У меня есть возможность при помощи голоса отключить ту или иную опцию лука в любое время, да только я понятия не имею, зачем мне это может понадобится. Все, что для этого нужно — лишь произнести «Спокойной ночи». После этого лук выключается, до тех пор, пока я голосом не пожелаю включить его снова.

Оставив Бити и Гейла позади, я в хорошем настроении возвращаюсь к команде подготовки. Я терпеливо переношу оставшуюся часть покраски и надеваю свой костюм, который теперь включает в себя окровавленную повязку на шраме на руке, чтобы указать, чтобы я участвовала в последних боевых действиях. Возле моего сердца Вения прикрепляет брошку Сойки-пересмешницы.

Я беру свой лук и колчан нормальных стрел, сделанных Бити, зная, что мне никогда не позволят воспользоваться ими. Затем мы выходим на звуковую сцену, где я, кажется, провожу несколько часов стоя, пока они поправляют макияж, освещение и степень задымления.

В конце концов, приказаний, подающихся от людей в таинственной застекленной кабинки посредством интеркома, становится всё меньше и меньше. Фалвия и Плутарх все больше рассматривают меня и все меньше указывают на недочеты. Наконец, на съёмочной площадке становится тихо. Целых пять минут меня просто разглядывают. Затем Плутарх говорит:

— Думаю, все готово.

Я смотрю на монитор. Они воспроизводят последние несколько минут записи, и я вижу на экране женщину. Она кажется более статной, более внушительной, чем я. Ее лицо испачкано, но тем не менее сексуально. Брови черные и вызывающе приподняты. Струйки дыма — предполагается, что ее вот-вот потушили или она готова заполыхать огнем — поднимаются от ее одежды. Я не знаю, что это за женщина.

Финник, который в течение нескольких часов бродил вокруг аппаратуры, подходит ко мне сзади и говорит с намеком на прежний юмор:

— Они захотят либо убить тебя, либо поцеловать, либо же быть тобой.

Все так взволнованы, так довольны своей работой. Близится время обеденного перерыва, но все настаивают на том, чтобы продолжить. Завтра мы займемся речами и интервью; а также моим участием в повстанческих битвах. Сегодня им хочется сделать еще один слоган, всего лишь одну строчку, из которой они сделают короткое пропо, чтобы показать его Койн.

— Люди Панема, мы сражаемся, мы рискуем, мы жаждем справедливости! — Вот эта строчка.

Кстати, могу сказать, они преподносят ее так, словно месяцами, а то и годами, работали над ней и по-настоящему гордятся этим. Для меня же эта фраза труднопроизносима. И неестественна. Представить не могу, чтобы я сказала это в реальной жизни — что ж, по крайней мере, я повеселюсь: произнесу все с capitoлийским акцентом. Точно так же, как мы с Гейлом обычно изображаем Эффи Бряк «И пусть удача всегда будет на вашей стороне!». Но Фалвия говорит мне в лицо, описывая битву, в которой я только что участвовала; рассказывая о том, что нас окружают мертвые тела моих товарищей по оружию и чтобы объединить остальных, я должна повернуться к камере и прокричать в нее этот слоган!

Меня подталкивают к моему месту и дымовая машина начинает работать. Кто-то требует тишины, камера вращается и я слышу «Мотор!» Поэтому я поднимаю над головой лук и со всей яростью, на какую способна, кричу «Люди Панема, мы сражаемся, мы рискуем, мы жаждем справедливости!»

На съёмочной площадке тишина. Она длится. И длится.

Наконец раздаётся треск интеркома и студию заполняет язвительный смех Хейтмитча. Он довольно долго сдерживается, а затем произносит:

— И вот так, друзья мои, умирает революция.

Глава шестая

Потрясение, испытанное мною вчера от звуков голоса Хейтмитча, от осознания того, что он не просто в рабочем состоянии, но снова имеет своего рода власть надо мной, привело меня в бешенство. И сегодня я пулей вылетела из студии и отказалась выслушивать его комментарии из диспетчерской. Несмотря на это, я знала, он прав насчет моего выступления.

Он потратил все утро, убеждая других в ограниченности моих возможностей. Что я это не потяну. Я не могу просто стоять в телестудии, разодетая и разукрашенная, в облаке искусственного дыма и вести дистрикты к победе. И ведь в самом деле, удивительно, как долго я продержалась перед камерами. Но в первую очередь — это заслуга Пита. В одиночку я не смогу быть Сойкой-персмешницей.

Мы собираемся в Штабе вокруг громадного стола. Койн со своими людьми. Плутарх, Фалвия и моя подготовительная команда. Группа из Двенадцатого, в которую входит Хейтмитч и Гейл, а также еще несколько человек, например, Ливи и Сальная Сэй, чье присутствие я не могу объяснить. В последнюю минуту Финник вкатывает Бити, и сразу за ними следует Далтон, скотовод из Десятого. Я полагаю, Койн организовала эту странную подборку людей, чтобы засвидетельствовать мой провал.

Однако именно Хейтмитч приветствует собравшихся, и по его словам я понимаю, что они пришли по его личному приглашению. Впервые с тех пор, как я расцарапала ему лицо, мы с ним оказываемся в одном помещении. Я стараюсь не смотреть на него, но улавливаю мимолетный проблеск его отражения в блестящей поверхности одной из консолей управления, висящих на стене. Он сильно похудел и осунулся, пожелтевшая кожа покрылась морщинами. На мгновение мне становится страшно — вдруг он умирает. Но я тут же напоминаю себе, что меня это не волнует. Первым делом Хейтмитч показывает всем пленку, которую мы только что отсняли. Похоже, я достигла новых низин под руководством Плутарха и Фалвии. И мой голос, и мои движения выглядят нелепо и несвязно, словно я марионетка, которую дергают за невидимые ниточки.

— Итак, — произносит Хейтмитч, когда видео заканчивается. — Кто-нибудь хочет убедить меня, что это пропо поможет нам выиграть войну? — Никто. — Отлично, сэкономим время. Давайте все замолчим на минутку. Я хочу, чтобы каждый из вас вспомнил один случай, когда Китнисс Эвердин искренне растрогала вас. Не когда вы завидовали ее прическе или когда заискрилось ее платье или когда она довольно сносно выстрелила из лука. Не когда вы любили ее из-за Пита. Я хочу услышать об одном моменте, когда она заставила вас по-настоящему что-то почувствовать.

Тишина затягивается, и я уже начинаю думать, что она никогда не закончится, когда слышу голос Ливи.

— Когда она вызвалась занять место Прим на Жатве. Потому что я уверена, она думала, что идет на верную смерть.

— Хорошо. Отличный пример, — восклицает Хейтмитч. Он берет фиолетовый маркер и пишет в блокноте. — Вызвалась вместо сестры на жатве. — Хейтмитч оглядывает сидящих за столом. — Кто-нибудь еще.

Я удивлена, увидев, что следующим высказывается Боггс, которого я всегда считала накачанным роботом, выполняющим приказы Койна.

— Когда она пела песню. Пока умирала та маленькая девочка.

У меня в голове всплывает образ Боггса с мальцом на коленях. Думаю, в столовой. Может, он все-таки человек.

— А кто не захлебнулся слезами в тот момент, верно? — говорит Хеймитч, записывая это в блокнот.

— Я плакала, когда она подмешала Питу в суп снотворное, чтобы пойти ему за лекарством, и когда она целовала его на прощание! — выпаливает Октавия. Затем она прикрывает рот рукой, будто сказала какую-то глупость. Но Хеймитч только одобрительно кивает.

— Да. Накачала Пита, чтобы спасти ему жизнь. Очень хорошо.

Случаи начинают беспорядочно сыпаться один за другим. Когда я взяла Руту в союзники. Протянула руку Чэфу после интервью. Пыталась нести Мэг. И еще и еще, когда достала те ягоды, что по-разному трактовалось разными людьми. Любовь к Питу. Отказ прогнуться под невыносимыми испытаниями. Вызов жестокости Капитолия.

Хеймитч поднимает блокнот вверх.

— А теперь вопрос. Что объединяет все вышеперечисленное?

— Это все принадлежит самой Китнисс, — тихо произносит Гейл. — Никто не указывал ей, что делать или говорить.

— Верно, спонтанность! — говорит Бити. Он дотягивается и гладит меня по руке. — Значит, мы просто должны оставить тебя в покое?

Все смеются. Даже у меня это вызывает легкую улыбку.

— Что ж, это все очень мило, но бесполезно, — начинает Фалвия сварливо. — К сожалению, все ее выдающиеся способности весьма ограничены здесь, в Тринадцатом. Поэтому, если только ты не предлагаешь зашвырнуть ее в эпицентр сражения —

— Как раз это я и предлагаю, — прерывает ее Хеймитч. — Отправить ее на поле и просто снимать.

— Но люди думают, что она беременна, — Гейл указывает на всеми позабытый факт.

— Мы пустим слух, что она потеряла ребенка из-за электрического удара на арене, — отвечает Плутарх. — Очень печально. Очень прискорбно.

Идея о том, чтобы послать меня в самую гущу событий, кажется весьма спорной. Но у Хеймитча весомые доводы. Если я могу исполнить свою роль только в реальных условиях, то именно туда я и должна отправиться.

— Пока мы наставляем ее, суем ей реплики, лучшее, на что мы можем рассчитывать, это «удовлетворительно». Все должно исходить от нее самой. Вот, на что реагируют люди.

— Даже если мы будем осторожны, мы не можем гарантировать ее безопасность, — говорит Боггс. — Она будет мишенью для каждого —

— Я хочу поехать, — вмешиваюсь я. — Здесь от меня никакой помощи.

— А если тебя убьют? — спрашивает Койн.

— Убедитесь, что успели хоть что-то снять. Тогда вы сможете это использовать, — отвечаю я.

— Отлично, — произносит Койн. — Но давайте не будем торопиться. Найдем наименее безопасную ситуацию, которая пробудит в тебе некую спонтанность. — Она проходится по Штабу, изучая освещенные карты дистриктов, которые показывают положение войск в данный момент. — Отвезите ее в Восьмой сегодня после обеда. Утром там была крупномасштабная бомбардировка, но, похоже, рейд закончился. Я хочу, чтобы она была вооружена и с группой охранников. Съемочная группа на земле. Хеймитч, вы будете в воздухе, но в постоянном контакте с ней. Давайте посмотрим, что там происходит. Будут еще какие предложения?

— Умойте ее, — говорит Далтон. Все оборачиваются на него. — Она ведь девочка, а вы сделали из нее тридцатипятилетнюю женщину. Выглядит неестественно. Будто что-то, произведенное Капитолием.

Когда Койн сворачивает собрание, Хеймитч спрашивает ее, может ли он поговорить со мной наедине. Все выходят, кроме Гейла, который неуверенно задерживается рядом со мной.

— О чем ты беспокоишься? — спрашивает его Хеймитч. — Это мне скорее нужен телохранитель.

— Все в порядке, — говорю я Гейлу, и он уходит. В комнате остается лишь жужжание инструментов и урчание вентиляционной системы.

Хеймитч садится напротив меня.

— Нам снова придется работать вместе. Поэтому давай. Просто скажи это.

Я вспоминаю о нашей грубой, ворчливой перебранке тогда на планолете. О моей злобе на него. Но я только говорю:

— Поверить не могу, что ты не спас Пита.

— Я знаю, — отвечает он.

Возникает какое-то чувство неполноценности. И не только потому что он не извинился. Но потому что мы были командой. У нас была сделка — защищать Пита. Хмельная, нереальная сделка, заключенная под покровом ночи, но это ничего не меняет. И в глубине души, я знаю — мы оба оплошали.

— Теперь ты, — говорю я ему.

— Поверить не могу, что ты выпустила его из виду в ту ночь, — отвечает Хеймитч.

Я киваю. Так оно и есть.

— Я прокручиваю это в голове снова и снова. Что я могла сделать, чтобы остаться с ним, не нарушая союза. Ничего не приходит на ум.

— У тебя не было выбора. И даже если бы я смог уговорить Плутарха остаться и спасти его той ночью, планолет просто бы рухнул. Мы и так едва улетели. — Я, наконец, встречаю взгляд Хеймитча. Морщинистый взгляд. Серые глубокие глаза, утяжеленные кругами бессонных ночей. — Он еще не умер, Китнисс.

— Мы все еще в игре, — я стараюсь звучать оптимистично, но голос надламывается.

— Все еще. И я по-прежнему твой ментор. — Хеймитч тыкает в меня маркером. — Когда будешь на земле, помни, я в воздухе. У меня обзор лучше, поэтому делай то, что я тебе говорю.

— Посмотрим, — отвечаю я.

Я возвращаюсь в Гримерку и наблюдаю, как полосы макияжа исчезают в водостоке, пока я натираю лицо. Девушка в зеркале с шероховатой кожей и усталыми глазами выглядит измученной, но она похожа на меня. Я срываю нарукавную повязку, обнажая уродливый шрам от жучка. Это тоже похоже на меня.

Так как я окажусь в зоне боевых действий, Бити помогает мне освоиться с броней, которую Цинна спроектировал для меня. Шлем выполнен из сплетенного металла, который плотно прилегает к голове. Материал эластичен, как ткань, и его можно сдвинуть назад как капюшон в случае надобности. Жилет, чтобы усилить защиту жизненно-важных органов. Маленький белый наушник, который крепится к воротнику проводом. Бити цепляет мне на пояс защитную маску, на случай газовой атаки.

— Если увидишь, что кто-то падает по неизвестной причине, немедленно надевай ее, — инструктирует он меня.

Наконец, он пристегивает колчан, разделенный на три отсека стрел.

— Просто запомни: правая сторона — огненные, левая сторона — взрывчатые, центр — обычные. Они не должны тебе потребоваться, но, как говорится, береженого бог бережет.

Объявляется Боггс, чтобы проводить меня до Воздушно-Десантного Отделения. Как раз когда подъезжает лифт, появляется взволнованный Финник.

— Китнисс, они не отпускают меня! Я сказал, что я в порядке, но они даже не позволяют мне лететь в планолете!

Я оглядываю Финника — голые ноги, торчащие между подолом больничного халата и тапочками, спутанные волосы, наполовину завязанная веревка, скрученная между его пальцами, дикий взгляд в глазах — и знаю, любая просьба, даже мольба, с моей стороны, будет бесполезна. Даже я думаю, что это не самая лучшая идея — брать его с собой. Поэтому я щелкаю себя по лбу и говорю:

— Ой, я совсем забыла. Дурацкое сотрясение. Я должна была передать тебе, чтобы ты заглянул к Бити в отдел Спецвооружения. Он спроектировал новый трезубец для тебя.

После слова «трезубец» мне кажется, будто я вижу прежнего Финника.

— Правда? А что он делает?

— Не знаю. Но если он из того же разряда, что и мои лук и стрелы, тебе он понравится, — заверяю я его. — Хотя, тебе придется потренироваться с ним.

— Да, конечно. Думаю, я лучше спущусь к нему, — говорит он.

— Финник? — зову я. — Может брюки наденешь?

Он смотрит на свои ноги, будто впервые замечая свой наряд. Затем он скидывает с себя больничный халат, оставаясь только в нижнем белье.

— Зачем? Ты находишь это, — он становится в нелепую вызывающую позу, — отвлекающим?

Я не могу сдержать смех, потому что это забавно, и это сверх забавно, потому что заставляет Боггса

чувствовать себя неловко, и я рада, потому что Финник ведет себя как тот парень, которого я встретила на Двадцатипятилетию Подавления.

— Я всего лишь человек, Одейр, — я захожу в лифте, пока двери не закрылись. — Извините, — говорю я Боггсу.

— Не стоит. Думаю, ты... здорово с этим справилась, — отвечает он. — Лучше, чем если бы я его арестовал.

— Да, уж, — протягиваю я, украдкой бросив на него косой взгляд. На вид ему около сорока пяти, коротко стриженные поседевшие волосы и голубые глаза. Невероятная выправка. Ранее на собрании он высказывался дважды, что заставляет меня предположить, что с ним лучше быть друзьями, чем врагами. Может, мне стоит дать ему шанс. Просто, кажется, он настолько предан Койн...

Слышится серия громких щелчков. Лифт на мгновение останавливается, а затем начинает двигаться влево.

— Он и по сторонам ездит? — удивляюсь я.

— Да. Под Тринадцатым располагается целая сеть элеваторных путей, — поясняет он. — Эта проходит как раз над транспортным блоком и ведет к пятой подъемной платформе. Она привезет нас в Ангар.

Ангар. Подземные строения. Спецоборона. Места, где выращивают еду. Энергия вырабатывается. Воздух и вода очищаются.

— Тринадцатый даже больше, чем я думала.

— По большому счету, это не наша заслуга, — говорит Боггс. — Мы унаследовали это место. Все, что от нас требовалось, это поддерживать его в рабочем состоянии.

Щелчки возобновляются. Мы снова падаем вниз — всего пару уровней — и двери открываются в Ангаре.

— Ого, — вырывается у меня от вида флотилии. Бесчисленные ряды всевозможных планолетов. — Их вы тоже унаследовали?

— Некоторые создали мы сами. Некоторые раньше входили в состав воздушных сил Капитолия. Конечно, мы их усовершенствовали, — говорит Боггс.

И снова я чувствую приступ ненависти к Тринадцатому.

— Значит, у вас было все это, и вы оставили другие дистрикты беззащитными перед Капитолием.

— Все не так просто, — защищается он. — Мы не могли начать контратаку до недавнего времени. Мы едва выжили. Когда мы свергли и казнили приспешников Капитолия, всего горстка людей могли управлять планолетами. Да, мы могли ударить по ним ракетами. Но есть более важный вопрос: если мы вступим в ядерную войну с Капитолием, останется ли на земле хоть что-нибудь живое?

— Пит говорил тоже самое. А вы назвали его предателем, — возражаю я.

— Потому что он призывал к разоружению, — говорит Боггс. — Вот увидишь, ни одна сторона не сократила ядерный арсенал. Мы решаем это старым способом. Сюда, Солдат Эвердин, — он указывает на один из небольших планолетов.

Я поднимаюсь по ступенькам и обнаруживаю внутри съемочную группу и их оборудование. Все остальные одеты в серые военные комбинезоны Тринадцатого, даже Хеймитч, хотя он выглядит недовольным своим облегающим воротником.

Фалвия Кардью пропихивается вперед и разочаровано вздыхает, увидев мое лицо.

— Вся работа коту под хвост. Я не виню тебя, Китнисс. Просто очень мало людей рождаются с готовыми к съемкам лицами. Вот как он. — Она обнимает Гейла, который в этот момент общался с Плутархом, и разворачивает его к нам. — Разве он не красавец?

Полагаю, Гейл и правда выглядит поразительно в униформе. Но этот вопрос лишь смущает нас обоих. Я пытаюсь придумать остроумный ответ, когда Боггс вдруг выдает.

— Нас не так-то легко поразить. Мы только что видели Финника в одних трусах.

Я решаю, что Боггс мне все-таки нравится.

Нас предупреждают о готовящемся взлете; я сажусь рядом с Гейлом, напротив Хеймитча и Плутарха, и пристегиваю ремень безопасности. Мы скользим сквозь лабиринт туннелей, которые выходят на платформу. Своеобразный лифт медленно поднимает судно вверх через уровни. Внезапно мы оказываемся на огромном поле, окруженном лесом, поднимаемся с платформы и нас тут же окутывают облака. Теперь, когда волна

возбуждения, приведшая к этой миссии, приутихла, я осознаю, что понятия не имею, что меня ждет в этой поездке в Дистрикт-8. В действительности, я почти ничего не знаю о состоянии войны. Или чего нам будет стоить победить. Или что произойдет, если мы победим.

Плутарх пытается изложить все это для меня простыми словами. Во-первых, на данный момент все дистрикты находятся в состоянии войны с Капитолием, за исключением Второго, у которого всегда были привилегированные отношения с нашим врагом, несмотря на их участие в Голодных Играх. У них больше еды и лучшие жилищные условия. После Темного Времени и мнимого уничтожения Тринадцатого, Дистрикт-2 стал новым центром обороны Капитолия, хотя для всех он оставался домом национальных каменоломен, так же как Тринадцатый в свое время был известен за добычу графита. Дистрикт-2 не только разрабатывает оружие, но и тренирует и поставляет в другие дистрикты Миротворцев.

— То есть... некоторые Миротворцы родились во Втором? — спрашиваю я. — Я думала, они все из Капитолия.

Плутарх кивает.

— Предполагается, что вы так и будете думать. И некоторые действительно из Капитолия. Но его население не смогло бы обеспечить силы такого размера. К тому же граждане Капитолия не горят желанием обрекать себя на скучную жизнь постоянных лишений. Двадцать лет на посту Миротворца, ни семьи, ни детей. Некоторые поступают на службу, потому что это престижно, другие — в качестве альтернативы наказанию. Например, вступишь в ряды Миротворцев, и тебе простят долги. В Капитолии многие люди по уши в долгах, но не все из них годятся на военную службу. Поэтому мы обратились к Дистрикту-2 за дополнительным набором. Для них это шанс выбраться из нищеты и каменоломен. Им с детства прививают бойцовский склад ума. Ты же видела, как их дети стремятся стать трибунами.

Катон и Мирта. Брут и Энобария. Я видела их рвение и жажду крови.

— Но все остальные дистрикты на нашей стороне? — спрашиваю я.

— Да. Наша цель — захватить дистрикты один за другим, заканчивая Вторым, тем самым отрезая Капитолий от поставок продуктов. Затем, когда он ослабеет, мы вторгнемся в его владения, — объясняет Плутарх. — Это будет совершенно новое испытание. Но будем решать проблемы по мере поступления.

— Если мы выиграем, кто встанет во главе государства? — спрашивает Гейл.

— Все, — отвечаем ему Плутарх. — Мы сформируем республику, тогда жители каждого дистрикта и Капитолия смогут выбирать представителей, которые будут представлять их интересы в централизованном правительстве. Не смотрите так подозрительно: эта система раньше работала.

— В книгах, — бормочет Хеймитч.

— В книгах по истории, — поправляет его Плутарх. — И если наши предки смогли это сделать, сможем и мы. Честно говоря, нашим предкам нечем похвастаться. Я имею ввиду, посмотрите, в каком состоянии они нас оставили — с войнами и разрушенной планетой. Очевидно, им было плевать на то, что будет с людьми, живущими после них. Но идея с республикой звучит как значительное улучшение нашего нынешнего правительства.

— А если мы проиграем? — спрашиваю я.

— Если мы проиграем? — Плутарх рассматривает облака, и на его губах появляется ироничная улыбка. — Тогда, думаю, в следующем году нас ожидают незабываемые Голодные Игры. Они всегда мне об этом напоминают, — он достает пузырек из своего жилета, вытряхивает несколько лиловых таблеток на ладонь и протягивает нам. — Мы назвали их «морник» в твою честь, Китнисс. Повстанцы не могут позволить себе нашего заключения. Но я обещаю, это будет совершенно безболезненно.

Я беру капсулу и не знаю куда ее деть. Плутарх тыкает пальцем мне в плечо на передней части левого рукава. Я присматриваюсь и вижу крошечный кармашек, который и защищает и маскирует таблетку. Даже если у меня будут связаны руки, я смогу наклонить голову и откусить ее.

Похоже, Цинна продумал все до мелочей.

Стремительными спиралевидными маневрами планолет опускается на широкую дорогу в окрестностях Восьмого. Моментально открываются двери и опускается лестница, с которой мы спрыгиваем на асфальт. Едва последний пассажир ступает на землю, планолет поднимается в воздух и улетает. Меня оставляют на попечение телохранителям в лице Гейла, Боггса и двух других солдат. Съёмочная группа состоит из пары Капитолийских операторов, с тяжелыми переносными камерами, нагроможденными на их тела как раковины диковинных насекомых, режиссера, женщины по имени Крессида с бритой головой, украшенной татуировками в виде виноградных лоз, и ее помощника, Мессаллы, стройного молодого человека, уши которого сплошь увешаны сережками. Присмотревшись, я замечаю, что он носит серьгу с серебряным шариком и в языке.

Как только Боггс отпихивает нас в сторону от дороги, ближе к складам, второй планолет заходит на посадку. Этот перевозит команду из шести врачей, как я догадываюсь по их белой униформе, и запасы медикаментов. Мы все направляемся вслед за Боггсом вниз по тропинке, идущей между двумя высокими серыми складами. Изредка на обшарпанных стенах встречаются лестницы, ведущие на крышу. Когда мы выходим на широкую дорогу, кажется, будто мы попадаем в иной мир.

Раненых в утренней бомбежке несут внутрь. На самодельных носилках, в тачках и тележках, перекинув через плечо и просто крепко зажав в руках. С кровотечениями, без конечностей, без сознания. Отчаявшиеся сограждане тащат их к складу с небрежно намалеванным красным крестом над дверным проемом. Напоминает картинки из прошлого на старой кухне, где моя мать ухаживала за умирающими, только здесь их в десятки, в сотни раз больше. Я ожидала увидеть разрушенные бомбежками здания, а вместо этого оказываюсь окруженная изуродованными человеческими телами. Это здесь они меня снимать собираются? Я поворачиваюсь к Боггсу.

— Это не сработает, — говорю я. — Здесь у меня ничего не выйдет.

Скорее всего он замечает панику на моем лице, потому что останавливается на секунду и кладет руки мне на плечи.

— Выйдет. Просто дай им себя увидеть. Ты подействуешь на них лучше всякого лекарства, которые могут предложить врачи.

Женщина, принимающая пациентов, замечает нас. Присмотревшись и убедившись, что зрение ее не подводит, она широкими шагами направляется в нашу сторону. Ее темно карие глаза выглядят припухшими и уставшими, и от нее несет металлом и потом. Повязку на ее горле не плохо было бы сменить еще дня три назад. Ремень от автомата, болтающегося у нее за спиной, врежется ей в шею, поэтому она дергает плечом, ища более удобное положение. Жестом большого пальца, она направляет медиков внутрь склада. Они повинуются без вопросов.

— Это Командующая Восьмым Пэйлор, — говорит Боггс. — Капитан, это Солдат Китнисс Эвердин.

Для капитана она выглядит довольно-таки молодо. Тридцать с небольшим. Но в ее голосе столько власти, что у тебя не возникает никаких причин сомневаться в ее назначении. Рядом с ней, в своей новенькой форме, начищенной и сияющей, я чувствую себя глупым новобранцем, неопытным, только начинающим разбираться в жизни.

— Да, я знаю, кто она такая, — говорит Пэйлор. — Значит ты жива. Мы были не уверены. — Я ошибаюсь, или в ее голосе проскальзывают обвинительные нотки?

— Я сама еще не уверена, — отвечаю я.

— Долгий реабилитационный период. — Боггс тихонько постукивает по голове. — Сильное сотрясение. — Его голос на секунду понижается. — Выкидыш. Но она настаивала на приезде, чтобы увидеть раненых.

— Ну, их у нас достаточно, — говорит Пэйлор.

— Вы думаете, это хорошая идея? — спрашивает Гейл, недовольно разглядывая госпиталь. — Размещать раненых вот так?

Я не думаю. Любая заразная болезнь распространиться здесь как пламя в сухой траве.

— Ну, думаю, это куда лучше, чем просто бросить их умирать, — говорит Пэйлор.

— Я не это имел в виду, — отвечает Гейл.

— Ну, пока что эта является еще одной моей задачей. Но если вы пришли с третьей и если за ней стоит Койн, то я вся в внимании. — Пэйлор машет мне по направлению к двери. — Пойдем внутрь, Сойка-пересмешница. И захвати с собой друзей.

Я оглядываюсь на клоунату в лице моей съемочной группы, набираюсь решимости и следую за ней в госпиталь. Какие-то тяжелые промышленные занавеси свисают с потолка здания, образуя подобие коридора. Группы лежат бок о бок друг с другом, занавеси обтираются о их головы, лица покрыты белой тканью. — Общая могила вырыта в нескольких кварталах к западу отсюда, но пока у меня нет свободных рук, чтобы отнести их туда, — говорит Пэйлор. Она находит проем в занавеси и открывает его шире.

Я хватаюсь за запястье Гейла.

— Не отходи от меня ни на шаг, — говорю я, затаив дыхание.

— Я рядом, — спокойно отвечает он.

Я делаю шаг внутрь, и получаю внезапный удар по обонянию. Руки интуитивно тянутся к лицу зажать нос, чтобы не ощущать ужасной вони исходящей от засаленных покрывал, разлагающейся плоти и блевотины, которые уже порядком стухли в нагретом здании склада. Они держат окна, идущие крест на крест, встроенные в металлическую крышу, открытыми, но любой воздух, проникающий в них, просто не может пробиться сквозь застоявшийся смог зловония. Солнечные лучи из крошечных окон служат единственным освещением, поэтому когда мои глаза привыкают, я могу разглядеть многочисленные ряды раненых. На раскладушках, на подстилах, даже на полу, потому что их было так много, а места так мало. Жужжание жирных мух, стоны страдающих людей, всхлипывания их родных и близких, все звуки сплетаются в один адский хор.

В дистриктах нет настоящих больниц. Мы умираем дома, хотя в данной ситуации такой вариант покажется просто сказкой, по сравнению с тем, что сейчас происходит на моих глазах. А потом я вспоминаю, что, скорее всего, большинство этих людей потеряли свои дома в бомбежках.

Начинают потеть ладони, пот катится по спине. Я дышу через рот, пытаюсь не замечать вони. Перед глазами кишат черные точки, и мне кажется, что я вот-вот упаду в обморок. Но потом я ловлю взгляд Пэйлор, которая смотрит на меня столь пристально, ожидая увидеть из чего же я сделана, и были ли они правы, думая, что могут рассчитывать на меня. Поэтому я отцепляюсь от Гейла и направляюсь вглубь склада, протискиваясь в узкий проход между двумя рядами коек.

— Китнисс? — Слева раздается голос, вырываясь из общего гула. — Китнисс? — Из ниоткуда меня хватается чья-то рука. Я цепляюсь за нее для поддержки. Рука принадлежит молодой женщине с ранеными ногами. Кровь сочится сквозь массивные повязки, на которых кишат мухи. На ее лице отражается боль, и что-то еще, что-то совсем несовместимое с ее состоянием. — Это правда ты?

— Да, это я. — Я отстраняюсь.

Радость. Вот что отражается на ее лице. Услышав мой голос, оно озаряется, моментально стирая все признаки муки и страдания.

— Ты жива! Мы не знали. Люди говорили, что ты жива, но точно мы не знали! — говорит она.

— Меня неплохо потрепало. Но сейчас мне лучше, — отвечаю я. — И вы тоже поправитесь.

— Мне нужно сказать брату! — Женщина пытается сесть и позвать кого-то через несколько кроватей. — Эдди! Эдди! Она здесь! Это Китнисс Эвердин!

Мальчик, лет двенадцати, поворачивается в нашу сторону. Повязка скрывает половину его лица. Часть рта, как я замечаю, открывается, будто он хочет воскликнуть. Я подхожу к нему, убираю со лба волнистые каштановые пряди. Он что-то пытается произнести. Он не может говорить, но его здоровый глаз рассматривает на меня с таким упорством, словно он пытается запомнить каждую черточку моего лица.

Я слышу свое имя разрывающее горячий воздух, распространяющееся по госпиталю.

— Китнисс! Китнисс Эвердин!

Звуки боли и горести отступают, им на смену приходят слова надежды. Со всех сторон меня зовут голоса. Я начинаю продвигаться, пожимая руки, протянутые ко мне, с теми, кто не мог двигаться, я разговариваю, здороваюсь, спрашиваю как дела, говорю, что рада встрече. Ничего особенного, никаких громких слов воодушевления. Но это и неважно. Богс прав. Один лишь взгляд на меня, живую, уже вдохновляет их.

Требовательные пальцы поглощают меня, желая ощутить мою плоть. Раненый мужчина обхватывает ладонями мое лицо, и я мысленно благодарю Далтона за предложение смыть макияж. Как смешно и нелепо я бы выглядела в глазах этих людей в Капитолийской нарисованной маске. Шрамы, усталость, несовершенство.

Именно такой они знают меня, именно это роднит меня с ними.

Несмотря на сомнительное интервью с Цезарем, многие спрашивают о Пите, уверяют меня, что он говорил по принуждению, что им это известно. Я стараюсь выдать из себя как можно больше позитива, говоря о нашем будущем, но когда они узнают, что я потеряла ребенка, они расстраиваются. Я хочу признаться и рассказать одной рыдающей женщине, что все это было обманом, просто удачным ходом в игре, но образ лжеца не пойдет Питу на пользу. Или мне. Или Благому делу.

Я начинаю по-настоящему понимать, как далеко зашли люди, чтобы защитить меня. Что я значу для всех этих мятежников. В этой непрекращающейся битве против Капитолия, которая часто казалась мне одиночным путешествием, я была не одна. На моей стороне были тысячи и тысячи людей из дистриктов. Я стала их Сойкой-пересмешницей задолго до того, как вошла в эту роль.

Во мне начинают зарождаться новые чувства. Хотя осознаю я их только тогда, когда уже, стоя на столе, машу рукой на прощание толпе, которая скандирует моё имя. Власть. Я обладаю властью, о которой даже и не подозревала. А Сноу знал с тех самых пор, как я вытащила те ягоды. И Плутарх знал, когда спасал меня с арены. И Койн теперь знает. Причем моя власть настолько сильна, что она вынуждена публично напоминать людям о том, что это она владеет ситуацией.

Когда мы выходим на улицу, я прислоняюсь к стене склада, пытаюсь перевести дыхание, и с удовольствием принимаю фляжку с водой, которую протягивает мне Боггс.

— Ты великолепно справилась, — говорит он.

Ну да, не упала в обморок, меня не вырвало и я не убежала с воплями и криками. По большому счету, я просто прокатилась на волне эмоций, захлестнувшей это место.

— Мы отсняли неплохой материал, — говорит Крессида. Я смотрю на оператора-«насекомого», из-под аппаратуры струится его пот. Мессала делает какие-то пометки. А я даже и забыла, что они меня снимают.

— Да я ничего не сделала, — отвечаю я.

— Многие из твоих прошлых поступков делают тебе честь, — поясняет Боггс.

А что я сделала в прошлом? Я думаю о тени разрушений, преследующей меня по пятам. Колени подкашиваются, и я сползаю вниз по стене.

— Это еще с какой стороны посмотреть.

— Ну, может ты и неидеальна. Времена остаются теми же, тебе придется действовать.

Гейл садится рядом со мной, качая головой.

— Поверить не могу, что ты позволила всем этим людям трогать себя. Я все ждал, когда же ты бросишься к выходу.

— Заткнись, — говорю я, смеясь.

— Твоя мама будет тобой гордиться, когда увидит съемку, — говорит он.

— Моя мама меня там и не заметит. Она будет слишком ошарашена здешними условиями. — Я поворачиваюсь к Боггсу и спрашиваю. — И так в каждом дистрикте?

— Да, большинство под обстрелом. Мы пытаемся доставить помощь, куда только возможно, но этого недостаточно. — На минуту он замолкает, отвлекаясь на что-то в своем наушнике. Я осознаю, что не слышала до сих пор голос Хейтмича, и начинаю копать в своем, проверяя, не сломался ли он. — Нам необходимо улетать. Немедленно, — говорит Боггс, поднимая меня рукой. — Возникли проблемы.

— Какие еще проблемы? — спрашивает Гейл.

— Бомбардировщики на подходе, — говорит Боггс. Он протягивает руку мне за шею и натягивает шлем Цинны мне на голову. — Вперед!

Не понимая, что происходит, я бегу вдоль стены склада, по тропинке, ведущей к взлетно-посадочной полосе. Только я не чувствую никакой внезапной угрозы. В безоблачном голубом небе никого. На у лицах тоже, не считая людей, которые тащат раненых к госпиталю. Никаких врагов, никакой тревоги. Но в следующее мгновение завывает сирена. За считанные секунды над нами появляются Капитолийские штурмовики V-образной формы и из них начинают сыпаться бомбы. Меня отшвыривает в стену склада. Сразу же я ощущаю жгучую боль чуть выше коленного сгиба на правой ноге. Что-то ударило в спину, но видимо мой жилет

воспрепятствовал проникновению внутрь. Я пытаюсь встать, но Боггс пихает меня обратно на землю, прикрывая своим телом. Земля сотрясается каждый раз, как из планолетов падают бомбы.

Будучи прижатой к стене, когда бомбы дождем сыплются с неба и взрываются вокруг, испытываешь поистине ужасающие ощущения. Как там говорил мой отец про легкую добычу? Не бей лежачего. Мы те самые лежачие.

— Китнисс! — слышу я голос Хейтмича.

— Что? Да, что? Я здесь! — отвечаю я.

— Слушай меня. Пока они бомбят, мы приземлиться не можем. Главное, чтобы они не вычислили тебя, — говорит он.

— А они что, не знают, что я тут? — удивляюсь я. Обычно, наказывают за мое присутствие.

— Разведчики считают, что нет. Что это нападение было спланировано заранее, — объясняет Хейтмич.

Присоединяется голос Плутарха, спокойный, но властный. Голос Главы распорядителей Игр, привыкшего отдавать приказы в подобных ситуациях.

— Через три здания от вас есть голубой склад. Там есть бункер в дальнем северном углу. Вы сможете туда добраться?

— Сделаем, все, что от нас зависит, — говорит Боггс. Видимо Плутарх подключился ко всем, потому что подсказывают и съемочная группа, и мои телохранители. Я инстинктивно ищу глазами Гейла. Он стоит на ногах, его не задело.

— У вас около сорока пяти секунд до следующего нападения, — предупреждает Плутарх.

Из меня вырывается стон от боли в ноге, когда я поднимаюсь, но продолжаю двигаться. Нет времени осматривать ранение. В любом случае, сейчас вообще лучше туда не смотреть. К счастью, на мне обувь, которую смоделировал для меня Цинна. Соприкасаясь с асфальтом, она с легкостью отталкивается от него при расслаблении ноги. В тех неподходящих по размеру ботинках, которые мне выдали в Тринадцатом Дистрикте я была бы безнадежна. Боггс продвигается во главе, но больше никто меня не обгоняет. Наоборот, они прикрывают меня со спины и по бокам. Я через силу заставляю себя бежать, а секунды утекают как вода. Мы пробегаем второй серый склад и бежим вдоль грязной коричневой стены. Впереди виднеется голубое здание. Бункер там. Мы подбегаем к последней площадке, перебежать нужно только ее, чтобы добраться до двери склада, но внезапно начинается новая волна взрывов. Я инстинктивно кидаюсь на землю и начинаю катиться к голубой стене. На этот раз своим тело меня прикрывает Гейл, защищая собой от осколков. На этот раз бомбежка длится дольше, но и мы на этот раз дальше.

Я переворачиваюсь на бок и понимаю, что смотрю прямо в глаза Гейлу. На мгновение все отступает на второй план, перед глазами остается только его пылающее лицо, венка, пульсирующая на виске, его слегка приоткрытые губы, потому что он пытается перевести дыхание.

— С тобой все в порядке? — спрашивает он, его слова заглушаются взрывами.

— Да, не думаю, что они меня заметили, — отвечаю я. — Я имею ввиду, они не преследуют нас.

— Нет, у них есть еще какая-то цель, — говорит Гейл.

— Я знаю, но тут больше ничего... — Осознание приходит к нам в один и тот же момент.

— Госпиталь, — Гейл подрывается, крича эту новость другим. — Госпиталь — их цель!

— Это не твоя проблема, — жестко отрезает Плутарх. — Доберитесь до бункера.

— Но тут ничего нет, кроме раненых! — говорю я.

— Китнисс. — Я слышу предупреждающий голос Хейтмича и знаю, чего ждать дальше. — Неужели ты даже не думаешь... — Я выдергиваю наушник и оставляю его висеть на проводке. Избавившись от раздражителя, я слышу другой звук. С крыши грязно-коричневого склада на другой стороне площадки раздается автоматная очередь.

Кто-то отстреливается. Прежде чем кто-нибудь успеваешь остановить меня, я кидаюсь к лестнице и начинаю забираться вверх. Карабкаюсь. Единственная вещь, которая у меня получается лучше всего.

— Не останавливайся! — слышу я Гейла позади себя. Затем звуки ударов его ботинок о чье-то лицо. Если это Боггс, то Гейл дорого поплатится об этом позже. Я добираюсь до крыши и ступаю на смоляное покрытие. Останавливаюсь, чтобы помочь Гейлу, а затем мы направляемся к пулеметным гнездам, расположенным на стороне крыши, смотрящей на противоположную улицу. Выглядели они так, будто ими должны были управлять несколько повстанцев. Мы проскальзываем к паре солдат, пригибаясь за уровень барьера.

— Боггс знает, что вы наверху? — Слева от нас за одним из пулеметов я вижу Пэйлор, с вопросительным взглядом в глазах.

Я пытаюсь избежать ответа на вопрос, чтобы не врать открыто.

— Он знает, где мы, все в порядке.

Пэйлор смеется.

— Да я уверена, что знает. Вас этому учили? — Она хлопает по рукоятке оружия.

— Меня, да. В Тринадцатом, — говорит Гейл. — Но я бы лучше своим оружием воспользовался.

— Да, у нас есть луки, — я поднимаю свой, и только потом понимаю, насколько безобидным он выглядит. — Он может причинить больше вреда, чем кажется.

— Уж лучше бы это было так, — говорит Пэйлор. — Ладно. На подходе еще три нападения, как нам кажется. Сначала им придется снять визуальные щиты, делающие их невидимыми. Потом они начнут сбрасывать бомбы. Держитесь как можно ниже. — Я села на одно колено для более удобной стрельбы.

— Лучше начать с огненных, — говорит Гейл.

Я киваю и достаю стрелу из правого колчана. Если мы не попадем в цель, стрелы куда-то да приземлятся, скорее всего на склад через дорогу. Может разгореться огонь, но вот если будет взрыв, вред может быть непоправим.

Внезапно они появляются в небе, за два квартала, примерно в ста метрах над нами.

Семь маленьких бомбардировщиков летели клином.

— Гуси! — Ору я Гейлу. Уж он-то точно понял, что я имела ввиду. В течение миграционного сезона, когда мы охотились на дичь, мы разработали систему разделения птиц, и таким образом не целимся в одну и ту же. Я беру себе дальнее ответвление косяка, а Гейл — ближнее. Начиная с самой дальней мы добирались до замыкающей клин птицы. Тут времени на обсуждение нет. Я оцениваю оставшееся время и стреляю. Я попадаю в крыло одного из планолетов, отчего тот загорается. Гейл промахивается. Огонь вспыхивает на крыше пустого склада напротив нас. Он чертыхается, еле слышно.

Планолет, который подстрелила я, выходит из строя, но все еще продолжает скидывать бомбы. По крайней мере, он не исчезает, так же как и тот, что подстрелили пулеметом. Скорее всего был поврежден визуальный щит.

— Отличный выстрел, — говорит Гейл.

— Я не в этот целилась, — бормочу я. Я смотрю на планолет, идущий перед тем, что я подстрелила.

— А они быстрее, чем мы думали.

— По местам! — кричит Пэйлор. Следующая группа планолетов уже на подходе.

— Огненные стрелы — не лучший вариант, — говорит Гейл. Я киваю и мы оба достаем стрелы со взрывающимися наконечниками. В любом случае, тот склад напротив уже не спасти.

Пока планолеты подлетают ближе, я принимаю другое решение.

— Я встаю! — кричу я Гейлу, и поднимаюсь на ноги. Позиция, из которой я могу достичь максимальной точности. Я веду прицел перед планолетом и наношу точный удар, продырявив его днище. Гейл попадает в хвост следующего. Он планирует и падает на дорогу, порождая серию взрывов, когда огонь добирается до смертоносного груза.

Внезапно, появляется третий клин планолетов. В этот раз Гейл точно поражает свою цель. Я задеваю крыло второго бомбардировщика, из-за чего он резко кренится и врезается в другой. Вместе они падают на склад через дорогу от госпиталя. Четвертый планолет поражает выстрел из пулемета.

— Вот так, это все, — говорит Пэйлор.

Пламя и дым, столбящийся от развалин, препятствует обзору.

— Они попали в госпиталь?

— Должно быть, — говорит она угрюмо.

Помчавшись в сторону лестницы на дальнем конце склада, я замечаю Мессала и одного из операторов, возникших из-за воздуховода. Это меня удивляет. Я думала, что они все еще сидят, притаившись, внизу.

— Они нравятся мне все больше, — говорит Гейл.

Я спускаюсь по лестнице. Когда я оказываюсь на земле, то вижу, что телохранитель, Крессида и остальные

тоже тут. Я ожидаю взбучки, но Крессида просто машет мне по направлению к госпиталю. Она вопит:

— Мне плевать, Плутарх! Просто дай мне еще пять минут! — Не спрашивая ни у кого разрешения, я выхожу на улицу.

— О нет, — шепчу я, как только вижу госпиталь. То есть то, что раньше называлось госпиталем. Я двинулась, минуя раненных и разрушенные самолеты, сконцентрировавшись лишь на разрушенном здании впереди. Люди кричат, неистово бегают вокруг не в силах помочь. Бомбы рухнули на крышу госпиталя, тем самым поджигая здание и оставляя раненных в ловушке. Тут же образовывается группа спасателей, которые пытаются прочистить вход внутрь. Но я уже представляю, что они там обнаружат. Если обломки и огонь их не задели, то дым точно сделал свое дело.

Гейл обнимает меня за плечи. То, что он не кидается на помощь, только усиливает мои подозрения. Шахтеры не опускают руки, пока еще не все потеряно.

— Пойдем, Китнисс. Хейтмич сказал, что теперь он может прислать планолет за нами, — говорит он мне. Но, кажется, я не могу пошевелиться.

— Зачем они это делают? Зачем они нападают на людей, которые и так умирают? — спрашиваю я его.

— Чтобы напугать остальных. Чтобы раненые не искали помощи, — говорит Гейл. — Все эти люди были бесполезны. Для Сноу, во всяком случае. Если Капитолий победит, что они будут делать с толпами покалеченных рабов?

Я вспоминаю те времена, когда мы охотились в лесах, и я слушала сетования Гейла на Капитолий. Я не уделяла этому особого внимания. Удивлялась, зачем он вообще хочет раскрыть их мотивы. Какое имеет значение, поймешь ты мысли своего врага или нет. Очевидно, сегодня это имело бы значение. Когда Гейл поставил под сомнение правильность расположения госпиталя, он думал не о ранениях и не о заболеваниях, он думал об этом. Потому что он никогда недооценивает жестокость тех, с кем нам пришлось столкнуться.

Я медленно разворачиваюсь спиной к госпиталю и вижу Крессида, порхающую меж «насекомых», в паре метров от меня. Ее манеры непоколебимы. Даже холодны.

— Китнисс, — говорит она, — Президент Сноу только что показал эту бомбежку в прямом эфире. Затем он сделал заявление, в котором сказал, что это его способ предупредить мятежников. Что ты об этом думаешь? Хочешь ли ты передать что-нибудь повстанцам?

— Да, — шепчу я. Красный огонек, мигающий на одной из камер, привлекает мое внимание. Я знаю, меня снимают. — Да, — говорю я уже более уверенно. Все отходят от меня в стороны — Гейл, Крессида, операторы — предоставляя мне сцену. Я фокусируюсь на красной лампочке. — Хочу сказать повстанцам, что я жива. Что я тут, в Восьмом Дистрикте, где Капитолий только что атаковал госпиталь, полный небооруженных людей, женщин и детей. Там не выжил никто. — Шок, который я испытала, начинает перерождаться в гнев. — Я хочу сказать людям, что если вы думаете, будто Капитолий обойдется с вами справедливо после прекращения военных действий, вы глубоко заблуждаетесь. — Мои руки взмывают вверх автоматически, показывая весь ужас, творящийся вокруг меня. — Вот, что они сделали! И Мы должны дать им бой!

Я двигаюсь ближе к камере, подгоняемая собственной яростью.

— Президент Сноу говорит, что предупреждает нас? Что ж, я тоже хочу его предупредить. Вы можете мучить и бомбить нас, сжигать наши Дистрикты до основания, но видите вот это? — Одна из камер проследила за моей рукой, указывающей на горящий планолет на крыше склада напротив нас. Капитолийский герб четко просматривался сквозь пламя. — Огонь занялся! — Я перехожу на крик, чтобы он не пропустил ни слова. — И если сгорим мы, вы сгорите вместе с нами!

Мои последние слова повисают в воздухе. Кажется, будто я застыла во времени. Воспарила над землей в облаке жара, образующегося не от окружающих меня пожаров, а от меня самой.

— Снято! — Голос Крессиды возвращает меня к реальности, остужая мой пыл. Она кивает в знак одобрения.

— То, что надо!

Появляется Боггс и хватает меня за руку, но я не собираюсь убежать. Я бросаю взгляд на больницу — как раз вовремя, чтобы успеть увидеть все, что осталось от здания — и силы покидают меня. Всех этих людей: сотен раненых, их родственников и врачей из Тринадцатого — их больше нет.

Я поворачиваюсь к Боггсу, и вижу кровоподтек на его лице, оставленный ботинком Гейла. Я не специалист, но его нос определенно сломан. Тон его голоса, скорее, властный, нежели сердитый. — Возвращайся к взлетно-посадочной полосе.

Я послушно делаю шаг вперед и тут же корчусь от ужасной боли в правом колене. Действие адреналина, который все это время заглушал боль, прошло, и теперь поврежденная часть моего тела ныла от боли. Я избита и истекаю кровью, и ощущение такое, будто что-то стучит в моем левом виске. Боггс быстро изучает мое лицо, подхватывает на руки и бежит по взлетной полосе. На полпути к ней меня вытошнило на его бронезилет. Из-за его учащенного дыхания я не совсем уверена в этом, но мне показалось, что он вздохнул.

Небольшой планолет, не похожий на тот, который доставил нас сюда, ждет нас на взлетной полосе. Моя вторая команда поднимается на борт, и мы взлетаем. На этот раз нет ни удобных сидений, ни иллюминаторов. Мы словно очередной перевозимый груз. Боггс оказывает остальным первую медицинскую помощь, чтобы они продержались до Тринадцатого. Я хочу снять свой бронезилет, так как он был изрядно запачкан рвотой, но сейчас слишком холодно, чтобы беспокоиться об этом. Я лежу на полу, положив голову на колени Гейлу. Последнее, что я помню — Боггс, накрывающий меня парой мешков из брезента.

Просьпаюсь я в тепле, вся закутанная, на своей старой кровати в больнице. Рядом находится мама, она проверяет мои показатели.

— Как ты себя чувствуешь?

— Немного потрепанной, но все в порядке, — говорю я.

— Никто даже не сказал нам, куда вы уехали, до тех пор, пока вы не вернулись, — говорит она.

Меня пронзает чувство стыда. После того, как моя семья была вынуждена дважды отправить меня на Голодные Игры, я не могу позволить себе упускать подобные детали.

— Мне очень жаль. Они не ожидали нападения. Предполагалось лишь, что я навещу пострадавших, — объясняю я. — В следующий раз я попрошу их обсудить это с тобой.

— Китнисс, со мной никто ничего не обсуждает, — говорит она.

И это правда. Даже я не обсуждаю с ней что-либо. С тех пор, как умер мой папа. Тогда к чему притворяться?

— Ну, тогда я велю... предупредить тебя в любом случае.

На тумбочке лежит осколок, который они вытащили из моей ноги. Поскольку мое сотрясение еще не совсем прошло, доктора намного более озабочены сотрясением мозга, полученным от взрывов. Но у меня не двоится в глазах, ничего подобного, и я вполне могу ясно мыслить. Я проспала весь вечер и ночь, и я ужасно голодна.

Мой завтрак ничтожно мал. Всего несколько кусочков хлеба, размоченные в теплом молоке.

Меня позвали в Штаб на раннее утреннее совещание. Я начинаю подниматься, и тут же понимаю, что они планируют привезти меня туда прямо на больничной койке. Я хочу ходить, поэтому негативно отношусь к идее отвезти меня на собрание в инвалидной коляске. Ведь я на самом деле чувствую себя отлично. Ну не считая мою голову и ногу, и пульсирующую боль в местах ушибов, и тошноту, которая подкатила ко мне уже через пару минут после еды. Так что не исключено, что инвалидная коляска не такая уж и плохая идея.

Как только меня сдвигают с места, я начинаю переживать о том, что меня ждет. Мы с Гейлом вчера нарушили приказ, и Боггс может доказать это своими травмами. Естественно, наши действия будут иметь последствия, но на сколько тяжелые? Аннулирует ли Койн наше соглашение о неприкосновенности победителей? Не лишила ли я Пита той защиты, которую могла ему дать?

Добравшись до Штаба, обнаруживаю там лишь Крессида, Мессаллу и насекомых.

Мессалла лучезарно улыбается и говорит: — Это же наша маленькая звезда! — а все остальные улыбаются так искренне, что я не могу не улыбнуться в ответ.

Когда мы были в Восьмом, они удивили меня еще сильнее, во время бомбардировки последовав за мной на крышу и оставив Плутарха, отступая, заполучить кадры, которые были так им нужны. Они не просто выполняют свою работу, они испытывают гордость за нее. Так же, как и Цинна.

У меня возникает странная мысль, что окажись мы на арене вместе, я выбрала бы их в союзники. Крессида,

Мессаллу, и... и...

— Я должна перестать называть вас "насекомыми", — выпаливаю я операторам.

Я объясняю, что имена их мне неизвестны, а у их костюмов такой же панцирь, как у тех существ. Кажется, такое сравнение, ничуть их не волнует. Даже без камер в руках они все равно похожи друг на друга. Те же рыжеватые волосы, рыжие бороды и голубые глаза. Один, с длинными ногтями, представившийся как Кастор и другой, его брат Полидевк. Я жду, что Полидевк поприветствует меня, но он лишь кивает. Сначала я подумала, что он скромный или просто не особо болтлив. Но что-то было не так — положение губ, видимые усилия, которые он прилагает, чтобы глотать — и я понимаю, что с ним, еще до того, как Кастор объясняет мне. Полидевк Безгласый. Они вырезали ему язык, и он больше никогда не будет говорить. И мне больше не приходится задаваться вопросом: что заставило его рисковать всем ради свержения Капитолия.

По мере того, как комната наполняется, я настраиваю себя на не очень радужный прием. Но единственные, кто источает негативный настрой — это Хеймитч, который всегда не в духе, и Фалвия Кардью, со своим кислым лицом. На лице Боггса, от верхней губы до бровей, надета гипсовая маска телесного цвета — я была права насчет сломанного носа — поэтому выражение его лица понять сложно. Койн и Гейл стоят в центре и общаются, и, похоже, настроены они позитивно.

Когда Гейл устраивается на сиденье рядом с моей коляской, я спрашиваю: — Завел новых друзей?

Его глаза устремляются на президента и возвращаются ко мне. — Ну, один из нас должен быть общительным, — он нежно дотронулся до моей головы. — Как ты себя чувствуешь?

Должно быть, на завтрак они едят тушеный чеснок и овощную кашу. Мой желудок сжимается, а освещение вдруг кажется слишком ярким.

— Как-то нестабильно, — говорю я. — А ты как?

— Я в порядке. Они вытащили несколько осколков. Ничего страшного, — отвечает он.

Койн объявляет совещание открытым: — Наша Атака в прямом эфире уже официально запущена в эфир. Для тех из вас, кто пропустил вчерашнюю восьмичасовую трансляцию нашего первого пропо — или повтор, организованный Бити — мы прокрутим ролик прямо сейчас.

Прокрутят его? Так они успели не только просмотреть отснятый материал, но и смонтировать из него ролик, и даже уже несколько раз передать его в эфир?

Мои руки вспотели от предвкушения, что увижу себя по телевизору. А что, если я все так же ужасна? Что, если я такая же неуклюжая и бесполезная, какой была в студии, и они отказались от попыток это исправить?

В этот момент из каждого стола выдвинулся экран, свет чуть потускнел, и комната погрузилась в молчание.

Поначалу мой экран черный. Потом в центре начинает мигать маленькая искорка. Она мигает, увеличивается в размере, медленно пожирая черноту, пока не превращается в пылающий на весь экран огонь, который кажется таким реальным и жарким, что я представляю, будто ощущаю исходящее от него тепло. В кадре появляется изображение моей сойки-пересмешницы, сверкающей красным золотом. Низкий, звучный голос, который преследует меня в снах, начинает вещать.

Клавдий Темплсмит, главный комментатор Голодных Игр, говорит: — Китнисс Эвердин, девушка, побывавшая в самом пекле.

Внезапно, на фоне настоящего огня и дыма в Дистрикте-8, заменив собой сойку, появляюсь я.

— Я хочу сказать восставшим, что жива. Что я здесь, в Восьмом Дистрикте, где Капитолий разбомбил больницу, полную беззащитных мужчин, женщин и детей. Там, где не осталось выживших.

Показывают больницу, которая рушится, отчаяние очевидцев, в то время как мой голос за кадром продолжает.

— Я хочу обратиться к людям: если вы хоть на одно мгновение поверили, что Капитолий будет относиться к нам по справедливости, если вы поверили в прекращение огня, то вы обманываете сами себя. Потому что вы знаете, кто они на самом деле и что они делают.

Камера снова возвращается ко мне, и я развожу руками, показывая на разрушения вокруг себя.

— Вот как они поступают! И мы должны дать им отпор!

И на экране появляется фантастически-смонтированные кадры битвы. Падают бомбы, мы бежим, земля взрывается — крупным планом показывают мою рану, она выглядит неплохо, но кровоточит — вскарабкивание на крыши, ныряние в переулки, и несколько удивительных кадров самих повстанцев, Гейла, и много меня, меня, меня, воюющей с планолетами в небе. Резкая смена кадров, и вот уже я бегу прямо на камеру.

— Президент Сноу говорит, что предупреждает нас? Ну что ж, я тоже хочу его предупредить. Вы можете мучить и бомбить нас, сжигать наши Дистрикты до основания, но видите вот это?

Мы с камерой наблюдаем за планолетом, горящем на крыше склада. Эмблема Капитолия, высеченная на крыле, плавится, постепенно превращаясь в мое лицо, я кричу президенту:

— Огонь занялся! И если сгорим мы, вы сгорите вместе с нами!

Огонь снова заполняет собой весь экран. И поверх него накладываются черные, монолитные буквы, из которых слагается фраза:

ЕСЛИ СГОРИМ МЫ, ВЫ СГОРИТЕ ВМЕСТЕ С НАМИ

Слова воспламеняются, и экран гаснет.

Мгновение в комнате сохраняется тишина, затем в комнате раздаются аплодисменты, а следом за ними и просьбы прокрутить ролик еще раз. Койн с удовольствием нажимает на кнопку воспроизведения, и на этот раз, зная, чего ожидать, я пытаюсь представить, что смотрю это по своему телевизору дома в Шлаке.

Анти-Капитолийское выступление. Такого никогда не показывали по телевизору. По крайней мере, не на моем веку.

К тому времени, как экран погас во второй раз, у меня появляется потребность узнать больше. — Это транслировалось по всему Панему? Это видели в Капитолии?

— Не в Капитолии, — говорит Плутарх. — Мы не смогли пробиться сквозь их систему, несмотря на то, что Бити работает над этим. Но зато во всех дистриктах. Мы даже показали это во втором, который, возможно, в этой битве намного значимее Капитолия.

— А что, Клавдий Темплсмит за нас? — спрашиваю я.

Мой вопрос очень смешит Плутарха. — Только его голос. Он очень легко нам достался. Даже не пришлось подвергать его какой-то особой редакции. Он сказал это еще на твоих первых Играх, — он стучит рукой по столу. — Ну что сказать? Давайте еще раз поаплодируем Крессиде, ее потрясающей команде и, конечно, нашей звезде экрана!

Я тоже хлопаю, пока не осознаю, что я и есть та самая звезда экрана, и, наверное, отвратительно аплодировать самой себе, но никто не обращает на это внимания. Я не могу не заметить напряжение на лице Фалвии. Наверняка, ей очень трудно смотреть на успех идеи Хеймитча под руководством Крессиды, когда студийный подход Фалвии потерпел такой провал.

Терпение Койн к самовосхвалению, похоже, иссякло. — Да уж, заслуженно. Результат превзошел наши ожидания. Но я должна вынести на обсуждение тот риск, которому вы подвергли себя во время этой операции. Я знаю, что рейд был непредсказуемым. Однако, учитывая обстоятельства, я считаю, мы должны обсудить решение направить Китнисс в реальный бой.

Решение? Отправить меня на поле боя? Значит, она что не знает, что я вопиющим образом игнорировала приказы, вытащила наушники и ускользнула от своих телохранителей? Что еще они скрыли от нее?

— Это было трудное испытание, — говорит Плутарх, потирая лоб. — Но все согласны, что мы бы ничего не добились, каждый раз во время взрывов запирая ее где-нибудь в бункере.

— И ты согласна с этим? — спрашивает президент.

Гейл пинает меня под столом, и я понимаю, что она обращается ко мне. — О! Да, полностью поддерживаю. Это здорово — делать хоть что-нибудь для изменения сложившейся ситуации.

— Что ж, тогда давайте разумно использовать ее влияние. Тем более что Капитолию известно, на что она способна, — говорит Койн.

Гул согласия раздается в комнате.

Никто не выдал нас с Гейлом. Ни Плутарх, с чьим авторитетом мы не считались. Ни Боггс с его сломанным носом. Ни насекомые, которых мы повели в огонь. Ни Хеймитч — нет, подождите-ка. Хеймитч убийственно улыбается мне и ласково говорит: — Точно, мы же не хотим потерять нашу маленькую сойку, когда она наконец-то начала петь, — я отмечаю для себя, что нельзя оставаться с ним наедине в одной комнате, потому что он точно подумывает отомстить мне за то, что я сняла наушник.

— Итак, что еще вы задумали? — интересуется президент.

Плутарх кивает Крессиде, которая занимается пропо.

— У нас есть несколько ужасающих кадров, на которых запечатлена Китнисс в госпитале Восьмого. Это должно быть другое пропо с главной темой "Потому что вы знаете, кто они на самом деле и что они делают". Мы сосредоточимся на том, как Китнисс общается с пациентами, особенно с детьми, на подрыве больницы и обломках планолета. Мессалла уже монтирует. Также мы задумываемся об отрывке о сойке. Нарезка из самых ярких моментов Китнисс вперемешку со сценами мятежных восстаний и кадрами войны. Мы называем его "Огонь приручен". И еще Фалвия поделилась с нами гениальной идеей.

На лице Фалвии начинает появляться то самое полный-рот-кислого-винограда выражение, но она справляется с ним.

— Что ж, не знаю, насколько моя идея гениальна, но я подумала, что мы могли бы сделать серию роликов под названием "Мы Помним". В них мы бы отдали дань погибшим трибутам. Маленькой Руте из Одиннадцатого или пожилой Мэг из Четвертого. Смысл в том, что каждый из этих отрывков мы могли бы нацелить на какой-то конкретный дистрикт.

— Чтобы отдать дань своим трибутам, — говорит Плутарх.

— Это потрясающе, Фалвия, — искренне восклицаю я. — Это идеальный способ напомнить людям, за что они воюют.

— Полагаю, это должно сработать, — соглашается она. — Я подумала, что мы могли бы привлечь и Финика, рассказать его историю. Конечно, если это его заинтересует.

— Честно говоря, я не понимаю, как мы сможем сделать столько роликов серии "Мы Помним", — говорит Койн. — Вы можете начать делать их уже сегодня?

— Конечно, — отвечает Фалвия.

Одобрение ее идеи явно взбодрило ее.

Таким образом, Крессида сглаживает все конфликты в творческом отделе. Похвалила Фалвию за ее — и в самом деле — такую замечательную идею, и расчистила путь к работе над своим собственным видео-портретом Сойки-пересмешницы. Интересно то, что, Плутарх, похоже, не заинтересован в том, чтобы разделить похвалу. Ему нужно лишь, чтобы вся эта Атака в прямом эфире сработала. Я напоминаю себе, что Плутарх — Распорядитель Игр, а не член команды. Не пешка в Играх. Таким образом его ценность определяется не одним элементом, а общим успехом. Если мы выиграем войну, тогда Плутарх выйдет на поклон. И будет вознагражден.

Президент отправляет всех работать, поэтому Гейл катит меня обратно в госпиталь. Мы немного смеемся над тем, что все нас прикрывают. Гейл говорит, что никто из них не хочет казаться глупым, признавшись, что не смогли нас контролировать. Я проявляю к ним снисходительность, сказав, что они, скорее всего, не хотели ставить под угрозу нашу следующую возможную вылазку, ведь кадры получились отличными. Не исключено, что верны оба предположения. Гейл должен идти на встречу с Бити в Оружейную, поэтому я погружаюсь в полудрему.

Мне показалось, что я прикрыла глаза буквально на несколько минут, но открыв их, я вздрагиваю, обнаружив, что в нескольких шагах от моей кровати сидит Хеймитч. Выжидая. Может быть — если верить часам — на протяжении нескольких часов. Я думаю о том, чтобы позвать сестру, но рано или поздно я все равно встречу с ним лицом к лицу.

Хеймитч наклоняется ко мне и болтает прямо перед моим носом чем-то тонким и белым. Сфокусироваться на нем очень тяжело, но я догадываюсь, что это. Он бросает его на простынь.

— Это твой наушник. Я дам тебе еще один шанс надеть его. Если ты снова вытащишь его из своего уха, я снабжу тебя вот этим, — он показывает мне какой-то металлический предмет, который явно одевают на голову, и я тотчас же нарекаю его кандалами для головы. — Это альтернативное аудиоустройство, которое оборачивается вокруг твоей головы и защелкивается под подбородком, а открывается ключом. И только у меня будет этот ключ. И если ты вдруг окажешься настолько умной, чтобы суметь его снять, — Хеймитч кладет этот хомут для головы на кровать и берет в руки маленький серебристый чип, — я прикажу им имплантировать вот это в твое ухо, чтобы я мог разговаривать с тобой двадцать четыре часа в сутки.

Хеймитч круглосуточно в моей голове. Это ужасно.

— Я больше не буду вытаскивать наушник, — бормочу я.

— Прости, что? — переспрашивает он.

— Я больше не буду вытаскивать наушник! — повторяю я так громко, что бужу половину госпиталя.

— Ты уверена? Потому что меня устроит любой из трех озвученных вариантов, — говорит он мне.

— Я уверена, — отвечаю я.

Зажимаю наушник в одной руке, а свободной швыряю хомут прямо ему в лицо, но он легко ловит его. Он явно ожидал, что я его кину. — Что-то еще? — Хеймитч поднимается.

— Пока ждал... я съел твой обед.

Мои глаза находят пустую миску и лоток на моем прикроватном столе. — Я на тебя нажалуюсь, — бормочу я в подушку.

— Будь так любезна, дорогуша, — он выходит, уверенный в том, что я этого не сделаю.

Я снова хочу заснуть, но я слишком возбуждена. Картины вчерашнего дня начинают просачиваться в сегодняшний. Бомбардировка, крушение горящего планолета, лица раненых, которых уже нет. Я повсюду вижу смерть. В то время как я, беспомощная, прикована к больничной койке, я вижу первый упавший на землю снаряд, чувствую, как взрывается крыло моего планолета, как мы с головокружительной скоростью падаем в никуда, как на меня обваливается крыша склада. Все те вещи, которые я видела собственными глазами или на пленке. Все те вещи, которые вызвала я сама, лишь натянув свою тетиву. Все те вещи, которые я никогда не смогу стереть из своей памяти.

Когда наступает время ужина, Финник приносит свой поднос к моей кровати, и мы можем вместе посмотреть новый ролик. Вообще-то он занимает отсек на том же этаже, где раньше жили и мы, но у него так часто случаются нервные срывы, что он практически живет в госпитале. Мятеежники показывают пропо "Потому что вы знаете, кто они и что делают", который смонтировал Мессалла. Материал напичкан короткими студийными клипами с Гейлом, Боггсом и Крессидой, где они описывают произошедшее. Тяжело наблюдать за моим посещением госпиталя в Восьмом, ведь я знаю, что произойдет дальше. Когда бомбы обрушиваются на крышу, я зарываюсь лицом в подушку, и выглядываю только к концу, после того, как все пациенты госпиталя умерли.

По крайней мере, Финник не аплодирует и не выглядит счастливым, когда все заканчивается. Он просто говорит: — Люди должны знать что происходит. И теперь они точно знают.

— Давай выключим, Финник, пока они опять не поставили на повтор, — прошу я его.

Но как только рука Финника тянется к пульта, я кричу: — Подожди!

Капитолий представляет отрывок из программы, и что-то кажется мне в ней знакомой. Да, это Цезарь Фликерман. И я могу догадаться, кто будет его гостем.

Физические изменения в Пите повергли меня в шок. Здоровый мальчик с ясными глазами, которого я видела несколько дней назад, похудел, по крайней мере, на 15 фунтов, а его руки тряслись нервной дрожью. Они по-прежнему гримировали его. Но под слоем грима невозможно спрятать его мешки под глазами, а красивая одежда не может скрыть боли, которую он чувствует при каждом движении — этому человеку нанесли серьезные травмы.

Мой мозг работает, пытаюсь понять. Я же совсем недавно видела его! Четыре — нет, пять — да, уже пять дней назад. Как он так быстро изменился? Что могли они сделать с ним в такой короткий срок? Затем меня осенило. Я прокрутила у себя в голове его первое интервью с Цезарем, ища какое-нибудь сходство с тем парнем. Ничего общего. Они могли взять то интервью через день или два после того, как я покинула арену, а уж потом они могли делать с ним все, что захотят.

— О, Пит... — шепчу я.

Цезарь и Пит обмениваются несколькими фразами, после чего Цезарь спрашивает, что он думает о моих агитационных роликах для дистриктов.

— Они явно используют ее, — говорит Пит, — чтобы подстегнуть повстанцев. Я не сомневаюсь, что она даже не знает, что на самом деле происходит на войне. Что поставлено на карту.

— Может, ты хотел бы что-нибудь сказать ей? — спрашивает Цезарь.

— Да, есть кое-что, — говорит Пит. Он смотрит в камеру, прямо мне в глаза. — Не будь душой, Китнисс. Подумай сама. Они превратили тебя в оружие, которое способствует уничтожению человечества. Если ты и правда имеешь хоть какое-то влияние, используй его, чтобы притормозить это. Пока все не зашло слишком далеко, прекрати войну. Спроси себя, доверяешь ли ты людям, с которыми работаешь? Знаешь ли ты, что происходит на самом деле? И если нет... выясни.

Черный экран. Знак Панема. Шоу закончено.

Финник нажимает на кнопку на пульте и выключает телевизор. Через минуту сюда заявятся, чтобы разрушить то влияние, которое оказали на меня и состояние Пита, и произнесенные им слова. Я должна буду опровергнуть их. Но правда в том, что я не доверяю ни повстанцам, ни Плутарху, ни Койн. Я не уверена в том, что они говорят мне правду. Я не смогу скрывать это.

Шаги уже приближаются.

Финник сжимает мне руку. — Мы этого не видели.

— Что? — спрашиваю я.

— Мы не видели Пита. Только пропо из Восьмого. Затем мы выключили, потому что видео расстроило тебя. Идет? — спрашивает он, я киваю. — Заканчивай с ужином.

Я успеваю немного прийти в себя, так что когда входят Плутарх и Фалвия, мой рот набит куском хлеба и капустой. Финник говорит о том, как удачно смотрится на экране Гейл. Мы поздравляем их с новым роликом. Уверяем, что он был настолько мощным, что мы сразу же выключили телевизор. Они выглядят менее озабоченными. Они верят нам.

Никто не упоминает о Пите.

Глава девятая

После нескольких попыток заснуть, прерываемых ужасающими кошмарами, я бросаю эту затею. Просто лежу спокойно и притворяюсь спящей, если кто-нибудь заходит меня проверить. Утром я выписываюсь из больницы, и врачи советуют поменьше волноваться. Крессида просит меня записать несколько реплик для нового промо с Сойкой-пересемешницей. В обед я по-прежнему жду, что люди заговорят о вчерашнем выступлении Пита, но все молчат. Ведь кто-то должен был видеть это, кроме нас с Финником.

По расписанию сейчас у меня тренировка, но Гейла оправили с Бити — работать над созданием какого-то оружия или чего-то вроде того, поэтому мне разрешают взять с собой в лес Финника. Для отвода глаз мы некоторое время бродим поблизости, а затем закапываем наши коммуникаторы под кустом. Отойдя на безопасное расстояние, мы усаживаемся, чтобы обсудить трансляцию с Питом.

— Я ни единого слова об этом не слышал. Тебе никто ничего не рассказывал? — интересуется Финник.

Я качаю головой. Он ненадолго замолкает, затем спрашивает: — Даже Гейл?

Я цепляюсь за последнюю надежду, что, возможно, Гейл, и правда, ничего не знает о послании Пита. Но что-то убеждает меня в обратном.

— Может, он просто ждет подходящего момента, чтобы рассказать тебе?

— Может быть, — отвечаю я.

Мы сидим в абсолютной тишине так долго, что даже кролик осмелел и оказался в пределах досягаемости. Я пронзаю его стрелой, а Финник оттаскивает к забору.

На ужин сегодня рубленая тушеная оленина. После еды Гейл провожает меня до Отсека Е. Когда я спрашиваю его, что здесь происходит, он снова ничего не говорит о Пите. Как только мама с сестрой уснули, я вытаскиваю жемчужину из ящика комода и, зажав ее в руке, вторую бессонную ночь провожу, прокручивая в голове слова Пита.

"Спроси себя, доверяешь ли ты людям, с которыми работаешь? Знаешь ли ты, что происходит на самом деле? И если нет... выясни".

Выясни. Что? У кого? И как Пит может знать что-то кроме того, что ему говорят в Капитолии? Это всего-навсего их промо. Стремление вызвать как можно Больше шумихи. Но если Плутарх думает, что все это лишь стратегия Капитолия, почему он не сказал мне? Почему нас с Финником не посвятили в это?

Но вся эта полемика скрывает истинную причину моего беспокойства: Пит. Что они сделали с ним? И что они делают с ним прямо сейчас? Очевидно, Сноу не купился на то, что мы с Питом ничего не знали о восстании.

Теперь, когда я взяла на себя роль Сойки-пересмешницы, его подозрения укрепились. Пит может лишь гадать о тактике повстанцев и сочинять истории, чтобы рассказывать их своим мучителям. Однако, как только вся эта ложь раскроется, его жестоко накажут. Ему, должно быть, кажется, что я его бросила. В своем первом интервью он пытался защитить меня и от Капитолия, и от повстанцев, а я не только не справилась с задачей защитить его, но и навлекла на него еще большие беды.

Наступает утро. Я прикладываю руку к стене и затуманенным взглядом изучаю свое расписание. Сразу после завтрака у меня назначена Съёмка. В столовой, забирая свои хлопья с молоком и толченую свеклу, я замечаю коммуникатор на запястье Гейла.

— Когда это тебе вернули его, Солдат Хоторн? — спрашиваю я.

— Вчера. Они решили, что, если я отправлюсь с тобой на поле сражения, это может послужить запасным способом связи, — отвечает Гейл.

Мне никто никогда не предлагал коммуникатор. Интересно, а если я попрошу, они дадут?

— Ну, думаю, хотя бы один из нас должен быть доступным, — говорю я едва не срывающимся голосом.

— Что это значит? — недоумевает он.

— Ничего. Просто повторяю твои слова, — отвечаю я ему. — И совершенно согласна, что этим доступным должен быть ты. Я просто надеюсь, что по-прежнему имею доступ к тебе.

Мы встречаемся взглядами, и я понимаю, насколько зла яна Гейла. Что я ни на секунду не поверю, будто он не видел промо с Питом. Что я чувствую себя преданной от того, что он не рассказал мне об этом. Мы слишком хорошо знаем друг друга, чтобы он мог уловить мое настроение и догадаться о его причинах.

— Китнисс..., - начинает он. В его голосе чувствуется признание вины.

Я хватаю свой поднос, направляюсь в зону хранения продуктов и с грохотом швыряю свои тарелки в мойку. К тому времени как я оказываюсь в коридоре, он догоняет меня.

— Почему ты ничего не сказала? — спрашивает он, хватая меня за руку.

— Я? — выдергиваю я свою руку. — Почему ты не сказал мне, Гейл? А я, между прочим, спрашивала тебя вчера вечером о том, что происходит!

— Прости. Хорошо? Я не знал, что делать. Я хотел сказать тебе, но все боялись, что ты расстроишься, увидев это промо, — оправдывается он.

— Они были правы. Я расстроилась. Но еще больше я расстроена тем, что ты врешь мне ради Койн, — В этот момент его коммуникатор подал сигнал. — А вот и она. Лучше поспеши. Тебе есть, что ей рассказать.

На мгновение на его лице отражается боль. Но ее тут же сменяет ледяная злоба. Он разворачивается на пятках и уходит. Может, я была чересчур язвительна, не дав ему возможности объясниться. Может, этой ложью все просто пытаются защитить меня. Мне плевать. Я устала от людей, врущих мне ради моего же блага. Потому что на самом деле это больше для их блага. Соврите Китнисс о восстании, чтобы она не натворила глупостей. отошлите ее на арену без единой подсказки, так как мы можем вытащить ее оттуда. Не говорите ей о промо с Питом, потому что это может ее расстроить, и тогда нелегко будет снять достойный материал.

Я действительно нездорова. Я подавлена. И очень устала, чтобы сниматься целый день. Но вот я уже в Примерной, а значит, я в строю. Сегодня, как я только что узнала, мы вернемся в Дистрикт-12. Крессида хочет взять интервью с места событий у меня и у Гейла, дабы пролить свет на наш разрушенный город.

— Если, конечно, вы оба согласны, — говорит Крессида, вглядываясь в мое лицо.

— Можешь на меня рассчитывать, — отвечаю я.

Я стою, молча и неподвижно, словно манекен, пока моя подготовительная команда одевает меня, делает прическу и накладывает легкий макияж. Не особо заметный, но зато скрывающий мешки под глазами.

Боггс сопровождает меня вниз до Ангара, но дальше банального приветствия разговор не идет. Я рада, что удалось избежать еще одного нагоняя за мое непослушание в Восьмом, особенно учитывая то, что его маска выглядит жутко неудобной.

В последний момент я вспоминаю о том, что должна оповестить маму о своем отъезде из Тринадцатого, и что волноваться ей не о чем. Мы садимся на борт планолета, и меня направляют к месту за столом, где Плутарх, Гейл и Крессида изучают карту. Плутарха переполняет радость, когда он показывает мне результаты первых промо. Повстанцы в некоторых дистриктах, которые едва удерживали опорный пункт, возобновили активную атаку. Они захватили Третий и Одиннадцатый — взятие последнего весьма важно, так как он является главным поставщиком продуктов для Панема — и вторглись в несколько других дистриктов.

— Обнадеживающе. Поистине очень обнадеживающе, — говорит Плутарх. — Сегодня вечером Фалвия собирается запустить первые отрывки из серии "Мы Помним", так мы сможем воздействовать на отдельные дистрикты, напомнив им про их погибших горожан. Финник просто великолепен.

— На самом деле, очень мучительно смотреть это, — произносит Крессида. — Многих из них он знал лично.

— Именно поэтому они настолько эффективны, — поясняет Плутарх. — Идут от самого сердца. Вы все делаете превосходно. Койн будет довольна.

Получается, Гейл им ничего не рассказал. О том, что я якобы не видела выступление Пита, и о моей ярости из-за укрывательства правды. Но считаю это недостаточным, чтобы простить его, да и уже слишком поздно для этого. И вообще, это неважно. Он тоже не говорит со мной.

Только когда мы приземляемся на Луговине, я понимаю, что с нами нет Хеймитча. Когда я спрашиваю Плутарха о его отсутствии, он лишь качает головой и говорит: — Он не мог смотреть на это.

— Хеймитч? Не мог на что-то смотреть? Скорее, просто захотел выходной, — предполагаю я.

— Вообще-то, дословно он сказал "Я не могу смотреть на это без бутылки", — поясняет Плутарх.

В ответ я лишь закатываю глаза. Я давно уже устала от заморочек своего ментора, от его слабости к алкоголю и от того, на что он может и не может смотреть. Но через пять минут моего пребывания в Двенадцатом, я начинаю жалеть, что у меня у самой нет бутылки. Мне казалось, что я уже смирилась с разрушением Двенадцатого — я много об этом слышала, видела с воздуха и даже бродила по его пеплу. Так почему же все это причиняет мне новую боль? Может, раньше я до конца не осознавала потерю своего мира? Или это выражение на лице Гейла, когда он осматривает руины, заставляет меня по-новому прочувствовать весь этот ужас?

Крессида дает наставления команде начать с моего старого дома. Я спрашиваю ее, что мне делать.

— То, что считаешь необходимым, — отвечает она.

Я снова стою на кухне, и мне совсем ничего не хочется делать. В итоге я просто смотрю в небо, потому что на меня нахлынуло слишком много воспоминаний.

Спустя какое-то время Крессида говорит: — Отлично, Китнисс. Пойдем дальше.

Но Гейлу в его прежнем жилище не так просто начать. Крессида снимает его в тишине в течение нескольких минут, но как только он выуживает из пепла единственное, что осталось из его прошлой жизни — погнутую металлическую кочергу — она начинает расспрашивать его о семье, работе и жизни в Шлаке. Она заставляет его вернуться в ночь бомбежки и воспроизвести все, начиная от его дома, сопровождая его по дороге до Луговины, и через лес к озеру. Я плетусь позади съемочной группы и телохранителей, считая их присутствие здесь осквернением моего любимого леса. Это сокровенное место, святилище, опороченное злом Капитолия. Даже оставив обуглившееся конечности далеко за забором, мы все еще натываемся на разлагающиеся тела. Интересно, мы запишем все это, чтобы показать другим?

К тому времени, как мы достигаем озера, Гейл, кажется, потерял способность говорить. Все мы обливаемся потом — особенно Кастор и Полидевк в своих панцирях — и Крессида объявляет перерыв. Я зачерпываю руками воду из озера, мечтая о том, чтобы окунуться в него с головой, голышом, одной, без посторонних глаз. Я брожу по периметру, осматриваясь. Возвращаясь назад и проходя мимо маленького бетонного домика около озера, я останавливаюсь в дверях и вижу, как Гейл осторожно прислоняет обретенную им кочергу к стене у очага. На секунду я представляю, как какой-нибудь одинокий путник в далеком будущем, заблудившись, бродит по дикой местности и натывается на это небольшое пристанище с кучкой дров, очагом и кочергой. Удивляясь, как все это здесь оказалось. Гейл поворачивается и встречается со мной взглядом, и я знаю, что он думает о нашей последней встрече в этом доме. Когда мы спорили о том, убежать нам или нет. Если бы мы сбежали, был бы Дистрикт-12 по-прежнему цел? Думаю, да. Но Капитолий все так же заправлял бы Панемом.

Бутерброды с сыром разошлись по рукам, и, усевшись в тени деревьев, мы приступаем к еде. Я намеренно сажусь в дальнем конце группы, рядом с Полидевком, чтобы мне не пришлось говорить. Хотя и так мало кто разговаривает. В относительной тишине птицы снова садятся на деревья. Я толкаю локтем Полидевка и показываю ему маленькую черную птичку с хохолком. Она перепрыгивает на другую ветку, на мгновения расправляя крылья, будто хвастаясь своими белыми пятнышками. Полидевк указывает на мою брошь и вопросительно приподнимает брови. Я киваю, подтверждая, что это сойка-пересмешница. Приподнимаю вверх указательный палец, как бы говоря: "Подожди, я покажу тебе" и изображаю птичий свист. Сойка-пересмешница вздергивает головку и отвечает мне. Затем, к моему огромному удивлению, Полидевк насвистывает несколько своих собственных нот. Птичка тут же ему отвечает. Лицо Полидевка озаряется восторгом, и он обменивается с птицей мелодичным пересвистом. Думаю, это его первая беседа за долгие годы. Музыка привлекает

соек-пересмешниц, как цветы пчел, и вскоре ему аккомпанируют полдюжины птиц, примостившихся на ветвях над нашими головами. Он хлопает меня по плечу и веткой на земле выводит одно единственное слово.

СПОЕШЬ?

При других обстоятельствах я бы отказалась, но в сложившейся ситуации я не могу сказать "нет" Полидевку. Кроме того, поют сойки-пересмешницы совсем иначе, чем свистят, и я хочу, чтобы он это услышал. Поэтому, прежде чем я успеваю осознать, что делаю, я уже беру четыре ноты Руты, те самые, что она использовала, чтобы сообщить о конце рабочего дня в Одиннадцатом. Ноты, что стали музыкальным фоном к ее убийству. Птицы не знают их. Они подхватывают простую фразу и благозвучно перебрасывают ее между собой. В точности, как они делали на Голодных Играх перед тем, как переродки вырвались из-за кустов, загнали нас на Рог Изобилия и, не спеша, раздирали плоть Катона...

— Хочешь услышать, как они поют настоящую песню? — выпаливаю я.

Что угодно, лишь бы заблокировать эти воспоминания. Встав на ноги, я отхожу подальше к деревьям, кладя руку на грубый ствол клена, на котором устроились птицы. Я не пела "Виселицу" вслух десять лет, потому что она запрещена, но я помню каждое слово. Я начинаю тихо, нежно, как делал мой папа.

А ты придешь к тому дереву у реки
Где вздернули парня, якобы убившего троих?
Странные вещи случаются порой
И будет не так странно
Если в полночь у виселицы мы встретимся с тобой.

Сойки-пересмешницы замолкают, когда понимают, что я предлагаю им что-то новенькое.

А ты придешь к тому дереву у реки
Где мертвец кричал своей возлюбленной "Беги!"
Странные вещи случаются порой
И будет не так странно
Если в полночь у виселицы мы встретимся с тобой.

Теперь птицы внимательно слушают меня. Еще один куплет, и они обязательно уловят мотив, ведь он довольно простой и повторяется четыре раза с небольшими вариациями.

А ты придешь к тому дереву у реки
Где я просил тебя бежать, чтоб были свободны мы?
Странные вещи случаются порой
И будет не так странно
Если в полночь у виселицы мы встретимся с тобой.

Тишина в кронах деревьев. Лишь шелест листьев на ветру. Но ни единой птички, ни сойки-пересмешницы, ни какой-либо другой. Пит прав. Они замолкают, когда я пою. Точно так же было и с отцом.

А ты придешь к тому дереву у реки
Наденешь ожерелье из пеньки, рядышком со мной?
Странные вещи случаются порой
И будет не так странно
Если в полночь у виселицы мы встретимся с тобой.

Птицы ждут, когда я продолжу. Но это все. Последний куплет. В воцарившемся затишье я вспоминаю картину. После дня, проведенного в лесу с отцом, я была дома. Сидела на полу с Прим, которая тогда едва научилась ходить, и плела "Виселицу", плетя ожерелье из клочков веревки, как это сказано в песне, не понимая истинного смысла слов. Мотив был простой и легко запоминался, хотя раньше я без труда могла воспроизвести почти любую мелодию, услышав ее раз или два. Вдруг мама выхватила у меня веревочное украшение и закричала на папу. Я начала плакать, потому что мама никогда не кричала, за мной захныкала и Прим, а я выбежала на улицу и спряталась. Так как у меня было только одно укромное место — на Луговине под кустом жимолости — отец быстро меня нашел. Он успокаивал меня, говоря, что все хорошо, только нам лучше не петь эту песню. Что мама хочет, чтобы я забыла ее. Поэтому, конечно же, каждое слово четко и безвозвратно закрепилось в моей памяти.

Мы с папой больше никогда ее не пели, даже не говорили о ней. После его смерти, она часто всплывала в моей памяти. Взрослея, я начинала понимать смысл слов. В начале кажется, что парень уговаривает девушку встретиться с ним тайком в полночь. Но он выбирает довольно странное место для свидания — дерево, на котором за убийство повесили мужчину. Возлюбленная убийцы, должно быть, имела какое-то отношение к преступлению или они просто хотели ее наказать, потому что его труп просит ее убежать. Безусловно, все это странно — говорящие трупы, но в третьем куплете кое-что проясняется. Становится понятно, что исполнитель песни и есть мертвый убийца. Он все еще на виселице. И хотя он велит своей возлюбленной бежать, он продолжает спрашивать, придет ли она к нему на встречу. Строка "Где я просил тебя бежать, чтобы были свободны мы" — самая сложная для понимания, потому что сначала кажется, что он говорит ей бежать, по-видимому, в безопасное место. Но затем, ты задаешься вопросом, а, может, он просил ее бежать к нему? К смерти. В последней строфе, становится ясно, что это именно то, чего он ждет. Его возлюбленная, с веревочным ожерельем, висит мертвая рядом с ним.

Раньше я думала, что этот убийца — самый омерзительный парень, какого только можно себе вообразить. Теперь, с багажом из двух поездок на Голодные Игры, я решила не судить его, не зная всех подробностей. Возможно, его возлюбленная уже была приговорена к смерти, и он старался облегчить ее участь. Дать ей знать, что он будет ее ждать. Или, может быть, он думал, что то место, где он ее оставляет, в действительности, хуже смерти. Разве не я хотела убить Пита шприцем, чтобы спасти его от Капитолия? Неужели это, и правда, был мой единственный вариант? Возможно, нет, но в тот момент я не смогла придумать ничего другого.

Полагаю, моя мама думала, что все это слишком запутанно для семилетней девочки. Особенно для той, что плела свое собственное веревочное ожерелье. Не то чтобы я слышала о повешении только из историй, множество людей в Двенадцатом были казнены таким образом. Просто она не хотела, чтобы я запела эту песню перед всем классом на уроке пения. Она, наверное, была бы даже против моего исполнения для Полидевка, но, по крайней мере, меня не — стоп, кажется, я ошибаюсь. Взглянув в сторону, я вижу, что Кастор снимал меня все это время. Все внимательно наблюдают за мной. А по щекам Полидевка бегут слезы, потому что, несомненно, моя причудливая песня напомнила ему о каком-нибудь ужасном инциденте в его жизни. Превосходно. Я вздыхаю и облакачиваюсь на ствол. И в этот момент сойки-пересмешницы начинают свою интерпретацию "Виселицы". С их голосами получается очень красиво. Догадываясь, что меня снимают, я стою молча, пока не слышу, как Кресса кричит "Снято!"

Плутарх приближается ко мне, смеясь. — И где ты этого набралась? Никто бы не поверил, если бы мы это придумали! — он обнимает меня за плечи и смачно целует в макушку. — Ты просто золотко!

— Я делала это не для камер, — говорю я.

— Нам повезло, что они были включены, — отвечает он. — Эй, народ, возвращаемся в город!

Продираясь сквозь дебри, мы ступаем на гальку, и мы с Гейлом одновременно поворачиваем головы в одном направлении, как пара гончих, взявших след. Это не ускользает от взгляда Крессиды, и она спрашивает, куда ведет эта дорога. Не сговариваясь, мы в один голос отвечаем, что это место служило нам для встреч перед охотой. Она хочет увидеть его, даже после того, как мы говорим, что там нечего смотреть.

Ничего, просто то место, где я была счастлива, думаю я.

Наш каменный выступ, возвышающийся над долиной. Возможно, не такой зеленый как обычно, но кусты ежевики усыпаны ягодами. Здесь начинались бесчисленные дни охоты и ловли в силки, рыбалки и собирания ягод, блуждания по лесу, обмена мыслями, пока мы наполняли свои охотничьи сумки. Это место было воротами в мир поддержки и здравого смысла. И мы были друг для друга ключами.

Больше нет Дистрикта-12, чтоб сбегать оттуда, нет Миротворцев, чтоб их дурить, нет голодных ртов, чтоб кормить. Капитолий лишил меня всего этого, и я вот-вот потеряю Гейла. Тот клей, замешанный на взаимной потребности друг в друге, что крепко связывал нас вместе все эти годы, видимо начал усыхать. Как такое может быть, что сегодня, перед лицом ужасной катастрофы сокрушившей Двенадцатый, мы настолько злы друг на друга, что даже не можем поговорить?

Гейл соврал мне. Это неприемлемо, даже если он был уверен, что делает это мне во благо. Хотя его извинения казались искренними. А я швырнула их ему в лицо, вдобавок сдобрив оскорблениями. Что с нами происходит? Почему мы все время ссоримся? Сплошная неразбериха, но каким-то образом я чувствую, что если бы я обратилась к самой сути наших проблем, то в основе всего лежали бы именно мои действия. Неужели я, и правда, хочу оттолкнуть его от себя?

Обхватив пальцами ежевику, я срываю ее с куста. Перекатываю ее аккуратно между большим и указательным. Внезапно я разворачиваюсь в его сторону и подбрасываю ягоду в его направлении. — И пусть удача... — произношу я.

Я бросаю ее достаточно высоко, чтобы у него было время решить — оттолкнуть ее или принять. Взгляд Гейла устремлен на меня, не на ягоду, но в последний момент он открывает рот и ловит ее. Он жует, глотает, и после долгой паузы говорит: — ... всегда будет на вашей стороне.

Он все же это сказал.

Крессида усаживает нас в своеобразном кармане в скале, так что получается весьма трогательная картина, и пытается разговорить нас на тему охоты. Что заставило нас выйти в лес, как мы встретились, любимые моменты. Мы оттаиваем, начинаем потихоньку шутить и смеяться, вспоминая случаи с пчелами, дикими собаками и скунсом. Когда разговор заходит о том, помогли ли нам навыки владения оружием во время бомбардировки Восьмого, я замолкаю.

Гейл говорит лишь: — Нам пора.

К тому времени, как мы достигаем городских ограждений, день клонится к вечеру. Я веду Крессида к развалинам пекарни и прошу ее снять сюжет. Единственная эмоция, которая у меня выходит, это изнеможение.

— Пит, это твой дом. О твоей семье ничего не было слышно со времени бомбардировки. Двенадцатого больше нет. И ты призываешь к разоружению? — я окидываю взглядом пустоту. — Не осталось никого, кто мог бы услышать тебя.

Стоя перед огромным куском металла, который раньше был виселицей, Крессида интересуется, подвергался ли кто-либо из нас пыткам. В ответ Гейл задирает свою рубашку и поворачивается спиной к камере. Я смотрю на отметины и снова слышу свист хлыста, вижу его окровавленное бессознательное тело, подвешенное за запястья.

— Я закончила, — сообщаю я. — Встречу вас в Деревне Победителей. Заберу кое-что для... мамы.

Полагаю, что я пришла сюда пешком, но следующее, что помню — это как сижу на полу в кухне напротив шкафчиков в нашем доме в Деревне Победителей. Педантично складываю керамические баночки и стеклянные бутылочки в коробку. Кладу между ними чистые бинты, чтобы они не разбились. Оборачиваю ими же пучки засохших цветов.

Вдруг я вспоминаю про розу на моем комодe. Была ли она настоящей? И если да, по-прежнему ли она там? Мне приходится бороться с соблазном проверить. Если она там, она лишь снова напугает меня. Я решаю поторопиться со сборами.

Опустошив все ящики, я поднимаюсь и обнаруживаю Гейла на кухне. Порой меня беспокоит то, как бесшумно он может двигаться. Он облакачивается на стол, кладя широко расставленные ладони на деревянную поверхность. Я ставлю коробку между нами.

— Помнишь? — спрашивает он. — Здесь ты меня поцеловала.

Значит лошадиной дозы морфлия, введенной ему после порки, оказалось недостаточно, чтобы стереть это из его памяти.

— Я думала, ты этого и не вспомнишь, — отвечаю я.

— Придется умереть, чтобы забыть. Хотя, может, даже тогда я буду помнить, — говорит он мне. — Может, я буду как тот парень из "Виселицы". По-прежнему ждать ответа.

Гейл, тот самый Гейл, которого я никогда не видела плачущим, стоит со слезами на глазах. Чтобы они не успели скатиться, я подаюсь вперед и прижимаюсь своими губами к его. На вкус это как жар, пепел и страдание. Необычный вкус для такого нежного поцелуя. Он первым отстраняется и одаривает меня кривой улыбкой.

— Я знал, что ты поцелуешь меня.

— Откуда? — удивляюсь я.

Потому что я и сама не знала.

— Потому что мне больно, — спокойно отвечает он. — Только так я могу привлечь твоё внимание, — он поднимает коробку. — Не переживай, Китнисс. Это пройдет.

И уходит, прежде чем я успеваю ответить.

Я слишком устала, чтобы обдумывать его последнее обвинение. Недолгую поездку обратно в Тринадцатый я провожу, съжившись в своем кресле и стараясь игнорировать Плутарха, вещающего на свою любимую тему — оружие, которого больше нет в распоряжение человечества. Высоко-летающие самолеты, военные спутники, клеточный дезинтегратор, беспилотные самолеты, биологическое оружие с ограниченным сроком годности. Запрещенные из-за разрушения атмосферы или из-за недостатка ресурсов, или из-за нравственной щепетильности. И явное сожаление слышится в голосе Главы распорядителей Игр, которому остается лишь мечтать о подобных игрушках, которому приходится обходиться планолетами, ракетами класса 'земля-земля' и простыми старыми автоматами.

Сбросив с себя костюм Сойки-пересмешницы, я отправляюсь напрямик в кровать, даже не поужинав. И все равно с утра Прим приходится расталкивать меня, чтобы разбудить. После завтрака я забиваю на свое расписание и решаю вздремнуть в кладовке. Выспавшись, я выползаю из укромного местечка между коробками с мелом и карандашами и понимаю, что наступило время обеда. Я получаю большую порцию горохового супа, а после направляюсь в Отсек Е, но путь мне преграждает Боггс.

— Собрание в Штабе. Можешь проигнорировать свое текущее расписание, — говорит он.

— Без проблем, — отвечаю я.

— Ты вообще следовала ему сегодня? — спрашивает он раздраженно.

— Кто знает? Я же псих, — я поднимаю запястье, чтобы показать свой медицинский браслет, и понимаю, что его нет. — Видишь? Я даже не помню, когда они сняли этот браслет. Зачем я понадобилась Штабу? Я что-то пропустила?

— Думаю, Крессида хотела показать тебе промо из Двенадцатого. Но, скорее всего, ты их увидишь, когда они выйдут в эфир, — отвечает он.

— Вот что нужно включить в мое расписание. Время, когда выходят промо, — говорю я.

Он окидывает меня взглядом, но никак это не комментирует.

В Штабе было полно народу, но мне оставили местечко между Финником и Плутархом. Мониторы на столах уже в вертикальном положении, транслируют ежедневную Капитольскую ерунду.

— Что это? Разве мы не собираемся смотреть промо из Двенадцатого? — спрашиваю я.

— Нет-нет, — отвечает Плутарх. — То есть, возможно. Я не знаю, какой материал собирается использовать Бити.

— Бити думает, что нашел способ вклиниться в трансляцию по всей стране, — поясняет Финник. — Так что наши промо увидят и в Капитолии. Он сейчас в отделе Спецобороны, как раз работает над этим. Вечером планируется прямой эфир. Сноу будет произносить речь или что-то подобное. О, кажется, начинается.

Под аккомпанемент гимна появляется эмблема Капитолия. В следующее мгновение я уже смотрю прямо в змеиные глаза президента Сноу, который приветствует народ. Кажется, будто он забаррикадирован за своим подиумом, но белая роза на его лацкане видна полностью. Камера отъезжает назад, чтобы захватить в панораму

и Пита, находящегося перед спроецированной на стене картой Панема. Он сидит на высоком стуле с подставкой для ног в виде металлического обода. Стопа его протеза выстукивает странный нервный ритм. Капельки пота выступили поверх грима над его верхней губой и на лбу. Но что напугало меня больше всего, так это взгляд в его глазах — яростный, но рассеянный.

— Он выглядит хуже, — шепчу я.

Финник в подбадривающем жесте сжимает мою руку, и я благодарна ему за это.

Отчаянным голосом Пит начинает говорить о необходимости разоружения. Он освещает урон, нанесенный основным объектам инфраструктуры многих дистриктов, и пока он говорит, на карте загораются различные области, показывая степени поражения. Разрушенная плотина в Седьмом. Сошедший с рельсов поезд с огромной лужей токсических отходов, разившихся из танкера. Зернохранилище, рухнувшее после пожара. Все эти действия он приписывает повстанцам.

Бам! Безо всяких предупреждений в телевизоре появляюсь я, на развалинах пекарни.

Плутарх вскакивает с места: — Он сделал это! Бити прорвался!

В комнате раздается пронзительное гудение, и возвращается изображение Пита. Растерянного. Он видел меня на мониторе. Он пытается продолжить свою речь, переходя к бомбардировке водно-очистных сооружений, но его тут же сменяет ролик с Финником, говорящем о Руте. То, что происходит дальше, можно назвать настоящей битвой за эфир. Техники Капитолия пытаются отражать атаки Бити. Но они были к ним не готовы. А Бити, очевидно ожидая сопротивления с их стороны, подготовил целый арсенал пяти и десятисекундных роликов. Мы видим, как распадается вся их затея с официальной презентацией, так как она приправлена случайными отрывками из наших промо.

Плутарх разражается восторгами, и все остальные аплодируют Бити, лишь Финник остается неподвижным и безмолвным рядом со мной. Я встречаюсь взглядом с Хеймитчем и вижу в его глазах отражение своего собственного ужаса. Осознание того, что с каждым одобрительным возгласом Пит все дальше ускользает от нас.

На экраны возвращается эмблема Капитолия в сопровождении монотонного аудиоряда. Но приблизительно через двадцать секунд мы снова видим Сноу и Пита. В студии суматоха. Мы слышим неистовые выкрики их съемочной группы. Сноу подается вперед, сообщая, что, вероятно, повстанцы пытаются прервать распространение информации, которую они считают обвинительной, но правда и справедливость восторжествуют. Что трансляция возобновится, когда служба безопасности наведет порядок. Он спрашивает Пита, есть ли ему что сказать Китнисс Эвердин после сегодняшнего показа.

При упоминании моего имени лицо Пита натужно искажается.

— Китнисс... как ты думаешь, чем это закончится? Что останется? Никто не спасется. Ни в Капитолии. Ни в Дистриктах. И ты... в Тринадцатом... — он резко вдыхает, будто ему не хватает воздуха, а глаза его кажутся безумными, — к утру будешь мертва!

За камерой раздается приказ Сноу: — Прекратите это!

Бити повергает всю трансляцию в полный хаос, вспышками пуская кадры со мной, стоящей перед госпиталем, каждые три секунды. Но в интервалах между ними мы видим то, что происходит в данный момент на съемочной площадке. Пит пытается продолжить говорить. Камера сбита, и теперь она снимает лишь белый кафельный пол. Шарканье ног. Звуки ударов в связке с криками Пита.

И его кровь, разбрызганная по кафелю.

Часть II. «Нападение»

Глава десятая

Дикий крик зарождается где-то внутри меня и продирается через все тело, чтобы так и застрять в горле. Я нема как Безгласая, задыхающаяся от собственного горя. Даже если бы я смогла расслабить мышцы шеи и позволить звуку вырваться наружу, заметил бы его кто-нибудь? В комнате стоит невыносимый гул. Отовсюду раздаются вопросы и требования, пока они пытаются расшифровать слова Пита. "И ты... В тринадцатом... к утру будешь мертва!" Тем не менее, никого не интересует судьба самого вестника, чья кровь на экране

сменилась помехами.

Властный голос призывает к вниманию.

— Заткнитесь! — Теперь все взгляды прикованы к Хеймитчу. — Чего тут думать! Мальчик говорит, что нас вот-вот атакуют. Здесь. В Тринадцатом.

— Как он получил эту информацию?

— Почему мы должны верить ему?

— Откуда ты знаешь?

Хеймитч раздраженно вздыхает.

— Они до крови избивают его, пока мы разговариваем. Какие еще доказательства вам нужны? Китнисс, помоги мне!

Встряхнувшись, я, наконец, говорю.

— Хеймитч прав. Я не знаю, откуда Пит получил эту информацию и правдива ли она. Но он считает, что это так. И они... — Я не могу произнести вслух то, что Сноу делает с ним.

— Вы не знаете его, — говорит Хеймитч Койн. — В отличие от нас. Подготовьте своих людей.

Президент вовсе не выглядит испуганной, скорее озадаченной, всем этим поворотом событий. Она обдумывает его слова, постукивая пальцем по краю панели управления, находящейся перед ней. Когда она, наконец, заговаривает, то обращается к Хеймитчу ровным голосом.

— Конечно, мы подготовились к подобному развитию событий. Хотя у нас несколько десятков военных единиц, позволяющих допустить, что непосредственные атаки Тринадцатого не принесут никакой пользы Капитолию. Ядерные ракеты произведут радиационный выброс в атмосферу, что приведет к непредсказуемым экологическим последствиям. Даже обычной бомбардировки будет достаточно, чтобы серьезно повредить наше военное оснащение, которое, как мы знаем, они надеются захватить. И, конечно же, они провоцируют нас на ответный удар. Вполне вероятно, что все вышперечисленное, вкуче с нашим нынешним альянсом с повстанцами, будет рассмотрено как возможный риск.

— Вы правда так думаете? — спрашивает Хеймитч. Чересчур искренней интонацией, но тонкость иронии в Тринадцатом частенько упускают.

— Да. В любом случае мы уже опаздываем со спецучениями Пятого Уровня, — говорит Койн. — Предлагаю ввести строгую изоляцию.

Она начинает быстро печатать на клавиатуре, приводя свое решение в действие. Как только она поднимает голову, все начинается.

С тех пор как я прибыла в Тринадцатый, здесь было два низкоуровневых учения. Я не особо помню первые, так как находилась в больнице в палате интенсивной терапии. Думаю, пациентов освобождали от учений, потому что сложности, возникающие при нашей транспортировке, перевешивали выгоду от тренировочной эвакуации. В мое затуманенное сознание проникал механический голос, приказывающий людям собраться в желтых зонах. Во время следующих учений Второго Уровня, предполагающих незначительные происшествия — такие, как временный карантин, когда граждан проверяли на наличие вируса гриппа — мы должны были вернуться в жилые помещения. Я осталась за трубой в прачечной, проигнорировав раздражающие сигналы, раздающиеся из звуковой системы, и наблюдала за тем, как паук плетет сети. Но имеющийся опыт не подготовил меня к невыразимой, разрывающей барабанные перепонки и вселяющей страх сирене, распространяющейся сейчас по Тринадцатому. Уж точно не проигнорируешь подобный сигнал, который словно был смоделирован, чтобы повергнуть все население в неистовство. Но это же Тринадцатый, поэтому ничего подобного не происходит.

Боггс выводит Финика и меня из Штаба и сопровождает по коридору к двери, ведущей на широкую лестницу. Потоки людей встречаются и объединяются, образуя реку, которая течет только вниз. Никто не кричит и не пытается протолкнуться вперед. Даже дети не сопротивляются. Мы спускаемся, пролет за пролетом, в полном безмолвии, потому что сквозь звук сирены ничего не слышно. Я ищу глазами маму и Прим, но невозможно увидеть кого-нибудь кроме тех, кто непосредственно рядом со мной. Они обе сегодня работают в госпитале, поэтому точно не пропустят эвакуацию.

У меня закладывает уши, и тяжелеют глаза. Мы находимся на глубине угольной шахты. Единственный плюс в том, что, чем глубже мы спускаемся под землю, тем тише визжит сирена. Будто она предназначена для того, чтобы физически согнать нас с поверхности, и, наверное, так оно и есть. Группы людей начинают исчезать в отмеченных дверных проемах, но Боггс ведет меня вниз, пока, наконец, лестница не заканчивается у основания огромной пещеры. Я шагаю вперед, но Боггс останавливает меня, показывая, что я должна отметить, проведя своим расписанием перед сканером. Несомненно, информация будет передана на какой-нибудь компьютер, чтобы убедиться, что никто не потерялся.

Сложно понять, было ли это место образовано естественным путем или все же человек приложил к этому руку. Некоторые части стен каменные, в то время как железобетонные конструкции усиливают другие зоны. Спальные нары встроены прямо в стены. Здесь есть кухня, ванные комнаты и пункты первой помощи. Это место предназначено для длительного проживания.

Белые буквенные знаки и цифры расположены по периметру пещеры с небольшими интервалами.

Пока Боггс советует Финику и мне явиться в зоны, помеченный, как наши предписанные квартиры — в моем случае это Е для Отсека-Е — заходит Плутарх.

— А, вот вы где, — говорит он. Недавние события ничем не омрачили настроение Плутарха. Он до сих пор светится от счастья из-за успешного вмешательства Бити в эфир. Равнение на лес, а не на деревья. Не на наказание Пита или неминуемую бомбардировку Тринадцатого. — Китнисс, конечно, сейчас тебе нелегко, учитывая провал Пита, но ты должна знать, что остальные будут смотреть на тебя.

— Что? — удивляюсь я. Не могу поверить, что он только что назвал случившееся с Питом провалом.

— Другие люди в бункере, они будут реагировать так же, как ты. Если ты будешь спокойной и смелой, они постараются быть такими же. Если будешь паниковать, твое настроение распространится по бункеру быстрее пожара, — объясняет Плутарх. Я просто пристально смотрю на него. — Огонь займется, так сказать, — продолжает он, будто я не понимаю, о чем он говорит.

— Почему бы мне просто не претвориться, что я перед камерой, Плутарх? — говорю я.

— Да! Великолепно. На публике человек всегда становится храбрее, — говорит он. — Посмотри хотя бы на проявленное Питом мужество!

Потребовалось все мое самообладание, что не врезать ему пощечину.

— Мне надо вернуться к Койн, пока не заперли двери. Ты отлично справляешься! — говорит он, а затем уходит.

Я направляюсь к большой букве Е, наклеенной на стене. Все наше пространство состоит из квадрата каменного пола размером 12x12 футов, очерченного нарисованными линиями. Высеченные из стены две койки — одной из нас придется спать на полу — и небольшой куб на уровне земли для хранения вещей. Кусок белой бумаги, покрытый прозрачным пластиком, гласит: ПРОТОКОЛ БУНКЕРА. Я пристально смотрю на маленькие черные точки на листе. Какое-то время перед глазами все еще маячат капли крови, которые я, кажется, не могу стереть из своего видения. Постепенно, точки вновь обретают очертания слов.

Первый пункт озаглавлен «По прибытию».

1. Убедитесь, что все члены вашего Отсека на месте.

Моя мама и Прим еще не прибыли, но я была одной из первых, кто попал в бункер. Они обе, должно быть, помогают перевести пациентов госпиталя.

2. Отправляйтесь на Станцию Поддержки и получите по одному пакету на каждого члена вашего Отсека. Подготовьте Жилую Площадь. Верните пакет(ы).

Я осматриваю пещеру в поисках Станции Поддержки, которая оказывается небольшой комнаткой с прилавком. За ним стоят люди, но никакой активности не наблюдается. Я подхожу, называю букву нашего отсека и прошу три пакета. Сверившись с документами, мужчина достает с полки спецпакеты и кладет их на прилавок. Повесив один на плечо, и держа два других в руках, я оборачиваюсь и вижу быстро формирующуюся за мной толпу.

— Простите, — извиняюсь я, проталкиваясь меж людей. Это вопрос времени? Или Плутарх прав? Неужели все эти люди копируют мое поведение?

Вернувшись в наш отсек, я открываю один из пакетов и нахожу внутри тонкий матрас, постельные

принадлежности, два комплекта серой одежды, зубную щетку, расческу и фонарик. Рассматривая содержимое других пакетов, я замечаю лишь одно различие — они содержат и серый и белый костюмы. Эти два пакета, очевидно, для моей матери и Прим, на случай, если у них будут медицинские обязанности. Я заправляю кровати, раскладываю вещи и возвращаю рюкзаки, и когда мне уже больше нечего делать, читаю последнее правило.

3. Ждите дальнейших указаний.

Я сижу на полу, скрестив ноги, и жду. Непрерывный поток людей начинает заполнять комнату, занимая места, получая снаряжение. Не так уж много времени потребуется, чтобы заполнить помещение до отказа. Интересно, мама и Прим намерены остаться на ночь там, где были размещены пациенты, или нет. Нет, я так не думаю. Они были в списке. Я уже начинаю волноваться, когда, наконец, появляется мама. Я смотрю за нее в пучину незнакомых лиц.

— Где Прим? — спрашиваю я.

— Разве она не здесь? — отвечает она. — Она должна была прийти сюда прямо из больницы. Она ушла на 10 минут раньше меня. Где она? Куда она ушла?

На мгновение я крепко зажмуриваю глаза, пытаюсь выследить ее, как добычу на охоте. Я вижу, как она реагирует на сирены, бросается помогать пациентам, кивает, когда ее направляют вниз в бункер, и потом вижу ее замешательство на лестнице. Обеспокоенная. Но чем?

Я распахиваю глаза.

— Кот! Она вернулась за ним!

— О, нет! — восклицает мама. Мы обе знаем, что я права. Мы проталкиваемся через поток людей, пытаюсь покинуть бункер. Я вижу, что впереди уже готовятся закрыть толстые металлические двери. Медленно вращаются колеса по обеим сторонам от входа. Я почему-то уверена, что когда они будут запечатаны, ничто в мире не сможет убедить солдат открыть их. Возможно, это даже не будет зависеть от них. Без разбора расталкивая людей в стороны, я кричу военным подождать. Пространство между створками сокращается до ярда, до фута; остается только несколько дюймов, когда я просовываю руку в щель.

— Откройте! Выпустите меня! — кричу я.

На лицах солдат отражается страх, и они немного поворачивают колеса в обратном направлении. Недостаточно, чтобы я могла прошмыгнуть, но, по крайней мере, мои пальцы остались целы. Я пользуюсь моментом и просовываю плечо в отверстие.

— Прим! — я кричу куда-то вверх лестницы. Моя мать умоляет охранников, в то время как я пытаюсь пролезть в щель. — Прим!

Затем я слышу это. Едва уловимый звук шагов по лестнице.

— Мы идем! — я слышу голос сестры.

— Держите дверь! — это Гейл.

— Они идут! — говорю я охранникам, и они приоткрывают двери. Но я не осмеливаюсь пошевелиться, боясь, что они закроют их. Появляется Прим, на ее щеках легкий румянец от бега, в руках она держит Лютика. Я затачиваю ее внутрь, следом заходит Гейл с багажом. Двери закрываются с громким и окончательным щелчком.

— О чем ты только думаешь? — я злобно встряхиваю Прим за плечи, а потом обнимаю, сдавливая Лютика между нами.

Объяснение Прим уже готово.

— Я не могла бросить его, Китнисс. Только не снова. Ты бы видела, как он ходил по комнате и выл. Он вернулся, чтобы защитить нас.

— Хорошо, хорошо. — Я делаю несколько вдохов, чтобы успокоиться, отхожу на шаг назад и поднимаю Лютика за шкуру. — Надо было утопить тебя, пока была возможность. — Он прижимает уши и поднимает лапу. Я зашипела, прежде чем он успел сделать то же самое, это немного раздражает его, так как он считает шипение своим личным выражением презрения. В ответ на это, он мяукает словно беспомощный котенок, и сестра сразу же встает на его защиту.

— Ах, Китнисс, не дразни его, — говорит она, забирая его обратно на руки. — Он и так очень расстроен. — Мысль о том, что я задела кошачьи чувства этого животного, так и подогревает для дальнейших издевательств. Но Прим искренне переживает за него. Поэтому вместо этого, я представляю себе перчатки из шкурки Лютика, незыблемый образ, который помогал мне справляться с ним все эти годы. — Ладно, извини. Мы под большой

буквой Е на стене. Лучше отнеси его туда прежде, чем он потеряется. — Прим направляется к указанному месту, и я остаюсь один на один с Гейлом. Он держит коробку с медикаментами с нашей кухни в Дистрикт-12, места нашего последнего разговора, поцелуя, пепла, да чего угодно. Моя охотничья сумка перекинута через его плечо.

— Если Пит прав, это, скорей всего, превратится в прах, — говорит он.

Пит. Кровь, словно капли дождя на окне. Как мокрая грязь на ботинках.

— Спасибо за... все, — я забираю наши вещи. — Что ты делал в наших комнатах?

— Еще раз проверял все, — отвечает он. — Если я понадобится, мы под номером Сорок Семь.

Практически все заняли свои места, когда закрыли двери, поэтому пока я иду к нашему новому жилищу, за мной наблюдают как минимум пятьсот человек. Я стараюсь казаться спокойной и безмятежной, чтобы хоть как-то компенсировать свою безумную гонку напролом. Как будто этим кого-то проведешь. Похоже, я для них больше не пример. А кому это надо? В любом случае, они все думают, что я сумасшедшая. Мужчина, которого я, кажется, сбила с ног, ловит мой взгляд и сердито потирает локоть. Я и на него чуть не зашипела.

Прим усадила Лютика на нижнюю койку и завернула в одеяло так, что выглядывает только морда. Именно так он любит сидеть, когда гремит гром, единственное, что пугает этого котяру. Моя мама аккуратно кладет свою коробку в хранилище. Я сажусь на корточки и, прислонившись к стене, проверяю, какие вещи Гейл положил мне в сумку. Книга, охотничья куртка, свадебная фотография моих родителей и все личные вещи из моего ящика. Моя брошь сойки-пересмешницы сейчас на костюме Цинны, но здесь золотой кулон и серебряный парашют с втулкой и жемчужиной Пита. Я завязываю жемчужину в уголок парашюта, кладу на дно сумки, словно это сама жизнь Пита, и никто не сможет ее забрать, пока я охраняю ее.

Слабый звук сирены резко обрывается. Голос Койн раздается из аудиосистемы и благодарит нас за образцовую эвакуацию с верхних уровней. Она подчеркивает, что это не учение, так как Пит Мелларк, победитель из Дистрикта-12, сделал телевизионное обращение, сообщив о нападении на Тринадцатый сегодня вечером.

Именно в этот момент раздается взрыв первой бомбы. После него, на какое-то мгновение ощущается сотрясение, отдающееся в моих внутренних органах и содержимом моего желудка, пробирающееся до мозга костей, до корней зубов. Я думаю, мы все умрем. Я поднимаю глаза кверху, ожидая увидеть огромные трещины на потолке, массивные камни, рушащиеся на нас, но по бункеру разносится лишь легкая дрожь. Свет гаснет, и я чувствую себя дезориентированной в полнейшей темноте. Безмолвные звуки, издаваемые людьми — спонтанные выкрики, нервные вдохи и выдохи, плач ребенка, немного безумный смех — танцуют вокруг меня в напряженном воздухе. Затем раздается гул генератора, и тусклый свет заменяет обычное резкое освещение Тринадцатого. Зато это близко к тому, что было в наших домах в Двенадцатом, когда свечи и огонь слабо горели зимними вечерами.

В этом сумеречном свете я кладу руку на ногу Прим и, подтянувшись вверх, усаживаюсь рядом с ней. Ее голос остается ровным, пока она шушукается с Лютиком.

— Все хорошо, малыш, все хорошо. Мы здесь внизу в безопасности.

Мама обнимает нас, и я позволяю себе вновь почувствовать себя маленькой и положить голову ей на плечо.

— Это страшнее бомбардировки в Восьмом, — говорю я.

— Вероятно, ракета для бункера, — произносит Прим спокойным голосом, чтобы кот не волновался. — Нам рассказывали о них во время координирования новых граждан. Они разработаны так, чтобы проникнуть глубоко в землю прежде, чем взорвутся. Поскольку больше нет никакого смысла в бомбежке Тринадцатого на поверхности.

— Ядерные? — спрашиваю я, чувствуя, как холод распространяется внутри меня.

— Не обязательно, — отвечает Прим. — В некоторых просто содержится много взрывчатых веществ. Но в этой может быть что угодно, я полагаю.

В темноте трудно разглядеть тяжелые металлические двери в конце бункера. Стали бы они хоть какой-нибудь защитой от ядерного удара? И даже если бы они были на сто процентов эффективны при изоляции радиации, что в действительности маловероятно, то могли бы мы когда-либо покинуть это место? Мысль о том, чтобы присидеть здесь, в этом каменном хранилище, остаток всей своей жизни, ужасает меня. Я безумно хочу

побежать к двери и потребовать, чтобы меня выпустили, независимо от того, что, находится за ней. Это бессмысленно. Они ни за что не выпустят меня, но я могла бы организовать небольшой бунт.

— Мы так глубоко под землей, что я уверена, здесь мы в безопасности, — говорит мама. Думает ли она сейчас о моем отце, погребенном где-то в глубине шахты? — Все же мы были на волоске от гибели. Слава Богу, у Пита были необходимые средства, чтобы предупредить нас.

Необходимые средства. Общий термин, который, так или иначе, включает все, чего ему стоило озвучить это предупреждение. Знание, возможность, храбрость. И что-то еще, что я не могу определить. Пит, казалось, вел своего рода борьбу с самим собой, пытаюсь, передать сообщение. Почему? Непринужденность, с которой он управляет словами, является его самым большим талантом. Действительно ли эта затрудненность стала результатом его пыток? Чем-то большим? Наверде безумия?

Голос Койн, возможно более мрачный, чем до этого, разносится по бункеру, громкость звука колеблется в унисон с мерцанием света.

— Очевидно, информация Пита Мелларка была точной, и мы ему очень обязаны и признательны. Датчики показывают, что первая ракета не была ядерной, но оказалась довольно мощной. Мы ожидаем, что следующие удары будут сильнее. Пока длится атака, граждане должны оставаться на предписанных местах до объявления дальнейших действий.

Солдат оповещает мою мать, что ее ждут в пункте оказания первой помощи. Ей не хочется оставлять нас, даже притом, что она будет всего в тридцати ярдах от нас.

— С нами ничего не случится, правда, — говорю я ей. — Думаешь, что что-нибудь может ускользнуть от его взгляда? — я указываю на Лютика, который издает такое нерешительное шипение, что заставило нас немного улыбнуться. Даже я чувствую жалость к нему. После того, как мама уходит, я предлагаю. — Прим, почему бы тебе не забраться на койку вместе с ним?

— Я знаю, что это глупо..., но я боюсь, что койка может упасть на нас во время атаки, — отвечает она. Если рухнут койки, целый бункер посыпется и похоронит нас, но я решаю, что от подобной логики сейчас не будет никакой пользы. Вместо этого я вычищаю куб для хранения вещей и сооружаю там кровать для Лютика. Потом я устраиваю матрас перед хранилищем, и мы с сестрой усаживаемся на нем.

Нам разрешают воспользоваться ванными небольшими группами, чтобы почистить зубы, однако принимать душ в течение этого дня запрещено. Я сворачиваюсь с Прим на матрасе, укрываю нас двумя одеялами, потому что от стен исходит сырой холод. Лютик, несчастный даже при постоянном внимании Прим, топчется какое-то время в хранилище и, устроившись, выдыхает мне в лицо.

Несмотря на неприятные условия, я рада побыть со своей сестрой. Моя чрезвычайная озабоченность делами с тех пор, как я приехала сюда — нет, все-таки с первых Игр — не позволяла мне уделять ей достаточно внимания. Я не следила за ней должным образом. В конце концов, именно Гейл проверял наш отсек, не я. Мне есть что наверстывать.

Я понимаю, что даже не потрудилась спросить ее о том, как она справляется со всеми изменениями и нашим переездом сюда.

— Так как тебе Тринадцатый, Прим? — интересуюсь я.

— В данный момент? — спрашивает она. Мы обе смеемся. — Я иногда очень скучаю по дому. Но потом я вспоминаю, что не осталось ничего, о чем можно скучать. Я чувствую себя в большей безопасности здесь. Нам не приходится волноваться за тебя. Ну, хотя бы не в той степени, что раньше, — она делает паузу, и затем застенчивая улыбка приподнимает уголки ее губ. — Я думаю, они хотят выучить меня на доктора.

Я впервые об этом услышала.

— Ну конечно, собираются. Если нет, то они просто глупцы.

— Они наблюдали за мной, когда я помогала в больнице. Я уже хожу на курсы санитаров. Там рассказывают всякую ерунду для новичков. Я все это знаю еще от мамы. Однако мне многому предстоит научиться, — говорит она мне.

— Это здорово, — отвечаю я. Прим будет доктором. Она даже и не мечтала об этом в Дистрикте-12. Что-то маленькое и тихое, как зажженная спичка, освещает пустоту во мне. Это — своего рода будущее, которое может принести восстание.

— А как ты, Китнисс? Как ты справляешься со всем? — кончиком пальца она аккуратно гладит Лютика по лбу. — И не говори, что все хорошо.

Это верно. Все во мне противоречит понятию «хорошо». Я рассказываю ей о Пите, о его видимом ухудшении состояния и о том, что его, возможно, убивают в этот самый момент. Теперь Лютику придется полагаться только на себя, потому что Прим обращает все свое внимание ко мне. Притягивая меня ближе к себе, убирая волосы мне за уши своими пальчиками. Я замолкаю, потому что мне больше нечего сказать, остается лишь пронизывающая боль в том месте, где должно быть сердце. Возможно у меня даже сердечный приступ, но это кажется таким незначительным.

— Китнисс, я не думаю, что президент Сноу убьет Пита, — говорит она. А что ей еще сказать; она думает это меня успокоит. Но ее следующие слова становятся для меня неожиданностью. — Если он так поступит, у него не останется никого, кто дорог тебе. У него не будет никакого способа причинить тебе боль.

Внезапно, я вспоминаю о другой девушке, которая видела все то зло, устроенное Капитолием. Джоанна Мэйсон, трибут из Дистрикта-7, на последней арене. Я пыталась не дать ей войти в джунгли, где сойки-говоруны подражали голосам замученных любимых, но она отмахнулась от меня, говоря: — Они не могут причинить мне боль. Я не такая как вы. У меня не осталось никого, кого бы я любила.

Тогда я понимаю, что Прим права, что Сноу не может позволить себе потратить впустую жизнь Пита, особенно теперь, когда Сойка-пересмешница несет на своих крыльях шлейф разрушений. Он уже убил Цинну. Разрушил мой дом. Моя семья, Гейл, и даже Хеймитч, вне его досягаемости. Пит — это все, что у него осталось.

— Так как ты считаешь, что они с ним сделают? — Спрашиваю я.

Ее ответ добавляет ей тысячу лет мудрости.

— Все, что поможет сломить тебя.

Глава одиннадцатая

Что может сломить меня?

Это вопрос, который занимает меня последние три дня, пока мы ждем освобождения из тюрьмы, обеспечивающей нашу безопасность. Что может раздробить меня на миллион кусочков, после чего меня невозможно будет восстановить и я стану бесполезной? Я никому не говорю о ней, но мысль эта гложет меня и когда я бодрствую, и не отпускает во время моих ночных кошмаров.

За это время еще четыре снаряда падают рядом с бункером, массивные, разрушительные, но без намерения атаковать. Бомбы разбрасывают повсюду уже на протяжении многих часов, и стоит только подумать, что нападение закончилось, как ударная волна от очередного взрыва вновь скручивает кишки в узел. Создается впечатление, что все это задумывалось больше для того, чтобы удержать нас взаперти, чем уничтожить Тринадцатый дистрикт. Нанести урон дистрикту — да. И обеспечить его жителей работой по восстановлению своего жилища. Но уничтожить его? Нет. Койн была права на этот счет. Никто не разрушает то, чем намеревается овладеть в будущем.

Полагаю, их истинная цель в ближайшей перспективе — это попытка прекратить Атаки в прямом эфире и удерживать меня как можно дальше от телевидения Панема.

Мы получаем крайне мало информации о том, что происходит. Наши телевизоры так и не работают и мы слушаем лишь краткие аудио-оповещения от Койн о характере бомбардировок. В том, что война по-прежнему ведется, сомнений нет, но мы пребываем в полном неведении относительно ее статуса.

В бункере главным на повестке дня является сотрудничество. Мы придерживаемся строгого графика в том, что касается питания, купания, физических упражнений и сна. Непродолжительные периоды общения направлены на то, чтобы разнообразить досуг. Наш закуток быстро становится крайне популярным, потому что и дети, и взрослые увлечены Лютиком. Он заслужил себе статус знаменитости еще с того вечера, когда все

играли в "Дикую Кошку". Я придумала ее после несчастного случая, произошедшего несколько лет назад, во время зимнего отключения электричества. Нужно просто водить по полу лучом от фонарика, а Лютик пытается его поймать. Я достаточно мелочна, чтобы получать удовольствие от этой игры, потому что считаю, что так он выглядит глупым. Но здесь все уверены, что он умный и восхитительный. Мне даже выдали специальный набор аккумуляторов — бракованных — чтобы использовать их для этой цели. Обитатели Тринадцатого по-настоящему изголодались по развлечениям.

И на третью ночь, во время нашей игры, я нахожу ответ на вопрос, который снедает меня. "Дикая Кошка" послужила метафорой для моей ситуации. Лютик — это я. А Пит — тот, кого я так сильно хочу защитить — это свет от фонарика. Пока Лютику кажется, что у него еще есть шансы схватить лапами неуловимый луч, он агрессивен и встает на дыбы (совсем как я, с тех пор как покинула арену, оставив живого Пита там). Когда же луч окончательно гаснет, Лютик на время расстраивается и теряется, но быстро приходит в себя и хватается за что-то другое (вот что произойдет, если Пит умрет). Но одна вещь, которая вводит Лютика в ступор — это когда я направляю фонарик высоко на стену, где он попросту не может достать и даже допрыгнуть. Он мечется вдоль стены, вопит, и никак не может ни утешиться, ни отвлечься. И в таком состоянии он пребывает до тех пор, пока я не выключу фонарик (именно это и пытается проделать со мной Сноу, вот только я не знаю, какую форму примет его игра).

Может быть, по сценарию Сноу, осознание этого — часть моей роли. Думать, что Пит находится в его власти и его пытаются ради получения информации о повстанцах, было плохо. Но думать, что он подвергается пыткам только ради того, чтобы заманить меня, было вообще невыносимо. И это под тяжестью недавнего открытия, что я и в самом деле начинаю ломаться.

После "Дикой Кошки" мы отправляемся спать. Напряжение то есть, то нет, и порой лампы горят на полную мощность, а иногда — в периоды провалов напряжения — мы шуримся, чтобы разглядеть друг друга. На ночь лампы включают на слабую мощность и дополнительно в каждом углу — огни безопасности.

Прим, которая решила, что стены устоят при бомбежках, свернулась калачиком вместе с Лютиком на нижней полке. Моя мать — на верхней. Я предлагаю лечь с кем-нибудь из них на нарах, но они настаивают, чтобы я оставалась на полу, на матрасе, потому как сплю я спокойно и постоянно ворочаюсь.

Сейчас я не мечусь по кровати: мои мышцы окоченели от напряженных попыток держать себя в руках. Боль в сердце возобновляется и мне кажется, что от него во все стороны по моему телу расходятся крошечные трещины. Проходя через туловище, по рукам и ногам, по лицу, и оставляя на мне глубокие раны. Один хороший удар по бункеру и я могу рассыпаться на странные, остроконечные осколки.

Когда беспокойно ворочающееся большинство погружается в сон, я осторожно скидываю с себя одеяло и на цыпочках шагаю через все подземелье в поисках Финника, гонимая необъяснимым чувством, что только он меня поймет. Он сидит под огнем безопасности в своей камерке, теребя веревку и даже не притворяясь, что отдыхает. Нашептав ему свою догадку по планам Сноу сломить меня, я тут же понимаю: эта стратегия не была новостью для Финника. Именно это и сломало его.

— Вот что они делают с тобой и Энни, ведь так? — спрашиваю я.

— Ну, они арестовали ее не потому, что считали кладезью полезной информации о повстанцах, — отвечает он. — Они знают, что я не стал бы рисковать и делиться с ней этим. Для ее же блага.

— Ах, Финник. Мне очень жаль, — говорю я.

— Нет, это мне очень жаль. Ведь это я никоим образом не предупредил тебя, — возражает он мне.

Вдруг в памяти всплывает воспоминание. После освобождения я, обезумевшая от ярости и горя, оказываюсь привязанной к своей кровати. Финник старается утешить меня из-за того, что случилось с Питом. — Они очень скоро выяснят, что он ничегошеньки не знает. И они не убьют его, если решат, что смогут использовать его против тебя.

— А ведь ты предупреждал меня. На планолете. Только когда ты сказал, что они используют Пита против меня, я подумала, ты имел в виду, что он станет приманкой. Чтобы таким образом заманить меня в

Капитолий, — признаюсь я.

— Я не должен был говорить даже этого. Было уже слишком поздно для того, чтобы чем-нибудь тебе помочь. Раз уж не предупредил тебя перед Двадцатипятилетием Подавления, то должен был умолчать и о том, какие методы использует Сноу, — Финник дернул за конец веревки, тем самым распутав сформировавшийся клубок. — Просто я не понимал этого, когда познакомился с тобой. После первых Игр мне показалось, что на самом деле весь романтизм был лишь одним из актов твоей пьесы. Мы все ждали, что ты захочешь продолжать эту стратегию. Но только когда Пит наткнулся на силовое поле и чуть не погиб, я... — Финник запинается.

Мысленно я возвращаюсь на арену. Как я рыдала, когда Финник пытался вернуть Пита к жизни. И недоуменный взгляд на лице Финника. И то, как он оправдывал мое поведение, приписывая это моей мнимой беременности. — Что ты?

— Я понял, что недооценил тебя. Что ты действительно любишь его. Не скажу, как именно. Возможно, ты и сама этого не знаешь. Но все могли заметить, как много он значит для тебя, — мягко говорит он.

Все? Во время своего визита перед Турне Победителей, Сноу вызвал меня к себе, чтобы развеять любые сомнения насчет моей любви к Питу. "Убеди меня", — сказал Сноу. И казалось, под тем ярко-розовым небом, точно зная, что жизнь Пита висит на волоске, я все же смогла это сделать. И убедив его, я дала Сноу оружие, которое ему было нужно, чтобы сломать меня.

Мы с Финником довольно долго сидим в полной тишине, я просто наблюдаю за тем, как распутываются и исчезают узлы, а потом спрашиваю:

— Как ты с этим справляешься?

Финник смотрит на меня с недоверием.

— Я не справляюсь, Китнисс! Абсолютно. Каждое утро я выдергиваю себя из кошмаров и вижу, что в реальном мире ничего не изменилось. — Что-то в выражении моего лица заставляет его замолчать. — Лучше не поддаваться этому. Собрать себя заново в десять раз сложнее, чем рассыпаться на куски.

Ну, ему виднее. Я делаю глубокий вдох, заставляя себя собраться воедино.

— Чем больше у тебя дел, на которые ты можешь отвлечься, тем лучше, — говорит он. — Первое, чем мы займемся завтра, это раздобудем тебе собственную веревку. А пока возьми мою.

Остаток ночи я провожу на своем тюфяке, с увлечением завязывая узлы и пряча веревку от вездесущего Лютика. Если что-то кажется ему подозрительным, он старается это стащить и даже пробует на зубок, чтобы убедиться, что оно неживое.

К утру пальцы болят, но я продолжаю корпеть над веревкой.

Затишье снаружи продолжается уже сутки, и Койн, наконец, объявляет, что мы можем покинуть бункер. Из-за бомбардировок наши старые кварталы разрушены. И все мы должны проследовать к месту своих новых каморок. Согласно указаниям, мы прибираемся каждый в своем закутке и, послушно выстроившись в колонну по одному, движемся к двери.

Не успеваю я проделать и полпути, как рядом со мной возникает Боггс и тащит меня вон из строя. Подает знак Гейлу и Финнику, чтобы они присоединились к нам. Люди расступаются, чтобы пропустить нас. Кое-кто из них даже улыбается мне, поскольку забава "Дикая Кошка", кажется, сделала меня в их глазах более привлекательной.

Выйдя за дверь, поднявшись вверх по лестнице, и прошагав по коридору к одному из лифтов, везущих в разные стороны, мы, наконец, подходим к отделу Спецобороны. По пути мы не встречаем никаких разрушений, но по-прежнему находимся еще очень глубоко под землей.

Боггс заводит нас в комнату, практически идентичную Штабу. Койн, Плутарх, Хеймитч, Крессида и все остальные собравшиеся за столом выглядят крайне уставшими. Кто-то, наконец, дорвался до кофе — хотя я уверена, что он полезен исключительно как необходимый в критической ситуации допинг — а Плутарх обеими руками держится за свою чашку, будто ее в любой момент могут отнять.

И ведут они отнюдь не светскую беседу.

— Нам нужно, чтобы вы четверо переоделись и отправились наверх, на землю, — сообщает президент. — У

вас есть два часа, чтобы заснять на пленку ущерб, нанесенный бомбардировками, и заявить, что военное оснащение Тринадцатого продолжает оставаться не только действующим, но и доминирующим, и — самое главное — что Сойка-пересмешница все еще жива. Есть вопросы?

— А можно нам кофе? — спрашивает Финник.

Нам раздают дымящиеся чашки. Я с отвращением таращусь на переливающуюся черную жидкость — никогда не была фанатом этого напитка, но думаю, он может помочь мне удержаться на ногах. Финник вливает в мою чашку немного сливок и тянется к сахарнице.

— Хочешь кубик сахара? — спрашивает он знакомым шарующим баритоном.

Вот так же мы и встретились — Финник предложил мне сахар. Окруженные лошадьми и колесницами, разодетые и напомаженные к радости толпы — еще до того, как мы стали союзниками. Еще до того, как я поняла, что делает его столь привлекательным. Это воспоминание вызвало у меня улыбку.

— Вот, он улучшает вкус, — добавляет он уже нормальным голосом, плюхнув три кубика сахара в мою чашку.

Переодеваясь в костюм Сойки-пересмешницы, я ловлю недовольный взгляд Гейла, которым он одаривает и меня, и Финника. Что на этот раз? Неужели он на самом деле думает, что между нами что-то происходит? Может быть, прошлой ночью он видел, как я ходила к Финнику. Я как раз должна была проходить мимо каморки Хотторнов. И полагаю, это могло натолкнуть его на ошибочную мысль. Что его компании я предпочитаю общество Финника. Что ж, здорово. Мои пальцы, натертые веревкой, горят, мне с трудом удается держать глаза открытыми, и съемочная группа ждет, что я сделаю что-то выдающееся. И Пит у Сноу...

Гейл может думать все, что ему заблагорассудится.

В новой Гримерной в отделе Спецобороны, моя подготовительная команда запикивает меня в костюм Сойки-пересмешницы, приводит в порядок волосы и наносит легкий макияж еще до того, как мой кофе успевает остыть. Уже через десять минут съемочная группа и команда следующего промо обходными путями шагают к выходу наружу. Я глотаю свой кофе уже на ходу, и с удивлением обнаруживаю, что сливки и сахар значительно улучшают его вкус. Добравшись до гуши, осевшей на дне чашки, я чувствую, как по венам разливается тепло.

Поднявшись по лестнице на самый верх, Боггс дергает за рычаг, которым открывается люк. В помещение врывается свежий воздух. Я делаю глубокий вдох и впервые позволяю себе признаться, как сильно я ненавидела бункер. Мы выходим в лес и я запускаю руки в листву деревьев над головой. Некоторые из них еще только начинают желтеть.

— Какой сегодня день? — любопытствую я, обращаясь ни к кому конкретно.

Боггс отвечает, что на следующей неделе начнется сентябрь.

Сентябрь. Это значит, что Сноу держит Питу в своих лапах уже пять или даже шесть недель. Я разглядываю лист у себя на ладони и замечаю, что дрожу. И не могу заставить себя успокоиться. Я списываю это на кофе и пытаюсь сосредоточиться на том, чтобы замедлить свое, слишком учащенное, дыхание.

Земля усыпана останками от взрывов. Мы подходим к первой воронке над нашим бункером, метров тридцати в ширину, и я не могу определить, насколько она глубока. Очень. Боггс говорит, что все, кто находились бы на первых десяти уровнях, скорее всего, были бы убиты. Мы обходим яму и двигаемся дальше.

— Вы можете это восстановить? — подает голос Гейл.

— Не в ближайшее время. Этот кратер мало что задел. Несколько резервных генераторов и птицефабрику, — отвечает Боггс. — Мы просто засыпем его.

Деревья заканчиваются и мы доходим до места, огороженного забором. Кратеры окружены как старыми, так и новыми выбоинами. До начала бомбардировок очень малая часть нынешнего Тринадцатого находилась на земле. Несколько постов охраны. Тренировочное поле. Примерно фут верхнего этажа нашего здания — где выступало окно Лютика — и поверх него сталь в несколько футов толщиной. Но и с такой защитой оно никогда бы не выдержало мало-мальски серьезного нападения.

— Какое преимущество дало вам предупреждение парня? — задает вопрос Хеймитч.

— Около десяти минут. После, наша собственная система обнаружила бы ракеты, — говорит Боггс.

— Но оно ведь помогло, да? — спрашиваю я.

Я не вынесу, если он скажет нет.

— Безусловно, — отвечает Боггс. — Эвакуация населения была спокойно завершена. Когда находишься под обстрелом, счет идет на секунды. И десять минут означают спасение жизней.

Прим, подумала я. И Гейл. Они пришли в бункер всего за пару минут до того, как упал первый снаряд. Их спас Пит. Нужно добавить их имена в список того, за что я буду его вечной должницей.

Крессиде приходит в голову идея снять меня на фоне развалин старого Дома Правосудия, чтобы показать, что дистрикта больше не существует, что стало бы чем-то вроде издевки над Капитолием, ведь они многие годы использовали его в качестве декорации для поддельных выпусков новостей. Теперь же, после недавней атаки, Дом Правосудия располагается примерно в десяти ярдах от края нового котлована.

Мы приближаемся к тому, что некогда было парадным входом, Гейл указывает на что-то впереди нас, и мы тут же замедляем ход. Поначалу я не понимаю, в чем дело, затем я вижу валяющиеся на земле свежие розовые и красные розы.

— Не трогайте их! — кричу я. — Они для меня!

Приторно-сладкий запах шибает в нос, а в груди неистово колотится сердце. Такого я и представить не могла. Розы с моего туалетного столика. Передо мной лежит вторая посылка от Сноу. Розовые и красные красавицы на длинных стеблях, те самые цветы, что украшали студию, в которой мы с Питом давали интервью сразу после победы. Цветы, предназначенные не для одного, а для пары влюбленных.

Как могу, я объясняю свою догадку остальным. После осмотра становится ясно, что цветы безвредны, разве что генетически усовершенствованы. Две дюжины роз. Чуть увядших. Скорее всего, их сбросили после последней бомбежки. Группа в спецкостюмах собирает их и отвозят как можно дальше. Уверена однако, что они не найдут в них ничего экстраординарного. Сноу абсолютно точно знает, как ему поступить со мной. Например, избивать Цинну до полусмерти, вынуждая меня смотреть на это сквозь прозрачный цилиндр. Это действие было исполнено лишь для того, чтобы выбить меня из колеи.

Как и тогда, я стараюсь совладать с собой и дать отпор. Но как только Крессида возвращает Кастора и Полидевка на место, я чувствую, что мое беспокойство все нарастает. Я так устала, так вымоталась, и сейчас, увидев розы, я просто не в состоянии думать ни о чем, кроме Пита. Кофе был огромной ошибкой. В чем уж я точно не нуждалась, так это в допинге. Мое тело заметно потряхивает и я никак не могу восстановить дыхание. После дней, проведенных в бункере, я жмурюсь вне зависимости от того, куда поворачиваюсь, и глаза болят от яркого света. Даже несмотря на прохладный ветерок по моим щекам струятся капельки пота.

— Итак, что конкретно вам от меня нужно? — спрашиваю я.

— Лишь несколько слов, которые продемонстрируют, что ты жива и продолжаешь бороться, — отвечает Крессида.

— Хорошо, — я занимаю свою позицию, и пристально смотрю на красный огонек. Смотрю... Смотрю... — Очень жаль, но мне нечего сказать.

Крессида подходит ко мне. — Ты нормально себя чувствуешь? — я киваю.

Она вытаскивает из кармана маленький платок и промокает мне лицо. — Как насчет старой доброй схемы Вопрос-Ответ?

— Да. Полагаю, это поможет, — я скрещиваю руки, чтобы унять дрожь. Поднимаю глаза на Финника, который показывает мне поднятые вверх большие пальцы. Но и сам он заметно дрожит.

Крессида возвращается на свое место. — Итак, Китнисс. Ты пережила бомбардировки Капитолием Тринадцатого Дистрикта. Сравнимы ли они с тем, что ты испытала на территории Восьмого?

— На этот раз мы находились очень глубоко под землей, и никакой реальной опасности не было. Тринадцатый живет и здравствует, так же как и... — мой голос срывается на хрип.

— Попробуй с этого места еще раз, — предлагает Крессида. — Тринадцатый Дистрикт живет и здравствует, так же, как и я.

Я делаю глубокий вдох, стараясь с силой протолкнуть в себя воздух.

— Тринадцатый дистрикт живет и... — Нет, не так.

Клянусь, я все еще чувствую запах тех роз.

— Китнисс, повтори только эту фразу, и закончим на сегодня. Я обещаю, — говорит Крессида.
— Тринадцатый живет и здравствует так же, как и я.

Я встряхиваю руками, чтобы расслабиться. Сжимаю их в кулаки и кладу себе на бедра, затем опускаю по бокам. Мой рот наполняется слюной и глубоко в желудке я чувствую позывы к тошноте. С трудом сглотнув, я открываю рот, чтобы сказать, наконец, эту глупую фразу и скрыться в лесу, и ... в этот момент я начинаю рыдать.

Я не могу быть Сойкой-пересмешницей. Не могу закончить даже одно это предложение. Потому что теперь я знаю, что каждое мое неверно сказанное слово плохо скажется на Пите. И его будут пытаться. Но не до смерти, нет, ничего настолько милосердного. Сноу позаботится о том, чтобы жизнь его была гораздо хуже смерти.

— Стоп! — слышу я спокойный голос Крессида.

— Что это с ней? — бормочет Плутарх себе под нос.

— Она догадалась, как Сноу собирается использовать Пита, — отвечает Финник.

Собравшиеся полукругом люди издали что-то вроде коллективного вздоха сожаления. Потому что теперь я знаю это. Потому что никогда больше об этом не забуду. Потому что кроме ущерба военным действиям — потеря Сойки-Пересмешки влечет за собой и мою гибель.

Несколько пар рук обнимают меня. Но я хочу, чтобы меня утешал лишь один человек — Хеймитч, потому что он тоже любит Пита. Я подаюсь к нему и произношу что-то похожее на его имя, и вот он уже здесь, обнимает меня и похлопывает по спине.

— Все хорошо. Все будет хорошо, дорогая, — он усаживается вместе со мной на обломок мраморного столба и обнимает меня, пока я рыдаю.

— Я больше так не могу, — говорю я.

— Я знаю, — отвечает он.

— Все, о чем я могу думать — что он сделает с Питом из-за того, что я Сойка-пересмешница! — я поднимаю голову.

— Я знаю, — Хеймитч обнимает меня еще крепче.

— Ты видел? Как странно он себя вел? Что они сделали с ним? — я задыхаюсь от рыданий, но все же мне удается выдать из себя последнюю фразу: — Это моя вина!

Мои рыдания переходят в истерику, а потом я чувствую, как в мою руку вонзается игла и мир ускользает.

Что бы они мне ни вкололи, это должно быть что-то сильнодействующее, потому что прежде, чем я пришла в себя, прошел целый день. Однако мой сон не был спокойным. У меня было такое чувство, будто я выхожу из царства тьмы, из заколдованного места, по которому я путешествовала в одиночку. Хеймитч — с бледной кожей и глазами, налитыми кровью — сидит на стуле возле моей кровати. Я вспоминаю о Пите и снова начинаю трястись.

Хеймитч протягивает руку и сжимает мое плечо. — Все в порядке. Мы собираемся попробовать вытащить его оттуда.

— Что?

Это бессмысленно.

— Плутарх направляет туда спасательный отряд. У него там есть свои люди. И он считает, что мы сможем вернуть Пита живым, — говорит он.

— Так почему мы не сделали этого раньше? — спрашиваю я.

— Потому что это чревато. Но все согласны, что это стоит того. Точно такой же выбор мы сделали на арене — делать все возможное, чтобы спасти тебя. Сейчас мы не можем потерять Сойку-пересмешницу. И ты не можешь показываться до тех пор, пока не узнаешь, что Сноу не отыграется на Пите, — Хеймитч предлагает мне чашку. — Возьми, выпей что-нибудь.

Я медленно сажусь и делаю глоток воды. — Что ты имеешь в виду, говоря, что это чревато?

Он пожимает плечами. — Наши шпионы будут раскрыты. Могут погибнуть люди. Но имей в виду, что они умирают каждый день. И дело не только в Пите, ради Финника мы вытащим оттуда и Энни.

— Где он? — задаю я очередной вопрос.

— За ширмой, посапывает от успокоительного. Он сорвался сразу после того, как мы тебя вырубил, — отвечает Хеймитч, а я слегка улыбаюсь, чувствуя себя уже менее слабой. — Да, это была по-настоящему классная съемка. Вы двое съехали с катушек, а Боггс уехал организовывать миссию по вызволению Пита. Так

что по телеку крутят повторы.

— Хорошо, если за дело берется Боггс, это уже плюс, — говорю я.

— О, да, в этом он лучший. И набирал в команду только добровольцев, но притворился, будто не заметил, как я поднял руку, — рассказывает Хеймитч. — Видишь? Он уже продемонстрировал благоразумие.

Что-то не так. Стараясь развеселить меня, Хеймитч переигрывает. Это совсем не его стиль.

— Ну, а кто еще вызвался добровольцем?

— Кажется, всего их было семь, — уклончиво отвечает он.

Живот скрутило от плохого предчувствия. — Кто еще, Хеймитч? — настаиваю я.

Наконец, Хеймитч снисходит до проявления великодушия. — Ты знаешь, кто еще, Китнисс. Ты знаешь, кто выступил в первых рядах.

Конечно, знаю.

Гейл.

Глава двенадцатая

Сегодня я могу потерять их обоих.

Я пытаюсь представить мир, где смолкли голоса Гейла и Пита. Неподвижные руки. Немигающие глаза. Я стою над их телами, смотрю в последний раз и ухожу из комнаты, где они лежат. Но когда я открываю дверь, чтобы шагнуть в другой мир, там оказывается только необъятная пустота. Бледно-серое ничто — вот, что ждёт меня в будущем.

— Если хочешь, тебя усыпят, пока всё не закончится? — спрашивает Хеймитч. Он не шутит. Этот человек провёл свою взрослую жизнь на дне бутылки, пытаюсь забыть обо всех бесчинствах Капитолия. Шестнадцатилетний мальчик, который выиграл второе Двадцатипятилетие Подавления, должен иметь любимых людей — семью, друзей, возможно, возлюбленную — ради возвращения к которым он боролся. Где они теперь? Как так вышло, что, пока нас с Питом не навязали ему, в его жизни совсем никого не было? Что Сноу сделал с ними?

— Нет, — отвечаю я. — Я хочу попасть в Капитолий. Я хочу участвовать в спасательной операции.

— Они уже ушли, — говорит Хеймитч.

— Как давно они ушли? Я могу догнать. Я могу... — Что? Что могу я сделать?

Хеймитч трясёт головой. — Этого не будет. Ты слишком ценна и уязвима. Был разговор о том, чтобы послать тебя в другой дистрикт и этим отвлечь внимание Капитолия, пока будет проходить спасательная операция. Но никто не знает, выдержишь ли ты.

— Пожалуйста, Хеймитч! — Теперь я умоляю его. — Я должна что-то сделать. Я не могу просто сидеть здесь и ждать новостей о том, что они погибли. Должно же быть что-то, что я могу сделать!

— Ладно. Дай мне поговорить с Плутархом. Не вставай.

Но я не могу лежать. Шаги Хеймитча ещё раздаются в коридоре за дверью, а я уже на ощупь пробираюсь через щель в разделительной занавеске и нахожу Финника, развалившегося на животе, его руки запутались в наволочке. И хотя это малодушно — даже жестоко — вытягивать его из призрачного, приглушенного наркотиками мира в голую реальность, я действую и бужу его, потому что уже не могу справиться с этим сама.

По мере того как я объясняю нашу ситуацию, его первоначальная тревога загадочным образом угасает. — Разве ты не видишь, Китнисс, это всё решает. Так или иначе. К концу дня, они будут или с нами, или мертвы. Это... это большее, на что мы можем надеяться.

Что ж, это радужная сторона нашего положения. Кроме того, есть что-то успокаивающее в мысли о том, что эти пытки могут, наконец, закончиться.

Занавеска отдёргивается и появляется Хеймитч. У него есть для нас работа, если мы потянем её вдвоём. Им

все еще нужно видео из Тринадцатого дистрикта после бомбёжки. — Если у нас появится запись в следующие несколько часов, то Бити сможет передать её в эфир во время подготовки к операции, и, возможно, отвлечёт внимание Капитолия на что-нибудь другое.

— Да, отвлечение, — говорит Финник. — Вроде обманного манёвра.

— Нам действительно нужно что-нибудь настолько захватывающее, чтобы даже президент Сноу не смог бы оторваться. Есть что-нибудь на примете? — спрашивает Хеймитч.

Наличие работы, которая может помочь операции, заставляет меня сосредоточиться. Пока я на ходу завтракаю и готовлюсь, я пытаюсь придумать, что мне сказать. Президент Сноу наверняка гадает, какой эффект на меня произвели его розы и забрызганный кровью пол. Если он хочет меня сломать, я должна быть сильной. Но не думаю, что получится его в чем-то убедить, выкрикнув в камеру пару дерзких фраз. Кроме того, это не поможет выиграть хоть сколь-нибудь времени спасательной команде. Взрывы происходят быстро. Больше времени занимают рассказы о них.

Я не знаю, работает ли это, но, когда вся телевизионная команда собирается на поверхности, я прошу Крессида начать с вопроса о Пите. Я сажусь на упавшую мраморную колонну, где в прошлый раз у меня случился нервный срыв, жду красного света и вопроса Крессида.

— Как ты познакомилась с Питом? — спрашивает она.

И тогда я делаю то, что хотел от меня Хеймитч с самого первого интервью. Я открываюсь.

— Когда я встретила Пита, мне было одиннадцать лет, и я была почти мертва. — Я рассказываю о том ужасном дне, когда я пыталась продать детскую одежду под дождём, как мать Пита прогнала меня от дверей булочной и как он терпел побои, чтобы принести мне хлеб, спасший нам жизнь. — Мы даже никогда не разговаривали. В первый раз я говорила с Питом в поезде, который вёз нас на Игры.

— Но он уже тогда был влюблён в тебя, — говорит Крессида.

— Думаю, да, — я позволяю себе немного улыбнуться.

— Как ты справляешься с разлукой? — спрашивает она.

— Плохо. Я знаю, что в любой момент Сноу может убить его. Особенно после того, как он предупредил Тринадцатый о бомбёжке. Ужасно жить с этой мыслью, — говорю я. — Но из-за того, что они делают с ним, у меня больше нет никаких сомнений. В том, чтобы любой ценой уничтожить Капитолий. У меня развязаны руки.

Я бросаю свой взгляд в небо и наблюдаю за полётом ястреба. — Президент Сноу однажды признался мне, что Капитолий уязвим. В то время я не знала, что это значит. Я была настолько испугана, что было трудно мыслить ясно. Теперь я не боюсь. Капитолий слаб, потому что во всём зависит от дистриктов. Еда, энергия, даже миротворцы, которые охраняют нас. Если мы объявим нашу свободу, Капитолий падёт. Президент Сноу, благодаря вам, я официально объявляю свою свободу.

Мои слова обоснованы, если не ошеломительны. Все любят мой рассказ о хлебе. Но именно моё обращение к президенту Сноу заставляет крутиться колёсики в мозгу Плутарха. Он торопливо подзывает Финника и Хеймитча, и между ними происходит недолгий, но напряжённый разговор, который, судя по всему, Хеймитча не радует. Кажется, Плутарх победил — Финник бледнеет, но выслушав до конца, кивает головой.

Когда Финник занимает моё место перед камерой, Хеймитч говорит ему, — Ты не обязан это делать.

— Нет, обязан. Если это поможет ей. — Финник сжимает в руке свою верёвку. — Я готов.

Я не знаю, чего ожидать. Любовная история об Энни? Список бесчинств Четвёртого дистрикта? Но Финник Одейр берёт совершенно другой курс.

— Президент Сноу часто... продавал меня... моё тело, то есть, — Финник начинает говорить монотонно и несвязно. — Я был не единственным. Если победитель явно привлекательный, президент даёт его кому-то в награду, или разрешает людям купить его по заоблачной цене. Если ты отказываешься, он убивает кого-то из твоих близких. Так что ты соглашаешься.

Тогда это всё объясняет. Парад любовников Финника в Капитолии. Они никогда не были настоящими любовниками. Просто такие же люди, как наш бывший главный миротворец, Крэй, который покупал отчаявшихся девушек для того, чтобы помучить и выбросить, просто потому, что он мог это сделать. Я хочу прервать запись и умолять Финника простить меня за все ошибочные мысли о нём. Но у нас есть работа и я

чувствую, что роль Финника будет намного полезнее, чем моя.

— Я был не единственным, но самым популярным, — говорит он. — И, наверное, самым незащищённым, потому что люди, которых я любил, были такими беспомощными. Чтобы чувствовать себя лучше, мои покровители дарили мне деньги или украшения, но я придумал более ценную форму оплаты.

Секреты, наверное. То, чем, по словам Финника, платили ему его любовники, только раньше я думала, что всё это было его выбором.

— Секреты, — говорит он, повторяя мои мысли. — И мы подходим к моменту, когда вы захотите остаться с нами, президент Сноу, потому что так много из них было о вас. Но давайте начнём с других.

Финник начинает ткать гобелен настолько богатый деталями, что вы не сомневаетесь в его подлинности. Рассказы о странных сексуальных аппетитах, изменах, бездонной жадности, и кровавых играх. Пьяные тайны, нашёптанные над влажными подушками на рассвете. Финника кто-то покупал и продавал. Раб дистрикта. Определённо красивый, но на самом деле безвредный. Кому бы он рассказал? И кто бы ему поверил, даже если бы рассказал? Но некоторые секреты слишком смачные, чтобы хранить их. Я не знаю имён, которые называл Финник — похоже, все они известные жители Капитолия — но я знаю, слушая болтовню моей группы подготовки, что внимание даже к самому незначительному промаху может вырасти, когда дело доходит до суда. Если уж неудачная стрижка выливается в часы сплетен и обсуждений, то что вызовут обвинения в кровосмешении, подлости, шантаже и поджоге? Как только волны шока и взаимного обвинения прокатятся по Капитолию, люди, так же, как и я, будут ждать секретов о президенте.

— А теперь перейдём к нашему хорошему президенту Кориоланусу Сноу, — говорит Финник. — Он был так молод, когда пришёл к власти. И так умён, что смог удержать её. Как, вы спросите, он сделал это? Одно слово. Вот, всё, что вам нужно знать. Яд. — Финник рассказывает о политическом восхождении Сноу, о котором я вообще ничего не знала, и прослеживает его путь до настоящего времени, указывая случай за случаем загадочных смертей противников Сноу или, даже хуже, его союзников, которые могли стать угрозой. Люди падали замертво на застольях или медленно, необъяснимо угасали в течение нескольких месяцев. Всё это списывали на плохих моллюсков, неуловимые вирусы, или невыявленную слабость аорты. Сноу сам пил из отравленной чашки, чтобы отвести подозрение. Но противоядия не всегда работают. Говорят, вот почему он носит розы, от которых разит духами. Говорят, что они перекрывают запах крови от язв во рту, которые уже никогда не вылечить. Говорят, говорят, говорят... У Сноу есть список, и никто не знает, кто будет следующим.

Яд. Совершенное оружие змеи.

Так как моё мнение о Капитолии и его благородном президенте уже и так упало донельзя, я не могу сказать, что заявления Финника потрясли меня. Похоже, они больше произвели впечатление на вытесненных из Капитолия повстанцев — таких, как моя группа и Фалвия — даже Плутарх иногда выглядит удивлённым, возможно гадая, как такая необычная пикантная новость прошла мимо него. Когда Финник заканчивает, они продолжают держать камеры включёнными, пока ему самому не приходится сказать «снято».

Группа спешит внутрь, чтобы отредактировать материал, и Плутарх отводит Финника для разговора, скорее всего, узнать, может ли он рассказать что-нибудь ещё. Я выхожу с Хеймитчем на развалины, представляя, что однажды меня могла постигнуть судьба Финника. Почему нет? Сноу получил бы действительно хорошую сумму за популярную и привлекательную девушку.

— С тобой случилось то же самое? — спрашиваю я Хеймитча.

— Нет. Моя мать и младший брат. Моя девушка. Они все погибли через две недели после того, как я стал победителем. Из-за всего произошедшего, я сошел с поля битвы, — отвечает он. — Сноу не мог никого использовать против меня.

— Удивляюсь, почему он просто не убил тебя, — говорю я.

— О, нет. Я был примером. Человек, который сдерживает молодых Финников, Джоанн и Кашмеров. То, что могло случиться с победителем, который приносит проблемы, — говорит Хеймитч. — Только он знал, что у

него нет никаких рычагов против меня.

— Пока не появились мы с Питом, — говорю я тихо. Он даже не пожимает плечами в ответ.

Когда наша работа сделана, нам с Финником ничего больше не остаётся, кроме ожидания. Мы пытаемся заполнить тянущиеся минуты в отделе Спецобороны. Затягивая узлы. Размазывая наш ланч по тарелкам. Разнося разные вещи в тире. Из-за опасности обнаружения со спасательной командой нет никакой связи. В 15:00, обозначенный час, мы стоим, напряжённые и безмолвные, в комнате полной экранов и компьютеров, и смотрим, как Битти пытается захватить теле- и радиоволны. Его обычная суетливая рассеянность уступила место сосредоточенности, которой я никогда не видела. Большая часть моего интервью не прошла, но достаточно, чтобы показать, что я всё ещё жива и сопротивляюсь. Финник и его непристойный кровавый список Капитолия — главная новость дня. Повысилось ли мастерство Битти? Или его коллеги в Капитолии слишком зачарованы, чтобы отрубить видео Финника? В следующие 60 минут канал Капитолия мечется между обычными дневными новостями, Финником, и попытками перекрыть его. Но техническая команда повстанцев умудряется подавлять даже это и во время настоящего переворота, держит в своих руках почти все атаки на Сноу.

— Вот и всё! — говорит Битти, поднимая руки вверх, освобождая канал Капитолия. Он протирает лицо одеждой. — Если они до сих пор не выбрались оттуда, они все мертвы. — Он поворачивается на стуле, чтобы увидеть нашу с Финником реакцию на его слова. — Всё равно это был отличный план. Плутарх показывал вам это?

Конечно, нет. Битти ведёт нас в другую комнату и показывает нам, как команда, с помощью повстанцев внутри, будет пытаться — уже попыталась — освободить победителей из подземной тюрьмы. Кажется, использовался усыпляющий газ, распространяемый через систему вентиляции, отключение электричества, взрыв бомбы в правительственном здании в нескольких милях от тюрьмы, а сейчас и прекращение вещания. Битти рад, что мы находим этот план сложным, значит и наши враги так считают.

— Как твоя электрическая ловушка на арене? — спрашиваю я.

— Точно. И видишь, как она отлично сработала? — говорит Битти.

Ну... не так уж и отлично, думаю я.

Мы с Финником пытаемся остаться в штабе, куда наверняка придут первые новости от спасательной команды, но нам запрещают, потому что здесь ведётся настоящий военный бизнес. Мы отказываемся покидать отдел Спецобороны, и поднимаемся в комнату с калибры ждать новостей.

Завязываю узлы. Завязываю узлы. Ни слова. Завязываю узлы. Тик-так. Это часы. Не думай о Гейле. Не думай о Пите. Завязываю узлы. Мы не хотим есть. Пальцы содраны и кровоточат. Финник, в конце концов, сдаётся и принимает согнутое положение, как на арене, когда атаковали сойки-говоруны. Я совершенствую свою миниатюрную петлю. Слова «Висячее дерево» повторяются в моей голове. Гейл и Пит. Пит и Гейл.

— Ты полюбил Энни сразу, Финник? — спрашиваю я.

— Нет, — прежде чем он продолжает, проходит довольно много времени, — она постепенно захватила меня. Я пытаюсь заглянуть себе в душу, но в данный момент я могу чувствовать только, как Сноу постепенно захватывает меня.

Наверное, уже полночь, или наступил следующий день, когда Хеймитч открывает дверь. — Они вернулись. Нас ищут в больнице — Мой рот открывается с потоком вопросов, но он отрезает — Это всё, что я знаю.

Я хочу бежать, но Финник реагирует так странно, словно он потерял способность шевелиться, поэтому я беру его за руку и веду, как маленького ребенка. Через отдел Спецобороны к лифту, который ездит туда-сюда, и дальше в больничное крыло. Шумное место с выкрикивающими приказами врачами и ранеными людьми, которых перевозят по коридорам на их кроватях.

В нас ударяется каталка с молодой женщиной с побритой головой и в бессознательном состоянии. Её тело покрыто синяками и сочащимися струпьями. Джоанна Мейсон. Она на самом деле знала тайны повстанцев. По

крайней мере, одну обо мне. И вот чем она за это заплатила.

Через дверь я бросаю взгляд на Гейла, раздетого до пояса, по лицу течёт пот, когда врач извлекает что-то из-под его лопатки парой длинных щипцов. Ранен, но жив. Я зову его, и хочу подойти к нему, но медсестра отталкивает меня назад и не пускает.

— Финник! — Что-то между воплем и радостным криком. Красивая, только немного грязная, молодая женщина — с тёмными запутанными волосами и глазами зелёными как море — бежит нам навстречу ни в чём ином, как в простыне. — Финник! — И вдруг есть только эти двое, пробирающиеся через пространство, чтобы дотянуться друг до друга. Они сталкиваются, обнимаются, теряют равновесие и ударяются о стену, где и остаются. Сливаясь в одно целое. Неразделимое.

Я чувствую укол зависти. Не к Финику или Энни, а к их уверенности. Никто вокруг не мог сомневаться в их любви.

Боггс в потрёпанной одежде, но невредимый, находит Хеймитча и меня. — Мы вытащили всех. Кроме Энобарии. Но так как она из Второго, сомневаемся, что она выживет. Пит в конце коридора. Эффект газа как раз заканчивается. Тебе лучше быть там, когда он очнётся.

Пит.

Живой и здоровый — может, не совсем здоровый, но живой, и он здесь. Далеко от Сноу. В безопасности. Здесь. Со мной. Через минуту я прикоснусь к нему. Увижу его улыбку. Услышу его смех.

Хеймитч улыбается мне. — Тогда пойдём, — говорит он.

Я чувствую, что у меня кружится голова. Что я скажу? Ой, ну кого волнует, что я скажу? Пит будет рад независимо от того, что я сделаю. Он скорее всего будет меня целовать. Интересно, это будут такие же поцелуи, как те последние на пляже на арене, поцелуи, о которых я даже не смела подумать до этого момента.

Пит уже очнулся, сидит на одной стороне кровати, выглядит растерянным, пока три врача успокаивают его, светят фонариком в глаза, проверяют его пульс. Я разочарована, что он не увидел первым моё лицо, когда очнулся, но он видит его сейчас. На его лице отражается неверие и что-то более сильное, что я не могу понять. Желание? Отчаяние? Конечно, и то, и другое, потому что он отметаёт врачей в сторону, вскакивает на ноги, и бежит ко мне. Я бегу ему навстречу, раскрывая руки, чтобы обнять его. Его руки тоже приближаются ко мне, чтобы погладить моё лицо, я думаю.

Мои губы как раз собираются произнести его имя, когда его пальцы смыкаются на моей шее.

Глава тринадцатая

Холодный ошейник натирает шею и мне гораздо труднее контролировать дрожь. Ну, по крайней мере, я больше не нахожусь в вызывающей клаустрофобию и наполненной механическим машинным жужжанием и пощёлкиванием камере сканера, прислушиваясь к бестелесному голосу, командующему лежать смирно, пока я стараюсь убедить себя, что всё ещё могу дышать. Даже теперь, будучи заверенной в том, что непоправимого вреда нет, я всё ещё ощущаю нехватку воздуха.

Основные для команды медиков вопросы, касающиеся повреждений моего спинного мозга, дыхательных путей, вен и артерий, были сняты. Ушибы, хрипота, боль в горле, это странное несильное покашливание, беспокойства не вызывают. Всё будет хорошо. Сойка-пересмешница не потеряет свой голос. А где, хотелось бы спросить, доктор, определяющий, не теряю ли я рассудок? Только мне нельзя сейчас разговаривать. Я даже не могу поблагодарить Боггса, когда он приходит проведать меня. Он тщательно изучает моё состояние и говорит мне, что видел травмы гораздо хуже у солдат, которые на тренировках изучают удушающие захваты.

Боггс был тем, кто с одного удара вырубил Пита прежде, чем мне мог быть причинён непоправимый вред. Я знаю, что Хеймитч встал бы на мою защиту, не будь он таким совершенно неподготовленным. Застать врасплох одновременно и меня и Хеймитча — это редкость. Но мы были настолько поглощены спасением Пита, так измучены фактом его пребывания в лапах Капитолия, что восторг от его возвращения ослепил нас. Если бы я

нашла Пита в одиночку, он убил бы меня. Теперь, когда его свели с ума. Нет, не свели с ума, напоминаю я себе. Промыли мозги. Именно это словосочетание я слышала в разговоре между Плутархом и Хеймитчем, когда меня везли мимо них по коридору. Промывание мозгов. Я не знаю, что это значит.

Прим, которая появилась через мгновения после атаки и с тех пор держалась как можно ближе, укрывает меня ещё одним одеялом.

— Я думаю, они скоро снимут этот ошейник, Китнисс. Тогда тебе не будет так холодно.

Мою мать, которая ассистировала в сложной операции, всё ещё не информировали о нападении Пита. Прим берёт меня за руку, сжатую в кулак и начинает массировать её, пока кисть не разжимается, и кровь снова не бежит по пальцам. Она берётся за второй кулак, когда появляются доктора, снимают ошейник и делают мне укол чего-то от боли и отёчности. Я лежу, как было велено, с неподвижной головой, чтобы не усугубить травму шеи. Плутарх, Хеймитч и Бити ждали в холле, когда врачи разрешат повидать меня. Я не знаю, сообщили ли они обо всём Гейлу, но раз уж его здесь нет, я предполагаю, что нет. Плутарх выпроваживает врачей и пытается заставить выйти и Прим тоже, но она говорит:

— Нет. Если вы заставите меня уйти, я пойду прямо в хирургию и расскажу маме обо всём, что произошло. И предупреждаю, она игнорирует приказания Распорядителя Игр, если речь идет о жизни Китнисс. Особенно, когда вы за ней так плохо ухаживаете...

Плутарх выглядит задетым, но Хеймитч только усмехается.

— Я бы оставил её, Плутарх, — говорит он. И Прим остаётся.

— Итак, Китнисс, состояние Пита оказалось шоком для всех нас, — говорит Плутарх. — Мы не могли не заметить ухудшения во время двух последних интервью. Очевидно, что над ним надругались, так что его физическое состояние можно было объяснить этим. Теперь же мы считаем, что произошло нечто большее. Что Капитолий подверг его довольно необычной технике воздействия, известной как «промывка мозгов». Бити?

— Извини, — говорит Бити, — но я не могу рассказать тебе обо всех особенностях этого метода, Китнисс. Капитолий очень скрытен в том, что касается этого вида пытки, и я полагаю, результаты противоречивы. Это то, что нам известно. Это нечто вроде культивации страха. Мы считаем, что термин «промывка мозгов» был выбран, потому что техника включает в себя использование яда ос-убийц, а яд ос предполагает «помутнение рассудка». Тебя жалили во время твоих первых Голодных Игр, так что, в отличие от большинства из нас, у тебя есть представление об эффекте яда, так сказать, из первых рук.

Ужас. Галлюцинации. Кошмарные видения о потере тех, кого любишь. Потому что целью яда является та часть мозга, в которой гнездится страх.

— Я уверен, ты помнишь, насколько тебе было страшно. А после этого ты страдала от спутанности сознания? — спрашивает Бити. — Появилось чувство невозможности распознавать где правда, а где ложь? Что-то в этом роде содержится в докладах большинства из тех, кто был ужален и выжил, чтобы рассказать об этом.

Да, то столкновение с Питом. Даже тогда, когда в голове уже прояснилось, я не была уверена, спас ли он мне жизнь, взяв на себя Катона, или мне это всё померещилось.

— Воспоминания ещё больше затрудняются тем, что память может быть изменена, — Бити постукивает себя по лбу. — События, привнесённые на первый план сознания, изменённые и сохранённые в исправленном виде. Вот представьте, что я попросил вас что-то запомнить — либо путём словесного внушения, либо, заставив вас просмотреть плёнку с записью каких-то событий — и во время того, как восприятие ещё свежо и ново, я даю вам дозу яда ос-убийц. Недостаточную для того, чтобы вызвать трёхдневную отключку. А достаточную только, чтобы наполнить память страхом и сомнением. И это то, что ваш мозг отложит для длительного хранения.

Мне становится плохо. Прим задаёт вопрос, который крутится у меня в голове.

— Это то, что они сделали с Питом? Забрали его воспоминания о Китнисс и исказили их так, что они стали пугающими?

Бити кивает: — Такими страшными, что он видит в ней угрозу для жизни. Возможно, поэтому он пытался убить её. Да, это наша теория на текущий момент.

Я закрываю лицо руками, потому что такого не может быть. Это просто невозможно. Кто-то заставил Пита забыть о его любви ко мне... никто не мог сделать такого.

— Но вы же можете повернуть процесс вспять, не так ли? — спрашивает Прим.

— Гм... у нас слишком мало данных, — говорит Плутарх. — На самом деле, нет. Даже если раньше и предпринимались попытки реабилитации от «помутнения», у нас нет доступа к этим записям.

— Но вы же всё равно будете пытаться, разве нет? — настаивает Прим. — Вы же не собираетесь просто запереть его в комнате с мягкими стенами и оставить страдать?

— Конечно, мы попытаемся, Прим, — говорит Бити. — Просто мы не знаем, насколько нам повезёт. Если вообще повезёт. Мне кажется, что страшные события труднее всего искоренить. На самом деле именно такие мы и запоминаем лучше всего, в конечном счёте.

— И мы пока не знаем, какие ещё воспоминания были подделаны, кроме тех, что о Китнисс, — говорит Плутарх. — Мы собираем в единую команду специалистов в области психического здоровья и военных профессионалов, чтобы предпринять контратаку. Лично я настроен оптимистично — он полностью выздоровеет.

— Неужели? — язвительно спрашивает Прим. — А ты что думаешь, Хеймитч?

Я немного сдвигаю руки, так что могу видеть выражение его лица сквозь щель. Он измучен и удручен, признаваясь: — Я думаю, что Питу может стать немного лучше. Но... я не думаю, что он когда-нибудь станет прежним.

Я опять тесно смыкаю руки, закрывая щель, отгораживаясь ото всех.

— По крайней мере, он жив, — говорит Плутарх, будто теряя терпение со всеми нами. — Сноу казнил стилиста Пита и его группу подготовки сегодня вечером в прямом эфире. Мы понятия не имеем, что случилось с Эффи Бряк. Пит травмирован, но он здесь. С нами. И это определённое улучшение по сравнению с тем его положением, в котором он был двенадцать часов назад. Давайте не будем об этом забывать, ладно?

Попытка Плутарха подбодрить меня — пронизанная новостью об очередных четырёх, а возможно и пяти, убийствах — каким-то образом приводит к обратному результату. Порция. Группа подготовки Пита. Эффи. Усилие, направленное на сдерживание слёз, заставляет мое горло сжиматься, пока я снова не начинаю задыхаться. В итоге у них нет выбора, кроме как дать мне успокоительное.

Когда я просыпаюсь, то думаю о том, станет ли отныне укол успокоительного единственным доступным мне способом, чтобы заснуть. Я рада, что мне нельзя говорить в течение нескольких следующих дней, потому что я ничего не хочу говорить. И делать. По сути, я образцовая пациентка — мою вялость принимают за сдержанность и повиновение указаниям врачей. Я больше не чувствую желания расплакаться. На самом деле мне удаётся удерживать только одну простую мысль: изображение лица Сноу, сопровождаемое шёпотом в моей голове. Я убью тебя.

Моя мама и Прим по очереди кормят меня, упрашивая проглотить кусочки мягкой пищи. Периодически меня навещают люди, чтобы сообщить последние новости о состоянии Пита. В его теле все же остается большое количество яда... Его лечат только незнакомые люди, выходцы из Тринадцатого, никого из дома или Капитолия к нему не допускают, чтобы не запустить какие-нибудь опасные воспоминания. Команда специалистов трудится долгими часами, выработывая стратегию его выздоровления.

Предполагается, что Гейл не должен меня навещать, так как прикован к кровати с каким-то ранением в плечо. Но на третью ночь, после того, как я приняла лекарства, и свет погасили на время сна, он бесшумно проскальзывает в мою палату. Он ничего не говорит, просто пробегает пальцами по синякам на моей шее, касаясь меня легко, как крылышки мотылька, и, запечатлев поцелуй между моих глаз, исчезает.

Следующим утром меня выписывают из больницы с указаниями не делать резких движений и говорить только, когда это действительно необходимо. Я не связана расписанием, поэтому бесцельно слоняюсь, пока Прим не освобождается от своих больничных обязанностей, чтобы отвести меня в последнее жилище нашей семьи — отсек 2212. Идентичный предыдущему, но без окна.

Лютик теперь снабжается дневным пищевым рационом и лотком с песком, размещённым в ванной под раковиной. Когда Прим укладывает меня в постель, он вспрыгивает на мою подушку, соревнуясь за её

внимание. Она баюкает его, оставаясь сосредоточенной на мне.

— Китнисс, я знаю, что всё, произошедшее с Питом, ужасно для тебя. Но не забывай, что у Сноу были недели, чтобы обработать его, а у нас он только несколько дней. Есть шанс, что прежний Пит, тот, что любит тебя, всё ещё внутри. Пытается вернуться к тебе. Не переставай верить в него.

Я смотрю на мою маленькую сестрёнку и думаю, как же она унаследовала все те лучшие качества, что проявились в нашей семье: исцеляющие руки нашей матери, рассудок отца и мой боевой дух. Также в ней было нечто ещё, нечто всецело её собственное. Способность, заглянув в запутанную жизненную неразбериху, увидеть вещи такими, какие они есть на самом деле. Неужели она может оказаться права? И Пит сможет вернуться ко мне?

— Мне надо в больницу, — говорит Прим, укладывая Лютика в кровать рядом со мной. — А вы двое составите друг другу компанию, ладно?

Лютик соскакивает с кровати и бежит за ней к двери, громко жалуясь, когда его оставляют за дверью. Мы с Лютиком поганая компания друг для друга. Примерно через 30 секунд я понимаю, что не смогу оставаться запертой в подземной камере, и оставляю Лютика предоставленным самому себе. Заблудившись несколько раз, я в итоге добираюсь до отдела Спецобороны. Каждый встречный пялится на мои синяки и я не могу избавиться от чувства смущения до такой степени, что натягиваю воротник почти до самых ушей.

Гейла, должно быть, тоже выписали из больницы сегодня утром, потому что я гахожу его в одном из исследовательских кабинетов вместе с Бити. Они совершенно поглощены измерениями, склонив головы над чертежами. И пол, и стол, устланы различными вариантами набросков. Другие эскизы прищиплены к обитым кожей стенам и заполняют экраны нескольких мониторов. В черновых линиях одного из чертежей я узнаю вздёргивающую петлю-ловушку Гейла.

— Что это? — сипло спрашиваю я, отвлекая их внимание от бумаг.

— Ой, Китнисс, ты нас застукала, — радостно говорит Бити.

— Почему? Это что, секрет? — мне известно, что Гейл много времени проводит здесь внизу, работая с Бити, но я предполагала, что они возятся с луками и другим оружием.

— Не совсем. Но из-за всего этого я чувствовал себя немного виноватым, так надолго украв у тебя Гейла, — признаётся Бити.

Так как большую часть своего времени в Тринадцатом дистрикте я провела в больнице в процессе восстановления, будучи дезориентированной, переживающей и обозлённой, то не могу сказать, что отсутствие Гейла меня беспокоило. В любом случае, между нами не все гладко. Но я позволяю Бити думать, что он мне обязан.

— Надеюсь, вы потратили его время с пользой.

— Подойди и увидишь, — говорит он, взмахом руки подзывая меня к монитору.

Так вот чем они занимались. Взяв за основу ловушки Гейла, они превратили их в оружие против людей. Главным образом в мины. Дело было не столько в механизмах ловушек, сколько в психологическом аспекте. Минирование областей, обеспечивающих всё самое необходимое для выживания. Воды или продуктов питания. Ужасные жертвы, что побуждает к бегству огромное количество народа и влечёт ещё большие разрушения. Создание угрозы потомству, чтобы привлечь реально желанную цель — родителей. Заманивание жертвы в место, которое кажется безопасным убежищем и где поджидает смерть. В некоторых случаях Гейл и Бити не принимали во внимание окружающую среду, а сосредотачивались на человеческих побуждениях. Например, сострадание. Подрывается мина. У людей есть время, чтобы поспешить на помощь раненому. И потом срабатывает вторая более мощная мина, убивая всех.

— Мне кажется, что вы переходите черту, — говорю я. — Разве такое не осуждается?

Они оба тарашатся на меня — Бити с сомнением, а Гейл враждебно.

— Полагаю, не существует книги правил о том, какие действия могут считаться неприемлемыми по отношению к другим людям.

— Ещё как существует. Мы с Бити придерживаемся той самой книжки с правилами, которой пользовался президент Сноу, когда промывал мозги Питу, — говорит Гейл.

Жестоко, но в точку. Я воздерживаюсь от дальнейших комментариев. Я чувствую, что если срочно не выйду на улицу, то просто взорвусь от ярости, но я ещё не успеваю покинуть отдел Спецобороны, когда меня вылавливает Хеймитч.

— Пойдём, — говорит он. — Нам надо, чтобы ты вернулась наверх в больницу.

— Зачем? — спрашиваю я.

— Они собираются кое-что попробовать с Питом, — отвечает он. — Пустить к нему самого безобидного человека из Двенадцатого дистрикта, какого только они могут придумать. Найти кого-то, с кем у Пита могли бы быть общие детские воспоминания, но ничего, тесно связанного с тобой. Сейчас они отбирают людей.

Я знаю, что задача не из лёгких, так как общие детские воспоминания у Пита, скорее всего, с кем-нибудь из города, а почти никто из этих людей не спасся от пожаров. Но, когда мы приходим в больничную палату, превратившуюся в рабочее пространство для команды специалистов, занимающихся восстановлением здоровья Пита, то вот она — сидит и болтает с Плутархом. Делли Картрайт. Как всегда она одаряет меня такой улыбкой, будто я — её самая лучшая подруга. Такие улыбки она раздаёт направо и налево.

— Китнисс! — кричит она.

— Привет, Делли, — говорю я. Я уже слышала, что она выжила вместе со своей младшей сестрой. А вот её родителям, у которых был обувной магазин в городе, так не повезло. Она выглядит старше в тусклой серо-коричневой одежде Тринадцатого, которая никому не идёт, и с её длинными соломенными волосами, заплетёнными в практичную косу вместо локонов. Делли выглядит немного стройнее, чем я помню, но она была одной из немногих детей в Двенадцатом дистрикте, у которых была пара лишних фунтов веса в запасе. Местная диета, стресс, горе от потери родителей — это всё, без сомнения, способствовало похудению.

— Как дела? — спрашиваю я.

— Ох, так много всего сразу изменилось, — её глаза наполняются слезами. — Но здесь, в Тринадцатом, все очень милы, ты согласишься?

Делли действительно так думает. Она искренне любит людей. Всех людей, а не только тех немногих, с которыми она провела годы, составив о них собственное мнение.

— Они приложили столько усилий, чтобы мы чувствовали себя желанными гостями, — говорю я. Думаю, это честное утверждение, не перегибая палку. — Ты одна из тех, кого подобрали, чтобы показать Питу?

— Думаю, что так. Бедный Пит. Бедная ты. Я никогда не пойму Капитолий, — говорит она.

— Да уж, наверное, лучше не надо, — говорю я ей.

— Делли знала Пита долгое время, — произносит Плутарх.

— О, да! — лицо Делли сияет. — Мы вместе играли в детстве. Я привыкла говорить людям, что он мой брат.

— Ну, что ты думаешь? — спрашивает меня Хеймитч. — Есть что-нибудь, способное запустить воспоминания о тебе?

— Мы все учились в одном классе. Но никогда особо не пересекались, — говорю я.

— Китнисс всегда была такой поразительной, я никогда и не мечтала, что она заметит меня, — говорит Делли. — То, как она охотилась, ходила в Котёл и всё остальное. Все так ею восхищались.

Нам с Хеймитчем приходится внимательно взглядеться в её лицо, чтобы точно удостовериться, что она не шутит. Если послушать описание Делли, то получается, что у меня почти не было друзей, потому что я отпугивала людей своей исключительностью. Неправда. У меня практически не было друзей, потому что я не была дружелюбной. Оставим это Делли — впутывать меня в нечто прекрасное и удивительное.

— Делли всегда думает о людях только самое хорошее, — объясняю я. — Не думаю, что у Пита могут быть плохие воспоминания, связанные с ней.

А потом я припоминаю: — Подождите. В Капитолии. Когда я солгала о том, что узнала безгласую девушку. Пит прикрыл меня и сказал, что она похожа на Делли.

— Я помню, — говорит Хеймитч. — Но не знаю. Это же было неправдой. Фактически Делли там не было. Не думаю, что это может конкурировать с годами детских воспоминаний.

— Особенно с таким приятным собеседником как Делли, — говорит Плутарх. — Давайте попробуем.

Плутарх, Хеймитч и я идём в наблюдательную комнату, расположенную рядом с палатой, где держат Пита. Там уже толпится десять членов его команды по восстановлению, вооружённых ручками и блокнотами.

Односторонне-прозрачное стекло и настроенный звук позволяют нам тайно наблюдать за Питом. Он лежит на кровати, его руки привязаны внизу. Он не сопротивляется сдерживающим ремням, но его руки всё время нервно подёргиваются. У него более разумное выражение лица, чем тогда, когда он пытался задушить меня, но это всё ещё не его лицо.

Когда дверь тихонько открывается, его глаза испуганно расширяются, а потом становятся озадаченными. Делли неуверенно пересекает комнату, но как только оказывается рядом с ним, то естественно расплывается в улыбке.

— Пит? Это я, Делли. Из дома.

— Делли? — кажется, горизонт чист. — Делли. Это ты.

— Да! — с явным облегчением произносит она. — Как ты себя чувствуешь?

— Ужасно. Где мы? Что произошло? — спрашивает Пит.

— Начинается, — говорит Хеймитч.

— Я наказал ей избегать любых упоминаний о Китнисс или Капитолии, — говорит Плутарх. — Просто посмотрим, как много воспоминаний о доме она сможет воскресить.

— Ну, мы в Тринадцатом дистрикте. Теперь мы живём здесь, — говорит Делли.

— То же самое мне говорили те люди. Но это бессмысленно. Почему мы не дома? — спрашивает Пит.

Делли закусывает губу. — Был... несчастный случай. Я тоже ужасно скучаю по дому. Я как раз думала о тех рисунках, которые мы раньше рисовали мелом на камнях мостовой. Твои были просто чудесные. Помнишь, как ты на каждом камне рисовал разных животных?

— Да. Поросят, кошек и всех остальных, — говорит Пит. — Ты сказала... несчастный случай?

Мне видно, как блестит от пота лоб Делли, когда она пытается обойти этот вопрос. — Это было плохо. Никто... не мог остаться, — запинаясь говорит она.

— Придерживайся этого, девочка, — говорит Хеймитч.

— Но я знаю, тебе здесь понравится, Пит. Эти люди были по-настоящему добры к нам. Здесь всегда есть еда и чистая одежда, и в школе гораздо интереснее, — говорит Делли.

— Почему моя семья не пришла навестить меня? — спрашивает Пит.

— Они не могут, — Делли снова срывается. — Многие не выбрались из Двенадцатого. Так что нам надо построить новую жизнь здесь. Я уверена, что им бы пригодился хороший пекарь. Помнишь, как твой отец обычно разрешал нам лепить из теста мальчиков и девочек?

— Там был пожар, — вдруг произносит Пит.

— Да, — шепчет она.

— Двенадцатый сгорел дотла, не так ли? Из-за неё, — гневно говорит Пит. — Из-за Китнисс!

Он начинает натягивать привязные ремни.

— О, нет, Пит. Это была не её вина, — говорит Делли.

— Это она тебе сказала? — шипит он на неё.

— Уберите её оттуда, — говорит Плутарх. Дверь немедленно открывается, и Делли начинает медленно к ней пятиться.

— Ей и не надо было говорить. Я была... — начинает Делли.

— Потому что она лжёт! Она лгунья! Нельзя верить ничему, что она говорит! Она какой-то переродок, созданный Капитолием, чтобы уничтожить всех, кто остался! — кричит Пит.

— Нет, Пит. Она не... — снова пытается сказать Делли.

— Не верь ей, Делли, — говорит Пит голосом, полным ярости. — Я поверил, и она пыталась убить меня. Она убила моих друзей. Мою семью. Даже не приближайся к ней! Она переродок!

Сквозь дверной проём протягивается рука, вытягивает Делли наружу, и дверь захлопывается. Но Пит продолжает вопить: — Переродок! Она вонючий переродок!

Он не только ненавидел и хотел меня убить, он больше не верил, что я человек. Сейчас мне было гораздо тяжелее, чем когда он меня душил.

Члены восстановительной команды вокруг меня строчили как сумасшедшие, записывая каждое слово. Хеймитч и Плутарх схватили меня за руки и вытолкали из комнаты. Они прислонили меня к стене в тихом коридоре. Но я знаю, что за дверью и за стеклом Пит продолжает кричать.

Прим ошибалась. Состояние Пита необратимо.

— Я не могу здесь больше оставаться, — говорю я, оцепенев. — Если вы хотите, чтобы я была Сойкой-пересмешницей, вам надо отправить меня куда-нибудь.

— Куда ты хочешь уехать? — спрашивает Хеймитч.

— Капитолий. — Это единственное место, о котором я могу думать, где у меня есть дело.

— Не могу, — говорит Плутарх. — Пока не все дистрикты безопасны. Хорошие новости, что бои закончились почти везде, кроме Второго. Всё-таки это крепкий орешек.

Точно. Сначала дистрикты. Потом Капитолий. А потом я выслежу Сноу.

— Отлично, — говорю я. — Отправьте меня во Второй.

Глава четырнадцатая

Дистрикт 2 — большой дистрикт, как и следовало ожидать, состоящий из нескольких деревень, расположенных в горах. Первоначально каждой деревне соответствовал свой род деятельности — будь то шахта или каменоломня, однако сейчас большинство из них были предназначены для жилья или тренировочных лагерей Миротворцев. Ничто из этого не представляло бы из себя большой угрозы, так как на стороне мятежников воздушные силы Тринадцатого. Ничто, кроме одного: в самом центре Дистрикта находится практически неприступная гора, в которой заключается сердце военной мощи Капитолия.

Мы прозвали гору Орехом с тех пор, как я упомянула комментарий Плутарха «крепкий орешек» перед местным изнуренным лидером повстанцев. Орех создали сразу же после Темных Времен, когда Капитолий потерял Тринадцатый Дистрикт и отчаянно нуждался в новом подземном убежище. У них оставались какие-то военные силы на окраине самого Капитолия — ядерные ракеты, летательные аппараты, воинское подразделение, — но значительная часть их сил сейчас находилась под вражеским контролем. Конечно, они не были настолько глупы, что стали бы надеяться скопировать Тринадцатый, который строился веками. Однако, в старых шахтах возле Второго они увидели такую возможность. С воздуха Орех казался просто обычной горой с несколькими входами снаружи. Но внутри находились огромные пространства, похожие на пещеры, откуда вырезали целые каменные плиты, которые затем доставили на поверхность и перевезли по скользким узким дорогам, чтобы построить дома в отдалении. Там была даже железная дорога, чтобы облегчить перевозку шахтеров их Ореха в самый центр главного города Второго Дистрикта. Поезда шли на ту самую площадь, которую мы с Питом посетили, когда были в Туре Победителей, стоя на широких мраморных ступенях перед Домом Правосудия, стараясь особо не глядеть на скорбящие семьи Катона и Мирты перед нами.

Это было далеко не самое идеальное место, оно постоянно подвергалось оползням, наводнениям и обвалам. Но преимущества перевешивали недостатки. Продвигаясь все глубже в гору, шахтеры оставляли все больше опорных стоек и каменных стен, чтобы поддержать инфраструктуру. Капитолий укрепил постройку и объявил гору своей новой военной базой, обеспечив её компьютерными комнатами, залами для собраний, казармами и складом оружия. Они также расширили входы, чтобы планолеты могли попасть в ангар и установили пусковые системы для ракет. Но снаружи они оставили гору почти без изменений. Дикие, скалистые леса и живая природа. Природная крепость, чтобы защититься от врагов.

По стандартам прочих дистриктов, здесь Капитолий баловал жителей. Даже по виду местных мятежников можно сказать, что их явно кормили на порядок лучше, и в детстве они не страдали от недостатка внимания. Многие были шахтерами или работниками каменоломни. Остальных же подготавливали к работе в Орехе или отправляли на обучение Миротворцам. Их тренировали смолоду, и потому они были почти несокрушимы. Голодные Игры предоставляли им шанс разбогатеть и прославиться. И конечно, люди во Втором проглатывали пропаганду Капитолия куда легче, чем все остальные. Они спокойно принимали свою участь. Но несмотря на все это, к концу дня они оставались такими же рабами, что и были. И если это не было очевидно для тех, кто мог работать Миротворцами или в Орехе, это было вполне очевидно для каменотесов, которые составляли здесь основную часть сопротивления. Сейчас, как и две недели назад, когда я сюда приехала, здесь было полное

затишье. Крайние деревни в руках мятежников, город разделился на два оппозиционных лагеря, а Орех стоит нетронутый, как и всегда. Те несколько входов в него, которые есть, отлично укреплены, а сердце их базы надежно спрятано внутри горы. В то время как все остальные дистрикты вырвались из-под контроля Капитолия, Второй упорно сидит у него в кармане.

Каждый день я делаю все, что в моих силах. Навещаю раненых. Участвую со своей съемочной командой в съемках промо-роликов. Меня не пускают в места настоящих сражений, но меня приглашают на собрания, где обсуждается ход войны, и это является гораздо большим, нежели мне позволялось в Тринадцатом. Здесь намного лучше. Свободнее, никаких расписаний на моей руке, меньше требований ко мне. Я живу над землей, в деревне мятежников или в близлежащих пещерах. Ради большей безопасности, они постоянно определяют меня на новое место. Днем мне разрешено ходить на охоту, если только беру с собой телохранителя и далеко не ухожу. На этом разреженном, холодном горном воздухе, я чувствую, что ко мне возвращается физическая сила и мой разум очищается от оставшейся расплывчатости. Но с приходом чистоты сознания, я резче осознаю все, что они сотворили с Питом.

Сноу украл его у меня, вывернул наизнанку до неузнаваемости и преподнес в подарок. Боггс, который поехал во Второй вместе со мной, сказал мне, что учитывая весь план операции, спасение Пита прошло чересчур легко. Он почти уверен, что если бы Тринадцатый не сделал попытки спасти его, Пита так или иначе доставили бы ко мне. Может, сбросили бы над каким-нибудь активно сражающимся дистриктом или прямо на сам Тринадцатый. Перевязанного красной ленточкой с моим именем на открытке и запрограммированного убить меня.

Только сейчас, после его возвращения из плена, я могу оценить по достоинству настоящего Пита. Даже больше, чем, случись это, если бы он умер. Его доброта, его твердость и теплота, под которой таится самая настоящая сердечность. Кто, кроме Прим, мамы и Гейла, в целом мире безоговорочно любит меня? Думаю, в моем случае ответ теперь будет — никто. Иногда, когда я одна, я достаю жемчужину из кармана и пытаюсь вспомнить мальчика с хлебом, сильные руки, которые защищали меня от кошмаров, наши поцелуи на арене. Чтобы не забывать то, что я потеряла. Но какой в этом смысл? Все кончено. Его больше нет. Что бы там не было между нами — этого больше нет. И все, что мне осталось, это мое обещание прикончить Сноу. И я повторяю себе это по десять раз на дню.

Там, в Тринадцатом, всю продолжает реабилитация Пита. И даже учитывая, что я ничего не спрашиваю, Плутарх постоянно передает мне радостные известия по телефону, вроде «Отличные новости, Китнисс! Я думаю, мы почти убедили его, что ты не переродок!» или «Сегодня ему разрешили самостоятельно съесть пудинг!».

Когда же трубку после этого берет Хеймитч, он признает, что Питу несколько не лучше. Единственный сомнительный проблеск надежды исходит от моей сестры.

— Прим пришла в голову идея попробовать самим изменить его воспоминания, — говорит мне Хеймитч. — Поднять все его искривленные воспоминания о тебе и накачать успокоительным, чем-то вроде морфия. Мы пока пробовали только с одним воспоминанием о тебе. Видеозапись с вами двумя в пещере, когда ты рассказывала ему историю о том, как достала козу для Прим.

— Какие-нибудь улучшения? — спрашиваю я.

— Ну, если полнейшее замешательство — это улучшение по сравнению с полнейшим ужасом, то да, — говорит Хеймитч. — Но я не уверен, что это так. Он не произносил ни слова в течение нескольких часов. Он как будто в ступор впал. Когда он очнулся от него, единственной вещью, о которой он спросил, была коза.

— Конечно, — отвечаю я.

— Как там обстоят дела? — спрашивает он.

— Никаких сдвигов, — отвечаю я ему.

— Мы высылаем команду, помочь с горой. Бити и еще несколько человек, — говорит он. — Ну, ты знаешь, умников.

Когда отобрали умников, я не удивилась, увидев имя Гейла в списке. Я так и думала, что Бити возьмет его, и не для технологической экспертизы, а в надежде, что он сможет придумать способ проникнуть в Орех.

Изначально Гейл предложил мне поехать со мной во Второй, но я видела, что отрываю его от его работы с Бити. И сказала, чтобы он сидел на месте, оставался там, где он нужнее. Я не говорила ему, что в его присутствии мне будет еще сложнее переживать за Пита.

Гейл находит меня в тот же день, когда они приезжают. Я сижу на бревне на окраине деревне, в которой проживаю на данный момент, и ошпиываю гуся. Еще дюжины или около того, лежат горкой у моих ног. С тех пор, как я сюда приехала, через эту местность пролетает огромное количество этих стай, и на них легко охотиться. Без единого слова Гейл садится рядом со мной и начинает избавлять птицу от перьев. Мы проделали уже почти половину работы, когда он говорит:

— Есть хоть один шанс, что нам что-нибудь достанется?

— Да. Большая часть идет на лагерную кухню, но предполагается, что парочку я приберегу для тех, у кого проведу ночь, — говорю я. — За то, что позволили мне у них переночевать.

— А что, того, что ты у них ночуешь — для них недостаточная честь? — Спрашивает он.

— Как бы не так, — отвечаю я. — Прошел слух, будто сойки-пересмешницы опасны для здоровья.

Мы ненадолго замолкаем... Затем он вновь заговаривает.

— Я вчера видел Пита. Через стекло.

— И что думаешь?

— Что-то очень эгоистичное.

— Что тебе больше не нужно ревновать меня к нему? — Мои пальцы дергаются и вокруг нас разлетается облачко перьев.

— Нет. Как раз обратное, — Гейл вытаскивает перья из моих волос. — Я подумал... С этим я не смогу соревноваться. Не важно, насколько мне больно, — он крутит перышко между большим и указательным пальцами. — У меня не будет ни единого шанса, если он не поправится. Ты никогда не сможешь отпустить его. Ты всегда будешь чувствовать, что это неправильно — быть со мной.

— Я точно также чувствовала себя из-за тебя, когда целовала Пита, — говорю я.

Гейл смотрит мне в глаза.

— Если бы я думал, что это правда, я бы мог смириться со всем остальным.

— Это правда, — признаю я. — Но и то, что ты сказал о Пите, тоже правда.

Гейл издает какой-то раздраженный звук. Но тем не менее, после того, как мы отдали птиц и вызвались добровольно сходить в лес снова, чтобы набрать хворост для вечернего костра, я обнаруживаю себя в его объятиях. Его губы касаются синяков на моей шее, проделывая себе путь к моим губам. Несмотря на все, что я чувствую к Питу, в этот момент глубоко внутри себя я принимаю тот факт, что он уже больше никогда ко мне не вернется. Или я к нему уже не вернусь. Я останусь во Втором, пока он не падет, пойду в Капитолий и убью Сноу, а после умру из-за своих проблем. И он умрет сумасшедшим и ненавидящим меня. А потому в этой наступающей темноте я закрываю глаза и целую Гейла, пытаюсь наверстать все те поцелуи, от которых воздерживалась, — потому что уже не важно и потому что я так отчаянно одинока, что не могу этого выдержать.

Прикосновение Гейла, его вкус и жар напоминают мне о том, что, по крайней мере, мое тело еще живо, и на какое-то время я погружаюсь в это чувство. Я очищаю разум и позволяю ощущениям завладеть моей плотью, счастливая, что могу забыть. Когда Гейл слегка отстраняется, я подаюсь вперед, чтобы сократить образовавшееся расстояние, но чувствую его руку на своем подбородке.

— Китнисс, — говорит он. Оттого, что я резко раскрываю глаза, мир кажется каким-то расплывчатым. Это не наши леса и не наши горы и даже не наша дорога. Моя рука автоматически поднимается к шраму на моем левом виске, что всегда будет ассоциироваться у меня с сотрясением.

— Теперь поцелуй меня.

Озадаченная, не закрывая глаз, я смотрю, как он приближается и быстро прикасается своими губами к моим. Затем он изучает мое лицо.

— Что творится в твоей голове?

— Я не знаю, — шепчу я в ответ.

— Тогда это похоже на то, как целоваться с кем-то пьяным. Так не считается, — говорит он со слабой попыткой рассмеяться. Он берет ворох веток и сует их мне в руки, приводя меня в чувство.

— Откуда ты знаешь? — Говорю я, в основном для того, что скрыть свое смущение. — Ты целовал кого-то,

кто был пьян? — Полагаю, Гейл мог целоваться с девушками направо и налево в Двенадцатом. Желающих определенно было предостаточно. Я никогда раньше особо не задумывалась об этом.

Он только качает головой.

— Нет. Но представить не трудно.

— Так ты никогда раньше не целовался с другими девушками? — спрашиваю я.

— Этого я не говорил. Ты знаешь, тебе было только двенадцать, когда мы встретились. И к тому же доставала меня. У меня была другая жизнь помимо охоты с тобой, — говорит он, собирая ветки...

Мне неожиданно становится действительно любопытно.

— С кем ты целовался? И где?

— Их слишком много, чтобы припомнить всех. За школой, на куче шлама, — отвечает он.

Я закатываю глаза.

— Так когда я стала такой особенной? Когда они забрали меня в Капитолий?

— Нет. Где-то за полгода до этого. Сразу после Нового года. Мы были в Котле, ели похлебку у Сальной Сэй. И Дариус дразнил тебя по поводу того, что ты не хотела сторговать ему зайца за один его поцелуй. И я понял... что мне это не нравится, — говорит он.

Я помню тот день. Жутко холодно и к четырем часам уже темно. Мы охотились, но сильный снегопад заставил нас вернуться в город. Котел был заполнен людьми, ищущими прибежище в такую погоду. Суп Сальной Сэй, который она приготовила на бульоне из дикой собаки, подстреленной нами неделей раньше, был хуже её обычной стряпни. И все же он был горячий, а я была голодна, и ела его, сидя по-турецки на её прилавке. Дариус стоял, прислонившись к лотку, щекача мою щеку концом моей же косички, а я пыталась отшвырнуть его руку. Он объяснял мне, почему один его поцелуй стоил кролика, или даже двух, учитывая, что все знают, что рыжие мужчины самые способные на любовном фронте. А мы с Сальной Сэй смеялись, потому что он был таким нелепым и настойчивым и все продолжал показывать мне женщин в Котле, которые заплатили, по его словам, куда больше чем просто кролик, чтобы насладиться его губами.

— Видишь? Вон та, что в зеленом шарфе? Иди и спроси её, если тебе нужны доказательства.

Все это осталось за миллион миль отсюда, миллиард дней назад.

— Дариус просто шутил, — говорю я.

— Вероятно. Хотя ты бы все равно была последней, кто понял, что это была не шутка, если бы это было так, — говорит мне Гейл. — Возьми хотя бы Пита. Или меня. Или даже Финника. Я начал беспокоиться, что он положил на тебя глаз, но сейчас он, кажется, вернулся.

— Ты не знаешь Финника, если думаешь, что он любит меня.

Гейл пожимает плечами.

— Я знаю, что он был в отчаянии. А это заставляет людей делать разные сумасшедшие вещи, — я не могу не отметить, что этот камень был в мой огород.

На следующий день, рано утром, наши умники устраивают собрание по поводу решения проблемы с Орехом. Меня попросили присутствовать на собрании, хотя я мало чем могу помочь. Я избегаю стола, за которым идет беседа, и сажусь на широкий подоконник, откуда открывается чудесный вид на вышеупомянутую гору. Командор Второго Дистрикта, женщина средних лет по имени Лайм, берет нас в виртуальный тур по Ореху, его интерьеру и фортификационным сооружениям, и подробно рассказывает о неудачных попытках взять его штурмом. Я пересекалась с ней пару раз с момента моего прибытия и не могу отделаться от чувства, что мы с ней уже встречались. Она достаточно запоминающаяся со своими шестью футами роста и накачанными мускулами. Но только, когда я вижу клип с её участием в поле, ведущей рейд на главный вход в Орех, все встает на место и я понимаю, что нахожусь в присутствии еще одного победителя. Лайм, трибут Второго Дистрикта, которая выиграла свои Голодные Игры два десятилетия назад. Эффи послала нам её видеозапись вместе с другими, чтобы подготовить для Двадцатипятилетия Подавления. И я наверняка видела её раз или два во время Игр за прошедшее время, но особо она не светилась. Хотя с моими новоявленными познаниями о том, что случилось с Хеймитчем и Финником, все, о чем я могу думать: а что Капитолий сделал с ней после того, как она выиграла?

Когда Лайм заканчивает свою презентацию, начинаются вопросы от наших умников. Пролетают часы, проходит ленч, а они все пытаются придумать план по захвату Ореха. Но, не считая того, что Бити думает, будто сможет взломать некоторые из их компьютерных систем, и идет обсуждение, что, стоит, наконец, задействовать нескольких наших шпионов, которые находятся там, ни у кого больше нет никаких новых идей.

На протяжении дня, разговоры крутятся только вокруг стратегии, которая уже не раз была использована — штурм входов. Я вижу, как накапливается раздражение Лайм, потому что столько вариаций этого плана уже провалились, столько солдат уже погибло. Наконец, она выпаливает:

— Следующему, кто предложит штурм входов, лучше иметь гениальный план по его осуществлению, потому что вы и станете тем, кто возглавит эту операцию!

Гейл, который устал сидеть за столом на протяжении уже нескольких часов, попеременно вышагивал по комнате и сидел со мной на подоконнике. Ранее он, кажется, принял сторону Лайм о том, что входы нельзя просто захватить, и после этого полностью выпал из обсуждения. Последний час или около того он просто тихо сидел, сосредоточенно нахмутив брови и не отрывая взгляда от Ореха в окне. После ультиматума Лайм, когда в комнате висит тишина, он, наконец-то, заговаривает.

— А так ли нам важно захватить Орех? Или будет достаточно вывести его из строя?

— Это было бы шагом в верном направлении, — говорит Бити. — Что у тебя на уме?

— Подумайте об Орехе, как конуре дикой собаки, — продолжает Гейл. — Вы не сможете пробиться внутрь. Значит, у вас остается два выхода. Замуровать собак внутри или спугнуть их, чтобы они выбежали наружу.

— Мы пытались взорвать входы, — говорит Лайм. — Они слишком глубоко внутри, чтобы мы могли как-то им навредить.

— Я не об этом думал, — говорит Гейл. — Я думал о том, чтобы использовать гору. — Бити встает и присоединяется к Гейлу у окна, вглядываясь через свои неправильно сидящие очки. — Видишь? Крутые склоны?

— Обвалы от лавины, — шепчет Бити. — Это будет сложно. Нам нужно спроектировать последствия взрыва с огромной осторожностью, и как только мы все сделаем, то вряд ли сможем контролировать его.

— Нам не нужно контролировать его, если мы откажемся от идеи, будто нам нужно захватить Орех, — говорит Гейл. — Только прекратить его работу.

— Так ты предлагаешь нам вызвать лавину и заблокировать выходы? — спрашивает Лайм.

— Именно, — отвечает Гейл. — Замуровать врага внутри, отрезать от продовольствия. Сделать невозможным для них выбраться на планолетах.

Пока все обсуждают план, Боггс пролистывает стопку чертежей Ореха и хмурится.

— Ты рискуешь убить всех, кто будет внутри. Посмотри на вентиляционную систему. В лучшем случае, ее можно назвать примитивной. Ничего похожего на то, что у нас в Тринадцатом. Она полностью зависит от воздуха, поступающего с горных склонов. Заблокируй эти вентиляционные шахты и все, кто будет внутри, задохнутся.

— Они все еще смогут сбежать по железной дороге на площадь, — говорит Бити.

— Нет, если мы взорвем её, — грубо говорит Гейл. Его намерение становится совершенно очевидным. Гейла не интересует спасение жизней тех, кто внутри Ореха. Он не намерен ловить жертву, чтобы использовать в дальнейшем. Это одна из его смертельных ловушек.

Глава пятнадцатая

Осознание того, что предлагает Гейл, тихо распространяется по комнате. И реакцию собравшихся можно увидеть на их лицах. Их выражения разнообразны: от удовольствия до расстройств, от сожаления до удовлетворённости.

— Большинство рабочих — жители Второго, — безучастно говорит Бити.

— Ну и что? — отзывается Гейл. — Мы никогда не сможем снова доверять им.

— У них должна быть, по крайней мере, возможность сдать, — предлагает Лайм.

— Что ж, когда Двенадцатый бомбили зажигательными бомбами, мы не удостоились этой роскоши, а вы все здесь так и потворствуете Капитолию, — возражает Гейл.

Но глядя на лицо Лайм, я думаю, что она могла бы застрелить или как минимум врезать ему. И, вероятно, одолела бы Гейла, учитывая её подготовку. Но её гнев, кажется, лишь выводит его из себя, и Гейл кричит:

— Мы видели детей, сгоревших заживо, и ничего не могли поделать!

Когда эта картина пробивается сквозь моё сознание, мне приходится на минуту закрыть глаза. И это приносит желаемый эффект. Мне хочется, чтобы все в той горе погибли. И я намереваюсь заявить об этом. Но с другой стороны... Я девочка из Дистрикта-12. А не президент Сноу. Я не могу помочь. Не могу обрекать кого-то на смерть, которую он предлагает.

— Гейл, — говорю я, беря его за руку и стараясь говорить рассудительно. — Орех — старая шахта, это будет напоминать крупную аварию в угольной шахте.

Без сомнения, этих слов достаточно, чтобы заставить кого бы то ни было из Дистрикта-12 дважды обдумать сей план.

— Но не такую быструю как та, что погубила наших отцов, — возражает он. — В этом всеобщая проблема? Что у наших врагов, возможно, будет несколько часов, чтобы понять, что они умирают вместо того, чтобы вмиг разлететься на куски?

В прежние времена, когда мы были всего лишь парой детишек, охотящейся за пределами Двенадцатого, Гейл говорил подобные вещи и даже кое-что похуже. Но тогда это были просто слова. Сейчас же, воплощённые в жизнь, они становятся действиями, которые могут привести к необратимым последствиям.

— Ты не знаешь, как жители Дистрикта-2 попадут в Орех, — говорю я. — Не исключено, что их вынудят. Их могут удерживать против воли. Кое-кто из них — наши разведчики. Ты убьёшь и их тоже?

— Да, я предпочту пожертвовать частью, чтобы вытащить остальных, — отвечает Гейл. — И будь я оказавшимся там разведчиком, я бы сказал: «Провоцируйте обвал!».

Я знаю, что он говорит правду. В том, что Гейл пожертвовал бы таким образом своей жизнью ради Благого дела, никто не сомневается. Пожалуй, мы все сделали бы то же самое, если, будучи шпионами, имели бы выбор. Думаю, я бы так и поступила. Но принуждать к этому других и тех, кто их любит — это бессердечно.

— Ты сказал, что у нас два варианта, — обращается к нему Боггс. — Заманить их в ловушку или выбить оттуда. Я говорю, что мы попытаемся устроить обвал, но оставим свободным железнодорожный туннель. Люди смогут выбраться на площадь, где их будем ждать мы.

— Вооружённые до зубов, я надеюсь, — говорит Гейл. — В одном можно не сомневаться, они будут вооружены.

— Вооружённые до зубов. Мы возьмём их в плен, — соглашается Боггс.

— А сейчас возьмём Тринадцатый в кольцо, — предлагает Бити. — Пусть президент Койн вступает в переговоры.

— Она потребует заблокировать туннель, — с уверенностью говорит Гейл.

— Да, скорее всего. Но знаешь, у Пита в промо был один момент. Об опасности нашего уничтожения. Я поиграл с цифрами. Учитывая потери и ранения, и... Полагаю, это заслуживает, по меньшей мере, обсуждения, — говорит Бити.

В обсуждении приглашают участвовать лишь горстку людей. Нас с Гейлом отпускают вместе с остальными. Я веду его на охоту — так он сможет выпустить пар, но он хранит молчание. Наверное, слишком зол на меня за то, что пошла против него.

Вызов брошен, решение принято, и вечером я надеваю костюм Сойки-пересмешницы с луком за плечом и наушником, связывающим меня с Хеймитчем, находящимся в Тринадцатом — на случай, если появится хорошая возможность для промо.

Мы ждём на крыше Дома Правосудия, откуда открывается хороший вид на нашу цель.

Сначала командоры на Орехе не обращают внимания на наши планолёты, потому что в прошлом они доставляли беспокойства немногим больше, чем мухи, жужжащие вокруг горшка с мёдом, но после двух атак на эскалаторы, ведущие на горные вершины планолёты привлекают их внимание. К тому времени, когда зенитные установки Капитолия открывают огонь, уже слишком поздно.

План Гейла превосходит всеобщие ожидания. Бити был прав насчёт невозможности контролировать обвал, когда он уже приведён в действие. Горные склоны от природы своей неустойчивы, а ослабленные взрывами, они кажутся почти жидкостью. Целыми участками рушится Орех на наших глазах, стирая с лица земли всякий признак того, что здесь когда-то ступала нога человека. Мы — крошечные и ничтожные — безмолвно наблюдаем за тем, как волны громяющих камней спускаются по горе. И под тоннами горной породы хоронят входы в шахту. Вздыхая облака пыли и гравия, которые затемняют небо. Превращая Орех в гробницу.

Я представляю себе воцарившийся внутри горы ад. Воют сирены. Освещение мигает в темноте. Каменная пыль наполняет воздух. Вопли испуганных, загнанных в ловушку существ, спотыкаясь, бредущих наружу, чтобы найти выходы — лифтовые и вентиляционные шахты — забитые землёй и горной породой, пытающихся пробить себе в них дорогу. Живые люди, вырвавшиеся на свободу, вспыхивающее пламя, камни, превращающие знакомый некогда путь в лабиринт. Люди, падающие, толкающиеся, карабкающиеся словно муравьи, когда гора давит на них сверху, грозя раздробить их хрупкие панцири.

— Китнисс? — раздаётся в моём наушнике голос Хеймитча. Я пытаюсь ответить и обнаруживаю, что обе руки плотно прижаты ко рту. — Китнисс?

В день, когда погиб мой отец, сирены сработали во время школьного обеда. Никто не ждал освобождения от занятий, не думал об этом. Реакция на аварию в шахте была чем-то неподконтрольным даже Капитолию. Я побежала в класс Прим. Я до сих пор помню её, маленькую, семилетнюю, очень бледную, но сидящую прямо, со сложенными на парте руками. Ждущую, когда я заберу её, потому что я обещала сделать это, если когда-нибудь прозвучат сирены. Она соскочила со своего места, схватилась за рукав моего пальто, и мы влились в поток людей, высыпавших на улицы, чтобы объединиться у главного входа в шахту. Мы нашли нашу маму, крепко сжимающую наспех натянутую верёвку — чтобы сдержать толпу. Оглядываясь назад, я думаю, мне следовало бы понимать, что проблема назрела уже тогда. Зачем мы искали её, когда правильным было совершенно противоположное?

Скрипя и сжигая тросы на подъёмах и спусках, лифты извергали на свет Божий покрытых копотью шахтёров. С каждой прибывшей группой раздавались крики облегчения, родные ныряли под верёвку, чтобы увести своих мужей, жён, детей, родителей, братьев и сестёр. Мы стояли на ледяном ветру, когда после полудня небо заволочло тучами, и свежий снег укрыл землю. Лифты двигались всё медленнее и выпускали всё меньше людей. Я встала на колени прямо на землю и зарылась руками в пепел, больше всего на свете желая вытащить отца на поверхность. Если есть более сильное ощущение беспомощности, чем пытаться добраться до кого-то любимого, кто попал в ловушку под землёй, то я не знаю такого. Раненые. Трупы. Ожидание длиною в ночь. Одежда, брошенные на твои плечи незнакомыми людьми. Кружка чего-то горячего, что ты не пьешь. А затем, наконец, на рассвете скорбное выражение на лице управляющего шахтой, которое могло означать лишь одно.

Что мы только что наделали?

— Китнисс! Ты там? — в этот момент Хеймитч, должно быть, уже собирается снабдить меня головным аудиоустройством.

Я опускаю руки. — Да.

— Отправляйтесь внутрь. На случай, если Капитолий попытается предпринять ответные меры, используя то, что осталось от его военно-воздушных сил, — даёт он указания.

— Да, — повторяю я.

Все на крыше, кроме солдат, стоящих у пулемётов, начинают спускаться внутрь. Шагая по лестнице, я не могу не провести пальцами по чистым, белым, мраморным стенам. Таким холодным и прекрасным. Даже в Капитолии нет ничего под стать великолепию этого старого здания. Но на их поверхности нет ни трещинки — и только моя плоть пульсирует, отдаёт тепло. Камень всякий раз торжествует над человеком.

Я сижу у входа в просторный зал, опустившись к подножию одной из гигантских колонн. Через дверной проём я могу видеть площадку из белого мрамора, ведущую к лестнице на площади. Я вспоминаю, как плохо мне было в тот день, когда мы с Питом принимали здесь поздравления с победой в Играх. Измотанные Туром Победителей, провалившие попытку успокоить Дистрикты, стоящие перед лицом воспоминаний о Мирте и Катоне, особенно об ужасной медленной смерти Катона по вине переродков.

Рядом со мной приседает Боггс, в тени его кожа кажется тусклой.

— Знаешь, мы не бомбили железнодорожный туннель. Быть может, кто-нибудь из них сможет выкарабкаться.

— И как только они покажутся, мы их расстреляем? — спрашиваю я.

— Только если нас вынудят, — отвечает он.

— Мы могли бы отправиться туда на поездах. Помочь эвакуировать раненых, — говорю я.

— Нет. Решено оставить туннель в их руках. Тогда для вывода людей они смогут использовать все пути, — отвечает Боггс. — К тому же это даст нам время стянуть на площадь остальные войска.

Всего несколько часов назад площадь была нейтральной территорией, линией фронта между повстанцами и миротворцами. Когда Койн одобрила план Гейла, повстанцы предприняли ожесточённую атаку и оттеснили войска Капитолия на несколько кварталов так, чтобы мы контролировали вокзал, когда обрушится Орех. Точнее, его обрушат. Действительность доходит до моего сознания. Все оставшиеся в живых сбегутся на площадь. Я могу слышать, как возобновляется артиллерийский огонь, когда миротворцы, без сомнения, пытаются пробить себе дорогу, чтобы спасти своих товарищей. Наши солдаты созываются сюда, чтобы противостоять им.

— Ты замёрзла, — говорит Боггс. — Посмотрю, смогу ли найти одеяло.

Он уходит прежде, чем я успеваю возразить. Мне не нужно одеяло, хотя мрамор и продолжает высасывать тепло моего тела.

— Китнисс, — говорит Хеймитч мне в ухо.

— Все еще здесь, — отвечаю я.

— Сегодня с Питом произошло кое-что интересное. Подумал, ты захочешь знать, — говорит он.

Интересное не значит хорошее. Еще не лучше. Но на самом деле у меня нет выбора, кроме как выслушать.

— Мы показали ему тот ролик, где ты поёшь песню «Виселица». Ее еще не пускали в эфир, поэтому Капитолий не мог её использовать, когда промывал Питу мозги. Он говорит, что узнал песню.

На мгновение моё сердце пропускает удар. И тогда я понимаю, что это ещё один случай отравления ядом ос-убийц.

— Он не мог, Хеймитч. Он никогда не слышал, как я пою эту песню.

— Не ты. Твой отец. Как-то раз, когда он приезжал в пекарню, Пит слышал, как он её пел. Пит был маленьким, может, лет шести или семи, но запомнил это, потому что слушал специально, хотел знать, перестанут ли птицы петь, — говорит Хеймитч. — И догадайся, что они сделали.

Шести или семи. Это, должно быть, было до того, как моя мама запретила эту песню. Может быть, даже как раз в то время, когда её разучивала я.

— Я тоже была там?

— Не думаю. Во всяком случае, о тебе не упоминали. Но это первая вещь, имеющая отношение к тебе, которая не провоцирует у него нервный срыв, — продолжает Хеймитч. — По крайней мере, это уже что-то, Китнисс.

Мой отец. Кажется, сегодня он повсюду. Гибнет в шахте. Поет в своей лучшей манере в затуманенном сознании Пита. Отражается во взгляде Боггса, когда он покровительственно накидывает мне на плечи одеяло. Я скачаю по нему, как бы сильно это ни ранило.

Снаружи заметно набирает силу артиллерийский обстрел. Гейл с нетерпением торопит группу повстанцев отправиться в бой. Я не прошу присоединиться к бойцам, да и вряд ли мне бы позволили. Как бы то ни было, у меня нет для этого ни решимости, ни пыла в крови. Мне хочется, чтобы Пит был здесь — прежний Пит — потому что он смог бы объяснить, почему нельзя вести перестрелку, когда люди — неважно какие — пытаются проложить себе путь из недр горы. Или это моя собственная история делает меня такой впечатлительной? Разве мы не в состоянии войны? Разве это не всего лишь ещё один способ уничтожения наших врагов?

Быстро опускается ночь. Включаются огромные яркие прожекторы, освещающие площадь. Каждая лампочка должна гореть на полную мощность, так же как и внутри вокзала. Даже со своего места на противоположной стороне площади я отчётливо могу видеть сквозь зеркальное стекло фасад длинного узкого здания. Было бы невозможно пропустить прибытие поезда или хотя бы одного человека. Но проходят часы, а никто не приезжает. С каждой минутой становится всё труднее верить, что кто-нибудь выжил при атаке на Орех. Чуть за полночь приходит Крессида, чтобы прикрепить к моей одежде специальный микрофон.

— Для чего это? — спрашиваю я.

Раздаётся голос Хеймитча и разъясняет. — Знаю, тебе это не понравится, но нам нужно, чтобы ты выступила с

речью.

— С речью? — спрашиваю я, тотчас же ощутив тошноту.

— Я продиктую её тебе, строчка за строчкой, — успокаивает он меня. — Тебе придётся лишь повторять то, что говорю я. Посмотри, в горе никаких признаков жизни. Мы выиграли, но битва продолжается. Поэтому мы подумали, что, если ты выйдешь на ступени Дома Правосудия и выложишь всё — расскажешь всем, что Орех уничтожен, что пребывание Капитолия в Дистрикте-2 окончено — то тебе, возможно, удастся заставить остатки их войск сдаться.

Я вглядываюсь в темноту за пределами площади.

— Я даже не могу разглядеть их войска.

— Вот для чего нужен микрофон, — говорит он. — Тебя будут транслировать: как твой голос по аварийной аудиосистеме, так и твоё изображение повсюду, где у людей есть доступ к экранам.

Я знаю, что на площади есть пара огромных экранов. Видела их на Туре Победителей. Возможно, это бы сработало, будь я подходящей кандидатурой для подобного рода вещей. Но я не подхожу. Кстати, мне пытались надиктовывать в ранних пробах для промо, и эта затея провалилась.

— Ты могла бы спасти множество жизней, Китнисс, — напоследок говорит Хеймитч.

— Хорошо. Я попытаюсь, — отвечаю я ему.

Так странно — стоять снаружи, на самом верху лестницы, при полном параде, в ярком освещении, но без видимых зрителей, перед которыми я буду выступать с речью. Будто я устраиваю свое представление для луны.

— Давай сделаем это по-быстрому, — говорит Хеймитч. — Ты слишком уязвима.

Моя телевизионная группа, расположившись на площади со специальными камерами, подаёт знак, что они готовы. Я говорю Хеймитчу, что можно начинать, затем нажимаю кнопку на микрофоне и внимательно слушаю, как он диктует первую строчку речи. Моё огромное изображение загорается на одном из экранов на площади, когда я начинаю говорить.

— Люди Дистрикта-2, это Китнисс Эвердин говорит с вами со ступеней Дома Правосудия, где...

Два поезда одновременно, скрипя, подходят к вокзалу. Когда открываются двери, люди вываливаются в облаке дыма, принесённого из Ореха. У них, по меньшей мере, должно было возникнуть подозрение относительно того, что ожидает их на площади, потому что было видно, что они стараются действовать незаметно. Большинство из них распластались на полу, и град точно направленных пуль гасит лампы внутри вокзала. Они прибыли вооружёнными, как и предвидел Гейл, но кроме всего прочего они ранены. Можно разобрать стоны в тихом ночном воздухе.

Кто-то отключает освещение на лестнице, оставляя меня под защитой теней. Внутри вокзала бушует пламя — один из поездов, должно быть, сейчас полыхает огнём — и густой чёрный дым клубится из окон. Не имея иного выбора, люди начинают выбегать на площадь, задыхаясь, но воинственно размахивая оружием. Мой взгляд стремительно пронесется по крышам, окружающим площадь. Каждая из них укреплена повстанческими пулемётными постами. Лунный свет мерцает на канистрах с горючим.

Молодой мужчина, шатаясь, идёт от вокзала, одна его рука прижата к окровавленному куску ткани на щеке, другая — волочит оружие. Когда он спотыкается и падает лицом вниз, я вижу след ожога на спине его рубашки, а под ней — воспаленную плоть. И внезапно я понимаю: он — ещё один пострадавший в пожаре, вызванном обвалом в шахте. Ноги несут меня вниз по лестнице, и я бегу к нему.

— Остановитесь! — кричу я повстанцам. — Прекратите огонь! — слова эхом разносятся над площадью и за её пределами, когда микрофон усиливает мой голос. — Остановитесь!

Я приближаюсь к парню, наклоняюсь, чтобы помочь, и в этот момент он медленно становится на колени и наводит ствол мне на голову. Я инстинктивно отступаю на несколько шагов, поднимая лук над головой, чтобы показать, что мои намерения не опасны. Теперь, когда обе его руки на рукояти оружия, я замечаю рваную рану на его щеке, где что-то — может быть, падающий камень — пробило плоть. Человек пахнет жжёной одеждой, волосами, мясом и топливом. Его глаза обезумели от боли и страха.

— Замри, — шепчет голос Хеймитча мне в ухо.

Я следую его приказу, понимая, что эту сцену сейчас, должно быть, видит весь Дистрикт-2, а может быть, и

весь Панем. Сойка-пересмешница во власти человека, которому нечего терять.

Бессвязная речь парня еле слышна.

— Назови мне хоть одну причину, по которой я не должен тебя застрелить.

Весь остальной мир уходит на второй план. Есть только я, которая смотрит в отчаянные глаза человека из Ореха, который требует назвать хотя бы одну причину. И, без сомнения, я сумею придумать тысячи причин.

Но слова, что срываются с моих губ: — Не могу.

По логике, следующее, что должно было произойти, — он спустит курок. Но парень сбит с толку, пытаюсь понять смысл моих слов. Я и сама испытываю замешательство, когда осознаю, что сказанное мною — абсолютная правда, и благородный порыв, который вел меня через площадь, сменяется отчаянием.

— Не могу. Ведь в этом проблема, да? — я опускаю лук. — Мы взорвали вашу шахту. Вы сожгли дотла мой Дистрикт. У нас есть все основания убить друг друга. Так сделаем это. Осчастливим Капитолий. Я устала убивать для них их же рабов, — я бросаю лук на землю и подталкиваю его ботинком.

— Лук скользит по камню и останавливается у коленей парня.

— Я не их раб, — бормочет он.

— Я их раб, — говорю я. — Вот почему я убила Катона... а тот убил Треша... а тот убил Мирту... а она пыталась убить меня. Это повторяется раз за разом, а кто в итоге побеждает? Не мы. Не Дистрикты. Всегда Капитолий. Но я устала быть частью их Игр.

Пит. На крыше в ночь перед нашими первыми Голодными Играми. Он понимал всё это ещё до того, как мы ступили на арену. Надеюсь, он видит меня сейчас, помнит ту ночь, когда это случилось, и, возможно, простит меня, когда я умру.

— Продолжай говорить. Расскажи им о том, как наблюдала за обрушением горы, — настаивает Хеймитч.

— Когда сегодня вечером я видела, как рушится гора, я подумала... они снова сделали это. Заставили меня убивать вас — жителей Дистриктов. Но почему я делала это? Между Дистриктом-12 и Дистриктом-2 не было боевых действий, кроме одной, навязанной нам Капитолием, — парень непонимающе хлопает глазами.

Я опускаюсь перед ним на колени, мой голос низок и взволнован.

— А почему вы сражаетесь с повстанцами на крышах? С Лайм, которая была вашим победителем? С людьми, которые были вашими соседями, может быть, даже вашей семьёй?

— Не знаю, — говорит мужчина.

Но не отводит от меня ствол.

Я встаю и медленно поворачиваюсь, обращаясь к пулемётам.

— А вы, там наверху? Я из шахтёрского городка. С каких пор шахтёры обрекают на такую смерть других шахтёров, а потом помогают убивать тех, кто сумел выползти из-под обломков?

— Кто враг? — шепчет Хеймитч.

— Эти люди, — я показываю на израненные тела на площади, — не враги вам, — я резко поворачиваюсь в сторону вокзала. — Повстанцы — не враги вам! У всех нас один враг, и это Капитолий! Это наш шанс положить конец его власти, но, чтобы сделать это, нам нужен каждый житель Дистрикта!

Камеры снимают меня крупным планом, когда я протягиваю руки к мужчине, к раненым, к упрямым повстанцам через Панем.

— Пожалуйста! Объединитесь с нами!

Мои слова повисают в воздухе. Я смотрю на экран в надежде увидеть, что покажут некую волну согласия, пробежавшую по толпе.

Вместо этого я вижу на экране, как в меня стреляют.

— Всегда.

Когда морфлий уже начинает действовать, Пит шепчет одно единственное слово, и я иду его искать. Я в полупрозрачном, окрашенном фиолетовыми оттенками, мире, где нет острых углов, но столько тихих и укромных мест. Я шагаю сквозь туманные берега, бреду по расплывчатым тропинкам, ловлю ароматы корицы и укропа. Вдруг я чувствую его ладонь на своей щеке и пытаюсь поймать ее, но она ускользает от меня, как песок сквозь пальцы.

Когда я, наконец, начинаю приходить в себя в стерильной палате Тринадцатого, я вспоминаю. Я была под действием снотворного. Я ушибла пятку, спрыгивая с дерева через электрический забор, чтобы попасть назад в Двенадцатый. Пит уложил меня в кровать, и я попросила его остаться со мной, пока я не усну. Он прошептал что-то, но я уже не слышала. Однако какая-то часть моего мозга уловила это единственное слово и теперь выпустила его парить сквозь мои сны, мучая меня.

— Всегда.

Морфлий притупляет все чувства, поэтому вместо приступа скорби, я едва ощущаю пустоту. Ледяное касание смерти там, где раньше цвели цветы. К сожалению, в моих венах осталось не так много наркотика, чтобы проигнорировать боль в левой части тела. Там, куда попала пуля. Руки ощупывают толстые бинты, обрамляющие мои ребра, а я все думаю, почему я еще здесь.

Это был не он, не тот парень, стоящий на коленях передо мной на площади. Не он спустил курок. Это был кто-то из толпы. Ощущения больше напоминали удар кувалдой, нежели проникновение пули. А все, следовавшее после этого, сплошная неразбериха, изрешеченная артиллерийским огнем. Я пытаюсь выпрямиться, но единственное, что у меня выходит, это протяжный стон.

Белая штора, отделяющая мою кровать от соседнего пациента, отдергивается в сторону, и я встречаюсь с пронзительным взглядом Джоанны Мейсон. Первая моя реакция — испуг, потому что она атаковала меня на арене. Мне приходится напомнить себе, что она это сделала, чтобы спасти мне жизнь. Это была часть плана мятежников. Однако это совсем не значит, что она по-прежнему не презирает меня. Может, ее отношение ко мне было лишь игрой перед Капитолием?

— Я жива, — прохрипела я.

— Без шуток, тупица, — Джоанна обходит мою кровать и плюхается на нее, отчего мою грудь пронзает боль сродни уколам сотни шипов. Когда она самодовольно улыбается во весь рот из-за моего недомогания, я понимаю — сердечной сцены воссоединения не будет. — Все еще побаливает? — Отработанным движением она вытаскивает капельницу с морфлием из моей руки и вставляет в катетер на своей. — Они стали уменьшать мне дозу несколько дней назад. Боятся, что я превращусь в одного из тех фриков из Дистрикта-6. Приходится одалживать у тебя, когда берег чист. Я подумала, ты не будешь против.

Против? Как я могу быть против, учитывая, что Сноу ее чуть до смерти не замучил после Двадцатипятилетия Подавления? У меня нет права возражать и она это знает.

Джоанна довольно вздыхает, когда морфлий проникает в ее кровеносную систему.

— Может, они, в Шестом, подсели на какие-нибудь наркотики. Уколются и давай разукрашивать свое тело цветами. Не так уж и плохо. В любом случае, они казались гораздо счастливее, чем остальные.

За те недели, что меня не было в Тринадцатом, она набрала немного веса. Мягкий пушок волос покрыл ее бритую голову, скрывая некоторые шрамы. Но если она переливает себе мой морфлий, она все еще борется.

— Этот их главврач навещается каждый день. Предполагается, что он помогает мне вылечиться. Будто парень, который всю свою жизнь провел в кроличьей норе, способен меня починить. Полный идиот. Двадцать раз за сеанс напоминает мне, что я в абсолютной безопасности. — Я улыбнулась. Действительно, глупо говорить об этом, особенно победителю. Будто такое вообще возможно, где угодно, для кого угодно. — Как насчет тебя, Сойка-пересмешница? Ты чувствуешь себя в абсолютной безопасности?

— О, да! Вплоть до того момента, как меня подстрелили, — говорю я.

— Ой, умоляю. Та пуля даже не задела тебя. Цинна предвидел это, — отвечает она.

Я вспоминаю про все защитные слои брони в моем костюме Сойки-пересмешницы. Но тогда откуда боль?

— Сломанные ребра?

— Не совсем. Сильно помятые, это да. Удар разорвал твою селезенку. Они ничего не смогли с ней сделать, — она пренебрежительно взмахивает рукой. — Не волнуйся, она тебе не нужна. И если бы даже была нужна, они бы обязательно нашли донора, разве не так? Это основная задача всех и каждого — сохранить тебе жизнь!

— Поэтому ты меня ненавидишь? — спрашиваю я.

— Частично, — признается она. — Определенно, здесь замешана зависть. Еще я думаю, ты, как бы, малоправдоподобна. Со всей этой дешевой романтической драмой и твоими порывами во что бы то ни стало защитить беспомощных. Только стоит признать — это вовсе не притворство с твоей стороны, отчего ты еще более невыносима. Не стесняйся принимать все это на свой счет.

— Ты должна была стать Сойкой-пересмешницей. Никому бы не пришлось готовить тебе речи, — произношу я.

— Верно. Но я никому не нравлюсь, — заявляет она мне.

— Однако, они доверились тебе. Чтобы ты вытащила меня, — напоминаю я ей. — И они боятся тебя.

— Здесь, возможно. Но в Капитолии ты — та, кто внушает им страх, — Гейл появляется в дверях, и Джоанна осторожно вытаскивает иглу и снова подключает меня к капельнице.

— Твой кузен меня не боится, — сообщает она мне по секрету. Она спрыгивает с моей постели и мчитя к двери, слегка задевая ногу Гейла своим бедром. — Не так ли, красавчик? — Мы слышим ее смех, когда сама она исчезает в коридоре.

Я вопросительно приподнимаю брови, а он берет меня за руку.

— Я в ужасе, — изрекает он. Я начинаю смеяться, но вскоре это превращается в содрогания от боли. — Полегче, — он гладит меня по лицу, унимая боль. — Тебе придется прекратить влипать в неприятности.

— Знаю. Но кто-то взорвал гору, — отвечаю я.

Вместо того, чтоб уйти, он наклоняется ближе и всматривается в мое лицо.

— Ты думаешь, я бессердечный.

— Я знаю, ты не такой. Но я не буду говорить тебе, что все в порядке, — отвечаю я.

Теперь он отстраняется, немного раздраженно.

— Китнисс, какая, в самом деле, разница — взорвать нашего врага в шахте или подбить в небе с помощью одной из стрел Бити? Результат один и тот же.

— Я не знаю. Хотя бы то, что в Восьмом на нас напали. Они атаковали госпиталь, — говорю я.

— Да, и те планолеты были из Дистрикта-2, — отвечает он. — Поэтому, сбив их, мы предотвратили дальнейшие атаки.

— Мне не нравится ход твоих мыслей... ты мог бы использовать его как аргумент, чтобы убить любого человека в любое время. Ты мог бы оправдать участие детей в Голодных Играх, чтобы предотвратить дистрикты от восстания, — заявляю я.

— Я на это не куплюсь, — сообщает он.

— А я куплюсь, — отвечаю я. — Наверное, все из-за тех поездочек на арену.

— Отлично. Мы умеем ругаться, — произносит он. — Мы всегда умели. Может, это и хорошо. Кстати, между нами, мы взяли Дистрикт-2.

— Правда? — На мгновение все внутри меня ликует. Затем я вспоминаю о тех людях на площади. — Там еще была борьба после того, как меня подстрелили?

— Недолго. Работники из Ореха встали против капитолийских солдат. Повстанцы просто сидели в сторонке и наблюдали, — поясняет он. — Вообще-то, вся страна просто сидела и наблюдала.

— Ну, это у них получается лучше всего, — отвечаю я.

Вы могли бы подумать, что потеря одного из основных органов позволит вам спокойно провалиться в кровати несколько недель, но по какой-то причине, мои врачи хотят, чтобы я встала на ноги и начала двигаться

как можно скорее. Даже несмотря на морфлий, первые дни мои внутренности подвергаются жуткой боли, но со временем она значительно уменьшается. Однако болезненные ощущения от отбитых ребер обещают задержаться на какое-то время. Я начинаю возмущаться бестактным обращением Джоанны с моими запасами морфлия, но все же позволяю брать то, что ей нужно.

Слухи о моей смерти безудержно разгуливают по стране, поэтому ко мне в палату присылают съёмочную группу снять меня на больничной койке. Я показываю им свои швы и впечатляющие кровоподтеки и поздравляю дистрикты с успешной борьбой за единство. Затем угрожаю Капитолию нашим грядущим вторжением.

Каждый день мне позволяют небольшие наземные прогулки в качестве одного из пунктов моей реабилитационной программы. Как-то раз Плутарх присоединяется ко мне, чтобы поделиться последними новостями. Теперь, когда Дистрикт-2 стал нашим союзником, повстанцы устроили небольшую передышку от войны, с целью перегруппировать силы. Укрепить линии электропередач, оказать помощь раненым, переформировать войска. Капитолий, как и Тринадцатый в Темные Времена, абсолютно отрезан от внешней помощи, и продолжает угрожать нам ядерным оружием. Однако в отличие от Тринадцатого, Капитолий не в состоянии перестроить свою внутреннюю систему так, чтобы существовать автономно.

— Ну, город, вероятно, сможет протянуть еще какое-то время, — говорит Плутарх. — Очевидно, у них накоплен неприкосновенный запас. Но существенная разница между Тринадцатым и Капитолием состоит в ожиданиях населения. Тринадцатый был привычен к тяготам жизни, тогда как в Капитолии все, что они знают, это *Panem et Circenses*.

— Что это значит? — Я распознала слово Панем, конечно же, но остальное для меня осталось загадкой.

— Этому высказыванию много тысяч лет. Оно было написано на языке, который назывался Латинским, недалеко от места под названием Рим, — объясняет он. — *Panem et Circenses* переводится как «Хлеба и Зрелищ». Автор говорит о том, что взамен на полные животы и развлечения, люди отказались от своих политических обязанностей и, вследствие этого, от власти.

Я размышляю о Капитолии. Изобилие еды. И основное развлечение. Голодные Игры.

— Так вот для чего нужны дистрикты. Чтобы снабжать хлебом и зрелищами.

— Да. И до тех пор, пока все шло гладко, Капитолий мог контролировать свою маленькую империю. В данный момент им нечего предложить людям, по крайней мере, не на том уровне, к которому они привыкли, — говорит Плутарх. — У нас же есть еда и я планирую организовать развлекательное промо, которое, несомненно, будет иметь огромный успех. В конце концов, все любят свадьбы.

Я останавливаюсь, как вкопанная, пораженная его предложением. Инсценировать нашу с Питом свадьбу. С тех пор как я вернулась, я так и не смогла подойти к тому одностороннему стеклу, и, по моей просьбе, Хеймитч сообщал мне все подробности о состоянии Пита. Но он мало об этом говорит. Они пробуют разные технологии. Но они никогда не найдут способ полностью излечить его. И теперь они хотят поженить нас для промо?

Плутарх спешит разубедить меня.

— Нет, Китнисс. Не твоя свадьба. Финника и Энни. Все, что от тебя требуется, это показаться там и притвориться, будто ты за них счастлива.

— Это один из тех моментов, когда мне не придется притворяться, Плутарх, — говорю я ему.

Следующие несколько дней проходят в суматохе и волнении из-за организации мероприятия. Различия между Капитолием и Тринадцатым проявляются ярким контрастом. Когда Койн говорит «свадьба», она имеет в виду двух людей, подписывающих какой-то документ и получающих отдельное жилье. В понимании Плутарха, это сотни людей в пышных нарядах и трехдневное торжество. Забавно наблюдать, как они пререкаются из-за каждой детали. Плутарху приходится бороться за каждого гостя, каждую музыкальную ноту. После того как Койн накладывает вето на ужин, развлечение и алкоголь, Плутарх вопит отчаянным голосом:

— Какой толк в промо, если не будет никакого веселья!

Трудно заставить Главу Распорядителей Игр уложиться в бюджет. Но даже тихое празднество приводит к ажиотажу в Тринадцатом, где люди, кажется, совсем не знают, что такое праздники. Когда объявлен набор

детей для исполнения брачной песни Дистрикта-4, практически каждый ребенок изъявляет желание поучаствовать. Нет отбоя от добровольцев, желающих помочь с декорациями. В столовой люди воодушевленно обсуждают предстоящее событие.

Может, это нечто большее, чем просто торжество. Может, все мы так изголодались по чему-то хорошему, что просто хотим быть частью этого. Тогда это объясняет, почему — когда Плутарх обдумывает наряд невесты — я вызываюсь отвезти Энни в мой дом в Двенадцатом, где Цинна оставил кучу вечерних платьев в кладовке. Все те свадебные наряды, что он создал для меня, уехали обратно в Капитолий, но остались некоторые из тех платьев, что я надевала во время Тура Победителей. Я немного напряжена тем, что мне придется остаться с Энни наедине, ведь все, что я о ней знаю, это то, что Финник ее любит, и что все остальные считают ее чокнутой. Когда мы уже на борту планолета, я понимаю, что она не столько чокнутая, сколько неуравновешенная. То она смеется невпопад, то растерянно выпадает из беседы. Эти зеленые глаза так сосредоточенно фокусируются на какой-нибудь точке, что ты неосознано пытаешься разглядеть, что же она видит в воздухе. Иногда, без особой на то причины, она зажимает уши руками, будто блокируя болезненные звуки. Согласна, она странная, но если Финник любит ее, мне этого достаточно, чтобы принять ее.

Мне разрешили взять с собой свою группу подготовки, что автоматически освобождает меня от принятия решений касательно моды и стиля. Как только я открываю шкаф, в комнате воцаряется тишина — настолько сильно ощущается присутствие Цинны в плавности линий каждого изделия. Затем Октавия падает на колени, трется щекой о подол платья и заливается слезами.

— Как же долго, — вздыхает она, — я не видела ничего настолько прекрасного.

Поэтому по стандартам Капитолия, получилась довольно простая и скромная церемония. Но это не важно, так как ничто не сравнится с красотой этой пары. И не только благодаря их нарядам — на Энни зеленое шелковое платье, которое я надевала в Дистрикте-5, на Финнике один из костюмов Пита, который они немного изменили — хотя их убранства изумительны. Кто может не заметить сияющие лица двух людей, для которых когда-то этот день был лишь призрачной возможностью? Далтон, скотовод из Десятого, проводит обряд венчания, так как он похож на церемонию из его дистрикта. Но также присутствуют уникальные, свойственные только Дистрикту-4, штрихи. Сеть, сплетенная из длинной травы, накрывающая пару во время произнесения клятв, прикосновения к губам друг друга соленой водой и древняя обручальная песня, которая сравнивает супружество с морским путешествием.

Нет, мне не приходится притворяться, что я счастлива за них.

После поцелуя, который скрепляет союз, поздравлений и тоста за кружкой яблочного сидра, скрипач начинает играть мелодию, которая завладевает вниманием каждого жителя Двенадцатого. Может мы и были самым маленьким и бедным дистриктом Панема, но мы умеем танцевать. Официально ничего не было запланировано на данный момент торжества, но, вероятно, Плутарх, который руководит промо из диспетчерской, скрестил пальцы. Конечно, Сальная Сэй тут же хватает Гейла за руку, тащит его в центр зала и становится лицом к нему. Люди со всех сторон спешат присоединиться к ним, образуя два длинных ряда. И начинаются танцы.

Я стою в сторонке, прихлопывая в ритм музыке, когда чья-то костлявая рука сжимает меня за предплечье. Джоанна смотрит на меня сердитым взглядом.

— Ты что, собираешься упустить шанс показать Сноу, как ты танцуешь?

Она права. Что может кричать о победе громче, чем счастливая Сойка-пересмешница, кружащаяся под музыку? Я нахожу Прим в толпе. Так как мы часто практиковались долгими зимними вечерами, мы составляем отличную пару. Я отмахиваюсь от ее беспокойства о моих ребрах, и мы занимаем свои места в противоположных рядах. Мне все же немного больно, но удовольствие от того, что Сноу наблюдает за тем, как я танцую со своей сестренкой, обращает все остальные чувства в пыль. Танцы меняют нас. Мы обучаем гостей Дистрикта-13 танцевальным па. Настаиваем на танце жениха и невесты. Беремся за руки и организуем громадный, вращающийся круг, в котором люди показывают, на что способны их ноги. Здесь так долго не происходило ничего причудливого, радостного и веселого. Так могло бы продолжаться всю ночь, если бы не последний пункт, запланированный Плутархом. Тот, о котором я ничего не знала, потому что подразумевалось, что это будет сюрприз.

Четверо помощников вкатывают в зал огромный свадебный торт. Гости пьются назад, освобождая дорогу

этому чуду, этому ослепительному творению, разукрашенному сине-зелеными волнами с белыми кончиками из сахарной пудры, в которых плещутся рыбы и лодки, тюлени и морские цветы. Но я проталкиваюсь сквозь толпу, чтобы убедиться в том, что я заметила с первого взгляда. Как нет сомнения в том, что вышивка на платье Энни сделана руками Цинны, так и глазированные цветы на торте, без сомнения, принадлежат кисти Пита.

Возможно, это покажется незначительной деталью, но она говорит о многом. Хеймитч о стольком умалчивал. Парень, которого я в последний раз видела, заходящегося в истошном крике, пытающегося вырваться из оков, никогда бы не смог сделать этого. Не смог бы сосредоточиться, не смог бы усмирить трясущиеся руки, не смог бы создать нечто настолько совершенное для Финника и Энни. Будто предчувствуя мою реакцию, Хеймитч тут же оказывается рядом со мной.

— Давай поговорим с тобой наедине, — предлагает он.

Выйдя в холл, подальше от объективов камер, я спрашиваю:

— Что с ним происходит?

Хеймитч качает головой:

— Я не знаю. Никто не знает. Иногда он ведет себя вполне разумно, а потом вдруг снова срывается.

Приготовление торта было своего рода терапией. Он трудился над ним многие дни. Наблюдая за ним... мне казалось, я вижу прежнего мальчика.

— Значит, он теперь здесь свободно перемещается? — спрашиваю я. Одна только мысль об этом вызывает у меня пять уровней волнения.

— О, нет. Он глазировал под пристальным наблюдением охраны. Он все еще под замком. Но я разговаривал с ним, — отвечает Хеймитч.

— С глазу на глаз? — удивляюсь я. — И он не впал в бешенство?

— Нет. Очень зол на меня, но есть за что. За то, что не посветил его в заговор повстанцев и все такое, — Хеймитч колеблется минуту, будто что-то решая. — Он говорит, что хотел бы увидеться с тобой.

Я стою в глазированной лодке, раскачиваемой сине-зелеными волнами, палуба движется под моими ногами. Я упираюсь ладонями в стену, чтобы не упасть. Это не входило в мои планы. Я списала Пита со счетов, когда была во Втором. Тогда я собиралась поехать в Капитолий, убить Сноу и покончить с собой. Ранение было лишь временной отсрочкой. Я и не надеялась когда-нибудь услышать слова «Он говорит, что хотел бы увидеться с тобой». Но теперь, когда он просит, я не могу отказать.

В полночь я стою за дверью его камеры. Больничной палаты. Нам пришлось ждать, пока Плутарх закончит со своим свадебным материалом, которым, несмотря на недостаток того, что он называет кутежом, он остался доволен.

— Знаешь в чем плюс того, что Капитолий напрочь игнорировал Двенадцатый все эти годы? В вас до сих пор осталась некая непосредственность. Публика с удовольствием это проглотит. Как, когда Пит объявил, что влюблен в тебя, или этот твой трюк с ягодами. Качественное телевидение.

Хотела бы я встретиться с Питом наедине. Но коллегия докторов уже собралась за односторонним стеклом с заготовленными планшетами и взведенными авторучками. Когда Хеймитч дает мне отмашку в скрытом наушнике, я медленно открываю дверь.

Эти голубые глаза тут же останавливаются на мне. На каждой руке у него по три сдерживающих утяжки и трубка, которая может впрыснуть транквилизатор в случае, если он потеряет над собой контроль. Однако он не пытается высвободиться, просто настороженно наблюдает за мной, будто он все еще не вычеркнул возможность того, что перед ним находится переродок. Я направляюсь к нему и останавливаюсь где-то в метре от его кровати. Не зная, куда деть руки, я скрещиваю их на груди в защитном жесте и говорю:

— Привет.

— Привет, — отвечает он. Похоже на его голос, почти его голос, за исключением какого-то нового оттенка. Смесь подозрения и упрёка.

— Хеймитч сказал, ты хочешь поговорить со мной, — начинаю я.

— Для начала, хотя бы посмотреть. — Такое ощущение, будто он ждет, что прямо на его глазах я превращусь в гибридного волка с пеной у рта. Он так долго изучает меня, что я начинаю украдкой поглядывать в сторону стекла, надеясь на какие-нибудь указания от Хеймитча, но наушник молчит. — Ты не такая уж крупная, не так ли? И не особо привлекательна?

Я знаю, он прошел через все муки ада, но все же его замечание меня задевает.

— Ну, ты тоже выглядел лучше.

Совет Хеймитча не горячиться заглушается смехом Пита.

— И даже ничуть не мила. Говорить мне такое, после всего, через что я прошел.

— Да. Мы все через многое прошли. И это ты всегда был милым. Не я. — Я все делаю неправильно. Я не знаю, почему вдруг начинаю защищаться. Его пытали! Ему промыли мозги! Что со мной не так? Внезапно, я понимаю, что могу начать кричать на него — не знаю, за что — поэтому я решаю уйти. — Слушай, я плохо себя чувствую. Давай я загляну к тебе завтра.

Я уже подошла к двери, когда его голос останавливает меня.

— Китнисс, я помню про хлеб.

Хлеб. Единственное, что связывало нас до Голодных Игр.

— Они показали тебе запись, где я рассказываю об этом, — говорю я.

— Нет. А есть такая запись? Почему Капитолий не использовал ее против меня? — интересуется он.

— Мы сделали ее в тот день, когда тебя спасли, — поясняю я. Боль в груди зажимает ребра словно в тиски. Все же танцы были ошибкой. — Так что ты помнишь?

— Тебя. Под дождем, — произносит он нежно. — Копающуюся в нашем мусорном баке. Подгорелый хлеб. Мама ругает меня. Выношу хлеб свиньям, но вместо этого отдаю тебе.

— Да. Так все и было, — говорю я. — На следующий день, после школы, я хотела поблагодарить тебя. Но не знала, как.

— Мы были на улице после занятий. Я пытался поймать твой взгляд. Ты отворачивалась. А потом... зачем-то ты, кажется, сорвала одуванчик. — Я киваю. Он помнит. Я никогда и никому не рассказывала об этом моменте. — Должно быть, я очень сильно тебя любил.

— Да, — голос срывается, и я притворяюсь, будто кашляю.

— А ты любила меня? — спрашивает он.

Я опускаю глаза в пол.

— Все говорят, что да. Все говорят, именно поэтому Сноу мучил тебя. Чтобы сломать меня.

— Это не ответ, — произносит он. — Я не знаю, что мне думать, когда они показывают мне разные записи. Тогда на первой арене, все выглядело так, будто ты хотела убить меня с помощью тех ос.

— Я пыталась убить вас всех, — говорю я. — Вы загнали меня на дерево.

— Потом идут сплошные поцелуи. Кстати, не очень искренние с твоей стороны. Тебе вообще нравилось целовать меня?

— Иногда, — признаюсь я. — Ты знаешь, что за нами сейчас наблюдают?

— Знаю. Как насчет Гейла? — продолжает он.

Во мне снова закипает ярость. Мне плевать на его выздоровление — то, что мы обсуждаем, не касается людей за стеклом.

— Он тоже неплохо целуется, — выплевываю я в ответ.

— И нас обоих это устраивало? Ну, что ты целуешься с другим? — спрашивает он.

— Нет. Вас это не устраивало. Но я не собиралась спрашивать у вас разрешения, — огрызаюсь я.

Пит снова смеется, равнодушно, пренебрежительно.

— Ты та еще штучка!

Хеймитч не возражает, когда я выхожу из палаты. Несусь по коридору. Мимо улья жилых отсеков. Забиваюсь в теплую норку за прачечной. Мне требуется много времени, чтобы докопаться до причины моего расстройства и негодования. И это слишком унижительно, чтобы признавать. Все эти месяцы Пит считал, что я изумительная, а я принимала все это, как что-то само собой разумеющееся. Но теперь это далеко позади. Наконец, он видит меня такой, какая я есть.

Жестокая. Недоверчивая. Расчетливая. Смертельно опасная.
И я ненавижу его за это.

Глава семнадцатая

Удар исподтишка. Вот как я расцениваю разговор с Хеймитчем в больнице. Я лечу вниз по лестнице в Штаб — мысли мчатся со скоростью миля в минуту — и врываюсь прямо на военное заседание.

— Что вы имеете в виду, говоря, что я не еду в Капитолий? Я должна поехать! Я — Сойка-пересмешница! — кричу я.

Койн едва выглядывает из-за своего экрана.

— И как у Сойки-пересмешницы, твоя основная цель — объединить Дистрикты против Капитолия — была достигнута. Не волнуйся, если все пройдет хорошо, мы направим тебя туда за сдавшимися.

Сдавшимися?

— Будет слишком поздно! Я пропущу всю битву. Я вам нужна — я лучший стрелок, который у вас есть! — кричу я. Обычно я не хвастаюсь этим, но, по крайней мере, это близко к правде. — Гейл едет.

— Гейл появлялся на тренировках каждый день, в свободное от других назначенных обязанностей время. Мы уверены, он сможет управлять собой на поле, — говорит Койн. — А сколько занятий посетила ты?

Ни одного. Вот сколько.

— Ну, иногда я охотилась. И... Я тренировалась с Бити внизу в отделе Спецвооружения.

— Это не одно и то же, Китнисс, — говорит Боггс. — Все мы знаем, что ты умная и смелая, а также хороший стрелок. Но в бою нам нужны солдаты. Ты не знаешь основ выполнения приказов, и ты точно не на пике своей физической формы.

— Вас это не волновало, когда я была в Восьмом. Или во Втором, если уж на то пошло, — считаю я.

— В любом случае, тебе изначально не было позволено вступать в борьбу, — говорит Плутарх, стреляя в меня взглядом, означающим — если не замолчишь, сболтнешь лишнего.

Нет, обстрел бомбами в Восьмом и мое вмешательство во Втором были спонтанными, необдуманными и определенно несанкционированными.

— И оба этих случая привели к твоим травмам, — напоминает мне Боггс. Внезапно я вижу себя его глазами. Маленькая семнадцатилетняя девчонка, которая не может как следует отдышаться, поскольку ее ребра не успели зажить. Взъерошенная. Недисциплинированная. Не выздоровевшая до конца. Не солдат, а та, за которой нужен глаз да глаз.

— Но я должна поехать, — говорю я.

— Почему? — спрашивает Койн.

Я не могу напрямую сказать, что это из-за моей личной кровной мести Сноу. Или что идея оставаться здесь, в Тринадцатом, с Питом в таком состоянии, пока Гейл отправляется на битву — невыносима. У меня в избытке причин, из-за которых я хочу сражаться с Капитолием.

— Из-за Двенадцатого. Потому что они уничтожили мой Дистрикт.

Президент на секунду задумывается. Оценивает меня.

— Ладно, у тебя есть три недели. Это не много, но ты можешь начать тренироваться. Если Распределительный Совет посчитает тебя годной, возможно, твою заявку рассмотрят.

Вот и все. Это большее, на что я могу надеяться. Думаю, это моя собственная вина. Я уваливала от своего расписания каждый день, если меня что-то не устраивало. Бег трусцой с автоматом вокруг поля и многие другие упражнения не кажутся такой уж задачей большой важности. И теперь я расплачиваюсь за свою халатность.

Возвратившись в госпиталь, я нахожу Джоанну в тех же условиях и безумно злой. Я говорю ей о том, что решила Койн.

— Может, ты тоже сможешь тренироваться.

— Хорошо. Я буду ходить на тренировки. Но я поеду в этот паршивый Капитолий, даже если мне придется убить экипаж и долететь туда самой, — говорит Джоанна.

— Вероятно, лучше не поднимать этот вопрос на занятиях, — говорю я. — Но приятно знать, что меня все же подвезут.

Джоанна ухмыляется, и я чувствую легкий, но существенный сдвиг в наших отношениях. Я не уверена, что

мы на самом деле друзья, но что союзники — точно. Это хорошо. Мне будет нужен союзник.

Следующим утром, когда мы появляемся на тренировке в 7:30, реальность безжалостно бьет прямо в лицо. Нас определяют в класс относительных новичков, четырнадцати- и пятнадцатилетних подростков, что нам кажется несколько оскорбительным, пока не становится очевидно, что они в гораздо лучшей форме, чем мы. Гейл и другие люди, выбранные для миссии в Капитолий — на ускоренном этапе подготовки. После растяжки — что больно — пара часов упражнений на увеличение силы — опять больно — и бег на пять миль — вообще убийственно. Даже со стимулирующими оскорблениями Джоанны, которые меня подгоняют, я выбываю уже после мили.

— Ребра, — объясняю я тренеру, серьезной женщине средних лет, к которой мы должны были обращаться как Солдат Йорк. — Они все еще повреждены.

— Ну, вот что я скажу тебе, Солдат Эвердин: чтобы они полностью зажили, потребуется, как минимум, еще месяц, — говорит она.

Я качаю головой.

— У меня нет месяца.

Она осматривает меня сверху вниз.

— Врачи не предлагали тебе никакого лечения?

— А разве оно есть? — спрашиваю я. — Они сказали, пусть восстанавливаются естественным путем.

— Они всегда так говорят. Но они могут ускорить процесс, если я порекомендую. Предупреждаю — это совсем невесело, — поясняет она мне.

— Пожалуйста. Я должна попасть в Капитолий, — говорю я.

Солдат Йорк не оспаривает мое решение. Она строчит что-то в блокноте и сразу посылает меня обратно в больницу. Я колеблюсь: больше не хочу пропускать ни одной тренировки.

— Я вернусь на вечерние занятия, — обещаю я. Она лишь поджимает губы.

После двадцати четырех уколов в грудную клетку я вытягиваюсь на кровати, стискивая зубы, чтобы удержаться от мольбы принести обратно капельницу с морфлием. Она стояла у моей кровати, так что, когда надо, я могла получить дозу. В последнее время я ею не пользовалась, но держала рядом ради Джоанны. Сегодня проверяли мою кровь, чтобы убедиться, что она чиста от болеутоляющего, ведь смесь двух наркотиков — морфлия и того, что заставляет мои ребра гореть — имеет опасные побочные эффекты. Они дали понять, что меня ожидает пара тяжелых деньков. Но я попросила их сделать это.

Сегодня в нашей комнате невыносимая ночь. О сне не может быть и речи. Думаю, я действительно чувствую запах горящего участка плоти вокруг моей груди, в то время как Джоанна борется с симптомами ломки. Поначалу, когда я извиняюсь за прекращение подачи морфлия, она отмахивается, говоря, что это случилось бы в любом случае. Но к трем часам утра я становлюсь объектом всего красочного спектра ненормативной лексики, какая только есть в Дистрикте-7. На рассвете она вытаскивает меня из постели, побуждая тренироваться.

— Не думаю, что я смогу, — признаюсь я.

— Ты сможешь. Мы обе сможем. Мы победители, помнишь? Мы единственные, кто смог выжить вопреки всему, чему нас подвергали, — рычит она на меня. Она болезненного зеленоватого оттенка и дрожит, словно лист на ветру. Я одеваюсь. Мы должны быть победителями, чтобы пережить это утро. Когда мы понимаем, что снаружи льет как из ведра, я решаю, что Джоанна сдастся. Ее лицо становится пепельным, и, кажется, она перестает дышать.

— Всего лишь вода. Это не смертельна, — говорю я. Она сжимает челюсти и топает в грязь. Мы промокаем насквозь, работая над своими телами, а потом усердно трудясь на беговом корте. Я снова останавливаюсь после мили и подавляю искушение снять свою рубашку, чтобы холодная вода смогла остудить мои горящие ребра. Я с трудом запикиваю в себя свой полевой ланч, состоящий из промокшей рыбы и тушеной свеклы. Джоанна наполовину опустошает свою миску, прежде чем все выходит обратно. Днем нас учат собирать автоматы. Я справляюсь, но Джоанна не может держать руки достаточно устойчиво, чтобы соединить части вместе. Когда Йорк поворачивается спиной, я помогаю ей. Даже несмотря на продолжающийся дождь, полдень преподносит приятный сюрприз, потому что мы на стрельбище. Наконец-то то, в чем я хороша. Приходится приспособливаться к автомату после лука, но к концу дня у меня лучший результат в классе.

Стоило нам оказаться за дверями больницы, Джоанна заявляет:

— Это должно прекратиться. Наша жизнь в госпитале. Все смотрят на нас как на пациентов.

Для меня это не проблема. Я могу переехать в отсек своей семьи, но у Джоанны здесь нет жилья. Если она попытается получить выписку из больницы, они не позволят ей жить одной, даже если она ежедневно будет

посещать беседы с главным врачом. Думаю, они могут сложить два и два насчет морфлия, что только еще больше, по их мнению, подтверждает ее неуравновешенность.

— Она не будет одна. Я буду жить с ней, — заявляю я. Мне возражают, но Хеймитч занимает нашу сторону, и мы будем спать в отсеке напротив Прим и моей мамы, которая соглашается приглядывать за нами.

После того, как я принимаю душ, а Джоанна протирается мокрой тряпкой, она бегло осматривает место. Когда она распаковывает ящик, в котором лежат мои немногочисленные пожитки, то быстро его захлопывает.

— Прости.

Я думаю, что в ящике Джоанны нет ничего, кроме ее казенной одежды. Что у нее нет ни одной вещи в мире, которую бы она могла назвать своей.

— Все в порядке. Ты можешь покопаться в моих вещах, если хочешь.

Джоанна открывает мой медальон, изучая фотографии Гейла, Прим и моей матери. Она раскрывает серебряный парашют, вытаскивает втулку и надевает ее на мизинец.

— Один взгляд на нее заставляет меня испытывать жажду.

Затем она натывается на жемчужину, которую подарил мне Пит.

— Это...

— Да, — говорю я. — Каким-то образом сохранилась.

Я не хочу говорить о Пите. Одно из преимуществ тренировок — мне некогда думать о нем.

— Хеймитч говорит, ему становится лучше, — произносит она.

— Может быть. Но он изменился, — говорю я.

— Ты тоже. И я. И Финник, и Хеймитч, и Бити. Не говоря уже об Энни Креста. Арена довольно-таки неплохо испортила всех нас, не думаешь? Или ты все еще чувствуешь себя девочкой, вышедшей добровольцем вместо своей сестры? — спрашивает она меня.

— Нет, — отвечаю я.

— Есть одна вещь насчет которой мой доктор, я думаю, прав. Назад пути нет. Так что мы вполне можем заниматься своими делами, — она аккуратно возвращает мои памятные подарки в ящик и забирается на кровать напротив меня как раз тогда, когда гаснет свет. — Ты не боишься, что сегодня ночью я тебя убью?

— Будто бы я тебя не одолею, — отвечаю я. Мы смеемся, чувствуя себя настолько выжатými, что если сможем встать на следующий день — это будет чудо. Но мы встаем. Каждое утро мы встаем. И к концу недели мои ребра чувствуют себя как новые, а Джоанна собирает винтовку без чьей-либо помощи.

Солдат Йорк одобрительно кивает нам, когда мы выполняем план на сегодня.

— Отличная работа, солдаты.

Стоило нам выйти из зоны слышимости, как Джоанна ворчит:

— Думаю, выиграть Игры было легче.

Но выражение ее лица говорит, что она довольна.

Мы даже в почти хорошем настроении, когда идем в столовую, где меня ожидает Гейл, чтобы вместе поесть. И гигантская порция тушеной говядины отнюдь не ухудшает расположение духа.

— Сегодня утром прибыли первые партии продовольствия, — рассказывает мне Сальная Сэй. — Это настоящая говядина из Дистрикта-10. Не ваши дикие собаки.

— Не припомню, чтобы ты от них отказывалась, — кидает Гейл в ответ.

Мы присоединяемся к группе, включающей в себя Делли, Энни и Финника. Финник заметно изменился с тех пор, как женился. Его прежние воплощения — испорченный capitoлийский сердцеед, которого я встретила до Двадцатипятилетия, загадочный союзник на арене, сломленный парень, пытавшийся помочь мне пережить все это — заменили кем-то, излучающим жизнь. Впервые всем предстает настоящее очарование Финника — скромный юмор и покладистый характер. Он ни на секунду не отпускает руку Энни. Ни когда они идут, ни когда едят. Сомневаюсь, что он делает это преднамеренно. Она же целиком отдается ослепляющему счастью. Еще есть моменты, когда можно сказать, что нечто прокрадывается в ее рассудок и другой мир забирает ее от нас. Но несколько слов из уст Финника возвращают ее обратно.

Делли, которую я знаю с малых лет, но никогда о ней много не задумывалась, выросла в моих глазах. Ей рассказали то, что Пит сообщил мне в ночь после свадьбы, но она не сплетница. Хеймитч говорит, она мой лучший защитник в те моменты, когда Пит выходит из себя и начинает рвать и метать из-за меня. Всегда занимает мою сторону, списывая его негативное восприятие на capitoлийскую изощренную пытку. Она оказывает гораздо большее влияние на него, чем кто-либо другой, в основном, потому, что он действительно уверен в ней. В любом случае, даже если она преувеличивает мои хорошие стороны, я ценю это. Честно говоря,

немного приукрашивания не помешало бы.

Я умираю с голоду и тушеное блюдо настолько вкусное — говядина, картошка, репа и лук в густом соусе — что я заставляю себя не торопиться. Во всей столовой ощущается радостное оживление, вызванное вкусной едой. Как же она может делать людей добрее, веселее, жизнерадостнее и напоминать, что продолжать жить — не ошибка. Действует лучше, чем любое лекарство. Поэтому я стараюсь продлить удовольствие и присоединяюсь к разговору. Намазывая подливку на хлеб и, понемногу откусывая, слушаю какую-то забавную историю Финника о морской черепашке, стащившей его шляпу.

Смеюсь до тех пор, пока не осознаю, что здесь стоит он. Прямо напротив стола, позади свободного места рядом с Джоанной. Смотрит на меня. Кусочки хлеба с соусом застревают в горле и я начинаю кашлять.

— Пит! — говорит Делли. — Так приятно видеть тебя на ногах... и поправившимся.

У него за спиной стоят два огромных охранника. Он держит поднос неловко, на кончиках пальцев, поскольку его запястья скованы короткой цепью.

— Что это за миленькие наручники? — спрашивает Джоанна.

— Мне еще не совсем доверяют, — говорит Пит. — Я даже не могу присесть здесь без вашего разрешения. — Он кивает головой в сторону охранников.

— Разумеется, он может сесть здесь. Мы же старые друзья, — произносит Джоанна, похлопывая по сиденью рядом с собой. Охрана разрешает и Пит садится. — В Капитолии у нас с ним были соседние камеры. Мы очень хорошо ознакомились с криками друг друга.

Энни, сидящая напротив Джоанны, затыкает уши и покидает реальность. Финник посылает Джоанне грозный взгляд и обнимает девушку.

— Что? Мой врач говорит, я не должна подвергать мысли цензуре. Это часть моей терапии, — заявляет Джоанна.

Жизнь ушла с нашей маленькой вечеринки. Финник шепчет что-то Энни, пока она потихоньку не убирает руки. Потом следует длительное молчание — люди притворяются, что едят.

— Энни, — оживленно говорит Делли, — а ты знаешь, что именно Пит украшал ваш свадебный торт? Еще в Двенадцатом его семья держала пекарню и он занимался глазированием пирожных.

Энни с опаской смотрит через Джоанну.

— Спасибо, Пит. Это было прекрасно.

— На здоровье, Энни, — произносит Пит и я слышу старые нотки доброты в его голосе, которые, как я думала, пропали навсегда. Не то чтобы они направлены на меня. Но все же.

— Если мы все еще хотим отправиться на прогулку, то нам лучше идти сейчас, — предупреждает ее Финник. Он складывает вместе подносы, чтобы унести их в одной руке, при этом крепко сжимая Энни другой. — Пит, было приятно повидаться.

— Не обижай ее, Финник. А то я могу попытаться увести ее у тебя. — Сошло бы за шутку, если бы тон не был таким холодным. Все, что он выражает — неправильно. Открытое недоверие к Финнику, скрытый смысл, будто Пит положил глаз на Энни, будто Энни сможет бросить Финника, будто меня вовсе не существует.

— О, Пит, — пренебрежительно говорит Финник. — Не заставляй меня сожалеть о том, что я вновь запустил

твое сердце. — Он бросает на меня обеспокоенный взгляд и уводит Энни.

Когда они ушли, Делли укоризненно произносит:

— Он спас тебе жизнь, Пит. И не один раз.

— Ради нее. — Он быстро кивает на меня. — Ради восстания. Не ради меня самого. Я ему ничем не обязан.

Мне не следовало попадаться на удочку, но я попадаюсь.

— А может, и нет. Но Мэг мертва, а ты до сих пор здесь. Это должно иметь какое-то значение.

— Да, многие вещи должны иметь какое-то значение, которого почему-то незаметно, Китнисс. У меня есть воспоминания, в которых я не могу разобраться, и не думаю, что Капитолий прикасался к ним. Те ночи в поезде, например, — говорит он.

И снова намеки. Что в поезде случилось больше, чем было на самом деле. То, что произошло — все те ночи я оставалась в здравом уме лишь потому, что его руки меня обнимали — теперь ничего не значит. Все это ложь, все это лишь способ использовать его.

Пит делает небольшой жест ложкой, указывая на меня и Гейла.

— Ну что, вы двое сейчас официально вместе, или они все еще гнут свое про предначертанную судьбой любовь?

— Все еще гнут, — говорит Джоанна.

Приступ гнева приводит к тому, что руки Пита еще сильнее сжимаются в кулаки, а затем принимают странное положение. Это все, что он может сделать, чтобы держать их подальше от моей шеи? Я чувствую, как Гейл напрягся рядом со мной, опасаясь потасовки. Но Гейл просто говорит:

— Я бы не поверил в это, если бы не увидел лично.

— О чем это ты? — спрашивает Пит.

— О тебе, — отвечает Гейл.

— Тебе следует быть более конкретным, — произносит Пит. — А что со мной?

— То, что они заменили тебя злобной версией-переродком тебя самого, — говорит Джоанна.

Гейл допивает молоко.

— Ты все? — спрашивает он меня.

Я поднимаюсь и мы относим наши подносы. Пожилой мужчина останавливает меня в дверях, потому что я до сих пор сжимаю свой хлеб с подливкой в руке. Что-то в выражении моего лица, или, может, то, что я никак не пыталась его спрятать, заставляет его уступить мне. Он разрешает мне запихнуть хлеб в рот и идти дальше.

Гейл и я почти доходим до моего жилища, когда он опять заговаривает:

— Я этого не ожидал.

— Я же тебе говорю, он меня ненавидит.

— То, как он тебя ненавидит. Это так... знакомо. Раньше я тоже испытывал нечто подобное, — признается он. — Когда я смотрел, как ты целуешь его на экране. Только я знал, что был к тебе несправедлив. А он этого не видит.

Мы доходим до моей двери.

— Может, он просто видит меня такой, какая я есть. Мне надо поспать.

Гейл ловит меня за руку, прежде чем я уйду.

— Так вот что ты думаешь?

Я пожимаю плечами.

— Китнисс, поверь мне, как старому другу — он не видит, кем ты на самом деле являешься. — Он целует меня в щеку и уходит.

Я сижу на кровати, пытаюсь забить голову информацией из книги по военной тактике, но воспоминания о ночах с Питом в поезде меня отвлекают. Спустя минут двадцать приходит Джоанна и плюхается на мою кровать.

— Ты пропустила все самое интересное. Делли рассердилась на Пита из-за того, как он себя с тобой повел. У нее такой писклявый голос. Было такое чувство, будто кто-то неустанно тыкает мышью вилкой. Вся столовая не могла оторвать от этого глаз.

— А что Пит? — спрашиваю я.

— Он начал спорить с самим собой, будто он — это два разных человека. Страже пришлось увести его. Но в этом есть и хорошее — кажется, никто и не заметил, что я доела его мясо. — Джоанна гладит рукой раздувшийся живот. Я смотрю на слой грязи под ее ногтями. Интересно, люди из Седьмого когда-либо моются?

Пару часов мы проводим, опрашивая друг друга по военным терминам. Я на некоторое время заскакиваю к маме и Прим. Когда я возвращаюсь к себе, сонная, пробираюсь наощупь в темноте, то, наконец, спрашиваю:

— Джоанна, а ты правда слышала, как он кричал?

— Это было частью их плана, — говорит она. — Как сойки-говоруны на арене. Только все было настоящим. И не прекращалось после часа. Тик-так.

— Тик-так, — шепчу я в ответ.

Розы. Переродки. Трибуты. Глазированные дельфины. Друзья. Сойки-пересмешницы. Стилисты. Я. В моих снах сегодня ночью все и всё заходится от крика.

Глава восемнадцатая

И я с остервенением бросаюсь в пучину тренировок. Ем, живу и дышу тренировками, зубрежками, практическими занятиями с оружием, лекциями по тактикам. Нескольких из нас переводят в дополнительный класс, и это дает мне надежду на то, что, может, я все-таки буду участвовать в настоящей войне. Солдаты называют это место просто Кварталом, но на моей татуировке с расписанием он значится как У.С.С., сокращенное название для Уличного Симулятора Сражений. Глубоко в Тринадцатом они построили прототип Капитолийского района города. Инструктор делит нас на команды по восемь человек, и мы пытаемся выполнить различные миссии, — достигая нужной позиции, уничтожая цель, обыскивая дом, — как будто мы действительно идем штурмом на Капитолий. Все здесь оборудовано так, что, если что-то может пойти для тебя не так, — так и происходит. Один неверный шаг и активируется мина, на крыше появляется снайпер и у тебя заклинивает ружье, плач ребенка приводит тебя в засаду, командир твоей эскадрильи, — который здесь всего лишь голос программы, — попал под обстрел миномета и тебе надо выяснить, что делать без приказов. Часть сознания понимает, что это просто симулятор, и ты здесь не умрешь. Если активируешь наземную мину, слышишь звук взрыва и должен притвориться, что упал замертво. Но в других ситуациях чувствуешь, что все это довольно реально — вражеские солдаты одеты в униформу Миротворцев, а дымовые завесы приводят в замешательство. Они даже газом нас травят. Мы с Джоанной единственные, кто успевают надеть маски вовремя. Остальные из нашей команды вырубаются минут на десять. И как бы безвреден не был этот газ, когда я успеваю сделать всего пару вдохов, у меня из-за него потом еще целый день болит голова.

Крессида со своей съемочной группой снимают нас с Джоанной на стрельбище. Я знаю, что Гейла и Финника тоже снимают. Это часть наших новых промо роликов — показать, как готовятся мятежники к захвату Капитолия. В целом, все идет неплохо.

Затем на утренних тренировках начинает появляться Пит. Наручники с него сняты, но его все еще постоянно

сопровождает два охранника. После ленча я вижу его на другой стороне поля, тренирующимся с группой начинающих. Не знаю, о чем они думают. Если перепалка с Делли может заставить его начать спорить с самим собой, к оружию его даже близко подпускать не стоит.

Когда я говорю об этом Плутарху, он уверяет меня, что это все для съемок. У них есть запись со свадьбы Энни и Финника, запись того, как Джоанна попадает точно в цели, но весь Панем интересуется Питом. Им нужно увидеть, что он сражается на стороне мятежников, а не на стороне Сноу. И, может быть, они смогли бы снять пару кадров нас двоих вместе, не обязательно целующимися, но хотя бы просто счастливыми оттого, что мы снова вместе.

Я уйду от разговора в ту же минуту. Этого уж точно не случится.

В редкие минуты отдыха я с волнением наблюдаю за всеми подготовительными работами к нападению. Смотрю, как подготавливают оборудование и провизию, формируют дивизии. Тех, кому отдают приказы, можно увидеть сразу, потому что они носят короткую стрижку, знак того, что человек идет на войну. Ведется много разговоров о подготовке наступательной операции, которая должна будет обезопасить железнодорожные туннели, ведущие в Капитолий.

Буквально за несколько дней до отбытия первой партии войск, Йорк неожиданно сообщает мне с Джоанной, что порекомендовала допустить нас к экзамену, о чем незамедлительно нас предупредила. Экзамен состоит из четырех частей: минно-взрывное заграждение, которое позволяет определить твою физическую подготовку, письменный тест по различным тактикам боя, тест на умение обращаться с оружием и ситуация на симуляторе сражений в Квартале. Я даже не успеваю начать нервничать из-за первых трех частей, как прохожу их на отлично, но задание в Квартале еще не готово. Они работают над какой-то особенной технической штучкой. Наша группа обменивается информацией. И многое кажется правдой. Ты проходишь эту часть в одиночку. Угадать, что там будет за испытание невозможно. Один мальчик шепчет нам, что он слышал, что это приспособление нацелено на индивидуальные слабости каждого.

Мои слабые стороны? Эту дверь я уж точно открывать не хочу. Но я нахожу тихое местечко и пытаюсь понять, какие слабости у меня могут быть. Длина получившегося списка меня огорчает. Недостаток грубой физической силы. Минимум тренировок. Да и мой статус Сойки-пересмешницы вряд ли будет преимуществом здесь, где они собирают нас в команды. Они могут загнать меня в угол благодаря огромному количеству вещей.

Джоанну вызывают за три человека до меня, и я ободряюще киваю ей. Как бы я хотела быть в начале списка, потому что сейчас я действительно начинала себя накручивать по поводу всего этого. К тому времени, когда вызывают меня, я не имею ни малейшего понятия, какой должна быть моя стратегия. К счастью, как только я оказываюсь в Квартале, то небольшое количество тренировок, что у меня было, очень даже пригождаются. Моя ситуация — сидение в засаде. Я медленно пробираюсь по улице, убивая встретившихся мне Миротворцев. Двое на крыше слева от меня, еще один в дверном проеме прямо по курсу. Это трудно, но не настолько, насколько я ожидала. В голове гудит надоедливая мысль, что если все кажется таким легким, то я, наверное, что-то упускаю. Я на расстоянии двух зданий от моей цели, когда обстановка начинает накаляться. С полдюжины вооруженных Миротворцев приближаются из-за угла. Они явно превзойдут меня по количеству оружия, но я кое-что замечаю. В тоннеле трубопровода лежит химическая газометная мина. Вот оно. Мое задание. Осознать, что, только взорвав мину, я смогу достигнуть своей цели. И как только я выступаю, чтобы сделать это, командир моей эскадрильи, который до этого момента был практически бесполезен, тихо отдает мне приказ немедленно лечь наземь. Все мои инстинкты кричат мне проигнорировать голос, спустить курок, взорвать Миротворцев. И вдруг я понимаю, какое самое большое слабое место во мне увидят военные. Начиная с моей самой первой минуты на арене Игр, когда я побежала за оранжевым рюкзаком и заканчивая перестрелкой в Восьмом, и импульсивным бегом в центр площади во Втором. Я не могу подчиняться приказам.

Я падаю на землю так быстро и сильно, что буду еще неделю выковыривать землю из своего подбородка. Кто-то другой взрывает газометную мину. Миротворцы умирают. А я набираю нужные мне очки. Когда я покидаю Квартал с другой стороны, меня поздравляет солдат, ставит мне на руку печать с номером моего отряда, 451-ый, и говорит доложить в Штаб. Практически окрыленная успехом я несусь по коридорам, скольжу на поворотах, скачу по ступенькам, потому что лифт слишком медленный. Ярываюсь в комнату, прежде чем

осознаю всю странность ситуации. Я не должна быть в Штабе, мне сейчас должны волосы состригать. Люди вокруг стола не только что зачисленные солдаты, а те, кто отдают приказы. Боггс улыбается и качает головой при виде меня.

— Дай-ка взгляну.

Теперь неуверенная в своих действиях протягиваю ему штампованную руку.

— Ты со мной. Это специальное подразделение снайперов. Присоединяйся к отряду, — он кивает на группу, выстроившуюся у стены. Гейл. Финник. И еще пять человек, которых я не знаю. Мой отряд. Меня не только приняли, а еще и под командование Боггса зачислили. С моими друзьями. Вместо того, чтобы прыгать от радости, я заставляю себя шагать к ним спокойным строевым маршем.

Должно быть, мы еще и очень важны, потому что находимся в Штабе, и при этом это никак не связано с моим статусом Сойки-пересмешницы. Плутарх стоит перед широкой плоской панелью в центре стола. Он объясняет что-то о природе того, с чем мы столкнемся в Капитолии. Я думаю, это ужасная презентация, потому что, даже встав на носочки, я не могу разглядеть, что на этой панели до того, как он нажимает на кнопку. И в воздухе появляется голографическое изображение одного из кварталов Капитолия.

— Это, к примеру, площадь окружающая одну из казарм Миротворцев. Стоит обратить внимание, это не самая значимая из целей, но все же посмотрите, — Плутарх набирает какой-то код на клавиатуре и начинают мигать огоньки. Здесь целый набор разных цветов и мигают они с разной скоростью. — Каждый цвет — это ловушка. Они представляют собой разные препятствия, природа которых может быть чем угодно: от бомбы до стаи переродков. Не совершайте ошибок, что бы эта ловушка в себя не включала, она создана, либо чтобы захватить вас, либо чтобы убить.

Некоторые из них были еще в Темные Времена, другие же разработали с годами. Честно говоря, я сам создал немало из них. Эта программа, которую смогли выкрасть наши люди, когда мы покинули Капитолий, наша свежая новая информация. Они не знают, что она у нас есть. Но даже с учетом этого, за последние несколько месяцев они, скорее всего, уже активировали новые ловушки. И это то, с чем вам придется столкнуться.

Я не осознаю, что мои ноги несут меня к столу до тех пор, пока не останавливаюсь в нескольких дюймах от голограммы. Я протягиваю руку и пытаюсь потрогать быстро мигающий зеленый огонек.

Кто-то встает рядом со мной, его тело напряжено. Финник, конечно. Потому что только еще один победитель немедленно увидел бы то, что вижу я. Арена. Заполненная ловушками, контролируемые Распорядителями Игр. Пальцы Финника касаются ровного красного сияния над одной из дверей на голограмме.

— Леди и джентльмены...

Его голос тих, но мой звенит, словно колокольчик:

— ... семьдесят шестые Голодные Игры объявляются открытыми!

Я смеюсь. Отрывисто. Прежде чем кто-либо успевает понять, что подразумевают слова, которые я только что произнесла. Прежде чем подняты брови в изумлении, высказаны возражения, сложены «два плюс два», и принято решение, что меня нужно держать настолько далеко от Капитолия, насколько это возможно. Потому что обозленный, свободно мыслящий победитель с пластом психологических проблем, который слишком толст, чтобы его можно было разгрести, возможно, последний человек, которого ты хочешь увидеть в своем отряде.

— Не понимаю, зачем ты даже беспокоился о том, чтобы мы с Финником проходили все тренировки, Плутарх, — говорю я.

— Да уж, мы уже два самых лучших солдата, которые у вас есть, — самодовольно добавляет Финник.

— Не думайте, что этот факт обошел меня стороной, — отвечает он нам, нетерпеливо махнув рукой. — А теперь встаньте обратно в строй, Солдат Одейр и Эвердин. Мне нужно закончить презентацию.

Мы встаем обратно на свои места, игнорируя вопросительные взгляды, которые кидают в нашу сторону. Я надеваю маску полной сосредоточенности, пока Плутарх продолжает объяснять дальше, иногда киваю головой, перемещаюсь так, чтобы лучше было видно, и все это время говорю себе потерпеть до тех пор, пока не выберусь в лес, чтобы прокричаться. Или выругаться. Или расплакаться. А может все вместе и все сразу.

Если это был тест, мы с Финником успешно его сдали. Когда Плутарх заканчивает и заседание объявляется закрытым, у меня появляется плохое предчувствие, когда я узнаю, что для меня есть специальный приказ. Но, оказывается, я волнуюсь зря, это всего лишь приказ о том, чтобы я пропустила военную стрижку, поскольку они хотят, чтобы Сойка-пересмешница выглядела настолько по-девичьи, насколько это возможно в ожидаемой передаче с арены. Ну, для камер. Я пожимаю плечами, показывая, что длина моих волос совершенно меня не волнует. Они отпускают меня без дальнейших комментариев.

Нас с Финником практически притягивает друг к другу в коридоре.

— Что я скажу Энни? — шепотом говорит он.

— Ничего, — отвечаю я. — Это то, что услышат от меня мои мама и сестра.

То, что мы знаем, что возвращаемся на полностью оснащенную арену, достаточно плохо. Не надо этим пугать еще и наших любимых.

— Если она увидит эту голограмму... — начинает он.

— Она не увидит. Это засекреченная информация. Должна быть такой, — говорю я. — В конце концов, это же не настоящие Игры. Выживет любое количество людей. Мы просто слишком остро реагируем, потому что... ну, ты знаешь почему. Ты все еще хочешь пойти, не так ли?

— Конечно. Я хочу уничтожить Сноу так же сильно, как ты.

— На этот раз все будет иначе, — уверенно говорю я, стараясь убедить и себя тоже. А затем настоящая прелесть этой ситуации накрывает меня. — На этот раз Сноу тоже будет игроком.

Прежде чем мы можем продолжить, появляется Хеймитч. Его не было на собрании, и думает он явно о чем-то кроме арен.

— Джоанна снова в больнице.

Я полагаю Джоанна была в порядке, сдала свой экзамен, ее просто не зачислили в снайперы. Она потрясающе метает топор, но с ружьем обращается довольно средне.

— Она ранена? Что случилось?

— Все произошло, когда она находилась в Квартале. Они пытались обратить против солдат их же потенциальные слабости. Поэтому они затопили улицу, — говорит Хеймитч.

Это мало что объясняет. Джоанна умеет плавать. По крайней мере, я помню, как она плавала на Двадцатипятилетия Подавления. Не так, как Финник, конечно, но никто из нас не мог плавать как Финник.

— И что?

— Это то, как они пытались её в Капитолии. Обливали водой и ударяли током, — говорит Хеймитч. — В Квартале у нее случилась вспышка тех воспоминаний. Она запаниковала, не знала, где находится. Сейчас её снова накачали лекарствами.

Мы с Финником просто стояли, словно потеряли способность отвечать. Я думаю о том, почему Джоанна никогда не моется. И как она заставила себя выйти под дождь в тот день, словно это не дождь вовсе был, а кислота какая-то. А я приписала тогда её мучения к воздержанию принятия морфилия.

— Вам следует навестить её. Вы самые близкие к друзьям люди, что у нее есть, — говорит Хеймитч.

Это делает все еще хуже. Я не знаю точно, что между Джоанной и Финником. Но я её едва знаю. Ни семьи. Ни друзей. В её шкафу помимо одежды нет ничего похожего на сувенир из её родного Седьмого Дистрикта. Ничего.

— Лучше я пойду, сообщу об этом Плутарху. Он не обрадуется, — продолжает Хеймитч. — Он хочет, чтобы победителей, которые будут под прицелами камер в Капитолии, было так много, как это возможно. Думает, это наилучшее решение для съемок

— А вы с Бити едете? — спрашиваю я.

— Так много молодых и привлекательных победителей, как это возможно, — поправляет себя Хеймитч. — Так что нет. Мы останемся здесь.

Финник сразу же направляется навестить Джоанну, но я остаюсь на месте еще несколько минут, пока из комнаты не выходит Боггс. Теперь он мой командор, так что, полагаю, он тот, у кого мне следует просить какие-либо специальные льготы. Когда я рассказываю ему, что хочу сделать, он выписывает мне пропуск для того, чтобы я могла пойти в лес во время занятий Отражения, но только в том случае, если буду в поле зрения охранников. Я бегу в свою комнату, думая использовать парашют, но с ним связано столько нехороших воспоминаний. Вместо этого я пересекаю холл и беру один из тех белых бинтов, что я принесла из

Двенадцатого. Квадратный. Крепкий. То, что нужно.

В лесу я нахожу сосну и нарываю охапку хвойных иголок. После того, как на бинте лежит уже порядочная кучка иголок, я беру края бинта и крепко связываю их между собой с помощью виноградной лозы, делая комок размером с яблоко.

Я пару минут наблюдаю за Джоанной перед тем, как зайти в палату, и понимаю, что её агрессивность проявляется только в её жестком отношении к другим. Без этого, как сейчас, она всего лишь молодая женщина, её широко открытые глаза борются за то, чтобы оставаться открытыми, находясь под действием успокоительного. Она страшится того, что принесет ей сон. Я подхожу к ней и протягиваю пучок.

— Что это? — хрипло спрашивает она. Влажные концы волос образуют «ёжик» у нее на голове.

— Я сделала это для тебя. Кое-что, чтобы положить в твой ящик, — я кладу его в её руки. — Понюхай его.

Она приподнимает пучок к своему носу и осторожно делает вдох носом.

— Пахнет домом, — в её глазах стоят слезы.

— На это я и надеялась. Ты же из Седьмого и все такое, — говорю я. — Помнишь, когда мы встретились? Ты была деревом. Ну, недолго.

Она вдруг крепко хватается меня за запястье.

— Ты должна убить его, Китнисс.

— Не волнуйся, — я противлюсь желанию выдернуть руку.

— Поклянись. На чем-нибудь, что тебе дорого, — шипит она.

— Клянусь. Своей жизнью, — но она не отпускает мою руку.

— Жизнью твоей семьи, — настаивает она.

— Клянусь жизнью моей семьи, — повторяю я. Полагаю, моя озабоченность собственным выживанием недостаточно убедительна. Она отпускает, и я потираю свое запястье. — А почему, ты думаешь, я вообще туда иду, глупая?

Она слегка улыбается моим словам...

— Просто мне надо было это услышать, — она прижимает пучок сосновых иголок к своему носу и закрывает глаза.

Оставшиеся дни пролетают незаметно. После коротких разминок каждое утро, мой отряд полноценно тренируется на стрельбище. Я больше практикуюсь с ружьем, но они оставляют нам час в день работы со специальным оружием, что значит, я могу тренироваться со своим луком Сойки-пересмешницы, а Гейл — со своим военно-модифицированным. Трезубец, который Бити разработал для Финника, имеет много специальных функций, но самая запоминающаяся — это та, при которой, бросив его, Финник может нажать на кнопку на своем металлическом браслете и трезубец вернется в его руку.

Иногда мы стреляем по чучелам, которые изображают Миротворцев, чтобы ознакомиться со слабыми местами в их экипировке. Дырами в их броне, так сказать. Если попадаешь в тело — вознаграждаешься фонтаном фальшивой крови. И наши куклы всегда насквозь пропитываются ей.

Видеть, какой высокий уровень меткости в нашей группе, довольно обнадеживающе. Помимо Финника и Гейла, в отряд входят еще пять солдат из Тринадцатого. Джексон, женщина среднего возраста, вторая в команде после Боггса, выглядит немного пассивной, но может попадать в цели, которые мы без оптического прицела даже не видим. Дальноточная, говорит она. Здесь есть две сестры лет примерно двадцати, зовут их Лиг, — мы называем их Лиг1 и Лиг2 для ясности, — и они настолько похожи в форме, что я едва могла различать их до тех пор, пока не заметила, что глаза Лиг1 со странноватыми желтыми вкраплениями. Еще есть двое взрослых мужчин, Митчелл и Хомс, никогда особо не разговаривают, но могут попасть в пылинку на твоем ботинке с расстояния пятидесяти ярдов. Я вижу, что остальные отряды тоже довольно хороши, и не до конца понимаю наш статус до того утра, когда к нам присоединятся Плутарх.

— Отряд 451, вы были отобраны для специальной миссии, — начинает он. Я закусываю губу, надеясь, что эта миссия заключается в устранении Сноу. — У нас есть огромное количество снайперов, но очень мало съемочных групп. И поэтому, мы специально подобрали вас восьмерых для того, чтобы бы вы стали нашим «Звездным Отрядом». Вы будете лицами этого нападения.

Разочарование, шок, а затем злость пробежали по группе.

— То, что вы пытаетесь нам сказать — это то, что мы не будем участвовать в реальных сражениях, — огрызается Гейл.

— Вы будете участвовать в реальных сражениях, но, возможно, не всегда на передовой. Если это вообще возможно для вас, быть на передовой, на этой войне, — говорит Плутарх.

— Никто из нас не хочет этого, — за этим заявлением Финника раздается гул голосов, согласных с этим, но я молчу. — Мы собираемся сражаться.

— Вы будете настолько полезными на этой войне, насколько это вообще возможно, — говорит Плутарх. — И было решено, что вы больше всего походите для того, чтобы вас транслировали. Только посмотрите на тот эффект, который возымела Китнисс, всего лишь бегая в своем костюме Сойки-пересмешницы. Перевернула все восстание. И вы заметили, что она единственная здесь не жалуется? Это потому что она понимает всю силу телевизионного вещания.

Вообще-то, Китнисс не жалуется только потому, что не собирается оставаться с этим «Звездным Отрядом», но она понимает, что важно добраться до Капитолия раньше, чем начать осуществлять свой план. Хотя, если совсем не жаловаться, это тоже может вызвать подозрения.

— Но ведь не все будет напоказ, да? — спрашиваю я. — А то мы просто впустую потратим свой талант.

— Не волнуйся, — говорит мне Плутарх. — У вас будет множество реальных целей, в которые нужно будет попасть. Только не подорвитесь. У меня и без того достаточно забот, чтобы еще и вас заменять. А теперь отправляйтесь в Капитолий и сделайте отличное шоу.

Утром в день отправки я прощаюсь с семьей. Я не сказала им, насколько оборона Капитолия похожа на оружие, которое использовали на аренах, мой уход на войну и без того достаточно страшен. Мама долго держит меня в своих крепких объятиях. Я чувствую слезы на её щеке, как и в тот раз, когда я отправлялась на Игры.

— Не волнуйся. Я буду в полной безопасности. Я ведь даже не настоящий солдат. Просто еще одна экранная марионетка Плутарха, — убеждаю я её.

Прим провожает меня до дверей больницы.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, зная, что ты вне досягаемости Сноу, — отвечаю я.

— В следующий раз, когда мы увидимся, мы уже будем свободны от него, — уверенно заявляет Прим. Затем она бросается мне на шею. — Будь осторожна.

Я думаю попрощаться с Питом, но решаю, что от этого нам обоим будет только хуже. Но я кладу жемчужину в карман своей формы. Памятный подарок от мальчика с хлебом.

Планолет отвозит нас, из всех мест, в Двенадцатый, где, вне сгоревшей зоны, была устроена временная транспортировочная станция. Никаких роскошных поездов на этот раз, только товарняк, заполненный предельным количеством солдат в темно-серой форме, спящих на собственных рюкзаках. После пары дней пути мы выходим в одном из горных туннелей, ведущих в Капитолий, и проделываем оставшуюся шестичасовую дорогу пешком, следуя исключительно по светящейся зеленой линии, пускаемой для нас сверху, она показывает безопасный путь.

Мы выходим на военный лагерь мятежников, протягивающийся на десяток кварталов сразу за станцией, на которую мы с Питом когда-то приезжали. Здесь уже полно солдат. Отряду 451 выделяют место, чтобы разбить палатки.

Это место охраняли уже больше недели. Мятежники вытеснили Миротворцев, теряя при этом сотни жизней. Силы Капитолия отступили и перегруппировались дальше вглубь города. Между нами лежали улицы, забитые подрывными минами-ловушками, пустые и манящие. Прежде чем наступать, нам нужно было обезопасить каждую из них.

Митчелл спрашивает о планолетах-бомбардировщиках, потому что мы чувствуем себя неуютно на столь открытой местности, но Боггс говорит, что это не проблема. Большая часть Капитолийских военно-воздушных сил была уничтожена во Втором во время вторжения. Если у них и остались какие-то летательные аппараты, они приберегут их. Возможно для того, чтобы Сноу и его приближенные могли улететь в последнюю минуту в какой-нибудь президентский бункер, если понадобится. Наши собственные оставшиеся планолеты были

опущены на землю после того, как противоздушные ракеты Капитолия уничтожили первые несколько волн. Эта война будет происходить на улицах, и надеюсь только с поверхностными повреждениями для инфраструктуры и минимальными жертвами среди мирного населения. Мятежники хотят Капитолий точно также, как Капитолию хотелось бы заполучить Тринадцатый.

После трех дней большая часть отряда 451 рискует дезертировать от скуки. Крессида со своей съемочной группой отсняли несколько кадров, когда мы стреляли. Они говорят нам, что мы часть дезинформационной команды. Если мятежники будут стрелять только по ловушкам Плутарха, Капитолию хватит и двух минут, чтобы понять, что у нас есть голограмма. Поэтому мы много времени проводим, стреляя по абсолютно не важным предметам, чтобы сбить их со следа, так сказать. Я подозреваю, они совмещают эту пленку с кадрами разрушенных важных Капитолийских объектов. Время от времени им, кажется, нужны реальные услуги снайперов. Восемь рук всегда взмывают вверх, но Гейла, Финника и меня никогда не выбирают.

— Твоя вина в том, что ты всегда выглядишь таким готовым к съемкам, — говорю я Гейлу. Ох, если бы взглядом можно было убить.

Я не думаю, что они точно знают, что делать с нами тремя, ну и со мной в частности. У меня с собой мой костюм Сойки-пересмешницы, но снимали меня пока только в форме. Иногда я использую ружье, иногда они просят меня пострелять из моего лука. Как будто не хотят до конца потерять Сойку-пересмешницу, но хотят опустить мою роль до рядового солдата. Учитывая, что меня это не волнует, у меня скорее, вызывает удивление, чем расстройство, попытки представить ведущиеся в Тринадцатом по этому поводу споры.

Пока для окружающих я выражаю недовольство тем, что мы практически нигде не участвуем, я занята своим собственным тайным планом. У каждого из нас есть бумажная карта Капитолия. Город образует практически ровный квадрат. Линии делят карту на квадраты поменьше, с буквами наверху и цифрами внизу, образуя тем самым сетку. Я тщательно её изучаю, замечая каждый перекресток и переулок, но это только дополнительное занятие. Командоры здесь работают с голограммой Плутарха. У каждого из них есть портативное устройство, называется Голо, которое воспроизводит такую же голограмму, как мы видели в Штабе. Они могут приблизить любую часть города на сетке и посмотреть, какие ловушки ожидают нас там. Голо — это автономное устройство, в реальности всего лишь восхваленная карта, так как он не может ни посылать, ни принимать сигналы. Но оно куда лучше моей бумажной версии.

Голо активируется голосом конкретного командора, говорящего свое имя. И как только он включен, он отвечает всем голосам в эскадрилье, чтобы, если Боггс будет убит или тяжело ранен, кто-нибудь мог воспользоваться устройством. Если кто-нибудь в отряде повторит слово «морник» три раза подряд, Голо самоуничтожится, взрывая все в радиусе пяти ярдов. Это меры предосторожности в случае захвата противником. Предполагается, что каждый из нас сделает это без колебаний.

И то, что мне нужно сделать — это украсть активированный Голо Боггса и смыться прежде, чем он заметит. Я думаю, украсть его зуб было бы гораздо легче.

На четвертое утро, Солдат Лиг2 попадает в неправильно маркированную ловушку. Ловушка не активирует кучу мошек-переродков, чего ждали мятежники, а выстреливает металлическими дротиками. Один из которых попадает ей в голову. Она умирает до того, как подоспевает медпомощь. Плутарх обещает срочную замену.

Следующим вечером приезжает новенький нашего отряда. Без наручников. Без охраны. Выходит из поезда с автоматом наперевес. Все в шоке и замешательстве, но на руке Пита вытатуирован номер 451. Боггс забирает его оружие и уходит сделать звонок.

— Это ничего не изменит, — говорит Пит нам. — Президент сама лично послала меня сюда. Она решила, что промо-ролики нужно освежить моим присутствием.

Может и нужно. Но если Койн посылает сюда Пита, она решила еще кое-что. То, что я принесу ей больше пользы мертвой, нежели живой.

Я никогда прежде не видела Боггса рассерженным. Ни когда я игнорировала его приказы, ни когда меня стошнило на него, ни даже когда Гейл сломал ему нос. Но когда он возвращается после телефонного разговора с президентом — он в ярости. Первое, что он приказывает солдату Джексон, своей заместительнице, приставить к Питу круглосуточную охрану из двух человек. Затем он уводит меня в сторону, под натянутый над лагерной стоянкой тент, пока наш отряд не остается далеко позади.

— Так или иначе он все равно убьет меня, — говорю я. — Тем более здесь. Где слишком многое напоминает ему о плохом.

— Я буду сдерживать его, Китнисс, — обещает мне Боггс.

— Почему Койн хочет моей смерти именно сейчас? — Спрашиваю я.

— Она это отрицает, — отвечает он.

— Но мы же знаем, что это правда, — говорю я. — А у тебя, по крайней мере, должна быть хоть какая-то теория на этот счет.

Прежде чем ответить, Боггс смотрит на меня долгим тяжелым взглядом. — Вот все, что я знаю. Ты не нравишься президенту. И никогда не нравилась. Она хотела спасти с арены именно Пита, но больше с ней никто не согласился. А когда ты вынудила ее предоставить другим победителям иммунитет, все стало гораздо хуже. Но даже с этим можно было смириться, в свете того, как хорошо ты справилась со своей задачей.

— Тогда в чем дело? — Не сдаюсь я.

— В скором будущем война закончится. И выберут нового лидера, — говорит Боггс. Я закатываю глаза. — Боггс, никто не думает, что я стану этим лидером.

— Нет. Они не думают, — соглашается он. — Но ты займешь чью-то сторону. И чью именно: Президента Койн? Или чью-то еще?

— Не знаю. Никогда об этом не думала, — говорю я.

— Если этот человек — не Койн, то тогда ты представляешь угрозу. Ты — лицо восстания. У тебя больше влияния, чем у кого бы то ни было. — Поясняет Боггс.

— Внешне все выглядит так, что самое большее, что ты делала — всего лишь терпела ее.

— Поэтому она убьет меня, чтобы заткнуть. — В тот момент, когда я произношу эти слова, я уже знаю, что это правда.

— Теперь ты уже не нужна ей в качестве объединяющего символа. Как она сама сказала, твоя первоочередная задача — объединить дистрикты, выполнена. — Напоминает мне Боггс. — А сейчас промолчать можно и без твоего участия. Последнее, для чего ты еще могла бы быть полезна — это чтобы подлить масла в огонь восстания.

— И умереть, — тихо говорю я.

— Да. Стать мученицей, умершей во имя всех нас, — Но пока я за тобой приглядываю, этого не произойдет, Солдат Эвердин. Я хочу, чтобы ты прожила долгую жизнь.

— Почему? — Ему это принесет лишь неприятности. — Ты мне ничем не обязан.

— Потому что ты это заслужила, — отвечает он. — А теперь давай вернемся к нашему отряду.

Я знаю, что должна быть признательна Боггсу за то, что он ставит себя под удар из-за меня, но на самом деле я лишь расстроена. В том смысле, ну как я теперь могу украсть его Голо и дезертировать? Предательство Боггса было достаточно осложнено и без учета новых обстоятельств. Я и так обязана ему спасением своей жизни.

Вид того, как источник моих переживаний и размышлений преспокойно разбивает на местности свою палатку, приводит меня в бешенство. — Когда мне в наряд? — Спрашиваю я у Джексон.

Она с сомнением смотрит на меня, а может, всего лишь пытается уловить выражение моего лица. — Я не включила тебя в график нарядов.

— Почему? — Спрашиваю я.

— Не уверена, что ты сможешь выстрелить в Пита, если до этого дойдет, — говорит она.

Я повышаю голос, так что теперь весь отряд может меня отлично слышать. — Я бы не выстрелила в Пита. Его нет. Джоанна права. Но я бы пристрелила его, как любого другого capitoлийского переродка. — Мне приятно от того, что я говорю о нем что-то ужасное, очень громко, на людях, после всех унижений, которые мне пришлось перенести с тех пор, как он вернулся.

Ну, такая тирада явно говорит не в твою пользу, — говорит Джексон.

— Включите ее в график, — слышу я Боггса у себя за спиной.

Джексон кивает головой и делает пометку. — С полуночи до четырех. Ты со мной.

Раздается сигнал, приглашающий к обеду, и мы с Гейлом пристраиваемся в очередь в столовой. — Хочешь, чтобы я убил его? — спрашивает он меня напрямик.

— После такого нас точно отошлют обратно, — говорю я. Но, несмотря на то, что я зла, жестокость его предложения поражает меня. — Я могу с ним справиться.

— В смысле, до тех пор, пока ты не улизнешь отсюда? Ты, твоя бумажная карта и, возможно, Голо, если сможешь до него добраться? — Ясно. Значит, Гейл все-таки заметил мои приготовления. Надеюсь, для всех остальных они были не столь очевидны. Хотя никто из них не знает меня так хорошо, как Гейл. — Ты ведь не сбежишь без меня, верно? — спрашивает он.

Вплоть до этого момента именно так я и собиралась поступить. Но наличие рядом с собой напарника по охоте, который в любой момент прикроет мою спину, вовсе не такая уж плохая мысль. — Как твой друг-солдат, я настоятельно рекомендовала бы тебе оставаться со своим отрядом. Но разве удержать тебя в моих силах?

Он усмехается. — Нет. Если только ты не хочешь, чтобы о твоём побеге стало известно всем остальным.

Отряд 451 и съемочная группа забирают обед из столовой и усаживаются в круг, чтобы поесть. Сначала я думаю, что причиной натянутости является Пит, но к концу обеда ловлю на себе уже немалое количество недружелюбных взглядов. Довольно быстрая перемена, учитывая, что, когда Пит только появился, всех волновало только то, насколько он опасен, особенно для меня. Но лишь до тех пор, пока я не позвонила Хеймитчу и не сказала ему, что поняла.

— Что ты пытаешься сделать? Спровоцировать его на нападение? — спрашивает он меня.

— Конечно же, нет, Я всего лишь хочу, чтобы он оставил меня в покое, — отвечаю я.

— Ну что ж, а он не может. Не после того, что с ним сделали в Капитолии, — говорит Хеймитч. — Слушай, может, Койн и послала его туда, чтобы он тебя убил, но Пит-то этого не знает. Он не осознает, что с ним произошло. Так что ты не можешь его в этом винить...

— Я и не виню! — Говорю я.

— Нет, винишь! Ты без конца обвиняешь его за то, что ему неподвластно. Я не говорю, что ты должна держать рядом с собой оружие в полной боевой готовности 24 часа в сутки. Но думаю, сейчас пришло время слегка изменить сценарий в твоей голове. Если бы тебя захватил Капитолий и промыл тебе мозги, а затем ты бы попыталась убить Пита, он бы так себя с тобой вел? — Требовательно спрашивает Хеймитч.

Я молчу. Нет. Он бы со мной так себя никогда не повел. Он бы любой ценой пытался вернуть меня прежнюю. Не игнорировал бы меня, не отказывался бы от меня, враждебно реагируя на каждое мое движение и слово.

— Ты и я, мы обещали друг другу спасти его. Помнишь? — Говорит Хеймитч. Когда я не отвечаю, он бросает короткое: «Вспоминай и спасай» и отключается.

Осенние дни из прохладных становятся морозными. Большинство членов нашего отряда затаились в своих спальнях мешках. Кто-то спит под открытым небом, рядом с обогревателем в центре лагеря, кто-то просто не вылезает из своих палаток. Лег1, в конце концов, сломила смерть сестры и ее приглушенные рыдания доносятся до нас из-под полога.

Я, свернувшись калачиком в палатке, раздумываю над словами Хеймитча. Мне стыдно осознавать, что из-за своих постоянных мыслей об убийстве Сноу, я позволила себе проигнорировать гораздо более сложную проблему. Попытаться спасти Пита из призрачного мира измененного сознания, в котором его бросили. Я не знаю, как отыскать его в нем, не говоря уже о том, как ему помочь выбраться оттуда. Я даже план не могу сформулировать. Задача убить Сноу, прорвавшись через переполненную арену и пустив ему пулю в лоб, по

сравнению с этим выглядит детской игрой.

К полуночи я вылезаю из палатки и сажусь на походный стул рядом с обогревателем, чтобы нести свою вахту вместе с Джексоном. Боггс приказала Питу лечь спать в таком месте, где его могут видеть все члены нашего отряда. Хотя он и не спит. Более того, он сидит, прижав к груди свою сумку, неуклюже пытаюсь завязывать узлы из короткого обрывка веревки. Эта веревка хорошо мне знакома. Та самая, которую Финик одолжил мне в ту ночь в бункере. Эта веревка словно эхо: будто Финик пытается сказать мне то же самое, что сказал Хеймитч; — я бросила Питу. И сейчас, возможно, лучшее время, чтобы попытаться все исправить. Если бы мне хоть что-нибудь пришло на ум, о чем я могла бы сказать ему. Но не приходит. Поэтому я молчу. И в ночном воздухе раздается лишь дыхание солдат.

Где-то через час Пит, наконец, произносит.

— Последние пару лет, наверное, были для тебя весьма изматывающими. В попытках решить, убивать меня или нет. Да или нет. Нет или да.

Это кажется таким несправедливым, и сначала я порываюсь сказать что-нибудь язвительное, но затем вспоминаю разговор с Хеймитчем и делаю первый осторожный шаг в сторону Питу.

— Я никогда не хотела убивать тебя. Кроме тех моментов, когда думала, что ты помогаешь Профи убить меня. Но после, я всегда рассматривала тебя как ... союзника.

Довольно безопасное слово. Лишенное какой-либо эмоциональной нагрузки, но не представляющее угрозы.

— Союзник, — Пит растягивает слово, будто пробуя его на вкус. — Подруга. Возлюбленная. Победитель. Враг. Невеста. Мишень. Переродок. Соседка. Охотник. Трибут. Союзник. Я добавлю это в список слов, которыми пытаюсь охарактеризовать тебя. — Он наматывает веревку на пальцы. — Проблема в том, что теперь я не могу понять, где правда, а где вымысел.

Судя по отсутствию равномерного дыхания, остальные либо проснулись, либо и вовсе не засыпали. Я склоняюсь ко второму варианту.

Голос Финника доносится из тени.

— Тогда тебе лучше спросить об этом, Пит. Энни так и делает.

— Спросить кого? — интересуется Пит. — Кому я могу доверять?

— Ну, для начала, нам. Мы твоя команда, — вмешивается Джексон.

— Вы мои надзиратели, — поправляет ее Пит.

— И это тоже, — соглашается она. — Но ты спас множество жизней в Тринадцатом. Мы этого не забудем.

В наступившей тишине я пытаюсь представить, будто не могу отличить иллюзию от реальности. Не знаю, любят ли меня Прим и мама. Является ли Сноу моим врагом. А человек, сидящий напротив — спас меня или пожертвовал мною. Без малейших усилий моя жизнь стремительно превращается в кошмар. Я вдруг отчаянно хочу рассказать Питу о том, кем является он, кем являюсь я, и какая череда событий привела нас сюда. Но я не знаю, как начать. Бесполезно. Я бесполезна.

Без пяти минут четыре Пит снова поворачивается ко мне.

— Твой любимый цвет... это ведь зеленый?

— Правильно. — Я думаю, как бы поддержать разговор. — А твой оранжевый.

— Оранжевый? — Кажется, он сомневается в этом.

— Не ярко-оранжевый. А светлый. Как закат, — поясняю я. — По крайней мере, так ты мне однажды сказал.

— Хм, — он на мгновение закрывает глаза, будто пытаюсь представить этот закат, затем кивает головой. — Спасибо.

Но следующие слова уже рвутся наружу.

— Ты — художник. Ты — пекарь. Ты любишь спать с открытыми окнами. Никогда не кладешь сахар в чай. И всегда завязываешь шнуры на двойной узел.

Затем я ныряю под свой тент, прежде чем сделаю какую-нибудь глупость, например, расплачусь.

Утром Гейл, Финик и я идем пострелять по стеклам зданий для камер. Когда мы возвращаемся в лагерь, Пит сидит в кругу солдат из Тринадцатого, которые хоть и вооружены, но дружелюбно беседуют с ним. Чтобы помочь Питу, Джексон придумала игру «Правда или Ложь». Он упоминает какой-нибудь факт, который, как он думает, произошел с ним, а они говорят ему, реален он или воображаем, обычно сопровождая небольшим

пояснением.

— Большинство жителей Двенадцатого погибли в огне.

— Правда. Живыми до Тринадцатого добралось меньше девятисот человек.

— Я виноват в случившемся.

— Ложь. Президент Сноу уничтожил Двенадцатый, как в свое время Тринадцатый — чтобы донести послание до мятежников.

Поначалу это кажется хорошей идеей, но потом я осознаю, что я единственная, кто может подтвердить или опровергнуть большую часть того, что тяготит его. Джексон разбивает Финника, Гейла и меня на дежурство. Она объединяет каждого из нас с солдатом из Тринадцатого. Таким образом у Пита всегда будет доступ к тому, кто знает его лично. Это весьма непостоянная беседа. Пит довольно долго обдумывает даже самые незначительные кусочки информации, как например, где в нашем дистрикте люди покупали мыло. Гейл сообщает ему кучу вещей о Двенадцатом; Финник специализируется на обоих Играх, поскольку на первых был ментором, а на вторых — трибутом. Но так как главное замешательство сосредотачивается на мне — и не все так просто объяснить — наши перепалки тягостны и неприятны, хотя мы затрагиваем лишь самые поверхностные детали. Цвет моего платья в Седьмом. Мое пристрастие к сырным булочкам. Имя нашего учителя математики из младших классов. Восстановление его воспоминаний обо мне очень мучительно. Может, это даже невозможно, после всего, что Сноу сделал с ним. Но помочь ему хотя бы попытаться кажется самым правильным на данный момент.

На следующий день нам сообщают, что потребуется вся команда для съемок довольно сложного промо. Пит был прав: Койн и Плутарх недовольны качеством материала, получаемого от Звездной Команды. Скучно. Невдохновляюще. Очевидный ответ — они ни разу не позволили нам сделать хоть что-нибудь, кроме как ломать комедию с автоматами. Однако, это не в целях самообороны, а в целях получения практического результата. Поэтому сегодня для съемок выделили целый квартал. На его территории есть даже пара активных ловушек. Одна приводит в действие пульверизатор артиллерийского огня. Другая захватывает оккупанта в сети и держит либо до допроса, либо до экзекуции, в зависимости от предпочтений поработорителя. Но все же это несущественный жилой квартал, который не представляет большого значения.

С помощью дымовых шашек и звуковых эффектов, имитирующих стрельбу, съемочная группа должна создать ощущение повышенной опасности. Мы все, даже операторы, надеваем тяжелые защитные приспособления, будто собираемся в сам очаг сражения. Тем, у кого есть специализированное оружие, позволено взять его наряду с автоматом. Боггс даже возвращает Питу его оружие, громко предупредив его, что оно заряжено только холостыми.

Пит лишь пожимает плечами.

— Всё равно из меня никудышный стрелок.

Он кажется странно задумчивым, наблюдая за Полидевком, до такой степени, что это уже вызывает беспокойство. Затем он, наконец, что-то осознает и начинает возбужденно говорить.

— Ты Безгласый, верно? Я догадываюсь по тому, как ты глотаешь. Со мной в тюрьме было двое Безгласых. Дариус и Лавиния, но стражники, в основном, называли их рыжими. Они были нашими слугами в Тренировочном Центре, поэтому они и их арестовали. Я видел, как их замучили до смерти. Ей повезло больше. Они пустили слишком высокое напряжение, и её сердце не выдержало. Но с ним они возились несколько дней. Били, отрезали части тела. Они всё задавали ему вопросы, но он не мог говорить, он только издавал эти ужасные животные звуки. Знаете, им не нужна была информация. Они хотели, чтобы я всё это видел.

Пит оглядывает наши потрясенные лица, будто ожидая ответа. Так и не дождавшись, он спрашивает:

— Правда или ложь? — Молчание расстраивает его еще больше. — Правда или ложь?! — требует он ответа.

— Правда, — говорит Боггс. — По крайней мере, насколько я знаю... правда.

Вся активность Пита улетучивается.

— Я так и думал. В этом воспоминании не было ничего... сияющего.

Он отбивается от группы, бормоча что-то о пальцах себе под нос. Я направляюсь к Гейлу, прижимаюсь лбом к бронезилету в районе груди и чувствую, как его рука обнимает меня. Наконец-то, мы знаем, как звали девушку, которую Капитолий похитил из леса Двенадцатого прямо на наших глазах, и судьбу нашего друга-миротворца, который встал на защиту Гейла. Сейчас нет времени на все эти счастливые воспоминания. Все они погибли из-за меня. Я добавляю их в свой личный список жертв, который начался на арене и теперь включает в себя

тысячи. Подняв голову, я понимаю, что Гейл воспринял все это иначе. Выражение его лица говорит о том, что не достаточно разрушить горы, не достаточно уничтожить города. Его взгляд сулит смерть.

Мы бредем через улицы битого стекла, все еще под впечатлением от ужасающего рассказа Пита, пока не достигаем нашей цели — квартал, который мы должны захватить. Это настоящая, хоть и незначительная, задача. Мы собираемся вокруг Боггса, чтобы изучить Голо-проекцию улицы. Ловушка, запускающая пулеметный огонь, расположена в одной трети пути от начала квартала, прямо над навесом здания. Нам нужно сдетонировать ее с помощью пуль. Ловушка-сеть находится в дальней части квартала, почти на следующем повороте. Потребуется человек, чтобы сработал специальный датчик. Все вызываются добровольцами, кроме Пита, который, кажется, не понимает, что происходит. Моя кандидатура отвергнута. Меня посылают к Мессаллу, который накладывает на мое лицо макияж для крупных планов.

Отряд строится под руководством Боггса, затем нам придется ждать, пока Крессида расставит операторов в нужных местах. Они оба находятся слева от нас, но Кастор спереди, а Полидевк берет задний план, так чтобы они случайно не сняли друг друга. Мессалла пускает несколько дымовых шашек для создания атмосферы. Так как это одновременно и миссия, и съемка, я собираюсь спросить, кто здесь главный — мой командир или мой режиссер, когда слышу голос Крессиды «Мотор!»

Мы медленно продвигаемся по задымленной улице, в точности как в одном из упражнений в нашем «Квартале». Каждый выбивает, по крайней мере, по одной секции окон, но Гейлу предписана настоящая цель. Когда он попадает в ловушку, мы, пригнувшись, забегаем в дверные проемы или распластываемся на миленьком оранжево-розовом тротуаре, в то время как над нашими головами свистит град из пуль. Спустя какое-то время, Боггс приказывает двигаться вперед.

Крессида останавливает нас прежде, чем мы успеваем подняться, так как ей нужно несколько крупных кадров. Мы по очереди переигрываем нашу реакцию на стрельбу. Падаем на землю, корчимся, прячемся в нишах. Мы знаем, что это серьезное дело, но все кажется настолько нелепым. Особенно, когда выясняется, что я не самый худший актер в отряде. Далеко не худший. Мы не можем сдержать приступ смеха, наблюдая за тем, как Митчелл пытается изобразить свое видение отчаяния, которое включает стиснутые зубы и раздувающиеся ноздри. Боггсу приходится приструнить нас.

— Соберитесь, Четыре-Пять-Один, — говорит он твердо.

Но можно заметить, как он старается подавить улыбку, проверяя местоположение следующей ловушки. Вертя Голо так, чтобы найти наилучшее освещение в задымленном воздухе. Все еще стоя к нам лицом, когда его левый ботинок ступает на оранжевый камень. Раздается взрыв и ему отрывает обе ноги.

Глава двадцатая

Это похоже на то, как в одно мгновение разукрашенное окно разбивается вдребезги, обнажая уродливый мир за собой. Смех сменяется криками, кровь орошает светлые камни, а настоящая дымовая завеса заменяет телевизионные спецэффекты.

Кажется, уже второй взрыв разрывает воздух и оставляет звон у меня в ушах. Но я не могу понять, откуда он доносится.

Я первой добегаю до Боггса, пытаюсь понять, что делать с ошметками плоти, оторванными конечностями и найти что-нибудь, чем можно остановить кровь, хлещущую из его тела. Гомес отталкивает меня в сторону, рывком открывая аптечку. Боггс сжимает мою руку. Похоже, что его лицо, посеревшее от смерти и пепла, уже приобретает отсутствующее выражение. Но его следующие слова звучат как приказ.

— Голо.

Голо. Я судорожно ощупываю все вокруг, пробираясь через скользкие от крови куски мостовой и вздрагивая, когда доводится коснуться еще теплой плоти. Нахожу его вдолбленным в лестницу вместе с ботинком Боггса. Поднимаю, вытерев его голыми руками, и возвращаю главнокомандующему.

У Гомеса в руках культия левого бедра Боггса, на которую он лихорадочно пытается наложить биндаж, но сам биндаж уже полностью пропитан кровью. Он пытается наложить еще один жгут выше существующего колена. Остальная часть команды окружает нас защитной стеной. Финник пытается привести в чувство Мессаллу, которого взрывом отбросило на стену. Джексон что-то отрывисто кричит в полевой коммуникатор, не слишком

успешно пытаюсь поднять по тревоге лагерь и выслать санитаров, но я знаю, что уже слишком поздно. Еще ребенком наблюдая за работой своей матери, я поняла, что когда лужа крови достигает определенного размера, назад дороги нет.

Я становлюсь на колени рядом с Боггсом, приготовившись повторить роль, которую я исполняла с Рутой, чтобы он мог за кого-то держаться перед уходом из жизни. Но Боггс обеими руками работает с Голо. Он набирает команды, прижимая большой палец к экрану для подтверждения отпечатка и быстро проговаривая последовательность букв и чисел в ответ. Зеленый луч света вырывается из Голо и бросает отблеск на его лицо. Он говорит:

— Негоден для дальнейшего командования. Передаю первичный допуск к секретной службе Солдату Китнисс Эвердин, Группа Четыре-Пять-Один.

Все, что он может сделать — это поднести Голо к моему лицу.

— Назови свое имя.

— Китнисс Эвердин, — произношу я в зеленый экран.

Внезапно я оказываюсь в ловушке его света. Я не могу пошевелиться или даже моргнуть, пока передо мной мелькают изображения. Он сканирует меня? Записывает? Пытается меня ослепить? Как только это исчезает, я трясусь головой, чтобы привести мысли в порядок.

— Что вы сделали?

— Готовьтесь к отступлению! — выкрикивает Джексон.

Финник орет что-то сзади, жестами показывая в конец квартала, откуда мы пришли. Черный, маслянистый поток хлещет словно гейзер посреди улицы, вздымаясь между зданиями и создавая непреодолимую черную завесу. Это не похоже ни на жидкость, ни на газ — технический или природный. Но, разумеется, это смертельно. Мы не можем вернуться тем путем, которым пришли сюда.

Раздается оглушительный орудейный огонь, когда Гейл и Лиг 1 начинают прокладывать дорогу через камни к дальнему концу квартала. Я не понимаю, что они делают, пока не взрывается следующая бомба в десяти ярдах от нас, оставляя яму посреди улицы. Затем я понимаю, что это элементарная попытка разминировать улицу. Мы с Гомесом хватаем Боггса и тянем его за Гейлом. У него начинается агония, и он кричит от боли. Я хочу остановиться и найти иной путь, но темная завеса жуткой опухолью поднимается над зданиями и волной катится на нас.

Меня рывком отдергивает назад, я отпускаю Боггса и падаю на камни. Пит смотрит на меня сверху вниз, отсутствующим, безумным взглядом, вспоминая о своей задаче нападения, и его оружие поднимается надо мной с намерением разнести мне череп. Я перекатываюсь, услышав, как снаряд врезается в улицу, краем глаза замечая, как падают два тела — Митчелл хватается Пита и прижимает его к земле. Но Пит, который всегда был достаточно сильным, а теперь еще подпитанный отравляющим безумием, подсовывает ногу под живот Митчелла и отбрасывает его на землю подальше.

Механизм ловушки с грохотом захлопывается. Четыре кабеля, прикрепленные к колеям на зданиях, прорываются сквозь камни, таща за собой сеть, в которой оказывается Митчелл. Невозможно сразу понять, почему он в мгновение ока начинает истекать кровью, пока мы не замечаем зубцы на проволоке, которая окутывает его. Я тотчас же узнаю ее. Этой проволокой украшена верхушка забора в Двенадцатом. Я кричу ему, чтобы он не двигался, но начинаю давиться вкусом черноты, толстой и вязкой как смола. Волна накатила и начала опускаться.

Гейл и Лиг 1 стреляют в замок парадной двери углового здания, а затем по кабелям, удерживающим сеть, в которую попал Митчелл. Остальные пытаются усмирить Пита. Я бросаюсь обратно к Боггсу, мы с Гомесом затаскиваем его в квартиру, через чью-то гостиную из бело-розового бархата, по коридору, увешанному семейными фото, на мраморный пол кухни, где мы падаем. Кастор и Полидевк ведут между собой извивающегося и вырывающегося Пита. Каким-то образом Джексон надевает на него наручники, но это только бесит его еще сильнее, и они вынуждены запретить его в кладовке.

В гостиной хлопает входная дверь, кричат люди. Затем слышен топот шагов по коридору, в то время как черная волна накрывает здание. В кухне мы слышим, как с треском вылетают окна. Отвратительный запах смолы разносится в воздухе. Финник несет Мессаллу. За ними в комнату, кашляя, врываются Лиг 1 и Крессидида.

— Гейл! — ору я.

Он здесь, захлопывает дверь в кухню за собой, бросив только одно слово:

— Газы!

Кастор и Полидевк хватают полотенца и фартуки, чтобы заткнуть щели, пока Гейла рвет в ярко-желтую раковину.

— Митчелл? — спрашивает Гомес.

Лиг 1 лишь качает головой.

Боггс силой всовывает Голо в мою руку. Его губы двигаются, но я не могу понять, что он говорит. Я подношу свое ухо к его губам, чтобы уловить его хриплый шепот:

— Не доверяй им. Не отступай. Убей Пита. Делай то, за чем ты пришла.

Я отстраняюсь так, чтобы увидеть его лицо.

— Что? Боггс? Боггс?

Его глаза все еще открыты, но он уже мертв. В моей руке зажат, словно приклеенный его кровью, Голо.

Безумные удары, сотрясающие дверь кладовки, разом прекращают рваные вдохи только что заполняющие тишину. Пока мы вслушиваемся, мы замечаем, как силы покидают Пита. Стук превращается в нерегулярный барабанный бой. А затем ничего. Интересно, он еще жив...

— Он умер? — спрашивает Финник, опуская взгляд на Боггса.

Я киваю.

— Нам надо убираться отсюда. Сейчас же. Мы только что активировали целый переулок ловушек. Могу поспорить, что мы попали в поле зрения камер наблюдения.

— Даже не сомневайся, — произносит Кастор. — Все улицы буквально опутаны камерами наблюдения. Спорю, что они создали черную волну вручную, когда увидели, что мы записываем промо.

— И наши радиокommunikаторы тут же сдохли. Скорее всего, это был электромагнитный импульс. Но я отведу нас обратно в лагерь. Дай мне Голо, — Джексон тянется к прибору, но я прижимаю его к груди.

— Нет. Боггс отдал его мне, — говорю я.

— Не смей меня, — фыркает она. Конечно же, она думает, что это принадлежит ей. Она вторая по старшинству.

— Это правда, — говорит Гомес. — Перед смертью он передал полномочия главнокомандующего ей. Я видел.

— Почему он так поступил? — Требуется ответа Джексон.

И правда, почему? Моя голова кружится от всех этих жутких событий, которые произошли за последние пять минут — Боггс, искалеченный, умирающий, мертвый; Пит в смертоносном гневе; Митчелл, окровавленный, захваченный в сети и поглощенный той черной волной. Я поворачиваюсь к Боггсу — он мне до ужаса нужен живым. Внезапно я понимаю, что он, и возможно, только он, целиком и полностью на моей стороне. Я размышляю над его последним приказом.

«Не доверяй им. Не отступай. Убей Пита. Делай то, зачем ты пришла».

Что он имел в виду? Кому не доверять? Повстанцам? Койн? Людям, которые в эту самую минуту смотрят на меня? Я не вернусь назад, но он должен был знать, что я не смогу просто так взять и пустить пулю в лоб Пита. Смогу ли я? Должна ли я? Догадался ли Боггс, что истинная причина моего пребывания здесь — это выследить и убить Сноу собственноручно?

Я не могу раздумывать над всем этим прямо сейчас, поэтому решаю выполнить первые два приказа: никому не доверять и забраться поглубже в Капитолий. Но как мне обосновать это? Как убедить их в том, что я могу оставить себе Голо?

— Потому что я на спецзадании по указанию президента Койн. Думаю, что Боггс был единственным, кто об этом знал.

Но это ни коем образом не убеждает Джексон.

— И что ты должна сделать?

Почему бы не сказать им правду? Ничего более убедительного я не придумаю. Но это должно было быть вполне правдоподобной миссией, а не мстью.

— Убить президента Сноу до того, как человеческие потери в этой войне станут фатальными для нашего населения.

— Я тебе не верю, — заявляет Джексон. — Как твой действующий командир, я приказываю тебе передать мне допуск к секретной работе.

— Нет, — говорю я. — Это станет прямым нарушением приказа президента Койн.

Оружие на взводе. Половина отряда за Джексон, половина — за меня. Кто-то точно бы умер, если бы не заговорила Крессида:

— Это правда. Именно поэтому мы здесь. Плутарх хотел показать это по телевидению. Он думал, что если мы сможем продемонстрировать всем, как Сойка-пересмешница убивает Сноу, то война закончится.

Даже Джексон замолчала. А затем указала оружием на кладовку.

— А он зачем здесь?

Тут она меня поймала. Я не могу придумать разумной причины, по которой бы Койн отправила сюда буйного парня, запрограммированного на мое убийство при таком важном задании. Это действительно шло вразрез с моей историей. Крессида снова приходит мне на помощь.

— Потому что оба послеигровых интервью с Цезарем Фликерманом были проведены в личных апартаментах Сноу. Плутарх думает, что Пит может быть полезен в наших поисках их месторасположения.

Я хотела спросить у Крескиды, почему она лжет ради меня, почему борется за то, чтобы мы продолжали следовать моей самозваной миссии. Но сейчас не время.

— Нам нужно идти! — говорит Гейл. — Я иду за Китнисс. Если вы не хотите, то возвращайтесь обратно в лагерь. Но нельзя оставаться на месте!

Гомес открывает кладовку и взваливает бессознательного Пита себе на плечи.

— Готов.

— Боггс? — произносит Лиг 1.

— Мы не можем взять его с собой. Он бы понял, — говорит Финник. Он снимает оружие Боггса с его тела и перевешивает на собственные плечи. — Веди нас, Солдат Эвердин.

А я не знаю, куда вести. Я смотрю на Голо в поисках направления. Он все еще активирован, но с таким же успехом мог быть выключен. У меня нет времени, чтобы играть с кнопками, пытаюсь выяснить, как эта штука работает.

— Я не знаю, как этим пользоваться, — говорю я Джексон. — Боггс сказал мне, что я могу рассчитывать на вас.

Джексон хмурится, выхватывает у меня Голо и набирает команду. В воздухе зависает голографический перекресток.

— Если выйдем через кухонную дверь, попадем во внутренний двор, а затем выходим с обратной стороны квартирному блоку. Мы должны найти пересечение четырех улиц, как на экране.

Я пытаюсь понять наше месторасположение, вглядываясь в пересечения на карте, где в разных направлениях мигают точки-ловушки. К тому же там видно только те точки, о которых знает Плутарх. Голо не показал, что квартал, который мы только что покинули, был заминирован, не показал черный гейзер и что сеть была сделана из колючей проволоки. Кроме того, вполне возможно, что придется иметь дело с миротворцами, а они уж точно знают наше расположение. Я кусаю губу, чувствуя, как все взгляды обращаются на меня.

— Оденьте маски. Мы выходим той же дорогой, которой пришли.

Мгновенно посыпались возражения. Я постаралась перекричать их.

— Если волна была мощной, то она, возможно, запустила или поглотила остальные ловушки на нашем пути.

Все замолкают, размышляя над моими словами. Полидевк подает брату какие-то знаки.

— Возможно, это так же вывело из строя камеры, — перевел Кастор. — Закоптило оптику.

Гейл ставит свой ботинок на столешницу и изучает кляксу черной грязи на мыске. Соскребает ее кухонным ножом.

— Это не коррозионное. Думаю, это должно было либо придушить, либо отравить нас.

— Пожалуй, наилучшая перспектива, — говорит Лиг 1.

Маски надеты. Финник натягивает маску Пита на его безжизненное лицо. Крессида и Лиг 1 обе поддерживают ослабевшего Мессаллу.

Я жду, что кто-нибудь займет главную позицию, когда вспоминаю, что теперь это моя обязанность. Я толкаю кухонную дверь и не ощущаю никакого сопротивления. Полудюймовый слой чернильной слизи растекся из гостиной на три четвертых коридора. Осторожно коснувшись его краешком своего ботинка, я понимаю, что по своей консистенции это похоже на гель. Я поднимаю ногу, и слизь, слегка растянувшись, отлипает от ботинка и отпружинивает обратно. Я делаю три шага по этому гелю и оглядываюсь назад. Следов нет. Это первое хорошее событие за сегодня. Гель становится толще, когда я пересекаю гостиную. Я открываю входную дверь, ожидая, что сейчас на меня польются галлоны этой штуки, но оно держит форму.

Кажется, будто розовый и оранжевый блоки покрасили черной блестящей краской, которая будет держаться, пока не засохнет. Тротуары, здания, и даже крыши покрыты этим гелем. И что-то вроде огромной слезы висит над улицей. А на ней два выступа. Дуло ружья и человеческая рука. Митчелл. Я жду на обочине, не отводя от него взгляда, пока весь отряд не собирается рядом со мной.

— Если кто-то хочет вернуться по какой-либо причине, то сейчас самое время, — говорю я. — Не будет ни вопросов, ни обид.

Похоже, никто не собирается отступить. Так что я продолжаю двигаться к Капитолию, осознавая, что у нас мало времени. Здесь гель глубже, около шести дюймов, и каждый раз, когда поднимаешь ногу, он издает громкий чавкающий звук, но все еще скрывает наши следы.

Волна, должно быть, была огромной и невероятно мощной, так как поразила несколько кварталов перед нами. И, хотя я ступаю с чрезвычайной осторожностью, думаю, что мое предположение о том, что волна запустила и тем самым обезвредила все ловушки, оказалось верным. Один квартал усыпан золотистыми тельцами ос-убийц. Должно быть, они едва высвободились, как тут же погибли из-за ядовитых газов. Чуть поодаль рухнул целый квартирный дом и лежал насыпью под слоем геля. Я перебегаю через улицу, подняв руку, чтобы остальные подождали, пока я разведу обстановку, но, похоже, волна вывела из строя ловушки лучше, чем любой отряд повстанцев.

Могу сказать, что на пятом квартале мы достигли той точки, в которой волна начала иссякать. Слой геля здесь не больше дюйма, и я уже могу разглядеть маленькие голубые крыши на следующем перекрестке. Полуденный свет уже начал блекнуть, а нам позарез нужно найти укрытие и разработать план. Я выбираю квартиру в дальней части квартала. Гомес взламывает ломом замок, а я приказываю всем идти внутрь. На минуту я еще задерживаюсь на улице, наблюдая, как исчезают наши следы, а затем закрываю за собой дверь.

Фонари на нашем оружии освещают огромную гостиную с зеркальными стенами, отражающими каждый наш шаг. Гейл проверяет окна, которые совершенно не повреждены и снимает маску.

— Все в порядке. Запах чувствуется, но он не такой сильный.

Похоже, планировка в этой квартире такая же, как и в первом нашем убежище. Гель не пропускает естественный дневной свет сквозь окна на фасаде, но все же немного света пробивается через кухонные жалюзи. Из коридора есть выход в две спальни с ванными. Спиральная лестница из гостиной ведет в открытое пространство, которое является частью второго этажа. Наверху окон нет, но свет оставлен зажженным, вероятно, из-за спешной эвакуации. Одну стену занимает огромный телеэкран, пустой, но мягко мерцающий. Плюшевые кресла и диваны разбросаны по периметру гостиной. Именно здесь мы и собираемся, падая на обивку и пытаюсь отдышаться.

Джексон направляет свое оружие на Пита, хотя он все еще связан и без сознания, уложенный Гомесом поперек темно-синего дивана. Что я собираюсь с ним делать? А с командой? Да и, честно говоря, со всеми остальными, за исключением Гейла и Финника? Потому что я скорее бы выследила Сноу с этими двумя, чем без них. Но я не могу вести десять человек через весь Капитолий, выполняя вымышленную миссию, даже если я

научусь обращаться с Голо. Должна ли я, могла ли я отправить всех их назад, когда у меня была такая возможность? Или это было бы слишком опасно? И для них, и для моей миссии? Может быть, мне не следовало слушать Боггса, ведь он мог быть в предсмертном бреду. Может, мне стоило все объяснить, но тогда Джексон бы все свернула и мы бы вернулись в лагерь. Где мне пришлось бы отчитываться перед Койн.

Как только вся эта мешанина мыслей о том, куда мне тащить всех остальных полностью заняла мой мозг, комнату сотрясла серия отдаленных взрывов.

— Это далеко, — заверила нас Джексон. — За четыре или пять кварталов от нас.

— Там, где мы оставили Боггса, — говорит Лиг 1.

Хотя никто и не сделал ни одного движения по направлению к нему, телевизор ожил, подав высокий плачущий звук, заставив половину нашего отряда вскочить на ноги.

— Все в порядке! — выкрикивает Крессида. — Это лишь сигнал опасности. Каждый телевизор в Капитолии активируется для него автоматически.

На экране появляемся мы, как раз после того, как Боггс подорвался на mine. Голос за кадром рассказывает аудитории, что они показывают, как мы пытаемся перегруппироваться, открываем огонь по черному гелю посреди улицы, теряем контроль над ситуацией. Мы видим хаос, следовавший за тем, как волна накрывает камеры. Последнее, что мы видим — как Гейл в одиночку на улице пытается отстрелить кабели, связавшие Митчелла.

Репортер называет Гейла, Финника, Боггса, Пита, Крессида и меня по именам.

— Съёмки с воздуха не было. Должно быть, Боггс был прав насчет их оснащённости планолетами, — говорит Кастор.

Я этого не заметила, но думаю, такие нюансы видны лишь операторам.

Вещание продолжается со внутреннего двора здания, в котором мы укрывались. Миротворцы выстраиваются вдоль противоположной нашему бывшему убежищу крыши. Орудия выстреливают в ряд квартир, запуская серию взрывов, которые мы слышали, и здание разлетается на камни и пыль.

Теперь нам показывают прямой эфир. Репортер стоит на крыше рядом с миротворцами. Позади нее горят квартиры. Пожарники пытаются справиться с пламенем при помощи шлангов. Нас объявляют мертвыми.

— В конце концов, хоть в чем-то повезло, — произносит Гомес.

Думаю, он прав. Конечно, так лучше, чем если Капитолий будет нас преследовать. Но я представляю себе, каково это будет смотреть в Тринадцатом. Там, где моя мама, Прим, Хейзел и дети, Энни, Хеймитч и все остальные жители Тринадцатого будут думать, будто только что увидели нашу смерть.

— Мой отец. Он только потерял мою сестру и теперь... — произносит Лиг 1.

Мы смотрим, как они проигрывают этот фрагмент снова и снова. Упиваясь своей победой, в особенности надо мной. Вдруг он прерывается, чтобы показать кадры, как Сойка-пересмешница поднимает восстание — думаю, эта часть у них уже была заготовлена, так как все выглядит чересчур идеально — а затем снова включается прямой эфир, где парочка репортеров может обсудить заслуженный мной такой жестокий конец. Потом они обещают, что Сноу сделает официальное заявление. Экран снова гаснет.

Повстанцы не сделали ни одной попытки прервать передачу, что наводит на мысль — они поверили в это. Если это действительно так, то теперь мы действительно сами по себе.

— Итак, теперь, когда мы мертвы, каким будет наш следующий шаг? — спрашивает Гейл.

— Разве не ясно? — Никто не заметил, как Пит пришел в себя. Я не знаю, как долго он смотрел все это, но, судя по несчастному выражению его лица, он видел достаточно, чтобы понять, что произошло на улице. Как он обезумел и попытался снести мне голову, столкнув Митчелла в ловушку. Он сел болезненным рывком и обратился к Гейлу.

— Наш следующий шаг... убить меня.

Меньше чем за час, Пит уже второй раз просит нас о смерти.

— Не глупи, — говорит Джексон.

— Я только что убил члена нашей команды! — кричит Пит.

— Ты лишь оттолкнул его. Ты не мог знать, что он зацепит спусковой механизм именно в том месте, — пытается успокоить его Финник.

— Какая разница? Он мертв, не так ли? — по лицу Пита начинают струиться слезы. — Я не знал. Я никогда не видел себя таким. Китнисс права. Я чудовище. Переродок. Сноу превратил меня в оружие!

— В этом нет твоей вины, Пит, — говорит Финник.

— Вы не можете взять меня с собой. Вполне, вероятно, я убью кого-нибудь еще, это лишь вопрос времени. — Пит смотрит на наши сомневающиеся лица. — Может, вы думаете, что будет милосерднее просто бросить меня где-нибудь. Позволить мне рискнуть. Но это все равно, что передать меня в лапы Капитолию. Думаете, сделаете мне услугу, вернув к Сноу?

Пит. Снова в руках у Сноу. Подвергаемый пыткам и мучениям, пока в нем не останется ни капли его прежнего «я».

Почему-то в голове всплывает последняя строфа из «Виселицы». Та, где мужчина предпочел бы, чтобы его возлюбленная умерла, чем встретила со злом, которое ожидает ее в мире.

А ты придешь к тому дереву у реки,
Наденешь ожерелье из пеньки
Рядышком со мной?
Странные вещи случаются порой
И будет не так странно
Если в полночь у виселицы мы встретимся с тобой.

— Я убью тебя, прежде чем это случится, — говорит Гейл. — Обещаю.

Пит колеблется, будто обдумывая надежность этого предложения, а потом качает головой.

— Не пойдет. Что, если тебя не окажется рядом в нужный момент? Я хочу такую же ядовитую таблетку, как у вас.

Морник. Одна таблетка осталась в лагере, в специальной прорези на рукаве моего костюма Сойки-пересмешницы. Но есть еще одна в нагрудном кармане униформы. Интересно то, что они не дали такую же Питу. Может, Койн подумала, что он сможет принять ее до того, как у него появиться возможность убить меня. Непонятно, собирается ли Пит покончить с собой сейчас, чтобы избавить нас от необходимости убивать его, или только если Капитолий снова арестует его. В его состоянии, думаю, это случилось бы скорее раньше, чем позже. И, несомненно, упростило бы всё для остальных. Не нужно было бы стрелять в него. Решилась бы проблема с его одержимостью убийством.

Не знаю, может, все дело в ловушках или страхе или смерти Боггса, но я ощущаю себя на арене. Будто я никогда и не уходила оттуда. Снова я сражаюсь не только ради собственного выживания, но и ради Пита. Как бы ликовал, как бы наслаждался Сноу, если бы мне пришлось убить его! Если бы смерть Пита была на моей совести до конца моей жизни, сколько бы мне не оставалось.

— Дело не в тебе, — говорю я. — Мы на задании. И ты нужен для него. — Я смотрю на остальных в группе. — Как думаете, мы сможем найти здесь что-нибудь поесть?

Кроме аптечки и камер, у нас есть только униформа и оружие.

Половина из нас остается, чтобы охранять Пита и следить за трансляциями Сноу, пока другие ищут еду.

Мессалла оказывается самым полезным, так как он жил в точно таком же соседнем здании и знает, где люди стали бы прятать еду. Знает, что есть хранилище, скрытое за зеркальной панелью в спальне, и как легко снять вентиляционную решетку в коридоре. Так что, хоть буфет на кухне и пуст, мы находим тридцать банок консервов и несколько коробок печенья.

Запасы внушают отвращение солдатам, выросшим в 13.

— Разве это не незаконно? — спрашивает Лиг 1.

— Наоборот, в Капитолии вас бы посчитали глупцами, если бы вы не запасались, — говорит Мессалла. — Даже перед Двадцатипятилетием Подавления люди начинали запасать дефицитные продукты.

— Пока другие лишали себя их, — говорит Лиг 1.

— Верно, — говорит Мессалла. — Здесь по-другому нельзя.

— Оно и к счастью, иначе у нас не было бы ужина, — говорит Гейл. — Разбирайте консервы.

Кое-кто в нашей компании, кажется, делает это с неохотой, но этот метод так же хорош, как и остальные. Я правда не в настроении делить всё на одиннадцать равных частей, учитывая возраст, вес и физическую отдачу каждого. Роюсь в куче, собираясь взять какой-нибудь суп с треской, когда Пит протягивает мне банку.

— Вот.

Я беру ее, не зная, чего ожидать. На этикетке написано «Paгу из баранины».

Я сжимаю губы при воспоминании о дожде, просачивающемся сквозь камни, неумелых попытках флиртовать и аромате моего любимого в Капитолии блюда, заполнившем прохладный воздух. Значит, какая-то часть воспоминаний должна была остаться и в его голове. Какими счастливыми, какими голодными, какими близкими мы были, когда та корзинка для пикника прилетела к нашей пещере!

— Спасибо. — Я с шумом открываю крышку. — Здесь даже есть сушеные сливы. — Я отгибаю крышку и пользуюсь ей в качестве ложки, зачерпывая немного. Теперь это место даже по вкусу напоминает арену.

Мы передаем по кругу коробку печенья с кремом, когда снова раздается писк. На экране появляется знак Панема и остается там, пока играет гимн. А потом начинают показывать фотографии умерших, как это было с трибунами на арене. Они начинают с четырех лиц нашей телевизионной команды, за которыми следуют Боггс, Гейл, Финник, Пит и я. Не считая Боггса, их не заботят солдаты из 13, либо потому, что они понятия не имеют, кто они такие, либо потому что знают, они ничего не значат для публики. Потом появляется сам мужчина, сидящий за столом. За его спиной ниспадает флаг, на лацкане блестит свежая белая роза. Мне кажется, что над ним недавно хорошо потрудились — губы у него пухлее, чем обычно. А его подготовительной команде нужно использовать поменьше румян.

Сноу поздравляет миротворцев с мастерски исполненной работой, чтит их за избавление страны от угрозы под названием Сойка-пересмешница. С моей смертью он предвещает изменение в ходе войны, так как деморализованным мятежникам больше не за кем следовать. А кем, на самом деле, была я? Бедной, неуравновешенной девочкой с небольшим талантом к стрельбе из лука. Не великий мыслитель, не глава восстания; всего лишь лицо, выхваченное из толпы, потому что я обратила на себя внимание народа своим шутловством на Играх. Но необходимая, очень необходимая, потому что среди мятежников не было настоящего лидера.

Где-то в Дистрикте-13 Бити нажимает на переключатель, потому что сейчас не президент Сноу, а президент Койн смотрит на нас. Она представляет себя Панему как главу восстания, а затем говорит обо мне. Восхваляет девочку, выжившую в Шлаке и на Голодных Играх, а после превратившую страну рабов в армию борцов за свободу.

— Живая или мертвая, Китнисс Эвердин останется лицом восстания. Если когда-либо вы засомневаетесь в своем решении, подумайте о Сойке-пересмешнице, и во имя нее вы найдете силы, чтобы избавить Панем от его угнетателей.

— Я и не представляла, как много значила для нее, — говорю я, заставив Гейла рассмеяться, а остальных вопрошающе посмотреть на меня.

Появляется мое мастерски подкорректированное фото, на котором я выгляжу одновременно красиво и яростно с мерцающими позади меня пучками пламени. Никаких слов. Никакого лозунга. Сейчас им нужно только мое лицо.

Бити снова возвращает поводья Сноу. Мне кажется, президент думал, будто аварийный канал непроницаем, и что сегодня вечером кто-то поплатится своей жизнью за так не вовремя обнаруженную в нем брешь.

— Завтра утром, когда мы достанем из пепла тело Китнисс Эвердин, мы увидим, кем в действительности является Сойка-пересмешница. Мертвой девчонкой, которая не могла спасти никого, даже себя.

Эмблема, гимн и конец.

— Разве что вы не найдете ее, — говорит Финник в темный экран, озвучивая то, что мы все, наверное, думаем. Передышка будет недолгой. Как только они доберутся до тех останков и выйдут без одиннадцати тел, они поймут, что мы сбежали.

— Мы хотя бы будем впереди их на шаг, — говорю я. Внезапно на меня наваливается огромная усталость. Всё, чего я хочу — это лечь на стоящий неподалеку роскошный зеленый диван и уснуть. Закутаться в одеяло из заячьего меха и гусяного пуха. Но вместо этого я вынимаю Голо и настаиваю, чтобы Джексон объяснила мне самые основные команды — вроде ввода координат ближайшего пересечения сетки карт — чтобы я хотя бы начала сама работать с ним. Когда Голо проектирует окрестности, я чувствую, как сердце сжимается еще сильнее. Мы, должно быть, приблизились к ключевой цели, потому что количество ловушек значительно возросло. Как нам двигаться вперед к этому букету мигающих огоньков, не обнаруживая себя? Никак. А если мы не можем, значит, мы в ловушке, как птички в клетках. Я решаю, что лучше не лезть на рожон, пока я рядом с этими людьми. Особенно когда мой взгляд постоянно возвращается к тому зеленому дивану. Поэтому я спрашиваю:

— Есть идеи?

— Почему бы нам не начать с исключения вариантов? — говорит Финник. — Улица — не вариант.

— Крыши домов так же хороши, как и улица, — говорит Лиг 1.

— У нас, возможно, все еще есть шанс уйти, вернуться туда, откуда пришли, — говорит Гомес. — Но это означало бы, что мы провалили свою миссию.

Угрызения совести мучают меня с тех пор, как я придумала вышеупомянутое задание.

— Эта миссия никогда не предназначалась для всех из нас. Вам просто не повезло оказаться рядом со мной.

— Ну, это спорный вопрос. Мы ведь сейчас с тобой, — говорит Джексон. — Итак, мы не можем оставаться на месте. Не можем двигаться вверх. Не можем идти в сторону. Я думаю, это означает только один выход.

— Подземелье, — говорит Гейл.

Подземелье. Которое я ненавижу. Как мины, туннели и Тринадцатый. Подземелье, где я боюсь смерти, что глупо, ведь даже если я умру на поверхности земли, меня все равно похоронят под землей.

Голо может показывать подземные ловушки так же хорошо, как и наземные. Когда мы перемещаемся в метро, я вижу, что чистые, надежные линии уличного плана переплетаются с кривыми беспорядочными туннелями. Но ловушки становятся не такими многочисленными.

Двумя квартирами дальше вертикальная труба соединяет наш дом с туннелями. Чтобы добраться до квартиры с трубой, мы должны будем протиснуться в ремонтную шахту, проходящую через все здание. Мы можем войти в шахту через заднюю стенку гардеробной на верхнем этаже.

— Ладно. Давайте постараемся, чтобы все выглядело так, будто нас здесь никогда не было, — говорю я. Мы

стираем все следы своего пребывания. Выбрасываем пустые банки в мусоропровод, рассыпая по карманам полные, взбиваем диванные подушки, испачканные кровью, вытираем следы геля с плитки. На входной двери замок неисправен, но мы задвигаем засов, что хотя бы не даст двери легко открыться.

Наконец, осталось только уговорить Пита. Он садится на голубой диван, отказываясь сдвинуться с места.
— Я не иду. Я либо раскрою ваше местоположение, либо причину кому-то вред.

— Люди Сноу найдут тебя, — говорит Финик.

— Тогда оставьте мне таблетку, и я приму ее, если понадобится, — говорит Пит.

— Это не выход. Идем с нами, — говорит Джексон.

— Или что? Застрелите меня? — спрашивает Пит.

— Мы вырубим тебя и потащим, — говорит Гомес. — Что замедлит нас и подвергнет опасности.

— Перестаньте быть благородными! Мне плевать, если я умру! — он поворачивается ко мне, умоляя. — Китнисс, пожалуйста. Неужели ты не видишь, я хочу покончить с этим?

Проблема в том, что я вижу. Почему я не могу просто отпустить его? Подсунуть ему таблетку, нажать спусковой крючок? Потому, что я слишком беспокоюсь о Пите или потому, что не могу дать выиграть Сноу? Я превратила его в частичку своих собственных Игр? Это низко, но я не уверена, что это ниже моего достоинства. Если все это правда, то было бы гуманнее убить Пита прямо здесь и сейчас. Но, к счастью, или к сожалению, мной руководит не гуманизм.

— Мы тратим время. Пойдешь по своей воле или нам отключить тебя?

Пит закрывает лицо руками на несколько минут, а потом поднимается, чтобы присоединиться к нам.

— Освободим ему руки? — спрашивает Лиг 1.

— Нет! — Пит рычит на нее, подтягивая наручники ближе к телу.

— Нет, — вторю я. — Но я хочу ключ. — Джексон без слов передает его. Я кладу его в карман своих штанов, где он ударяется о жемчужину.

Когда Гомес взламывает маленькую металлическую дверь, ведущую в ремонтную шахту, мы сталкиваемся с другой проблемой. В панцире по такому узкому коридору не пройти никак. Кастор и Полидевк снимают свое обмундирование и отсоединяют аварийные запасные камеры. Каждая величиной с обувную коробку и, вероятно, работает так же хорошо. Мессалла не придумывает ничего лучше, чем спрятать громоздкие панцири в гардеробной. Такой заметный след расстраивает меня, но что нам еще остается?

Даже при том, что мы идем друг за другом, держа рюкзаки и принадлежности при себе, в проходе тесно. Мы отклоняемся от нашего пути после первой квартиры и врываемся во вторую. В этой квартире в одной из спален вместо ванной есть дверь, обозначенная как «Коммунальные услуги». За ней находится комната с выходом к трубе.

Мессалла хмурится при виде большой круглой крышки, на мгновение возвращаясь в собственный вычурный мир.

— Вот почему никто не хочет жить в центральном отсеке. Рабочие приходят и уходят, когда им заблагорассудится, и нет второй ванны. Но арендная плата значительно ниже. — Затем он замечает озадаченное выражение лица Финика и добавляет: — Не обращайтесь внимания.

Открыть крышку на трубе просто. Широкая лестница с резиновым ободом на ступеньках помогает спускаться в недра города быстро и легко. Мы собираемся у подножья лестницы в ожидании, пока наши глаза привыкнут к тусклым полоскам света, вдыхая смесь химикатов, плесени и канализации.

Бледный и вспотевший Полидевк вытягивается и опирается на руку Кастора, будто он может споткнуться, если не будет за кого-нибудь держаться.

— Мой брат работал здесь после того, как стал Безгласым, — говорит Кастор. Конечно. Кого еще они заставили бы ремонтировать эти сырые зловонные коридоры, полные ловушек?

— Прошло пять лет, прежде чем мы смогли оплатить его перевод на наземный уровень. За это время он ни разу не видел солнца.

При лучших условиях, подвергнувшись меньшим страхам и лучше отдохнув, кто-то обязательно нашел бы, что сказать. Но вместо этого мы все долгое время стоим там, пытаюсь сформулировать ответ.

Наконец, Пит поворачивается к Полидевку.

— Ну, тогда ты только что стал самым ценным членом команды. — Кастор смеется, и даже у Полидевка выходит улыбка.

Мы уже прошли половину первого туннеля, когда я понимаю, что такого выдающегося было в этом коротком разговоре. Пит говорил, как прежде, как тот, кто всегда мог подобрать правильные слова, когда никто другой не мог. Что-то ироничное, подбадривающее, немного смешное, но никого не высмеивающее. Я оглядываюсь на него, устало идущего со своими конвоирами, Гейлом и Джексон, смотрящего в землю и ссутулившегося. Такого удрученного. Но на мгновение он действительно был здесь.

Пит был прав. Полидевк теперь оказывается ценнее десяти Голо. Простая схема широких туннелей, непосредственно соответствующая основному плану улиц наверху, располагается под главными авеню и поперечными улицами. Называется Транзит, поскольку небольшие грузовики используют ее, чтобы доставлять товары по всему городу. Днем многие ловушки деактивированы, но ночью — это минное поле. В любом случае, сотни дополнительных коридоров, обслуживающих шахт, железнодорожных путей и канализационных труб создают многоуровневый лабиринт. Полидевк знает такие детали, которые могут привести новичка к катастрофе, вроде ответвлений, где может понадобиться противогаз или где могут быть оголенные провода или крысы размером с бобров. Он предупреждает нас о потоках воды, периодически проносящихся по канализационным трубам, предугадывает время, когда Безгласые будут заступать на смену, ведет нас к малоизвестным сырым трубопроводам, чтобы избежать практически бесшумных переездов грузовых поездов. Самое главное — он знает о камерах. Их не так много в этом темном, туманном месте, кроме тех, что в Транзите. Но мы держимся подальше от них.

Под руководством Полидевка мы проходим значительное расстояние за весьма короткое время — поразительное расстояние, по сравнению с нашим наземным путешествием. По истечению примерно шести часов усталость берет свое. Сейчас три утра и по моим подсчетам, у нас есть еще пара часов до того, как обнаружат пропажу наших тел и начнут обыскивать каждый закоулок всего квартирного дома на случай, если мы попытались убежать через шахты, и начнется охота.

Когда я предлагаю отдохнуть, никто не возражает. Полидевк находит маленькую теплую комнатку с гудящими машинами, рычагами и циферблатами. Он поднимает пальцы, показывая, что мы должны будем уйти через четыре часа. Джексон разрабатывает распорядок караулов, и, поскольку я не в первой смене, я вклиниваюсь между Гейлом и Лиг 1 и тут же засыпаю.

Кажется, что всего через несколько минут Джексон будит меня и говорит, что мне надо заступать в караул. Шесть часов; через час мы должны будем идти. Джексон говорит, чтобы я съела банку консервов и следила за Полидевком, который настоял на том, чтобы провести всю ночь в карауле.

— Он не может здесь спать.

Я заставляю себя стать относительно бдительной, съедаю банку картошки и вареной фасоли и сажусь лицом к двери. Полидевк кажется абсолютно бодрым. Он, вероятно, всю ночь переживает те пять лет заключения. Я достаю Голо, ввожу координаты и просматриваю туннели. Как и ожидалось, чем ближе мы становимся к Капитолию, тем больше появляется ловушек. Довольно долго мы с Полидевком кликаем на разные места на Голо, узнавая, где какие ловушки. Когда моя голова начинает кружиться, я передаю Голо ему и опираюсь на стену. Смотрю вниз на спящих солдат, съемочную команду и друзей, и мне становится интересно, скольким из

нас вновь удастся увидеть солнце.

Когда мой взгляд падает на Пита, чья голова лежит возле моих ног, я вижу, что он не спит. Хотела бы я понять, что происходит у него в голове, чтобы я могла войти и распутать лабиринты лжи. Но я довольствуюсь тем, что понимаю лучше всего.

— Ты ел? — спрашиваю я. Легкое покачивание его головы означает «нет». Я открываю банку рисового супа с курицей и передаю ее ему, оставляя у себя крышку на случай, если он попытается вскрыть ею вены. Он садится и наклоняет банку, вливая в себя суп, особо не стараясь пережевывать. Дно банки отражает свет, исходящий от машин, и я вспоминаю кое-что, что крутилось у меня на задворках сознания со вчерашнего дня.

— Пит, когда ты спросил, что случилось с Дарием и Лавинией, и Боггс ответил, что это правда было, ты сказал, что так и думал. Потому что это не было сияющим. Что ты имел в виду?

— Хм. Я не знаю, как лучше это объяснить, — говорит он мне. — Сначала все было абсолютно беспорядочно. Теперь я могу разобраться с определенными моментами. Я думаю, здесь вырисовывается некая система. В воспоминаниях, которые они изменили с помощью яда ос-убийц, есть это качество. Вроде они слишком интенсивные или картинки нестабильные. Помнишь, как это было, когда нас ужалили?

— Деревья разбивались. Летали огромные цветные бабочки. Я упала в яму, полную оранжевых пузырьков. — Я вспоминаю свои ощущения. — Светящихся оранжевых пузырьков.

— Верно. Но в Дарии или Лавинии не было ничего подобного. Не думаю, что они давали мне яд до этого, — говорит он.

— Ну, это же хорошо, не так ли? — спрашиваю я. — Если ты можешь разграничить воспоминания, то сможешь понять, что является правдой.

— Да. А если бы я мог вырастить крылья, то смог бы летать. Но вот только у людей не растут крылья, — говорит он. — Правда или ложь?

— Правда, — говорю я. — Но людям не нужны крылья, чтобы выжить.

— А сойкам-пересмешницам нужны. — Он доедает суп и возвращает мне банку.

В флуоресцентном свете круги у него под глазами выглядят как синяки.

— Еще есть время. Тебе нужно поспать.

Он ложится, не сопротивляясь, но только пристально наблюдает за подергиванием стрелки одного из циферблатов. Медленно, как к раненому животному, я протягиваю руку и убираю прядь волос с его лба. Он покрывается мурашками от моего прикосновения, но не отодвигается. Я продолжаю нежно приглаживать его волосы. Впервые я добровольно прикоснулась к нему после арены.

— Ты все еще пытаешься защитить меня. Правда или ложь? — шепчет он.

— Правда, — отвечаю я. Мне кажется, что стоит объясниться. — Потому что это то, что мы с тобой делаем. Защищаем друг друга.

Где-то через минуту он засыпает.

Незадолго до семи Полидевк и я обходим всех и будим. Слышатся привычные зевки и вздохи, сопутствующие пробуждению. Но мои уши улавливают что-то еще. Похожее на шипение. Может, это всего лишь пар из трубы или далекий свист одного из поездов...

Я прошу группу замолчать, чтобы прислушаться. Да, это шипение, но не один монотонный звук. Больше похоже на множество выдохов, формирующих слова. Одно единственное слово, отдающееся эхом в туннелях. Одно слово. Одно имя. Повторяющееся снова и снова.

«Китнисс».

Глава двадцать вторая

Период затишья закончился. Должно быть, Сноу заставил их копать всю ночь. Ну или как только стих огонь. Они нашли останки Боггса, ненадолго воодушевились, а затем, после того как за несколько часов других трофеев на нашлось, начали кое-что подозревать. В какой-то момент они поняли, что их провели. А президент Сноу терпеть не может, когда его выставляют дураком. И теперь не имеет значения, выследили ли они нас до той второй квартиры или решили, что мы сразу ушли под землю. Они знают, что сейчас мы здесь, и выпустили что-то, возможно, свору переродков, чтобы поймать меня.

— Китнисс.

Я чуть не подпрыгнула, услышав этот звук совсем близко. В отчаянных поисках его источника и цели на поражение, я хватаю лук.

— Китнисс.

Губы Пита еле движутся, но, вне всякого сомнения, это он произносит мое имя. Именно тогда, когда я уже подумала, что ему лучше и что он потихоньку возвращается ко мне, стало ясно, насколько глубоко проник яд Сноу.

— Китнисс.

Пита запрограммировали ответить на этот шипящий хор и присоединиться к охоте. Он начинает шевелиться. Выбора нет. Я направляю стрелу так, чтобы попасть ему в мозг. Он почти ничего не почувствует. Внезапно он встает, широко распахнув глаза и тревожно дыша.

— Китнисс!

Он поворачивает голову ко мне, но, похоже, не замечает ни моего лука, ни нацеленной стрелы.

— Китнисс! Беги отсюда!

Я колеблюсь. Его голос встревожен, но вполне нормален.

— Почему? Что издает этот звук?

— Я не знаю. Знаю только, что он должен убить тебя, — говорит Пит. — Уходи! Убирайся отсюда! Беги!

После минутного замешательства, я делаю вывод, что мне не нужно убивать его. Я ослабляю тетиву. И замечаю встревоженные лица вокруг.

— Что бы это ни было, оно пришло за мной. Сейчас самый подходящий момент, чтобы разделиться.

— Но мы твоя охрана, — говорит Джексон.

— И твоя съемочная группа, — добавляет Крессида.

— Я тебя не оставлю, — произносит Гейл.

Я оглядываю свою группу, вооруженную лишь камерами и клипбордами. А у Финника два автомата и трезубец. Я предлагаю, чтобы он отдал один из своих автоматов Кастору, вытащил холостые патроны из обоймы Пита, зарядил ее боевыми и вооружил Полидевка. Так как у нас с Гейлом есть луки, мы передаем свои автоматы Мессалле и Крессиде. У нас нет времени, чтобы показывать им что-то кроме того, как целиться и спускать курок, но в непосредственной близости с врагом этого должно быть достаточно. Это лучше, чем быть беззащитными. Теперь единственным безоружным остается Пит, но тот, кто шепчет мое имя вместе с кучкой переродков, в этом не нуждается.

Мы уходим, не оставив в комнате ничего, кроме нашего запаха. В данный момент у нас нет возможности избавиться от него. Мне кажется, именно таким способом эти шипящие твари находят нас, потому что мы не оставляем никаких физических следов. Обоняние у мутантов чрезвычайно острое, но, возможно то, что мы достаточно долго шли по воде в водосточных трубах, поможет сбить их со следа.

Вне комнаты шипение становится более различимым. Но благодаря ему легче строить предположения о местонахождении переродков. Они позади нас, все еще достаточно далеко. Сноу, наверное, выпустил их под землю в том месте, где нашли тело Боггса. Теоретически, мы хорошо оторвались от них, хотя они, очевидно, гораздо быстрее нас. Мой разум воскрешает волкоподобных созданий на первой арене и обезьян на Двдцатипятилетия Подавления, и тех чудовищ, которых я видела по телевизору много лет. И хотела бы я знать, какую форму примут переродки на этот раз. Такую, которая, по мнению Сноу, напугает меня больше всего.

Мы с Полидевком разработали план следующего этапа нашего путешествия, и, поскольку он уводит подальше от шипения, я не вижу причин изменять его. Если мы будем двигаться достаточно быстро, то, может быть, мы сможем добраться до особняка Сноу до того, как мутанты доберутся до нас. Но вместе со скоростью появляется и неряшливость: небрежно сделанный шаг, приводящий к всплеску воды, случайный лязг автомата по металлической трубе, даже мои собственные приказы, произнесенные слишком громко — все может выдать наше местоположение.

Мы прошли уже три квартала по трубам водослива и вышли на заброшенную железную дорогу, когда начинаются крики. Низкие, гортанные, отражающиеся от стен туннеля.

— Безгласые, — тут же говорит Пит. — Именно так кричал Дарий, когда они пытали его.

— Должно быть, переродки их нашли, — говорит Крессида.

— Значит, они не запрограммированы только на Китнисс, — произносит Лиг 1.

— Наверное, они убьют любого. И не остановятся, пока не получат ее, — говорит Гейл. После того, как он столько часов учился с Бити, он, скорее всего, прав.

И снова я. И люди умирают из-за меня. Друзья, союзники и совершенно незнакомые люди расстаются с жизнью ради Сойки-пересмешницы.

— Оставьте меня одну. Уведите их. Я передам Голоу Джексон. Все остальные смогут завершить миссию.

— Никто на это не согласится! — раздраженно заявляет Джексон.

— Мы теряем время! — говорит Финник.

— Слушайте, — шепчет Пит.

Крики прекратились, и вместо них прозвучало мое имя в удивительной близости от нас. И теперь не только сзади, но и под нами.

— Китнисс...

Я толкаю Полидевку в плечо, и мы начинаем бежать. Проблема в том, что мы планировали опуститься на уровень ниже, но теперь это невозможно. Когда мы с Полидевком видим ведущую вниз лестницу и сканируем возможные пути на Голоу, меня начинает рвать.

— Надеть маски! — командует Джексон.

В масках нет никакой необходимости. Мы все дышим одним и тем же воздухом. Я — единственная, у кого выворачивает желудок, потому что только у меня такая реакция на этот запах. Он исходит из канализации. Розы. Меня начинает трясти.

Я пытаюсь убраться подальше от этого запаха и выхожу как раз на Транзит. Гладкие, в пастельных тонах, покрытые плиткой улицы, такие же, как на поверхности, но окаймленные белыми кирпичными стенами вместо домов. Широкое шоссе, где с легкостью могут проехать транспортные средства доставки, не создавая заторов на улицах Капитолия. Здесь никого нет кроме нас. Я направляю лук и взрываю первую ловушку взрывчатой стрелой, которая убивает все гнездо плотоядных крыс внутри. Затем я бегу до следующего перекрестка, где, насколько я знаю, один неловкий шаг приведет к расщеплению земли у нас под ногами, скармливая нас в пасть так называемой Мясорубки. Я кричу другим, предупреждая их, чтобы они оставались рядом со мной. Я хочу, чтобы мы осторожно прошли вдоль стены за угол, а затем запустили Мясорубку, но нас подстерегает неучтенная ловушка.

Это происходит бесшумно. Я бы вовсе не заметила этого, если бы Финник не остановил меня.

— Китнисс!

Я резко оборачиваюсь вокруг своей оси, натягивая стрелу, но что я могу сделать? Две стрелы Гейла уже лежат абсолютно бесполезные рядом с широким столбом золотистого света, который тянется от потолка до пола. В плену луча, словно статуя, стоит Мессалла, балансируя на одной ноге, с откинутой назад головой. Я не могу сказать, кричит ли он, но его рот широко открыт. Мы совершенно беспомощно наблюдаем, как плоть стекает с его тела, словно воск со свечи.

— Мы не можем ему помочь! — Пит начинает подталкивать людей вперед. — Не можем!

Удивительно то, что он единственный, кто в состоянии заставить нас двигаться. Я не знаю, почему он все еще контролирует себя, вместо того, чтобы соскочить с катушек и разнести мне мозги, что может случиться в любую секунду. Под давлением его руки на мое плечо я отворачиваюсь от той жуткой массы, которая осталась от Мессаллы, и заставляю себя двигаться вперед, быстро, так быстро, что едва успеваю затормозить перед следующим перекрестком.

Оружейный залп осыпает на нас целый дождь штукатурки. Я верчу головой из стороны в сторону в поисках ловушки, затем поворачиваюсь и вижу отряд Миротворцев, бегущих по Транзиту в нашем направлении. Так как Мясорубка блокирует наш путь к отступлению, нам ничего не остается, кроме как открыть ответный огонь. Они превосходят нас по численности вдвое, но у нас шестеро действующих членов Звездного Отряда, которые не пытаются одновременно бежать и отстреливаться.

Не бей лежачего — вспоминается мне, когда их белые униформы окрашиваются в красный цвет. Три четверти их отряда мертвы, когда появляется подкрепление со стороны туннеля, через который промчалась я, пытаюсь убежать от запаха, от... Но это не миротворцы. Они белые, с четырьмя конечностями и ростом со взрослого человека, но на этом их схожесть с людьми заканчивается. Голые, с длинными хвостами как у рептилий, выгнутыми спинами и выпуклыми лбами. Они кидаются на миротворцев, живых и мертвых, вгрызаясь зубами в их шеи и срывая головы в шлемах. Должно быть, принадлежность к Капитолию здесь так же бесполезна, как и в Тринадцатом. Кажется, что обезглавливание миротворцев занимает не более секунды. Переродки припадают на животы и ползут к нам на четвереньках.

— Сюда! — кричу я, придерживаясь за стену и делая резкий поворот направо, чтобы избежать ловушки. Как только остальные присоединяются ко мне, я стреляю в центр перекрестка, и Мясорубка приходит в действие. Огромный механизм железными зубьями проходится по улице и пережевывая плитку в пыль. Это должно помешать переродкам преследовать нас, но я не знаю наверняка. Мутанты волков и обезьян, с которыми я сталкивалась, могли прыгать невероятно далеко.

Шипение режет мне слух, а запах роз заставляет стены кружиться. Я хватаю Полидевка за руку.
— Забудь о миссии. Какой самый быстрый путь вверх?
Нет времени сверяться с Голо. Мы следуем за Полидевком по Транзиту около десяти ярдов и проходим в дверной проем. Я понимаю, что здесь плитка меняется на бетон и что нам придется проползти через узкую, зловонную трубу на карниз в фут шириной. Мы находимся в главном коллекторе. Ярдом ниже ядовитое варево из человеческих испражнений, мусора и стоков химических отходов. Поверхность отходов частично в огне, а частично испускает зловещие клубы пара. Лишь один взгляд дает нам возможность убедиться в том, что если упадешь туда, то больше никогда не встанешь. Двигаясь так быстро, насколько это вообще возможно на скользком выступе, мы прокладываем свой путь к узкому мостику и пересекаем его. В нише в дальнем конце стены Полидевк хлопает по лестнице и указывает вверх. Вот он. Наш выход.

Беглый взгляд на нашу группу подсказывает, что что-то не так.
— Стойте! Где Джексон и Лиг 1?
— Они остались у Мясорубки, чтобы сдерживать мутантов, — говорит Гомес.
— Что? — я бросаюсь обратно к мосту, не желая бросать кого-либо один на один с этими монстрами, когда он одергивает меня назад.
— Китнисс, не дай их жизням пропасть зря. Для них все уже кончено. Смотри! — Гомес кивком показывает на трубу, из которой переродки выползают на выступ.
— В сторону! — кричит Гейл.

Его стрелы с взрывчатыми наконечниками взрывают дальний конец моста у его основания. Остальная часть тонет в зловонном вареве, как только мутанты добираются до него.

Впервые я могу рассмотреть их получше. Странные гибриды человека, ящера и кто знает, кого еще. Белая, плотная кожа рептилий измазана запекшейся кровью, руки и ноги украшены острыми когтями, а лица представляют собой мешанину несовместимых черт. Теперь они шипят и выкрикивают мое имя, а их тела извиваются от ярости. Лягаясь хвостами, царапаясь когтями, они выдирают огромные куски плоти друг у друга

и из собственных тел своими громадными, брызжущими пеной, пастями, обезумев от жажды моей смерти. Мой запах, должно быть, настолько же провоцирующий для них, как и их для меня. Более того, несмотря на токсичность, мутанты начинают прыгать в зловонный коллектор.

Мы открываем огонь со своего берега. Я, не глядя, вытаскиваю свои стрелы, посылая наконечники огненные, взрывчатые, обычные, в тела переродков. Они умирают, но не сразу. Ни одно естественное создание не сможет продолжать двигаться с двумя дюжинами пуль в своем теле. Да, мы в конечном счете можем убить их, но их так много, и они бесконечным потоком текут из трубы, без колебаний бросаясь в отходы. Но не их количество заставляет мои руки трястись.

Переродки не могут быть хорошими. Они все хотят уничтожить тебя. Одни забирают твою жизнь, как обезьяны. Другие — твой разум, как осы-убийцы. Однако истинным кошмаром, наиболее страшным, является применение извращенных психологических приемов, чтобы запугать жертву. Вид волков-мутантов с глазами погибших трибутов. Голоса соек-говорунов, имитирующих крики замученной Прим. Запах роз Сноу, смешанный с запахом крови его жертв. Который пробивается даже через эту вонь. Заставляя мое сердце мчаться в бешеном ритме, покрывая мою кожу холодным потом, лишая мои легкие способности принимать воздух. Кажется, будто Сноу дышит мне прямо в лицо, говорит, что мне пора умирать.

Остальные что-то кричат мне, но я не могу ответить. Сильные руки поднимают меня, как только я сношу голову мутанта, который задевает когтями мою лодыжку. Меня припечатывают к лестнице. Кладут руки на перекладины. Приказывают подниматься. Мои одеревеневшие, как у марионетки, конечности повинуются. Движение быстро приводит меня в чувство. Я обнаруживаю одного человека над собой — Полидевк. Пит и Крессида ниже. Мы добираемся до платформы. Переходим ко второй лестнице. Перекладины скользкие от пота и плесени. На следующей платформе моя голова уже прояснилась и понимание того, что произошло, наваливается на меня с новой силой. Я начинаю отчаянно затаскивать людей на платформу. Пит. Крессида. Всё.

Что я наделала? Чему я подвергла оставшихся? Я карабкаюсь обратно вниз по лестнице, пока один из моих ботинок не задевает что-то.

— Наверх! — рывкает на меня Гейл.

Я снова наверху, затаскиваю его и вглядываюсь во мрак за остальными.

— Нет, — Гейл поворачивает мое лицо к себе и качает головой. Его экипировка разорвана в клочья. Сбоку на шее зияющая рана. Снизу раздаётся человеческий крик.

— Кто-то еще жив, — умоляю я.

— Нет, Китнисс. Их уже не вернуть, — говорит Гейл. — Там остались только переродки.

Не желая мириться с этим, я направляю луч света от оружия Крессиды вниз шахты. Далеко внизу я могу различить лишь Финника, продолжающего с упорством отбиваться, в то время как три переродка вгрызаются в него. Когда один из них запрокидывает его голову, чтобы нанести смертельный укус, случается что-то невероятное.словно я становлюсь Финником, и передо мной проносятся кадры из его жизни. Мачта лодки, серебряный парашют, смех Мэг, розовое небо, трезубец Бити, Энни в свадебном платье, волны, разбивающиеся о скалы... А затем все заканчивается.

Я отстегиваю Голо от ремня и выдавливаю «Морник, морник, морник». Выпускаю его из руки. Съезживаюсь у стены вместе с остальными, когда взрыв сотрясает платформу и куски человеческой и мутировавшей плоти выстреливают из трубы и падают на нас.

Слышится лязг, когда Полидевк захлопывает крышку люка и запирает ее. Полидевк, Гейл, Крессида, Пит и я. Это все, кто остался. Человеческие чувства придут позже. Сейчас мною владеет лишь животный инстинкт во что бы то ни стало сохранить оставшихся в живых.

— Мы не можем здесь оставаться.

Кто-то достает бинты. Мы перевязываем шею Гейла. Ставим его на ноги. Только одна фигура продолжает жаться у стены.

— Пит, — зову я.

Ответа нет. Он без сознания? Я опускаюсь на корточки перед ним, убирая его сцепленные наручниками руки от лица.

— Пит? — Его глаза похожи на черные шары, зрачки настолько расширены, что голубая радужка глаз практически исчезла. Мускулы на его запястьях твердые, как металл.

— Оставь меня, — шепчет он. — Я больше не могу.

— Нет, ты можешь! — говорю ему я.

Пит качает головой.

— Я еле держусь. Я сойду с ума. Как и они.

Как переродки. Как бешеное животное, желающее лишь вцепиться в мое горло. И, наконец, здесь, в этом месте, при сложившихся обстоятельствах, я действительно должна буду его убить. И Сноу выигрывает. Поток горькой жгучей ненависти пронзает меня. Сноу и так слишком много выиграл сегодня.

Это рискованный шаг, вероятно, это самоубийство, но я делаю единственное, что приходит мне в голову. Я наклоняюсь и жадно целую Пита. Все его тело начинает колотить дрожью, но я прижимаюсь своими губами к его до тех пор, пока больше уже не могу не дышать. Мои руки двигаются к его запястьям и сжимают их.

— Не позволяй ему забрать тебя у меня.

Пит тяжело дышит, продолжая бороться с кошмарами, бушующими в его голове.

— Нет, я не хочу....

Я до боли сжимаю его руки.

— Останься со мной.

Его зрачки сужаются до размеров точки, а потом снова быстро расширяются и возвращаются к тому состоянию, которое больше напоминает нормальное.

— Всегда, — шепчет он.

Я помогаю Питу встать и обращаюсь к Полидевку.

— Как далеко до улицы?

Он показывает, что она прямо над нами. Я поднимаюсь по последней лестнице, отодвигаю крышку и оказываюсь в чьей-то кладовке. Я встаю на ноги, когда женщина открывает дверь. На ней ярко-бирюзовый шелковый халат, вышитый экзотическими птицами. Ее волосы цвета фуксии взбиты, как облако, и украшены золотыми бабочками. Жир от полусъеденной колбасы, которую она держит в правой руке, смазывает ее помаду. Выражение ее лица говорит мне, что она узнала меня. Она открывает рот, чтобы позвать на помощь.

Не колеблясь ни секунды я стреляю ей в сердце.

Глава двадцать третья

Кого собиралась позвать женщина, так и останется загадкой, потому что, обыскав квартиру, мы обнаруживаем, что она была одна. Возможно, её крик предназначался для ближайших соседей или был простым выражением страха. В любом случае, её бы никто не услышал.

Эта квартира — просто отличное место, чтобы отсидеться здесь какое-то время, но мы не можем позволить себе такой роскоши.

— Как думаешь, сколько у нас времени, прежде чем они поймут, что кое-кому из нас удалось выжить? — спрашиваю я.

— Думаю, они могут быть здесь в любое время, — отвечает Гейл. — Они знали, что мы пытались выбраться на улицу. Вероятно, взрыв задержит их на пару минут, но затем они начнут искать место, где мы вышли на поверхность.

Я направляюсь к окну, которое выходит на улицу, и, выглянув сквозь жалюзи, вижу не Миротворцев, а разрозненную толпу, спешащую по своим делам. За время нашего подземного путешествия, мы оставили эвакуированные зоны далеко позади и вышли в оживленной части Капитолия. Эта толпа — наш единственный шанс на спасение. У меня нет Голо, но зато есть Крессида. Она подходит к окну рядом со мной, заявляет, что знает, где мы находимся, и сообщает мне замечательную новость — мы в нескольких кварталах от резиденции президента.

Один только взгляд на моих товарищей говорит мне, что сейчас не время для молниеносной атаки на Сноу.

Рана на шее Гейла, которую мы даже не обработали, продолжает кровоточить. Пит сидит на бархатном диване, вцепившись зубами в подушку, либо борясь с очередным приступом безумия, либо сдерживая крик. Полидевк бесшумно рыдает, облокотившись на полку витиеватого камина. Крессида непреклонно стоит рядом со мной, но она такая бледная, губы совсем обескровленные. Я держусь только за счет ненависти. Когда эта энергия ослабнет, я стану бесполезной.

— Давайте обобщем ее шкафы, — предлагаю я.

В одной спальне мы находим сотни женских нарядов, пальто, бесчисленные пары обуви, парики всех цветов радуги и достаточно косметики, чтобы выкрасить весь дом. В спальне напротив — аналогичный подбор, но только для мужчины. Возможно, это принадлежит её мужу. Возможно, любовнику, которому этим утром посчастливилось оказаться в другом месте.

Я зову других переодеться. При виде кровавых запястий Пита, я начинаю рыться в кармане в поисках ключа от наручников, но он отскакивает от меня.

— Нет, — возражает он. — Не надо. Они помогают мне держать себя в руках.

— Тебе могут потребоваться руки, — говорит Гейл.

— Когда я чувствую, что теряю контроль, я натягиваю наручники, они впиваются мне в кожу и боль помогает мне сосредоточиться на реальности, — говорит Пит. Я позволяю ему оставить их.

К счастью, на улице холодно, поэтому мы можем скрыть большую часть униформы и оружия под свободной верхней одеждой. Мы прячем ботинки, вешая их за шнурки на шею, и напяливаем на ноги дурацкие туфли. Настоящей проблемой, конечно же, являются наши лица. Есть риск, что Крессида и Полидевк могут узнать знакомые, Гейл стал легко узнаваем благодаря промо и новостям, а Пит и я, должно быть, известны каждому гражданину Панема. Мы поспешно помогаем друг другу наложить толстые слои грима, надеваем парики и солнцезащитные очки. Крессида обматывает шарфом меня и Пита, скрывая под тканью наши рты и носы.

Я чувствую, что время поджимает, но все же задерживаюсь на несколько минут, чтобы набить карманы едой и предметами первой медицинской помощи.

— Держимся вместе, — говорю я у двери.

И мы выходим на улицу. В воздухе летают снежинки. Взмолнованные люди кружат вокруг нас, твердя о повстанцах, голоде и обо мне своим вычурным капитолийским акцентом. Мы пересекаем улицу, минуя еще несколько домов. Как только мы заворачиваем за угол, то натываемся на дюжины три Миротворцев. Мы тут же убираемся с их дороги, как, впрочем, делают и настоящие жители, ждем, пока толпа вернется в свое нормальное течение, и двигаемся дальше.

— Крессида, — шепчу я. — Есть на примете какое-нибудь укрытие?

— Как раз думаю над этим, — говорит она.

Мы проходим еще один квартал, когда раздается вой сирен. Через окно дома я вижу экстренное сообщение и мелькающие на экране наши лица. Они еще не установили личности погибших, так как я вижу Кастора и Финника среди фотографий. Вскоре каждый прохожий будет не менее опасен, чем Миротворец.

— Крессида?

— Есть тут одно местечко. Неидеальное. Но попробовать можно, — говорит она. Мы следуем за ней еще несколько кварталов и, повернув, упираемся прямо в ворота, за которыми располагается нечто, похожее на частный дом. Хотя, оказывается, что мы всего-навсего срезаем путь, потому что, пройдя через ухоженный сад, мы выходим из других ворот и попадаем на небольшой закоулок, соединяющий два главных проспекта. Там раскинулись несколько убогих магазинчиков — один скупает вещи, бывшие в употреблении, другой продает поддельные драгоценности. Поблизости бродит всего пара людей и они не обращают на нас ни малейшего внимания. Крессида визгливым голосом заводит разговор о меховом белье, о том, как оно необходимо в холодное время года.

— Подождите, пока увидите, какие здесь цены! Поверьте, вдвое дешевле, чем на проспектах!

Мы останавливаемся у грязной витрины, наполненной манекенами в меховом белье. Это место выглядит нерабочим, но Крессида толкает входную дверь, вызывая режущий слух перезвон колокольчиков. Внутри тусклое, узкое помещение заставлено стеллажами с товарами. В нос ударяет запах залежавшегося меха. Дела, должно быть, идут не очень хорошо, так как мы единственные покупатели. Крессида направляется к сгорбленной фигуре, сидящей в задней части магазина. Я иду следом, пробегая пальцами по мягкому белью по

мере продвижения.

За кассой сидит самый странный человек, которого я когда-либо видела. Она — исключительный образец того, что может сделать неправильное хирургическое вмешательство, потому что, я уверена, даже в Капитолии, это лицо не признают привлекательным. Туго натянутая кожа и татуировки в виде черных и золотых полосок. Нос приплюснут почти до полного исчезновения. Я и раньше видела кошачьи усы у людей из Капитолия, но не такие же длинные. Результатом является абсурдная полукошачья маска, которая прямо сейчас недоверчиво косится на нас. Крессида снимает парик, обнажая свои кудряшки.

— Тигрис, — произносит она. — Нам нужна помощь.

Тигрис. В мозгу у меня словно прозвенел колокольчик. Она была завсегдатаем — более молодой и менее беспокойной версией себя нынешней — на самых ранних Голодных Играх, которые я могу вспомнить. Думаю, стилистом. Не помню, какого Дистрикта. Точно не Двенадцатого. Должно быть, потом сделала ту самую лишнюю операцию и перешла грань между красотой и уродством.

вот куда попадают стилисты, отслужившие свой срок. В скучные специализированные магазины белья, где дожидаются своей смерти. Вдали от публики.

Я вглядываюсь в ее лицо, гадая, на самом ли деле родители назвали ее Тигрис, вдохновляя на эти увечья, или же она выбрала стиль и сменила имя, чтобы соответствовать своим полоскам?

— Плутарх говорил, что вам можно доверять, — добавляет Крессида.

Чудесно, она одна из людей Плутарха. Так что, если она первым делом не сдаст нас Капитолию, то уведомит Плутарха и, соответственно, Койн, о нашем местоположении. Нет, магазин Тигрис — не идеал, но это все, что у нас есть на данный момент. Если, конечно, она согласится нам помочь. Она вглядывается то в старенький телевизор на стойке, то в наши лица, будто пытаюсь сопоставить нас. Чтобы облегчить ей задачу, я стягиваю шарф, снимаю парик и подхожу ближе, так, что свет от экрана падает на мое лицо.

Тигрис издает низкий рычащий звук, но не такой, каким меня обычно встречает Лютик. Она сползает со стула и исчезает за полкой с меховыми леггинсами. Раздается звук скольжения, а затем появляется ее рука и манит нас за собой. Крессида смотрит на меня, будто спрашивая: «Уверена?» Но разве у нас есть выбор? Возвращение на улицы при данных обстоятельствах гарантирует нам плен или смерть. Я раздвигаю меха и вижу, что Тигрис сдвинула панель у основания стены. И там, кажется, крутая каменная лестница. Она жестом приглашает меня войти.

Вся эта ситуация так и кричит: ловушка! На мгновение я впадаю в панику и поворачиваюсь к Тигрис, вглядываясь в эти желтые глаза. Почему она это делает? Она не Цинна, готовый пожертвовать собой ради других. Эта женщина — олицетворение всей пустоты Капитолия. Она была одной из звезд Голодных Игр до тех пор, пока... Пока перестала ею быть. Тогда что же это? Обида? Ненависть? Мечь? На самом деле, эта мысль меня утешает. Жажда мести пылает долго и обжигающе. Особенно, если каждый взгляд в зеркало укрепляет ее.

— Сноу отстранил тебя от Игр? — спрашиваю я. В ответ она просто смотрит на меня. И недовольно дергает своим тигриным хвостом. — Знаешь, я ведь собираюсь его убить.

Ее рот расплывается в том, что можно принять за улыбку. Успокаивая себя тем, что это не полное безумие, я проползаю в отверстие.

Пройдя по ступеням примерно полпути, я упираюсь лицом в висящую цепочку и тяну за нее, освещая укрытие мигающей люминесцентной лампой. Это небольшой подвал без окон и дверей. Невысокий, но широкий. Вероятно, промежуток между двумя настоящими подвалами. Место, существование которого может остаться незамеченным, если вы не очень придирчивы к мелочам. Тут холодно и сыро, и лежат горы шкур, которые, я полагаю, не видели дневного света годами. Если только Тигрис не сдаст нас, я уверена, здесь нас никто не отыщет. К тому времени, как я ступаю на бетонный пол, мои спутники уже на ступенях. Панель возвращается на привычное место. Я слышу, что стойки с бельем на скрипучих колесах отъезжают обратно. Тигрис бредет к своему стулу. Её магазин поглотил нас.

Как раз вовремя, потому что Гейл на грани потери сознания. Мы сооружаем постель из шкур, снимаем с него слои обмундирования и помогаем ему улечься на спину. В конце подвала есть кран, на высоте фута над землей, и сток под ним. Я открываю его, и после долгого шипения и нескольких литров ржавчины, вытекает чистая вода. Мы промываем рану на шее Гейла, и я осознаю, перевязки недостаточно. Нужно накладывать швы. В

аптечке есть игла и стерильная нить, но нам не хватает доктора. Мне приходит мысль привлечь сюда Тигрис. Она стилист, она обязана знать, как орудовать иглой. Но это оставит магазин без присмотра, к тому же, она уже сделала предостаточно. Приходится признать, что я, возможно, больше всех гожусь для этой работы, поэтому, стиснув зубы, начинаю накладывать ряд неровных стежков. Не красиво, зато практично. Я обрабатываю их мазью и перебинтовываю.

Даю ему немного болеутоляющего.

— Теперь ты можешь отдохнуть. Здесь безопасно, — говорю я ему. Он мгновенно засыпает.

В то время как Крессида и Полидевк сооружают для нас меховые гнезда, я занимаюсь запястьями Пита. Аккуратно промываю их от крови, наношу антисептики и перевязываю под наручниками.

— Ты должен держать их в чистоте, в противном случае инфекция может распространиться и...

— Я знаю, что такое заражение крови, Китнисс, — говорит Пит. — Даже если моя мать не лекарь.

Я мысленно возвращаюсь в прошлое, к другой ране, к другим бинтам.

— Ты сказал мне то же самое на первых Голодных Играх. Правда или ложь?

— Правда, — говорит он. — А ты рисковала своей жизнью, чтобы получить лекарство, которое спасло меня?

— Правда, — я пожимаю плечами. — Только благодаря тебе я все еще была жива и могла сделать это.

— Мне? — мои слова приводят его в замешательство. Должно быть, он во власти каких-то сияющих воспоминаний, потому что его тело напрягается и, в недавно перевязанные запястья впиваются металлические браслеты. И вся энергия вытекает из его тела. — Я так устал, Китнисс.

— Ложись спать, — говорю я. Он не засыпает, пока я не приковываю его наручниками к перилам лестницы. Наверное, это жутко неудобно — лежать с руками над головой. Но через несколько минут он тоже засыпает.

Крессида и Полидевк соорудили для нас кровати, аккуратно сложили еду и лекарства, и теперь спрашивают, как я собираюсь назначать дежурства. Я смотрю на бледного Гейла, на прикованного Пита. Полидевк не спал несколько дней, а мы с Крессидой дремали всего пару часов. Если отряд Миротворцев войдет в эту дверь, мы будем в ловушке, словно крысы. Мы целиком и полностью отданы на милость дряхлой женщине-кошке, в которой, я очень надеюсь, кипит всепоглощающая страсть к смерти Сноу.

— Честно говоря, я не думаю, что нам нужны дежурства. Давайте просто попытаемся выспаться, — отвечаю я. Они вяло кивают и мы зарываемся в шкуры. Огонь внутри меня погас, а вместе с ним и моя выдержка. Я отдаюсь во власть мягкого, затхлого меха и забвения.

Я могу вспомнить только один сон. Длинный и выматывающий, в котором я пытаюсь попасть назад в Двенадцатый. Дом, по которому я так скучаю, не тронут, люди живы. Эффи Бряк, бросающаяся в глаза своим розовым париком и сшитым на заказ нарядом, путешествует вместе со мной. Я постоянно пытаюсь избавиться от нее, но она самым необъяснимым образом вновь и вновь оказывается рядом со мной, настаивая, что, будучи главой моего эскорта, ответственна за мой график. Только график постоянно меняется: то срывается из-за недостатка печатей от официальных представителей, то откладывается, когда Эффи ломает свой каблук. Мы целыми днями просиживаем на мрачном вокзале в Дистрикте-7, ожидая поезда, который никогда не приходит. Когда я просыпаюсь, я чувствую себя даже более уставшей, чем после моих обычных ночных вторжений на территорию крови и ужаса.

Крессида, единственная, кто не спит, говорит мне, что сейчас далеко за полдень. Я съедаю банку тушеной говядины и промываю ее большим количеством воды. Затем, облокотившись на стену подвала, прокручиваю в голове события прошедшего дня. Смерть за смертью. Загибаю пальцы. Один, два — Митчелл и Боггс, потерянные еще в квартале. Три — Мессалла, расплавленный ловушкой. Четыре, пять — Лиг 1 и Джексон, пожертвовавшие собой у Мясорубки. Шесть, семь, восемь — Кастор, Гомес и Финник, обезглавленные ящерами-переродками. Восемь трупов за двадцать четыре часа. Я знаю, что это правда произошло, но все равно кажется лишь ночным кошмаром. Будто Кастор спит под этой грудой шкур, Финник через минуту спустится вприпрыжку по этим ступеням, Боггс поделится со мной планом нашего побега.

Поверить, что они действительно мертвы, значит признать, что это я убила их. Ну, может, за исключением Митчелла и Боггса — они погибли при исполнении задания. Но остальные расстались со своими жизнями, защищая меня, выполняя мною же сфабрикованную миссию. Моя затея с убийством Сноу кажется теперь такой

глупой. Невероятно глупой в то время, как я сижу, дрожа каждой клеточкой тела, в этом промозглом подвале, подсчитывая наши потери, пальцами играя с кисточками на серебристых сапогах, которые я украла из дома той женщины. Ах, да — я совсем забыла о ней. Ее я тоже убила. Теперь я уничтожаю даже небооруженных граждан. Думаю, пора сдаваться.

Когда все, наконец, просыпаются, я во всем сознаюсь. Как солгала о задании, как подвергла всех опасности в погоне за возмездием. После того, как я заканчиваю, воцаряется, кажется, бесконечная тишина. Затем Гейл говорит:

— Китнисс, мы все знали, что ты соврала насчет Койн, что она не посылала тебя, убить Сноу.

— Может, ты и знал. Но солдаты из Тринадцатого — нет, — отвечаю я.

— Ты серьезно думаешь, что Джексон поверила, будто ты получаешь приказы от Койн? — спрашивает Крессида. — Конечно, нет. Но она доверяла Боггсу, а он дал ясно понять, что хочет, чтобы ты продолжила путь.

— Я никогда даже не говорила Боггсу о своих планах, — продолжаю я.

— Ты рассказала о них всем в Штабе! — заявляет Гейл. — Это было одним из твоих условий принятия роли Сойки-пересмешницы — Я убью Сноу!

Теперь одно никак не вяжется с другим. Переговоры с Койн о привилегии убить Сноу после войны и этот несанкционированный бросок через Капитолий.

— Но не так, — произношу я. — Это полный провал.

— Думаю, это можно считать весьма успешной миссией, — заявляет Гейл. — Мы проникли в лагерь врага, доказывая, что в защите Капитолия можно пробить брешь. Мы умудрились стать главной новостью Капитолия. Мы повергли целый город в хаос в тщетных попытках найти нас.

— Поверь мне, Плутарха разрывает от радости, — добавляет Крессида.

— Потому что Плутарха не волнует, кто погибнет, — говорю я. — До тех пор пока удаются его Игры.

Крессида и Гейл ходят туда-сюда, пытаюсь убедить меня. Полидевк кивает в поддержку их слов. Только Пит молчит.

— А что ты думаешь, Пит? — наконец, спрашиваю я его.

— Я думаю... ты до сих пор не имеешь ни малейшего понятия. О том эффекте, который производишь на людей. — Он передвигает наручники вверх по перилам и занимает сидячее положение. — Никто из тех, кого мы потеряли, не был идиотом. Они знали, что делали. Они последовали за тобой, потому что верили, что ты действительно можешь убить Сноу.

Я не знаю, почему его голос смог достучаться до меня, когда другие не смогли. Но если он прав, а я думаю, он прав, то у меня перед погибшими долг, который я могу отплатить только одним способом. Я достаю из кармана бумажную карту и с новой решимостью раскладываю ее на полу.

— Крессида, где мы находимся?

Магазин Тигрис расположен приблизительно в пяти кварталах от Городского Центра и поместья Сноу. Мы легко можем преодолеть это расстояние пешком, к тому же, ради безопасности населения, ловушки здесь деактивированы. У нас есть маскировка, которая, возможно с некоторыми дополнениями из меховых запасов Тигрис, поможет нам добраться туда в целостности и сохранности. Но что дальше? Поместье, несомненно, под надежной охраной, под круглосуточным наблюдением видеокамер и напичкано ловушками, которые активируются простым нажатием кнопки.

— Все, что нам нужно, это выманить его на открытое пространство, — говорит Гейл. — Тогда один из нас сможет подстрелить его.

— Разве он еще появляется на публике? — спрашивает Пит.

— Не думаю, — отвечает Крессида. — По крайней мере, во всех своих последних выступлениях он был в поместье. Даже до того, как повстанцы вторглись сюда. Полагаю, он стал более бдительным после того, как Финник раскрыл его преступления в прямом эфире.

Верно. Теперь не только все Тигрисы Капитолия ненавидят Сноу, но и целая паутинка людей, которые знают, что он сделал с их друзьями и родственниками. Теперь нам понадобится что-нибудь граничащее со сверхъестественным, чтобы выманить его. Что-нибудь вроде...

— Готова поспорить, он выйдет за мной, — произношу я. — Если бы меня поймали. Он бы захотел придать этому как можно больше огласки. Он бы захотел казнить меня на парадной лестнице своего дома. — Я жду, пока до остальных дойдет смысл сказанного. — И тогда Гейл сможет пристрелить его из толпы.

— Нет, — Пит качает головой. — У этого плана слишком много альтернативных концовок. Сноу может решить оставить тебя и выпытывать из тебя информацию. Или казнить публично, сам при этом не присутствуя. Или убьет внутри поместья и выставит на всеобщее обозрение твой труп.

— Гейл? — обращаюсь я.

— Оставим это на крайний случай, — говорит он. — Если ничто не другое не поможет. Продолжаем думать.

В последовавшей тишине мы слышим тихие шаги Тигрис над головой. Должно быть, время закрытия. Она запирает дверь, возможно, закрывает ставни. Несколько минут спустя панель на верху лестницы отодвигается в сторону.

— Поднимайтесь, — зовет скрипучий голос. — У меня для вас есть еда.

Впервые с нашего прибытия она заговорила с нами. Не знаю, то ли это все естественно, то ли годы тренировок, но что-то в ее манере говорить напоминает кошачье мурлыканье.

Поднимаясь по ступенькам, Крессида спрашивает:

— Тигрис, ты связалась с Плутархом?

— Не было возможности, — она пожимает плечами. — Не волнуйтесь. Он поймет, что вы в укромном месте.

Волноваться? Да я испытываю невообразимое облегчение от новости, что мне не будут раздавать — а следовательно, мне не придется нарушать — прямые указания из Тринадцатого. Или выстраивать жизнеспособную защиту в оправдание тех решений, которые я приняла за последние пару дней.

В магазине на прилавке лежат несколько зачерствелых ломтей хлеба, кусок заплесневелого сыра и полбутылки горчицы. Это напоминает мне о том, что в эти дни не все в Капитолии могут набивать животы. Я чувствую себя обязанной рассказать Тигрис о наших съестных припасах, но она лишь отмахивается.

— Я почти ничего не ем, — говорит она. — Только сырое мясо.

По-моему, она слишком вошла в роль, но я не задаю лишних вопросов. Я лишь соскребаю плесень с сыра и делю между нами еду.

Во время еды мы смотрим последний выпуск новостей Капитолия. Правительство сузило круг выживших повстанцев до нас пятерых. Предлагаются внушительные награды за информацию о нашем местонахождении. Они особо подчеркивают то, как мы опасны. Показывают нашу перестрелку с Миротворцами, вырезав кадры, на которых переродки отрывают их головы. Отдают дань женщине, лежащей там, где мы ее оставили с моей стрелой в ее сердце.

Кто-то, однако, подправил ей макияж для камер.

Повстанцы позволяют трансляции Капитолия идти непрерывно.

— Было ли сегодня какое-нибудь заявление от повстанцев? — спрашиваю я Тигрис. Она качает головой. — Сомневаюсь, что Койн знает, что делать со мной теперь, когда я, оказывается, жива.

У Тигрис вырывается хриплый смешок.

— Никто не знает, что делать с тобой, девочка.

Затем она заставляет меня взять пару меховых леггинсов, несмотря на то, что я не могу заплатить за них. Это такой подарок, от которого нельзя отказаться. И, вообще-то, в подвале жутко холодно.

После ужина, внизу, мы продолжаем мозговой штурм. В голову не приходит ничего хорошего, мы сходимся в одном, что не можем и дальше идти группой из пяти человек, и что мы должны проникнуть в поместье президента до того, как я превращу себя в наживку. Чтобы избежать дальнейших споров, я соглашаюсь с последним пунктом. Если я решу сдать, мне не потребуется чьего-либо разрешения или участия.

Мы меняем повязки, пристегиваем Пита к его перилам и укладываемся спать. Спустя несколько часов, я просыпаюсь и становлюсь невольным свидетелем тихой беседы. Пита и Гейла. Я не могу не подслушать.

— Спасибо за воду, — произносит Пит.

— Не за что, — отвечает Гейл. — Я и так просыпаюсь каждые десять минут.

— Чтобы убедиться, что Китнисс все еще здесь? — спрашивает Пит.

— Что-то в этом роде, — признается Гейл.

После долгой паузы Пит снова заговаривает.

— Забавно то, что сказала Тигрис. О том, что никто не знает, что делать с ней.

— Ну, мы никогда не знали, — произносит Гейл.

Они оба смеются. Так странно слышать подобную беседу между ними. Будто они друзья. Коими не являются. И никогда не были. Хотя они и не враги.

— Знаешь, она ведь любит тебя, — говорит Пит. — Она сама сказала мне об этом после того, как тебя высекли.

— Не верь этому, — отзывается Гейл. — То, как она целовала тебя на Двдцатилетии Подавления... В общем, меня она так никогда не целовала.

— Это было лишь частью шоу, — говорит ему Пит, хотя в его голосе слышатся нотки сомнения.

— Нет, ты завоевал ее. Ради нее отказался от всего. Возможно, это единственный способ убедить ее в своей любви. — Следует долгая пауза. — Я должен был вызваться добровольцем вместо тебя на первых Играх. Тогда бы я защищал ее.

— Ты не мог, — возражает Пит. — Она бы никогда не простила тебя. Ты должен был заботиться о ее семье. Они значат для нее гораздо больше, чем ее собственная жизнь.

— Ну, это недолго будет предметом споров. Думаю, вряд ли все трое из нас доживут до конца войны. А если доживем, полагаю, эта проблема ляжет на плечи Китнисс. Кого из нас выбрать. — Гейл зевает. — Нам надо поспать.

— Да. — Я слышу, как наручники Пита скользят по перилам, пока он укладывается. — Интересно, от чего будет зависеть ее решение.

— О, это я знаю наверняка. — Я едва улавливаю последние слова Гейла сквозь слои шкур. — Китнисс выберет того, без кого, как она думает, она не сможет выжить.

Глава двадцать четвертая

Меня пронзает неприятный холодок. Неужели я и в самом деле настолько бесчувственная и расчетливая? Гейл ведь не сказал: «Китнисс выберет того, кем не сможет пожертвовать» или же «того, без кого не сможет жить». Эти слова говорили бы, что я руководствуюсь чем-то вроде любви. Но мой лучший друг предсказал, что я выберу человека, без которого «не смогу выжить».

Это значит, что мной не будут управлять любовь или желание или даже совместимость. В выборе потенциального партнера я буду руководствоваться лишь бесчувственной оценкой того, что они смогут мне предложить. Как будто, в конце концов, будет решаться вопрос: кто из них — пекарь или охотник, обеспечит мне более долгую жизнь. Со стороны Гейла ужасно говорить такое, а со стороны Пита — не опровергать его слов.

Особенно учитывая то, что каждое мое чувство нещадно исследуется и используется Капитолием или же повстанцами. В эту самую секунду мой выбор был бы предельно простым. Я прекрасно проживу без них обоих.

Утром у меня нет ни времени, ни сил, носиться со своими ранеными чувствами. Во время предрассветного завтрака, состоящего из ливерного паштета и печенья с инжиром, мы собирается у телевизора Тигрис, чтобы посмотреть одно из включений Бити. Война принимает новый оборот.

Очевидно, воодушевившись черной волной, одному предприимчивому командиру повстанцев пришла в голову мысль конфисковать брошенные людьми автомобили и пустить их пустыми через улицы.

Машины не могут активировать каждую ловушку, но большинство из них все же обезврежено. Около четырех утра повстанцы начали прокладывать три разных дороги — обозначенных просто как фронты А, В и С — в сердце Капитолия. В результате они захватывали улицу за улицей, обходясь очень малыми жертвами.

— Это не может продолжаться, — говорит Гейл. — Вернее, я даже удивлен, как им удастся так долго прорываться. Капитолий может приспособиться к этому, намеренно деактивировав специальные ловушки, а потом, когда их цели подберутся поближе, вручную привести их в действие.

Спустя несколько минут после его предсказания, мы видим подтверждение его слов на экране. Команда

запускает машину вниз по улице и та выводит из строя четыре ловушки.

Кажется, все идет по плану. Три разведчика идут следом и благополучно добираются до конца улицы. Но когда группа из двадцати повстанцев отправляется вслед за ними, их на кусочки разрывает ряд горшков с кустовыми розами перед цветочным магазином.

— Спорю, Плутарх бесится оттого, что в этот раз не он руководит процессом, — произносит Пит.

Бити возвращает трансляцию телеканалу Капитолия, и мы видим, как репортер с задумчивым лицом анонсирует репортаж об эвакуации жителей. Между этой новостью и обзором предыдущих, я держу наготове карандаш, чтобы отметить на своей карте, где находятся ближайшие расположения противоборствующих войск.

Я слышу звуки потасовки с улицы, придвигаюсь к окну и выглядываю в щель в ставнях. В бледном утреннем свете я наблюдаю причудливую картину. Беженцы с захваченных улиц сплошным потоком идут к центру Капитолия. Самые растерянные одеты лишь в ночные сорочки и тапочки, тогда как более собранные надели на себя несколько слоев одежды.

На себе они тащат все: от декоративных собачек и шкатулок с драгоценностями до горшков с цветами. Какой-то мужчина в пушистом одеянии держит лишь очищенный банан. Испуганные, сонные дети плетутся за своими родителями, большинство из них или слишком потрясены, или же слишком сбиты с толку, чтобы плакать. Перед моим взором мелькают отдельные части их тел.

Большие карие глаза. Рука, сжимающая любимую куклу. Голые ноги, посиневшие от холода, шаркающие по неровной, мощеной камнями, улице. Их вид напоминает мне о детях Двенадцатого, которые умерли, спасаясь от зажигательных бомб. Я отхожу от окна.

Тигрис вызывается быть сегодня нашим шпионом, поскольку она единственная из нас, за чью голову не назначена награда. Спрятав нас внизу, она отправляется в Капитолий, чтобы узнать любую полезную информацию.

Внизу, в подвале, я безостановочно расхаживаю взад и вперед, сводя остальных с ума. Что-то подсказывает мне, что не использовать в своих интересах бредущий по улице поток беженцев, является ошибкой. Разве у нас могло бы быть лучшее прикрытие? С другой стороны, каждый беженец, бредущий по улицам, означает еще одну пару глаз, выискивающих пятерых мятежников, разгуливающих на свободе.

Хотя, с другой стороны — что мы приобретаем, сидя здесь? Мы лишь подьедаем скромные запасы консервов и ждем... чего? Что повстанцы захватят Капитолий? Могут пройти недели, прежде чем это произойдет, и я не знаю, что буду делать потом.

Бежать и поздравлять их? Койн отправит меня в Тринадцатый, прежде, чем я успею произнести «морник, морник, морник». Я прошла весь этот путь и потеряла столько людей не для того, чтобы сдать на милость этой женщине. Я убью Сноу. Кроме того, есть еще много разных вещей, произошедших за последние несколько дней, которые мне было бы не так легко объяснить. Некоторые из которых, если про них узнают, скорей всего, сведут на нет мою сделку о предоставлении иммунитета победителям.

И, если говорить не только обо мне, у меня предчувствие, что кое-кому из нас он сильно понадобится. Например, Питу. Которого, неважно, под каким углом рассматривать, — можно увидеть на записи, где он толкает Митчелла в ловушку. Представляю, во что военный трибунал под командованием Койн, превратит это.

После того, как миновал полдень, нас начинает беспокоить долгое отсутствие Тигрис. Разговоры сводятся к обсуждению возможностей, что, ее могли заподозрить и арестовать, или она сдала нас добровольно, или же ее просто затоптала толпа беженцев. Но около шести часов мы слышим, что она вернулась. Наверху раздается звук шагов и затем она открывает панель. В воздухе ощущается восхитительный аромат жареного мяса. Тигрис приготовила нам рагу из рубленой ветчины и картофеля. Впервые за несколько дней у нас горячая еда и, дожидаясь, пока она наполнит мою тарелку, я всерьез опасаюсь того, что начну пускать слюни.

Я жую и пытаюсь слушать Тигрис, которая рассказывает нам о том, как ей удалось раздобыть еду, но думаю о том, что меховое белье в настоящее время является одним из самых ходовых товаров. Особенно для людей,

которым пришлось покинуть свои дома полураздетыми. Многие из них все еще на улице, пытаются найти пристанище на ночь.

Жители элитных апартаментов в центре города не распахнули двери в свои жилища перед беженцами. Более того, большинство из них еще крепче закрыли замки и ставни, словно никого нет дома. Теперь центр города полон беженцев, а миротворцы ходят от двери к двери, взламывая их, если приходится, чтобы подселить к жителям постояльцев.

По телевизору мы видим Главу Миротворцев, зачитывающего специальные указания относительно того, сколько людей на квадратный фут должен принять каждый житель. Он напоминает гражданам Капитолия, что сегодня ночью ожидается сильное похолодание, вплоть до заморозков, и предупреждает их: в это трудное время президент ждет от них, что они проявят по отношению к гостям не просто благосклонность, но и горячий прием.

Затем они показывают несколько явно постановочных эпизодов о том, как сознательные граждане добровольно впускают благодарных беженцев в свои дома. Глава Миротворцев говорит, что президент лично приказал отдать часть своей резиденции, чтобы беженцы могли разместиться там с завтрашнего дня. Он добавляет, что владельцам магазинов нужно быть готовыми к тому, чтобы предоставить свои торговые площади, если понадобится.

— Тигрис, это может быть и твой магазин, — говорит Пит. Я понимаю, что он прав. Что даже это узенькое подобие магазина может быть одобрено для жилья, когда поток беженцев увеличится. Тогда точно мы окажемся в этом подвале, как в ловушке, под постоянной угрозой разоблачения. Сколько у нас осталось времени? День? Может, два?

На экран возвращается Глава Миротворцев с дополнительными инструкциями для населения. Кажется, сегодня вечером произошел печальный инцидент — толпа до смерти забила молодого парня, который был похож на Пита. Впредь, рекомендуется обо всех мятежниках сообщать непосредственно властям, которые установят личность и арестуют подозреваемых. Они показывают фотографию жертвы. За исключением нарочно осветленных прядей, он похож на Пита не больше моего.

— Люди сходят с ума, — бормочет Крессида.

Мы смотрим короткую сводку последних новостей от повстанцев, из которой узнаем, что сегодня было захвачено еще несколько кварталов. Я отмечаю перекрестки на своей карте и внимательно изучаю их.

— Фронт С всего в четырех кварталах от нас, — объявляю я. Почему-то этот факт тревожит меня больше, чем мысль о Миротворцах, ищущих пристанище для беженцев. Я стараюсь быть любезной. — Давай я помою посуду.

— Я помогу тебе, — Гейл собирает тарелки.

Я чувствую на себе взгляд Пита, выходя из комнаты. На тесной кухне в задней части магазина Тигрис, я наполняю раковину теплой мыльной водой.

— Думаешь, это правда? — спрашиваю я. — Что Сноу впустит беженцев в свое поместье?

— Думаю, теперь ему придется, по крайней мере, для камер, — отвечает Гейл.

— Я ухожу утром, — признаюсь я.

— Я иду с тобой, — заявляет Гейл. — Что будем делать с остальными?

— Полидевк и Крессида могут быть полезными. Они хорошо знают город, — поясняю я. На самом деле, загвоздка не в них. — Но Пит слишком...

— Непредсказуемый, — заканчивает Гейл. — Думаешь, он позволит нам бросить его?

— Мы можем пустить в ход тот довод, что он подвергнет нас опасности, — размышляю я. — Он может остаться здесь, если мы сумеем его убедить.

Пит довольно разумно относится к нашему предложению. Он охотно соглашается, что его компания может подвергнуть остальных риску. Я уже начинаю думать, что наш план может сработать, что он просто отсидится в подвале Тигрис до конца войны, когда он заявляет, что пойдет один.

— Куда? — спрашивает Крессида.

— Я еще точно не знаю. Единственное, в чем я все еще могу быть полезен, это отвлечение внимания. Вы видели, что стало с тем парнем, похожим на меня, — произносит он.

— Что если... ты потеряешь контроль? — спрашиваю я.

— Ты имеешь в виду... превращусь в переродка? Ну, если я почувствую приближающийся приступ, я постараюсь вернуться сюда, — заверяет он меня.

— А если тебя снова схватит Сноу? — вмешивается Гейл. — У тебя даже оружия нет.

— Я просто должен рискнуть, — настаивает Пит. — Как и вы все. — Они долго и неотрывно смотрят друг другу в глаза, затем Гейл тянется в свой нагрудный карман. Он вкладывает морник в руку Пита. Пит смотрит на таблетку в своей раскрытой ладони, не принимая и не отказываясь. — А как же ты?

— Не беспокойся. Бити показал мне, как активировать взрывчатые стрелы вручную. Если не получится, у меня есть нож. И у меня есть Китнисс, — добавляет Гейл с улыбкой. — Она не позволит им взять меня живым.

Одна только мысль о том, как Миротворцы тащат Гейла прочь от меня, снова запускает в голове пластинку...

А ты придешь к тому дереву у реку

— Пит, возьми ее, — произношу я натянутым голосом. Я подхожу и закрываю его ладонь с таблеткой внутри. — Никого не будет рядом, чтобы помочь тебе.

Мы проводим беспокойную ночь, то и дело просыпаясь от кошмаров друг друга, прокручивая в голове завтрашний план. Я с облегчением осознаю, что наступило пять часов утра, и мы можем приступить к тому, что этот день сулит нам. На завтрак у нас смесь из остатков консервированных персиков, крекера и улиток. Мы оставляем Тигрис одну банку лосося в качестве скромного «спасибо» за все, что она для нас сделала. Кажется, этот жест ее даже трогает. Ее лицо приобретает какое-то странное выражение и она начинает порхать вокруг нас. Весь следующий час уходит на наше перевоплощение. Она переодевает нас так, что наша форма без следа исчезает под обычной одеждой еще до того, как мы надеваем куртки и плащи. Скрывает военные сапоги какими-то пушистыми калошами. Закрепляет парики заколками. Смывает пестрые остатки грима, который мы в спешке намазывали друг другу на лица и накладывает нормальный макияж. Драпирует верхнюю одежду, чтобы скрыть оружие. Затем дает нам в руки чемоданы и свертки со всякими безделушками. В итоге мы выйдем в точности как беженцы, спасающиеся от повстанцев.

— Никогда не недооценивайте мощь искусного стилиста, — говорит Пит. Трудно сказать, но, думаю, Тигрис вполне могла покраснеть под этими ее полосками.

По телевизору нет никаких полезных новостей, но аллея по-прежнему забита беженцами, как и в прошлое утро. По плану, мы должны вклиниться в толпу тремя группами. Первыми идут Крессида и Полидевк, которые будут нашими проводниками, держась от нас на небольшом расстоянии. Затем Гейл и я, нашей целью будет присоединиться к беженцам, идущим в президентское поместье. Последним пойдет Пит, готовый создать суматоху и беспорядок, если потребуется.

Тигрис выглядывает сквозь ставни, дожидаясь подходящего момента, открывает засов на двери и кивает Крессиде и Полидевку.

— Будьте осторожны, — произносит Крессида, и они выходят.

Мы пойдем через минуту. Я достаю ключ, размыкаю наручники Пита и запикиваю их в карман. Он потирает свои запястья. Прокручивает их. Я вдруг чувствую странное отчаяние, зарождающееся во мне. Будто я снова на Двадцатипятилетии Подавления и Бити дает Джоанне и мне тот моток проволоки.

— Слушай, — начинаю я. — Не делай никаких глупостей.

— Не буду. Это только на крайний случай. Обещаю, — говорит он.

Я обхватываю его вокруг шеи, он сначала колеблется, но затем его руки обнимают меня. Объятие не такое уверенное как раньше, но все еще теплое и сильное. Тысячи воспоминаний проносятся у меня перед глазами. Все те моменты, когда эти руки были моим единственным щитом от внешнего мира. Возможно, не в полной мере оцененным, но таким приятным в моей памяти и теперь навсегда утерянным.

— Ну, что ж, — я отпускаю его.

— Пора, — произносит Тигрис. Я целую ее в щеку, застегиваю свой плащ с красным капюшоном, натягиваю шарф на нос и выхожу вслед за Гейлом в морозный воздух.

Колючие, ледяные снежинки обжигают неприкрытую кожу. Восходящее солнце безуспешно пытается прорваться сквозь обосновавшуюся тьму. Света едва хватает, чтобы различить бесформенные тюки со всех сторон. И правда, идеальные условия, за исключением того, что я не могу определить местонахождение Крессиды и Полидевка. Понурился, мы с Гейлом бредем вместе с беженцами. Я слышу то, чего не слышала вчера, подсматривая в щелочки ставен. Плач, стоны, тяжелое дыхание. И не так уж далеко от нас, выстрелы.

— Пап, а куда мы идем? — маленький, дрожащий мальчишка спрашивает у мужчины, прогибающегося под весом небольшого сейфа.

— К поместью президента. Они выделяют нам новое место для жилья, — пыхтит мужичок.

Мы сворачиваем с аллеи и вываливаемся на одну из главных улиц.

— Все вправо! — приказывает голос и я вижу Миротворцев, пробивающихся сквозь толпу, управляя потоком живых людей. Испуганные лица глазят из зеркальных витрин магазинов, которые уже под завязку забиты беженцами. Если так пойдет и дальше, уже к обеду у Тигрис появятся новые постояльцы. Хорошо, что мы ушли, как только смогли.

Становится светлее, даже несмотря на возобновившийся снегопад. Я замечаю Крессиду и Полидевка приблизительно в тридцати ярдах от нас, плетущихся с толпой. Поворачиваю голову назад, стараясь разглядеть Пита. Я не вижу его, но я улавливаю на себе любопытный взгляд маленькой девочки в ярко-желтом пальто. Я толкаю Гейла локтем и едва заметно замедляю шаг, что позволит людям втиснуться между нами.

— Возможно, нам следует разделиться, — произношу я еле слышно. — Та девочка...

Орудийный огонь прорезается сквозь толпу, несколько человек рядом со мной оседают на землю. Крики разрывают воздух, когда второй залп скашивает еще одну группу позади меня. Мы с Гейлом бросаемся в сторону улицы, пробегаем десять ярдов до магазина и прячемся за стойкой с модными сапогами на шпильках, выставленных снаружи обувного.

Ряд отделанной перьями обуви препятствует обзору.

— Кто это? Ты видишь? — спрашивает Гейл. Все, что я вижу, между перемешанными парами лиловых и зеленых кожаных сапог, это улица, усыпанная телами. Маленькая девочка, которая подозрительно рассматривала меня, ползает на коленях рядом с неподвижной женщиной, пронзительно визжа и пытаясь поднять ее на ноги. Следующий град пуль врезается в ее желтое пальтишко, орошая его красными брызгами, опрокидывая девочку на спину. На мгновение, все еще глядя на ее крошечное скрюченное тельце, я теряю способность говорить. Гейл тычет меня локтем.

— Китнисс?

— Они стреляют с крыши над нами, — говорю я Гейлу. Я наблюдаю еще несколько залпов, вижу, как белые униформы заполняют снежные улицы. — Пытаются перебить Миротворцев, но я бы не сказала, что они меткие стрелки. Должно быть, это повстанцы.

Я не испытываю прилива радости, хотя чисто теоретически мои союзники прорвались сквозь баррикады. То лимонно-желтое пальто пригвоздило меня к месту.

— Если мы начнем отстреливаться, — начинает Гейл. — Весь мир узнает, что это мы.

Верно. Мы вооружены только своими сказочными луками. Выпустить стрелу — все равно, что объявить обеим сторонам о своем присутствии.

— Нет, — произношу я решительно. — Мы должны попасть к Сноу.

— Тогда нам лучше убраться отсюда, пока они не разнесли весь квартал, — замечает Гейл. Прижимаясь к стене, мы продолжаем продвигаться вдоль по улице. Только стена большей частью состоит из витрин. Мешанина потных ладоней и таращащихся глаз прижимается к стеклу. Я натягиваю шарф выше на щеки, пока мы пулей мчимся между наружных прилавков. За стойкой обрамленных фотографий Сноу, мы натываемся на раненого Миротворца, облокотившегося на голую кирпичную стену. Он просит нас о помощи. Гейл с колена ударяет его в висок и забирает его оружие. На перекрестке он пристреливает второго Миротворца и теперь мы оба вооружены.

— И кто же мы теперь? — интересуюсь я.

— Отчаянные граждане Капитолия, — отвечает Гейл. — Миротворцы будут думать, что мы на их стороне и, к счастью, у повстанцев есть гораздо более заманчивые цели.

Я раздумываю над благоразумностью предложенного им прикрытия, пока мы бежим через перекресток, но к

тому времени, как мы достигаем следующего квартала, я понимаю, что уже не имеет значения, кто мы такие. И кто все остальные. Потому что никто не смотрит на лица. Повстанцы уже здесь. Заполняют проспекты, прячутся в дверных проемах, за машинами, сверкают дула автоматов, охрипшие голоса раздают приказы, готовясь встретить армию Миротворцев, направляющуюся к ним. Безоружные, растерянные, раненые беженцы окружены перекрестным огнем.

Впереди срабатывает ловушка, выбрасывая стремительный поток пара, который тут же обдаёт кипятком все на своем пути, оставляя жертвы слегка обварившимися и очень мертвыми. То незначительное чувство порядка, что еще оставалось, сразу после этого безвозвратно улетучивается. В то время, как последние причудливые завитки пара переплетаются с непрекращающимся суетом, видимость сокращается настолько, что дальше конца моего ствола ничего не видно.

Миротворец, повстанец, гражданский, кто разберет? Все, что движется, тут же становится мишенью. Люди спускают курок рефлекторно и я не исключение. Сердце колотится, адреналин зашкаливает, каждый — мой враг. Кроме Гейла. Моего охотничьего партнера, единственного человека, кому я доверяю прикрывать мою спину. Ничего не остается делать, кроме как двигаться вперед, убивая каждого, кто встанет на пути. Повсюду крики, кровь, трупы.

Как только мы добегаем до следующего поворота, целый квартал перед нами загорается ярко-фиолетовым светом. Мы даем задний ход, прячемся на ступеньках и, прищурившись, всматриваемся в излучение. Что-то странное происходит с попавшими в его свечение. Они атакованы... чем? Звуком? Волной? Лазером? Оружия выпадают из их рук, пальцы хватаются за лицо, а кровь хлещет из всех видимых отверстий — глаз, носов, ушей, ртов. Меньше, чем через минуту, все мертвы, и свет увядает.

Стиснув зубы, я бегу, спотыкаясь через разбросанные тела, скользя в кровавом месиве. Ветер закручивает снег в ослепляющие спирали, но это не мешает слышать звук приближающихся шагов в нашем направлении.

— Ложись! — шепчу я Гейлу. Мы падаем на месте. Мое лицо приземляется в лужу чьей-то все еще теплой крови, но я притворяюсь мертвой, оставаясь неподвижной, пока сапоги маршируют мимо нас. Одни обходят тела. Другие наступают на мои руку, спину, задевают голову при ходьбе. Когда шаги удаляются, я открываю глаза и киваю Гейлу.

На следующей улице мы натываемся на еще более испуганных беженцев, но здесь меньше военных. Как раз тогда, когда я думаю, что мы можем передохнуть, раздается трескающийся звук, будто яйцо ударяется о край тарелки, только в тысячи раз громче. Мы останавливаемся, оглядываемся вокруг в поисках ловушки. Ничего. Затем я чувствую, как носки моих сапог начинают едва заметно подниматься.

— Беги! — кричу я Гейлу. Нет времени что-то объяснять, впрочем, через несколько секунд природа ловушки становится очевидна для каждого. По центру квартала раскрылась огромная щель. Две части мощной улицы начинают складываться, как створки окна, постепенно засасывая людей вниз.

Я не могу решить: то ли броситься напрямик до следующего перекрестка, то ли попытаться добраться до дверей, идущих вдоль улицы и ворваться внутрь. В результате, я бегу по диагонали. Так как створка продолжает наклоняться, я обнаруживаю, что найти опору для ног на скользких камнях становится все сложнее. Будто ты бежишь по склону ледяного холма, который становится круче с каждым шагом. Обе мои цели — перекресток и здания — всего в нескольких шагах от меня, когда я чувствую, что земля окончательно уходит из-под ног. Не остается ничего, кроме как использовать последние секунды сцепления с мостовой, чтобы посильней оттолкнуться в сторону перекрестка. Как только мои руки смыкаются на краю пропасти, я понимаю, что створки висят абсолютно вертикально. Мои ноги болтаются в воздухе, не находя никакой опоры. С пятидесятифутовой глубины мерзкие зловония, будто от разлагающихся в летний зной трупов, достигают моего носа. Черные очертания, прошмыгнув в тени, навсегда умирят всех, кто выжил при падении.

Сдавленный крик вырывается из моего горла. Никто не спешит мне на помощь. Пальцы соскальзывают с обледенелого выступа, когда я замечаю, что нахожусь всего в шести футах от угла ловушки. Я передвигаю руки вдоль края, стараясь игнорировать ужасающие крики снизу. Когда мои руки обхватывают оба края угла, я

устраиваю правый ботинок на всящей створке. Уперевшись во что-то, я из последних сил затаскиваю себя наверх. Тяжело дыша и дрожа, я подползаю к фонарному столбу и обхватываю его руками для страховки, хотя земля идеально ровная.

— Гейл? — кричу я в пропасть, позабыв об опасности разоблачения. — Гейл?

— Я здесь!

В замешательстве я поворачиваюсь налево. Створка сгибается у самого основания зданий. Около дюжины людей сумели добраться туда и сейчас свисают со всего, за что успели ухватиться. С дверных ручек, с дверных колец, с почтовых прорезей. Через три двери от меня висит Гейл, вцепившись в декоративную металлическую решетку вокруг парадной двери. Он бы с легкостью вошел внутрь, если бы дверь была открыта. Но несмотря на его бесконечные удары в дверь, никто не приходит ему на помощь.

— Прикройся! — я поднимаю автомат. Он отворачивается в сторону, и я дырявлю замок до тех пор, пока дверь не распахивается внутрь. Гейл вползает в дверной проем и обессиленный падает на пол. На мгновение во мне зажигается восторженное чувство от его спасения. Но затем на его плечах смыкается пара рук в белых перчатках.

Гейл встречается со мной взглядом и произносит что-то одними губами, но я не могу понять, что именно. Я не знаю, что делать. Я не могу бросить его, но я не могу и добраться до него. Его губы снова что-то выговаривают. Я трясую головой, давая понять, что я в замешательстве. В любую минуту они поймут, кого схватили.

Миротворцы затаскивают его внутрь.

— Уходи! — я слышу, как он кричит мне.

Я разворачиваюсь и убегаю прочь от ловушки. Теперь совсем одна. Гейл в плену. Кресида и Полидевк могли быть уже десять раз мертвы. А Пит? Я так и не видела его с тех пор, как мы ушли от Тигрис. Я цепляюсь за мысль, что он, возможно, вернулся назад. Почувствовал приступ и уединился в подвале, пока не потерял контроль. Осознал, что нам не потребуется отвлечение внимания, Капитолий и так предоставил нам его сверх меры. Не нужно становиться приманкой и принимать морник — морник! У Гейла его нет. И, несмотря на все эти разговоры о детонировании стрелы руками, у него не будет такого шанса. Первое, что сделают Миротворцы, это основательно разоружат его.

Я падаю на дверь, слезы жгут глаза. Пристрелили меня. Вот, что он выговаривал. Я должна была застрелить его. Это было моей обязанностью. Это было наше безоговорочное обещание, данное друг другу. А я не выполнила его и теперь Капитолий убьет его или промочит ему мозги или — все внутри меня начинает трещать по швам, грозясь взорваться на миллионы крошечных осколков. У меня остается только одна надежда. Что Капитолий падет, сложит оружие и освободит пленных до того, как они навредят Гейлу. Но этого не случится, пока жив Сноу.

Пара Миротворцев пробегает мимо, едва взглянув на рыдающую Капитолийскую девчонку, съжившуюся на крыльце. Я проглатываю слезы, вытираю лицо, пока его не обветрило, и собираюсь с силами. Итак, я все еще безымянный беженец. Или Миротворцы, схватившие Гейла, успели разглядеть меня, пока я убегала? Я снимаю плащ и выворачиваю его наизнанку, черной подкладкой наружу, красной отделкой внутрь. Надеваю капюшон так, что он скрывает мое лицо. Прижимая автомат к груди, я исследую квартал. Здесь только кучка потрясенных отставших людей. Я прибиваюсь к парочке стариков, которые, кажется, даже не замечают меня. Никто и не заподозрит, что я плетусь со стариками. Дойдя до конца следующего перекрестка, они останавливаются и я чуть не врезаюсь в них. Мы у Центральной площади. На обширном пространстве, обрамленное огромными зданиями, раскинулось поместье президента.

Площадь запружена людьми, топчущимися на месте, притулившимися или просто сидящими под засыпающим их снегом. Я направляюсь туда. Я прокладываю путь сквозь толпу к поместью, спотыкаясь через брошенные тюки и обмороженные конечности. На полпути туда я замечаю бетонные баррикады. Они около четырех футов в высоту и вытягиваются огромным прямоугольником прямо перед поместьем. Я бы подумала, что они пусты, но они забиты беженцами.

Может, это та группа, что была отобрана для размещения в поместье? Но подобравшись ближе, я замечаю кое-что еще. Все, кто за баррикадами, дети. От едва умеющих ходить малышей до подростков. Испуганные и

обмороженные. Жмутся группами или оцепенело раскачиваются, сидя на земле. Их не ведут в поместье. Они заперты, как в тюрьме, и со всех сторон охраняются Миротворцами. Почему-то я сразу понимаю, что это не для их защиты. Если бы Капитолий намеревался охранять их, они бы уже были в каком-нибудь бункере. Это для защиты Сноу. Живой щит из детей. Начинается суматоха и толпа смещается влево. Я зажата между массивными телами, меня уносит в сторону. Я слышу крики «Повстанцы! Повстанцы!» и понимаю: они, должно быть, прорвались.

Толчком меня прибивает к флагштоку и я цепляюсь за него. С помощью веревки, свисающей с самого верха, я поднимаюсь над скоплением тел. Да, я вижу отряд повстанцев, хлынувших к Центру, спихивая беженцев назад на улицы. Я осматриваю местность на наличие ловушек, которые, безусловно, сработают. Но происходит совсем не это.

Планолет с эмблемой Капитолия материализуется в точности над забаррикадованными детьми. Десятки серебристых парашютов дождем падают на них. Даже в таком хаосе дети понимают, что находится в серебристых парашютах. Еда. Медикаменты. Подарки. Они поспешно их собирают, отчаянно пытаясь развязать веревки обмороженными пальцами. Планолет исчезает, проходит пять секунд, и около двадцати парашютов одновременно взрываются.

Пронзительные крики пронесаются сквозь толпу. Окровавленный снег и разбросанные крошечные части человеческих тел. Большинство детей умирают мгновенной смертью, другие же лежат в агонии на земле. Некоторые бродят вокруг оглушенные и контуженные, уставившись в оставшиеся парашюты в их руках, будто в них все еще может быть что-то ценное. Судя по тому, как Миротворцы кинулись разбирать баррикады, прокладывая путь к детям, они ничего не знали об этом.

Еще одна группа белых униформ просачивается в образовавшееся отверстие. Но это не Миротворцы. Это медики. Медики повстанцев. Я бы узнала эту форму даже во сне. Они суетятся вокруг детей, орудуя своими аптечками.

Сначала я вижу светлую косу на ее спине. Затем, когда я она стаскивает с себя пальто, чтобы накрыть вопящего ребенка, я замечаю утиный хвостик ее выбившейся наружу рубашки. У меня та же реакция, что и в день, когда Эффи Бряк назвала ее имя на жатве.

Должно быть, я ослабела, потому что в следующее мгновение оказываюсь у подножия флагштока, Я начинаю проталкиваться сквозь толпу, так же, как и прежде. Зову ее по имени, пытаюсь перекричать толпу. Я уже почти там, уже почти за баррикадой, мне даже кажется, что она слышит меня. Потому что всего на секунду она замечает меня, ее губы произносят мое имя

И в это самое время взрываются остальные парашюты.

Глава двадцать пятая

Сон или реальность? Я пылаю. Огненные шары, сбрасываемые с парашютов на баррикады, рассекают чистый воздух и приземляются в толпе. Я едва успела отвернуться, когда один попадает в меня, пробегается своим языком по спине, превращая меня в нечто новое. В существо, неугасимое как солнце.

Огненный переродок знает только одно ощущение — агонию. Он не видит, не слышит, не испытывает никаких чувств, за исключением боли, безжалостно сжигающей плоть. Возможно, есть периоды беспомощности, но они не важны, если я не могу найти в них утешения. Я птица Цинны, воспламененная, неистово летящая, убегающая от чего-то неизбежного. Мое тело покрыто огненными перьями. Я бью крыльями — опухшими из пламени. Я уничтожаю сама себя, но всё напрасно.

Наконец, мои крылья окончательно ослабевают, я теряю высоту, и сила тяжести тянет меня в пенное море,

цвета глаз Финника. Я держусь на поверхности, на спине, она продолжает гореть под водой, и агония успокаивает боль. Когда меня качает на волнах, и я не могу пошевелиться, тогда они-то и приходят. Мертвецы.

Однажды я полюбила полёт, как птицы в просторном небе надо мной. Высоко летающие, парящие, зовущие меня присоединиться к ним. Мне так хочется следовать за ними, но морская вода пропитывает мои крылья, лишая возможности взмахнуть ими. Однажды я возненавидела воду, сковывающую, вселяющую ужас, насыщающую солью мою плоть, будто вонзая в неё зубы. Утягивая на дно.

Маленькая, белая, с лёгким розовым оттенком, птичка ныряет в воду, вонзает свои когти мне в грудь и старается удержать меня на плаву. — Нет, Китнисс! Нет! Ты не можешь утонуть!

Но те, кого я так ненавижу, выигрывают, и, если она будет держать меня, то тоже утонет.
— Прим, отпусти. — И она, наконец, делает это.

Здесь, глубоко под водой, я совершенно одна и всеми покинута. Слышен лишь звук моего прерывистого дыхания, невероятными усилиями я пытаюсь избавиться от воды, выталкивая её из лёгких. Я хочу остановиться, пытаюсь выровнять дыхание, но море одерживает победу, подавляя, делая напрасными все попытки. — Дайте мне умереть. Дайте мне уйти вслед за остальными, — умоляю я нечто, что удерживает меня здесь. Но в ответ тишина.

Я нахожусь в ловушке дни, годы, может быть, целые века. Мертвая, но не умершая. Живая, но все равно что упокоившаяся. Такая одинокая, что обрадовалась бы любому — кому-то или чему-то — и для меня не имело бы значения насколько тошнотворно это выглядело бы. Но наконец-то у меня посетитель, так мило. Морфлий. Он быстро распространяется по моим венам, облегчая боль и делая мое тело более легким, так что оно вновь поднимается в воздух и затем возвращается обратно в пену.

Пена. Я на самом деле плыву в пене. Ощущаю её кончиками пальцев, то, как бережно она обволакивает мое обнаженное тело. Я чувствую сильную боль, но есть еще что-то: похожее на реальность. Мое горло, словно наждачная бумага. Я ощущаю запах горелых медикаментов с первой арены. Слышу голос матери. Эти вещи пугают меня и я стараюсь вернуться в бездну, чтобы разобраться в них. Но пути назад нет. Постепенно, я вынуждена признать самое себя. Я — девушка, сильно обгоревшая и без крыльев. Без огня. И без сестры.

В ослепительно белой больнице Капитолия врачи творят со мной чудеса. Скрывая мое обгоревшее тело под всё новыми слоями кожи. Терпеливо добиваясь, чтобы клетки вели себя как мои собственные. Умело обращаясь с частями моего тела, сгибая и растягивая руки и ноги, убеждаясь, что они в хорошем состоянии. Снова и снова я слышу, как мне повезло. Мои глаза нетронуты. Большая часть лица тоже. Легкие реагируют на лечение. Я буду как новенькая.

Когда моя нежная кожа достаточно восстановилась, чтобы выдержать давление нового слоя, стало приходиться больше «посетителей». Морфлий открывает двери мертвым, точно так же, как и живым. Мне грезится Хеймитч с желтой кожей и без улыбки. Цинна, шьющий новый свадебный наряд. Делла, болтающая о строгости людей. Мой отец, поющий все четыре строфы "Виселицы" и напоминающий мне, что моя мать, спящая в кресле между сменами, не должна об этом знать.

В один из дней я просыпаюсь и осознаю, что мне не позволят жить в мире моих грез. Я должна есть. Разрабатывать мышцы. Ходить в ванную. И короткий визит Президента Койн окончательно решает это.

— Не волнуйся, — говорит она, — я сохранила его для тебя.

С каждым днем недоумение врачей растёт, они не могут понять, почему я не могу говорить. Множественные тесты пока не могут объяснить повреждение моих голосовых связок. Наконец-то, доктор Аурелий, главный врач, делает предположение, что у меня случилась психологическая травма, а не физическая, и что теперь я — Безгласая. Мое молчание вызвано эмоциональной травмой. И, несмотря на сто вариантов решений, что он

предлагает, всё равно просит оставить меня одну. Так что я не могу спросить ни о чем и ни о ком, но люди постоянно приносят мне информацию. О войне: Капитолий пал в день, когда взрывались снаряды из парашютов, Президент Койн сейчас руководит Панемом, и войска направлены на подавление малых остаточных очагов сопротивления Капитолия. Президент Сноу арестован и ожидает суда, а затем неизбежного исполнения приговора. Моя подрывная команда, Крессида и Полидевк, направлена в дистрикты для устранения разрушений от войны. Гейл, который схлопотал две пули при попытке бегства, сейчас с Миротворцами во втором. Пит до сих пор в ожоговом отделении. Всё-таки это он сделал это на центральной площади.

Моя семья: моя мать пытается забыть свое горе, погрузившись в работу. А я бездействую, и горе полностью овладевает мной. Но я держусь ради обещания, данного Койн. Я смогу это сделать — убить Сноу. А после наступит пустота.

В конце концов, меня выписывают из больницы и выделяют комнату в особняке президента, на пару с моей матерью. Она практически здесь не бывает, так как обедает и спит на работе. На Хеймитча ложится задача — ухаживать за мной, контролировать моё питание и приём лекарств. Это непростая работа. Поскольку я пользуюсь своими старыми навыками, приобретенными в Тринадцатом дистрикте. Я без разрешения блуждаю по особняку. Из ванны в кабинеты, бальные залы и купальни. Ищу неизвестные маленькие тайники. В шкафу с мехами. В шкафу в библиотеке. В давно забытой ванной, в комнате со старой мебелью. Мои укромные места небольшие, незаметные, их практически невозможно найти. Я сворачиваюсь калачиком, будто сжимаюсь в крошечную точку, пытаюсь полностью исчезнуть. Окутанная тишиной, я двигаю свой браслет, кручу и кручу его на запястье.

Меня зовут Китнисс Эвердин. Мне семнадцать. Мой дом — Двенадцатый Дистрикт. Но здесь не Двенадцатый дистрикт. Я — сойка-пересмешница. Я свергла власть Капитолия. Президент Сноу ненавидит меня. Он убил мою сестру. А теперь я убью его. И затем Голодные Игры закончатся...

Периодически, я прихожу в себя в своей комнате, неуверенная, что привело меня обратно — потребность в морфии или Хейтмитч, обнаруживший меня. Я ем, принимаю лекарства и настаиваю на ванной. Думаю, дело не в воде, а в зеркале, отражающем мое обнаженное обгорелое тело. Пересаженные участки кожи по-прежнему сохраняют розоватый цвет, как у новорожденного. Понимаю, что кожа повреждена, но восстановленная выглядит красной, обожженной и, местами, совсем тонкой. Часть её блестящая, белая и бледная. Я, словно причудливое лоскутное одеяло, сшитое из кожи. Мои волосы почти полностью опалены, местами неровно обрезаны. Китнисс Эвердин — девушка, побывавшая в огне. Меня бы это не волновало, не воскрешай мой вид память о пережитой боли. И о том, почему мне было больно. И что случилось незадолго до того, как боль пришла. И о том, как я наблюдала за своей младшей сестрой, когда она превратилась в живой факел. Я закрываю глаза, но это не помогает. Огонь лишь ярче горит в этой темноте.

Иногда приходит доктор Аурелий. Он мне нравится, потому что не говорит глупостей, например, что я в абсолютной безопасности или, что он знает, что я не могу сейчас поверить в это, но в один прекрасный день всё же буду снова счастлива, или что жизнь в Панеме наладится. Он просто спрашивает, не хочу ли я поговорить и, когда я не отвечаю, засыпает в своём кресле. На самом деле я думаю, что его посещения, в основном, вызваны потребностью вздремнуть. Такой расклад устраивает нас обоих.

Час «Х» приближается, но я не могу точно сказать, сколько до него осталось минут и часов. Президента Сноу осудили и признали виновным, его приговорили к смертной казни. Хеймитч говорит мне об этом, но так же я слышу, как обсуждают эту новость, когда медленно прохожу мимо охранников в коридорах. Мой костюм сойки-пересмешницы приносят в комнату. И лук тоже, он выглядит не хуже одежды, но нет ножен для стрел. Возможно, они были повреждены или, скорее всего, мне просто запрещено иметь оружие. Я не могу понять, должна ли я как-то подготовиться к этому событию, но ничего не приходит на ум.

Поздно вечером, после того, как я долго сидела перед окном, пялясь на картину за ним, словно на разноцветный экран, я выхожу из комнаты и поворачиваю не направо, а налево. И оказываюсь в незнакомой части особняка, где моментально теряюсь. На том пятачке, где я живу, всегда кто-то крутится, а тут даже дорогу спросить не у кого. Хотя, мне даже нравится. Хотела бы я найти это место чуть раньше. Здесь так тихо, толстые ковры и тяжелые гобелены поглощают звуки. Эта тишина нежно опьяняет. Приглушенные цвета не бьют по глазам. Так спокойно. До тех пор пока я не улавливаю аромат роз. Я прячусь за шторой, меня колотит, я не могу

сейчас бежать и просто стою и ожидаю появления переродков. Наконец, я осознаю, что никакие переродки не появятся. В таком случае, чей же это запах? Неужели действительно роз? Может быть, я рядом с садом, где растут эти дьявольские цветы?

Когда я выскальзываю в коридор, запах становится непереносимым. Возможно, не такой сильный, как от настоящих переродков, но и не такой резкий, потому что он не может сравниться со сточными водами и взрывчатыми веществами. Я поворачиваю за угол и натываюсь на двух удивленных охранников. Конечно, это не Миротворцы. Вернее, больше не Миротворцы. И никаких серых мундиров солдат из Тринадцатого. Эти двое — мужчина и женщина — одеты в драную одежду, выброшенную вместе с облачением повстанцев. Тем не менее, перевязанные и худые, они сейчас стерегут вход в помещение с розами. Когда я подхожу ко входу, их пистолеты в форме X направляются на меня.

— Вы не можете пройти, мисс, — говорит мужчина.

— Солдат, — женщина поправляет его. — Вы не можете пройти, солдат Эвердин. Приказ Президента. — Я просто стою и терпеливо жду, когда они опустят свое оружие, они и без моего объяснения понимают, что за этими дверями мне что-то нужно. Просто роза. Простой цветок. Чтобы воткнуть его за лацкан Сноу, прежде чем я убью его. Мое присутствие, кажется, беспокоит охранников. Они обсуждают, стоит ли вызывать Хеймитча, когда позади меня раздается громкий женский голос. — Дайте ей пройти.

Я знаю этот голос, но не могу сразу вспомнить, где слышала его. Не в Шлаке, не в Тринадцатом, определенно не в Капитолии. Я поворачиваю голову и встречаюсь лицом к лицу с Пэйлор, командором из восьмого. Она выглядит еще более уставшей, чем в госпитале, но кто из нас не выглядит так?

— Я считаю, — говорит Пэйлор, — она имеет право зайти туда. — Это ее солдаты, не Койн. Они без вопросов опускают свое оружие и дают мне пройти.

В конце короткого коридора стеклянные двери, я открываю их и захожу внутрь. Запах настолько сильный, что перестает ощущаться, и, кажется, что больше я не могу улавливать его. Влажный, мягкий воздух благотворно влияет на мою разгоряченную кожу. И аромат прекрасных роз. Ряд за рядом передо мной простираются великолепные цветы: ярко-розовые, оранжевые, словно закат, и даже светло-голубые. Я брожу между этими рядами тщательно обрезанных растений, смотрю, но не прикасаюсь, потому что усвоила жестокий урок: эта красота может быть очень смертельной. Я узнаю ее, когда нахожу. Она венчает макушку стройного куста. Великолепный белый бутон, только начинающий раскрываться. Я натягиваю рукав на левую ладонь так, чтобы кожей не соприкоснуться с цветком, беру секатор и только направляю его на стебель, когда слышу его голос:

— Она милая.

Мои руки вздрагивают, ножницы внезапно сжимаются, обрезая стебель.

— Конечно, цвет красивый, но ничто не сможет сравниться с белым.

Я до сих пор не могу его увидеть, но, кажется, голос доносится со стороны клумбы с красными розами. Аккуратно обрезав со стебля бутоны, держу розу рукавом, медленно захожу за угол и вижу его, сидящим на скамейке у стены. Как всегда, он хорош собой и одет со вкусом, но на руках наручники, на лодыжках кандалы и отслеживающее устройство. В ярком свете его кожа выглядит бледной, болезненно зеленой. Он держит белый носовой платок со свежими пятнами крови. Даже в этом плачевном состоянии, его змеиные глаза излучают блеск и холод. — Я надеялся, что ты найдешь дорогу в мои апартаменты.

Его апартаменты. Я нарушила границы его дома, как и он мои в прошлом году, со своим прерывистым, кровавым дыханием больше похожим на угрожающее шипение. Эта оранжерея одна из его комнат, возможно, его любимая, а, может быть, в лучшие времена он сам ухаживал за растениями. Но сейчас это часть его тюрьмы. Поэтому охранники остановили меня. И поэтому Пэйлор меня пустила.

Я предполагала, что он будет содержаться под стражей в самом глубоком подземелье Капитолия, а не прозябать последние дни в окружении роскоши. Но, тем не менее, Койн оставила его здесь. Думаю, чтобы дать пример другим. Так что, если в будущем она каким-то образом потеряет расположение, будет ясно, что президенты, вызывающие презрение, требуют специального обращения. После всего случившегося, кто знает, как быстро рассеется её собственная власть? — Нам так много надо обсудить, но я чувствую, твой визит будет

коротким. И так, начнем с начала, — он кашляет и отнимает платок ото рта, окровавленный платок. — Я хотел сказать, что очень сожалею о твоей сестре.

Даже в моем нечувствительном, наркотическом состоянии эти слова вызывают острую боль. Напоминая, сколь безгранична его жестокость. И то, что по пути к своей могиле, он попытается уничтожить и меня.

— Так расточительно и так излишне. Каждый мог видеть, что в игре поставлена точка. На самом деле, я уже принял решение официально капитулировать, когда они сбросили эти парашюты. — Его глаза устремлены на меня, он не моргает, видимо, не желая пропустить тот момент, когда яотреагирую на его слова. Но они не имеют смысла. Когда они сбросили парашюты? — Ладно, ты ведь на самом деле не думаешь, что это я отдал приказ, так?

— Вспомни об одном очевидном факте: если бы я имел рабочий планолет в своем распоряжении, то использовал бы его, чтобы бежать. Но если так и я не сделал этого, какую цель я преследовал? Мы оба знаем — я не гнушаюсь убийством детей, но я не расточительный. У меня на всё свои причины. Но уничтожение убежища, в котором полно capitoлийских детей — я не вижу в этом смысла. Никакого.

Интересно, я успею обдумать его слова, пока он будет сотрясаться в очередном приступе кашля. Он врёт. Конечно, врёт. Но есть что-то, что мешает ему сказать правду.

— Однако должен признать, это был мастерский маневр со стороны Койн. Идея, что я бомбил ваших беспомощных детей, моментально разрушила ту хрупкую верность, что ещё хранил мне мой народ. После этого о сопротивлении и речи быть не могло. Знаешь, это показывали в прямом эфире. Ты могла видеть, что Плутарх приложил к этому руку. И парашюты. Ладно, думаю, это одна из теорий, которую можно ожидать от Главы распорядителей Игр, не так ли? — Сноу промокает уголки губ платком. — Я уверен, он не хотел стрелять в твою сестру, но такое случается.

Сейчас я не со Сноу. Я вернулась в Отдел Спецвооружения в Тринадцатом с Гейлом и Бити. Наблюдаем за конструкциями на основе ловушек Гейла. Это играет на человеческом сострадании. Первая бомба убила жертв. Вторая спасателей. Если вспомнить слова Гейла.

— Бити и я продолжаем следовать тем же правилам, что президент Сноу использовал, разбираясь с Питом.

— Моя ошибка в одном, — говорит Сноу, — слишком поздно я разгадал план Койн. Позволить Капитолию и Дистриктам уничтожить друг друга, а затем, сразу после сражения, получить власть над Тринадцатым. Ошибки нет, она намечевалась занять мое место с самого начала. Чему удивляться? В конце концов, это Тринадцатый поднял восстание, приведшее к Тёмным Временам, а затем отказался от других дистриктов, когда то обернулось против него. Но я не следил за Койн. Я следил за тобой, Сойка-пересмешница. А ты следила за мной. Боюсь, нас обоих водили за нос.

Я отказываюсь в это верить. Есть вещи, которые даже я не могу пережить. И я произношу первые слова, с тех пор как умерла сестра. — Я не верю тебе.

Сноу нарочито разочарованно качает головой. — О, моя дорогая мисс Эвердин. Я думал, мы договорились не врать друг другу.

Глава двадцать шестая

Выйдя в холл, я обнаруживаю, что Пэйлор не сдвинулась с места.

— Ты нашла то, что искала? — спрашивает она. В ответ я показываю ей белый бутон и не спеша бреду прочь. Должно быть, я вернулась к себе в комнату, потому что следующее, что я осознаю — я наполняю стакан водой из-под крана в ванной и ставлю в него розу. Я опускаюсь на колени на холодный кафель и, прищурившись, смотрю на цветок — в резком свете флуоресцентных ламп мне трудно сфокусировать взгляд на белом. Пальцем подцепляю внутреннюю сторону браслета и скручиваю его жгутом до боли в запястье. В надежде, что боль поможет мне не выпадать из реальности, так же, как это было с Питом. Я должна держаться. Я должна знать правду о том, что произошло.

Есть два возможных варианта, хотя детали, связанные с ними, могут варьироваться. Во-первых, как я считала, именно Капитолий отправил тот планолёт, сбросил парашюты и пожертвовал жизнями своих детей, зная, что только что высадившиеся повстанцы поспешат им на помощь. Есть свидетельства, подтверждающие это. Отличительный знак Капитолия на планолёте, отсутствие любых попыток уничтожить врага в воздухе, и длительная история использования ими детей в качестве пешек в битве с дистриктами. Во-вторых, есть точка зрения Сноу. Что планолёт, пилотируемый повстанцами, разбомбил детей, чтобы обеспечить быстрое окончание войны. Но, если это было так, почему Капитолий не открыл огонь по врагу? Их сбил с толку элемент неожиданности? У них никого не осталось в обороне? Дети драгоценны для Тринадцатого или, по крайней мере, всегда так казалось. Ну, может, не в моем случае. Раз я перестала быть для них полезной, я безвозвратно потеряна. Кроме того, думаю, немало воды утекло с той поры, когда я считалась ребёнком в этой войне. Да и зачем бы им делать это, зная, что их собственные медики, скорее всего, отреагируют и будут сметены вторым взрывом? Они бы не стали. Они бы не смогли. Сноу лжёт. Как всегда манипулирует мной. Надеется настроить меня против повстанцев и, возможно, уничтожить их. Да. Конечно.

Тогда что же изводит меня? Ну, хотя бы те бомбы, взрывающиеся дважды. Дело не в том, что у Капитолия не могло бы быть такого оружия, просто я уверена, что у повстанцев оно было. Детище Гейла и Бити. Затем тот факт, что Сноу не попытался бежать, тогда как мне известно, что он всегда виртуозно спасает свою шкуру. С трудом верится, что у него не было где-нибудь убежища, какого-нибудь бункера, набитого продовольствием, где он смог бы протянуть остаток своей злобной ничтожной жизни. И наконец, его мнение насчёт Койн. С чем не поспоришь, так это с тем, что она сделала всё в точности так, как он говорил. Позволила Капитолию и дистриктам довести друг друга до изнеможения, чтобы потом спокойно захватить власть. Но даже если таков был её план, это не означает, что именно она сбросила те парашюты. Победа уже была у неё в руках. Всё было в её руках. Кроме меня.

Я вспоминаю реакцию Боггса, когда призналась, что не особо задумывалась о преемнике Сноу. «Если твой мгновенный ответ не Койн, тогда ты угроза. Ты — лицо восстания. У тебя больше влияния, чем у кого бы то ни было. Не вдаваясь в подробности, всё, что ты когда-либо делала — это терпела её».

Внезапно я задумываюсь о Прим, которой ещё не исполнилось четырнадцати, которая не была достаточно взрослой, чтобы ей присвоили звание Солдата, но каким-то образом она оказалась на линии фронта. Как могло такое случиться? Я не сомневаюсь, что моя сестра хотела быть там. Что она была более талантлива и одарёна, чем кто-либо из старших. Но при всём при этом кто-то очень высокопоставленный должен был бы одобрить участие тринадцатилетней девочки в боевых действиях. Сделала ли это Койн в надежде, что потеря Прим подтолкнёт меня к самому краю? Или, по крайней мере, утвердит меня на её стороне? Мне не пришлось бы присутствовать при этом лично. Многочисленные камеры охватили бы весь Центр Города. Навечно запечатлевая это мгновение. Нет, теперь я схожу с ума, соскальзывая, в своего рода, параноидальное состояние. Слишком много людей знали бы о задании. Информация бы просочилась. Или нет? Кто должен был знать, кроме Койн, Плутарха и небольшого преданного или с лёгкостью пущенного в расход экипажа?

Мне отчаянно нужна помощь в решении этой головоломки, вот только все, кому я доверяла, мертвы. Цинна. Боггс. Финник. Прим. Есть Пит, но он не может ничего, кроме как строить предположения, да и в любом случае: кто знает наверняка, в каком состоянии его рассудок? В таком случае, остаётся только Гейл. Он далеко, но даже будь он рядом со мной, могла ли я положиться на него? Что я могла сказать, как сформулировать, не упоминая, что это его мина убила Прим. Невероятность этой мысли больше, чем что-либо другое, убеждает, что Сноу, должно быть, лгал.

В конечном счёте, есть только один человек, к которому можно обратиться, кто может знать, что произошло, и всё ещё оставаться на моей стороне. Рискованно поднимать эту тему при всех. Но наряду с тем, что я допускаю, что Хеймитч мог рисковать моей жизнью на арене, я всё же не думаю, что он бы сдал меня Койн. Независимо от того, какие проблемы могут возникать между нами, мы предпочитаем разрешать наши разногласия один на один.

Я быстро поднимаюсь с кафельного пола, распахиваю дверь и иду через холл к его комнате. Когда мой стук остаётся безответным, я толкаю дверь внутрь. Фу! Просто поразительно, с какой скоростью он способен

захлупить пространство. Тарелки с объедками, разбитые бутылки из-под ликёра и куски разломанной во время пьяного буйства мебели разбросаны по его жилищу. Немытый и нечёсанный, он валяется в бессознательном состоянии на кровати на спутанных в узел простынях.

— Хеймитч, — зову я и трясую его за ногу. Разумеется, этого мало. Но я делаю ещё несколько попыток, прежде чем выплеснуть ему в лицо кувшин с водой. Шумно лоя воздух, он приходит в себя, начиная вслепую рубить воздух своим ножом. По-видимому, окончание правления Сноу не равносильно окончанию его террора.

— А, это ты, — говорит он. По его голосу я понимаю, что он всё ещё пьян.

— Хеймитч, — начинаю я.

— Вы только послушайте. Сойка-пересмешница обрела свой голос, — хохочет он. — Ну что ж, Плутарх будет счастлив. — Он делает большой глоток из бутылки. — Почему я насквозь мокрый?

Я неуклюже роняю кувшин в кучу грязного белья за моей спиной.

— Мне нужна твоя помощь, — говорю я.

Отрыжка Хеймитча наполняет воздух парами белого ликёра. — Что такое, дорогуша? Опять проблемы с мальчиками?

Не знаю почему, но это ранит меня так, как Хеймитчу редко удаётся. Должно быть, это отражается на моём лице, потому что даже в состоянии опьянения, он пытается отыграть назад. — Ладно, не смешно. — Я уже у двери. — Не смешно! Вернись!

По глухому стуку, с которым его туша свалилась на пол, я понимаю, что он пытался пойти за мной, но это уже бессмысленно

Я зигзагом пересекаю особняк и исчезаю в гардеробной, полной шёлковых вещичек. Я сдёргиваю их с вешалок, пока не получается большая куча, в которую я закапываюсь. За подкладкой своего кармана я обнаруживаю затерявшуюся таблетку морфлия и всухую проглатываю её, предотвращая подкатывающую истерику. Однако, этого недостаточно, чтобы всё исправить. Мне слышно, как Хеймитч зовёт меня вдалеке, но в его состоянии он не найдёт меня. Особенно в этом новом месте. Окутанная шёлком, я чувствую себя гусеницей в коконе, ожидающей метаморфозы. Я всегда полагала, что это мирное состояние полного покоя. Сначала так оно и есть. Но по мере моего путешествия в царство ночи, я всё больше и больше чувствую себя загнанной в ловушку, задыхающейся в скользких путях, неспособной вырваться, пока не превращусь во что-то прекрасное. Я корчусь, пытаюсь избавиться от своего разрушенного тела и открыть секрет выращивания безупречных крыльев. Несмотря на огромные усилия, я по-прежнему остаюсь омерзительным существом, загнанным в своё нынешнее состояние взрывами мин.

Столкновение со Сноу открывает дверь моему старому репертуару ночных кошмаров. Словно меня опять ужалили осы-убийцы. Волна ужасающих образов с короткой передышкой, которую я путаю с бодрствованием, только чтобы обнаружить следующую захлестывающую меня волну. Когда меня, в конце концов, находит охрана, я сижу на полу в гардеробной, запутанная в шелка и заходящаяся истошным криком. Сначала я дерусь с ними, пока они не убеждают меня, что хотят помочь, стаскивают с меня душащие тряпки и провожают назад в мою комнату. По пути мы проходим мимо окна, и я вижу, как по Капитолию расплзается серый снежный рассвет.

Мучающийся похмельем Хеймитч ждёт с горстью таблеток и подносом еды, к которой ни у кого из нас нет аппетита. Он снова делает слабую попытку разговаривать со мной, но, понимая, что это бессмысленно, отправляет меня в ванную, которую уже кто-то наполнил. Ванная глубокая, с тремя ведущими ко дну ступеньками. Я медленно вхожу в тёплую воду и усаживаюсь в пену по шею, надеясь, что вскоре сработают лекарства. Мои глаза фокусируются на розе: её лепестки за ночь осыпались, наполнив душный от пара воздух своим сильным ароматом. Я поднимаюсь и тянусь за полотенцем, чтобы набросить его на цветок, когда раздаётся осторожный стук, дверь ванной отворяется, представляя моему взору три знакомых лица. Они пытаются улыбнуться мне, но даже Веня не может скрыть потрясения от моего изуродованного как у переродка тела.

— Сюрприз! — пищит Октавия, а потом заливается слезами. Я ломаю голову над их повторным появлением, когда осознаю, что сегодня, должно быть, день казни. Они пришли подготовить меня для камер. Перевоплотить меня в Красавицу. Неудивительно, что Октавия плачет. Это невыполнимая задача.

Из-за страха причинить мне боль они едва могут касаться лоскутного одеяла моей кожи, поэтому я ополаскиваюсь и вытираюсь самостоятельно. Я говорю им, что уже почти не замечаю боли, но Флавий всё равно содрогается, заворачивая меня в халат. В спальне я обнаруживаю ещё один сюрприз. Восседающий в кресле. Вся сияющая, от своего металлически-золотого парика до высоченных лакированных каблуков, и сжимающая в руках блокнот. Поразительно не изменившаяся, за исключением отсутствующего взгляда в глазах.

— Эффи, — произношу я.

— Привет, Китнисс, — она поднимается и целует меня в щёку так, словно ничего не произошло с момента нашей последней встречи вечером перед Двадцатипятилетием Подавления. — Ну что ж, похоже, впереди нас ждёт ещё один большой-большой-большой день. Так почему бы тебе не начать свою подготовку, а я просто зайду ненадолго и проверю все приготовления.

— Хорошо, — говорю я её удаляющейся фигуре.

— Говорят, Плутарху и Хеймитчу с трудом удалось сохранить ей жизнь, — вполголоса комментирует Вения. — Её бросили в тюрьму после твоего побега, так что это её спасло.

Вот уж явное преувеличение. Эффи Бряк — мятежница. Но я не хочу, чтобы Койн убила её, поэтому ставлю мысленную отметку — представлять её именно в таком качестве, если спросят. — Я полагаю, всё-таки хорошо, что Плутарх похитил вас троих.

— Мы единственная оставшаяся в живых команда подготовки. А все стилисты с Двадцатипятилетия Подавления мертвы, — говорит Вения. Она не уточняет, кто именно убил их. Я начинаю задумываться, а так ли это важно? Она осторожно берёт одну из моих покрытых шрамами рук и держит её, осматривая. — Так, что вы думаете по поводу ногтей? Красные или, может, чёрные?

Флавий сооружает какое-то прекрасное чудо на моих волосах, умудряясь навести красоту не только спереди, но и с помощью длинных прядей прикрыть проплешины на затылке. Моё избежавшее пламени лицо представляет из себя не большую проблему, чем обычно. Как только я оказываюсь в созданном Цинной костюме Сойки-пересмешницы, единственными видимыми шрамами остаются отметины на моей шее, предплечьях и кистях. Октавия прикрепляет брошь Сойки-пересмешницы у моего сердца и мы отступаем на шаг назад, чтобы посмотреть в зеркало. Я не могу поверить, насколько нормальный вид им удалось придать моей внешности, когда в душе у меня такая пустота.

Раздаётся лёгкий стук в дверь и входит Гейл.

— Уделишь минуту? — спрашивает он. В зеркале мне видно мою группу подготовки. Не зная, куда деваться, они несколько раз сталкиваются друг с другом, а потом закрываются в ванной. Гейл подходит сзади и мы рассматриваем друг друга в отражении. Я ищу какие-нибудь зацепки, напоминания о тех мальчике и девочке, которые случайно встретились в лесу пять лет назад и стали неразлучны. Мне интересно, что случилось бы с ними, если бы девочка не попала в жатву Голодных Игр. Если бы она влюбилась в мальчика и даже вышла бы за него замуж. А когда-нибудь в будущем, когда их братья и сёстры встали бы на ноги, она сбежала бы с ним в леса и навсегда оставила бы Двенадцатый позади. Были бы они счастливы там, в глуши, или же тёмная паутина печали разрослась бы между ними даже без помощи Капитолия?

— Я принес тебе это. — Гейл держит колчан. Когда я беру его, то замечаю, что в нём только одна обычная стрела. — Это должно быть символичным. Ты сделаешь последний выстрел в этой войне.

— Что, если я промахнусь? — говорю я. — Койн разыщет её и вернет мне? Или просто сама прострелит Сноу голову?

— Ты не промахнёшься. — Гейл закрепляет колчан у меня на плече.

Мы стоим здесь, лицом к лицу, и не смотрим друг другу в глаза. — Ты не навещал меня в больнице. — Он не отвечает и, наконец, я просто говорю: — Это была твоя бомба?

— Я не знаю. И Бити не знает, — говорит он. — Не всё ли равно? Ты всегда будешь думать об этом.

Он ждёт, что я буду отрицать, и я хочу отрицать, но это правда. Даже сейчас я вижу вспышку, которая воспламеняет её, чувствую жар огня. И я никогда не смогу отделить это мгновение от Гейла. Мое молчание — мой ответ.

— У меня была только одна реальная задача. Забота о твоей семье, — говорит он. — Стреляй метко, ладно? —

Он дотрагивается до моей щеки и уходит. Я хочу вернуть его и сказать, что я была неправа. Что найду способ примириться со всем этим. Буду помнить обстоятельства, при которых он создал бомбу. Приму в расчёт собственные непростительные преступления. Докопаюсь до истины, кто сбросил парашюты. Докажу, что это не были повстанцы. Прощу его. Но поскольку я не могу, то буду просто терпеть боль дальше.

Приходит Эффи, чтобы отвести меня на какое-то собрание. Я собираю свой лук и в последнюю минуту вспоминаю о розе, поблескивающей в своём стакане с водой. Когда я открываю дверь в ванную комнату, то обнаруживаю свою группу подготовки, рядом сидящих на краю ванны, ссутулившихся и разбитых. Я вспоминаю, что я не единственная, чей мир освежали.

— Пойдём, — говорю я им. — Публика ждет.

Я ожидаю увидеть производственное совещание, на котором Плутарх проинструктирует меня, где встать, и даст мне сигнал, по которому я выстрелю в Сноу. Вместо этого я обнаруживаю, что меня отправили в кабинет, где вокруг стола сидят шесть человек. Пит, Джоанна, Бити, Хеймитч, Энни и Энобария. Все они носят серые повстанческие мундиры Тринадцатого Дистрикта. Никто не выглядит особенно хорошо.

— Что это такое? — спрашиваю я.

— Мы не уверены, — отвечает Хеймитч. — Похоже, что сбор оставшихся победителей.

— Мы все, кто остались? — спрашиваю я.

— Это цена известности, — говорит Бити. — Мы были мишенями для обеих сторон. Капитолий убил победителей, подозреваемых в принадлежности к повстанцам. Повстанцы убили тех, о ком думали, что они в союзе с Капитолием.

Джоанна хмурится на Энобария. — Тогда что же она здесь делает?

— Она находится под защитой, которую мы называем Сделкой Сойки-пересмешницы, — говорит Койн, так как входит сразу за мной. — В этой сделке Китнисс Эвердин согласилась поддержать повстанцев в обмен на неприкосновенность захваченных победителей. Китнисс выполнила свою часть соглашения, так же поступим и мы.

Энобария улыбается Джоанне.

— Не будь такой самодовольной, — говорит Джоанна. — Мы всё равно убьем тебя.

— Пожалуйста, Китнисс, присаживайся, — говорит Койн, закрывая за собой дверь. Я занимаю место между Энни и Бити, осторожно ставя на стол розу Сноу. Как обычно, Койн сразу переходит к делу. — Я просила вас собраться здесь, чтобы разрешить спорный вопрос. Сегодня мы казним Сноу. В течение предыдущих недель были рассмотрены дела сотен его сообщников по угнетению Панема, и теперь они все ожидают собственной смерти. Тем не менее, страдания дистриктов были настолько ужасны, что эти меры представляются жертвам недостаточными. Фактически многие выступают за полное уничтожение всех тех, у кого было капитолийское гражданство. Однако в интересах поддержания жизнеспособного уровня населения мы не можем себе этого позволить.

Через воду в стакане я вижу перекошенное изображение одной из рук Пита. Следы ожогов. Теперь мы оба огненные переродки. Мой взгляд перемещается выше, туда, где пламя лизнуло его поперёк лба, спалив его брови и едва не задев глаза. Те самые голубые глаза, взгляд которых так часто встречался в школе с моим и тут же ускользал в сторону. Прямо как сейчас.

— Таким образом, выбор перед вами. Поскольку я и мои коллеги не смогли прийти к консенсусу, было достигнуто соглашение, что мы оставляем решение за победителями. Четверо большинством одобряют этот план. Никто не может отказаться от голосования, — говорит Койн. — Суть предложения в том, что вместо ликвидации всего населения Капитолия, мы устраиваем последние, символические Голодные Игры, используя детей — прямых родственников тех, кто был обличён самой большой властью.

Мы все семеро повернулись к ней.

— Что? — говорит Джоанна.

— Мы устраиваем ещё одни Голодные Игры, используя детей Капитолия, — говорит Койн.

— Вы шутите? — спрашивает Пит.

— Нет, и я также должна вам сказать: если мы проведём Игры, то будет известно, что это было сделано с вашего согласия, хотя персональное распределение голосов будет держаться в секрете для вашей собственной безопасности, — рассказывает нам Койн.

— Это была идея Плутарха? — спрашивает Хеймитч.

— Это была моя идея, — говорит Койн. — Кажется, это соотносит потребность в отмщении с наименьшими потерями жизней. Вы можете начинать голосовать.

— Нет! — вспыхивает Пит. — Конечно, я голосую «против»! У нас не может быть еще одних Голодных Игр!

— Почему нет? — возражает Джоанна. — Мне это кажется очень справедливым. У Сноу даже есть внучка. Я голосую «за».

— Я тоже, — говорит Энобария почти равнодушно. — Пусть попробуют на вкус своё лекарство.

— Именно поэтому мы восстали! Помните? — Пит оглядывает оставшихся. — Энни?

— Я голосую «против» вместе с Питом, — говорит она. — Так поступил бы и Финник, если бы он был здесь.

— Но его здесь нет, потому что переродки Сноу убили его, — напоминает ей Джоанна.

— Нет, — говорит Бити. — Это создаст плохой прецедент. Мы должны прекратить смотреть друг на друга как на врагов. На данный момент единство — это основа нашего выживания. Нет.

— Всё зависит от Китнисс и Хеймитча, — говорит Койн.

Тогда было также? Примерно семьдесят пять лет тому назад? Группа людей уселась в кружок и проголосовала за начало Голодных Игр? А несогласные были? Приводил ли кто-нибудь доводы в пользу милосердия, которые были сметены требованиями смерти детей дистриктов? Запах розы Сноу ввинчивается мне в нос и спускается в горло, крепко сжимая его отчаянием. Все те люди, которых я любила, умерли, и мы обсуждаем следующие Голодные Игры в попытке избежать напрасных жертв. Ничего не изменилось. И ничего уже не изменится.

Я тщательно взвешиваю имеющиеся варианты, продумывая всё до конца. Не отводя взгляда от розы, я говорю: — Я голосую «за»... для Прим.

— Хеймитч, всё зависит от тебя, — говорит Койн.

Взбешённый Пит обрушивается на Хеймитча из-за ужасного злодеяния, частью которого он может стать, но я чувствую, что Хеймитч смотрит на меня. Итак, это момент истины. Когда мы точно выясняем, насколько мы похожи, и насколько он действительно понимает меня.

— Я с Сойкой-пересмешницей, — говорит он.

— Отлично. Резолюция принята, — говорит Койн. — А сейчас нам действительно пора занять свои места для казни.

Когда она проходит мимо, я поднимаю стакан с розой.

— Не могли бы вы проследить, чтобы на Сноу было это? Прямо над сердцем?

Койн улыбается:

— Конечно. И я удостоверюсь, что ему известно об Играх.

По комнате носятся люди, окружают меня. Последнее прикосновение пудры, инструкции Плутарха и меня выводят к парадным дверям особняка. Центр Города переполнен, людские массы выплещиваются в переулки. Другие занимают свои места снаружи. Охрана. Должностные лица. Лидеры повстанцев. Победители. Я слышу приветственные крики, означающие, что Койн появилась на балконе. Потом Эффи постукивает по моему плечу и я шагаю вперёд в холодный зимний солнечный свет. Иду на свою позицию, сопровождаемая оглушительным ревом толпы. Согласно указаниям, я поворачиваюсь так, чтобы они видели меня в профиль, и жду. Когда Сноу демонстративно выводят из дверей, публика сходит с ума. Они привязывают его руки к столбу, что совершенно излишне. Он никуда не собирается. Ему некуда идти. Это не просторная сцена перед Тренировочным Центром, а узкая терраса на фасаде президентского особняка. Неудивительно, что никто не побеспокоился о том, чтобы я попрактиковалась. Он в 10 ярдах от меня.

Я чувствую, как лук мурлыкает в моей руке. Тянусь назад и хватаю стрелу. Устанавливаю её, целюсь в розу, но смотрю ему в лицо. Он кашляет и кровавая струйка бежит вниз по его подбородку. Он быстро облизывает языком свои пухлые губы. Я ищу в его глазах малейший признак хоть чего-нибудь — страха, раскаяния, гнева. Но вижу только тот же отсутствующий взгляд, на котором закончился наш последний разговор. Словно он опять говорит мне эти слова: «Ах, моя дорогая мисс Эвердин. Я думал, мы договорились не врать друг другу».

Он прав. Мы договорились.

Прицел моей стрелы смещается вверх. Я спускаю тетиву. И президент Койн, перевалившись через край

балкона, летит на землю. Мёртвая.

Глава двадцать седьмая

Потрясение. В этом сумбуре меня беспокоит лишь один звук. Смех Сноу. Отвратительное хихиканье сопровождалось выбросом вспененной крови, затем он закашлялся. Я смотрю на него, склонившегося вперед, пока охранники не закрывают его от моих глаз. Жизнь покидает это тело.

Как только серые мундиры начинают надвигаться, я представляю ожидающее меня будущее в качестве убийцы нового президента Панема. Допросы, вероятно, даже пытки и, конечно же, публичная казнь. Последние прощальные слова людям, благодаря которым моё сердце до сих пор бьётся. Перспектива, стоящая перед моей матерью, которая останется совершенно одна в этом мире.

— Сладких снов, — шепчу я луку, находящемуся в моих руках и чувствую, как он выскользывает. Я поднимаю левую руку и поворачиваю шею так, чтобы сорвать таблетку с моего рукава. Вместо этого мои зубы вонзаются в плоть. Растерявшись, я резко запрокидываю голову назад и понимаю, что смотрю Питу прямо в глаза, только теперь он тоже пристально смотрит на меня. Кровь течёт из ран от зубов на руке, которой он зажал морник.

— Отпусти меня! — рычу я на него, пытаюсь вырвать руку.

— Не могу, — говорит он. Когда они оттаскивают меня от него, я чувствую, что из кармана, оторванного от моего рукава, падает фиолетовая таблетка. Я смотрю, как последний подарок Цинны исчез под сапогом одного из охранников. Я превращаюсь в дикого зверя, дерущегося, царапающего, кусающегося, делающего всё, что угодно, чтобы вырваться из паутины рук, в то время как толпа наступает. Охранники поднимают меня вверх над дерущимися людьми, но даже там я продолжаю вырваться, как будто я одна из этой толпы. Я начинаю истошно звать Гейла. Хоть я не могу отыскать его в толпе, он поймет, что мне нужно. Хороший меткий выстрел, чтобы положить конец происходящему. Вот только ни стрелы, ни пули нет. Неужели он не видит меня? Нет. На гигантских экранах над нами, расположенных по всему городу, каждый мог наблюдать за происходящим. Он видит, он знает, но он не доведёт дело до конца. Так же, как и я не смогла, когда он попал в плен. Сожаление — оправдание для охотников и друзей. Для нас обоих.

Здесь я сама по себе.

В особняке, на меня надевают наручники и завязывают глаза. Меня то тащили, то несли по длинным коридорам, везли то вверх, то вниз на лифтах, и, в конце концов, бросили на ковер. Наручники сняли и за мной резко захлопывается дверь. Когда я снимаю повязку с глаз, я понимаю, что нахожусь в своей старой комнате в Тренировочном Центре. В той, где жила в последние драгоценные дни до моих первых Голодных Игр и Двадцатипятилетия Подавления. Кровать не застелена, шкафы настежь открыты, демонстрируя пустоту внутри, но я узнала бы эту комнату в любом случае.

Я с трудом поднимаюсь на ноги и снимаю свой костюм Сойки-пересмешницы. Я вся в синяках и, возможно, у меня даже сломаны пара пальцев, но больше всего в борьбе с охраной пострадала моя кожа. Новая розовая кожица слезит с меня словно обрывки бумаги, а из нарощенных в лаборатории новых клеток сочится кровь. Медики так и не появляются, а мне на это наплевать, я забираюсь на матрас, и жду, когда истекет кровью.

Но ничего подобного. К вечеру кровь останавливается, оставляя меня изможденной, больной, но живой. Я ковыляю до душа, устанавливаю самый нежный режим, который помню, без всякого мыла и шампуня, и сажусь под теплые струи воды, упершись локтями в колени, обхватив голову руками.

Меня зовут Китнисс Эвердин. Почему я не умерла? Ведь я должна была умереть. Для всех было бы лучше, если бы я умерла....

Едва я встаю на коврик в ванной, поток горячего воздуха осушает мою поврежденную кожу. У меня нет ни

чистой одежды, ни полотенца, чтобы обернуться. Вернувшись в комнату, я обнаруживаю, что костюм Сойки-пересмешницы исчез. Вместо него лежит бумажный халат. Еда чудесным образом появилась из таинственной кухни вместе с контейнером медицинских препаратов на десерт. Я подхожу и съедаю всё, принимаю таблетки, втираю мазь в кожу. Теперь мне необходимо сосредоточиться и выбрать способ самоубийства.

Я сворачиваюсь в клубок на окровавленном матрасе; мне не холодно — я ощущаю себя совершенно голой, ведь мою болезненную плоть прикрывает лишь бумага. Прыжок из окна — не вариант: стекло, должно быть, толщиной в один фут. Я могу сделать отличную петлю, но зацепить верёвку не за что. Возможно, мне удастся откладывать таблетки, и, набрав смертельную дозу, всё это выпить, правда, я уверена, что за мной круглосуточно следят. Насколько я знаю, в этот самый момент я в прямом эфире, в то время как комментаторы пытаются проанализировать, что могло послужить мотивом для убийства Койн. Наблюдение делает практически невозможным любую попытку самоубийства. Лишить меня жизни — привилегия Капитолия. В очередной раз.

Всё, что я могу сделать — это сдать. Я решаю лежать на кровати, не есть, не пить и не принимать лекарств. Я могла бы это сделать. Просто взять и умереть. Ведь это не как бросить принимать морфлий. Не постепенно, как в больнице в Дистрикте 13, что вызывает ломку. Должно быть, я приняла большую дозу, так как после у меня появляется дикое желание принять ещё, меня даже затрясло, появились болезненные покалывания и мне невыносимо холодно. Всю мою решимость как ветром сдуло. Я встаю на колени, царапаю ногтями по ковру, пытаюсь отыскать те драгоценные таблетки, которые так опрометчиво кинула на пол. Я пересматриваю свой план в сторону медленной смерти при помощи морфлия. Вскоре я стану похожей на скелет, обтянутый желтой кожей, с безумными глазами. Пару дней я успешно придерживаюсь плана и достигаю значительного прогресса, когда происходит кое-что неожиданное.

Я начинаю петь. У окна, в душе, во сне. Час за часом я пою: баллады, песни о любви, разные напевы. Все песни, которым меня научил отец, прежде чем умер. С тех пор в моей жизни музыка звучала очень редко. Удивительно, но я чётко помню каждую мелодию, каждый текст. Сначала мой голос кажется грубым и срывается на высоких нотах, но потом разогревается и превращается в нечто прекрасное. В голос, который мог бы заставить соек-пересмешниц замолчать, а затем, подхватив мелодию разлететься в разные стороны. Проходят дни, недели. Я смотрю, как за окном идёт снег. И за всё это время, единственный голос, который я слышу — мой собственный.

Что же они делают? Почему тянут? Неужели так трудно организовать казнь единственной девушки-убийцы? Я продолжаю умерщвлять саму себя. Я еще никогда не была такой худой, и никогда не боролась с голодом настолько ожесточенно, что иногда моя животная натура сдавалась при мысли о хлебе с маслом или жареном мясе. Но все-таки, я одерживаю победу. На протяжении нескольких дней я чувствую себя довольно паршиво и думаю, что наконец-таки попрощаюсь с этой жизнью, когда вдруг понимаю, что количество выдаваемых мне таблеток морфлия становится всё меньше и меньше. Они потихоньку пытаются свести моё пристрастие на нет. Но почему? Конечно же, перед толпой будет легче линчевать наркоманку в лице Сойки-пересмешницы. И тогда меня пронзает страшная мысль: а что, если они не собираются меня убивать? Что, если у них другие планы на меня? Какой-то новый способ переделать, натаскать и использовать меня?

Нет, я не пойду на это. Если я не могу убить себя здесь, в этой комнате, я осуществлю задуманное при первой же возможности, выйдя отсюда. Они могут привести в порядок моё тело, одеть меня и опять сделать красивой. Они могут создать оружие мечты, которое материализуется моими руками, но они никогда не смогут промыть мне мозги и использовать по своей прихоти. Я не чувствую никакой солидарности с этими монстрами, называющими себя людьми, несмотря на то, что я одна из них. Мне кажется, в словах Пита о том, что мы уничтожим сами себя и позволим другим созданиям занять наше место, есть доля истины. Потому что с теми существами, которые приносят в жертву жизни детей, явно происходит что-то не то. Вы можете перефразировать это как угодно. Сноу думал, что Голодные Игры были эффективным средством контроля. Койн считала, что парашюты положат конец войне. Но, в конце концов, кто одержит победу? Никто. Правда в том, что все остаются в проигрыше, живя в мире, в котором происходят такие вещи.

После двух дней, проведённых лёжа на матрасе, без малейшего желания есть, пить или даже принимать

таблетки морфлия, дверь в мою комнату открывается. Кто-то подходит к кровати и попадает в мое поле зрения. Хэймитч.

— Суд над тобой закончился, — говорит он. — Вставай. Мы едем домой.

Домой? О чём он говорит? У меня больше нет дома. И даже если это было бы возможным, попасть в то воображаемое место, я слишком слаба, чтобы двигаться. В комнате появляются незнакомцы. Они поят и кормят меня. Моют и одевают. Один из них поднимает меня, словно тряпичную куклу, относит на крыш, сажает в планолёт и пристегивает ремнями к сиденью. Хэймитч и Плутарх садятся напротив меня. Через несколько минут мы поднимаемся в воздух.

Никогда не видела Плутарха в таком хорошем настроении. Он прямо светится от счастья.

— У тебя, должно быть, миллион вопросов! — Когда я никак не реагирую на него слова, он сам на них отвечает.

После того, как я застрелила Койн, началось бог знает что. Когда шумиха улеглась, они обнаружили тело Сноу, по-прежнему привязанное к столбу. Мнения по поводу его смерти разделились: то ли он задохнулся от смеха, то ли его раздавила толпа. Хотя, в принципе, всем наплевать. Срочно провели экстренные выборы, на которых Пейлор избрали президентом. Плутарха назначили министром связи, что означает, что он отвечает за радио- и телевидение. Первым же грандиозным событием, освещаемым телевидением стал суд надо мной, на котором он был главным свидетелем. Защиты, конечно же. Хотя большую роль в моём освобождении сыграл Доктор Аурелиус, который, видимо, заработал очки, представив меня как безнадежную, контуженную сумасшедшую. Единственное условие моего освобождения — нахождение под его наблюдением, несмотря на то, что оно будет проходить по телефону, потому что он никогда не жил в таком захолустье, как Дистрикт 12, а я должна отбывать своё наказание там до дальнейших распоряжений. Правда в том, что никто не знает, что делать со мной теперь, когда война закончилась, хотя, если начнётся другая, Плутарх уверен, что они найдут, где меня задействовать. При этом Плутарх сильно смеется. Кажется, его никогда не волнует, оценят ли его шутки другие.

— Плутарх, ты готовишься к очередной войне? — Спрашиваю я.

— О, не сейчас. На данный момент у нас конфетно-букетный период и все соглашаются с тем, что такой ужас не должен повториться», — отвечает он. — Но у коллективного мышления обычно короткая память. Все мы непостоянные глупые существа со скудными воспоминаниями и потрясающим даром саморазрушения. Хотя, кто знает? Может так и будет, Китнисс.

— Что? — Спрашиваю я.

— Память об этом мы пронесём через года. Возможно, мы являемся свидетелями эволюции человеческой расы. Подумай об этом.

А затем он спрашивает, не хотела бы я спеть в шоу, которое он запускает через пару недель. Капля позитива не помешала бы. Он пришлёт команду ко мне домой.

Мы приземляемся в Третьем Дистрикте, чтобы высадить Плутарха. У него встреча с Бити по поводу улучшения системы передачи. Он провожает меня напутственными словами:

— Не пропадай.

Когда мы вновь поднимаемся в небо и оказываемся среди облаков, я смотрю на Хэймитча.

— Так зачем ты возвращаешься в Двенадцатый?

— Кажется, что в Капитолии для меня тоже не нашлось места», — отвечает он.

Сначала я об этом не задумываюсь. Но вскоре меня одолевают сомнения. Хэймитч никого не убил. Он мог бы поехать куда угодно. Он возвращается обратно в Двенадцатый только потому что ему приказали.

— Ты должен присматривать за мной, не так ли? Как мой ментор? — Он пожимает плечами. И тут я понимаю, что это значит. — Моя мама не вернётся.

— Нет, — следует ответ. Он достает из кармана куртки конверт и протягивает его мне. Я внимательно изучаю идеальный аккуратный почерк.

— Она помогает создать госпиталь в Четвёртом Дистрикте. Она хочет, чтобы ты позвонила ей, как только мы доберемся. Мой палец скользит по изящно написанным буквам.

— Ты знаешь, почему она не может вернуться.

Конечно, я знаю. Потому что, после смерти отца, Прим и исчезновением всего, что было дорого — там слишком тяжело находиться. Но, видимо, на меня это не распространяется.

— Хочешь знать кого ещё не будет?

— Нет, — отвечаю я. — Я не удивлюсь.

Как хороший ментор, Хеймитч заставляет меня съесть бутерброд и делает вид, будто поверил в то, что я сплю оставшуюся часть поездки. А сам в это время обшаривает каждый сантиметр планолёта в поисках ликёра и, найдя его, засовывает в свою сумку. Ночью мы приземляемся в Деревне Победителей. В половине домов горит свет в окнах, включая дом Хеймитча и мой. Но не в доме Пита. Кто-то развёл огонь на моей кухне. Я сажусь перед ним в кресло-качалку, сжимая письмо матери.

— Ну, до завтра, — говорит Хеймитч.

Как только звук ударяющихся друг о друга бутылок ликёра, доносившийся из его сумки удаляется, я шепчу:

— Сомневаюсь.

Я не в состоянии встать со стула. Остальная часть дома кажется холодной, пустой и темной. Я закутываюсь в старый платок и продолжаю смотреть на огонь. Кажется, я засыпаю, потому что, открыв глаза, я понимаю, что настало утро и я вижу, как Сальная Сэй колдует у плиты. Она готовит яичницу с тостами и сидит рядом, пока я все не съедаю. Мы практически не разговариваем. Её маленькая внучка, та, которая живет в своём собственном мире, берет клубок ярко-голубой пряжи из корзины моей матери для рукоделия. Сальная Сэй просит её положить клубок на место, но я разрешаю ей оставить его себе. В этом доме никто больше не вяжет. После завтрака, Сальная Сэй моет посуду и уходит, но возвращается к ужину, чтобы опять заставить меня поесть. Я не знаю, с чего такая забота: просто по-соседски или с подачи правительства, но она приходит два раза в день. Она готовит, я съедаю. Я пытаюсь продумать свой следующий ход. Сейчас я не помеха и убивать меня незачем. Но я, кажется, до сих пор чего-то жду.

Иногда телефон звонит и звонит, но я не отвечаю. Хеймитч так и не появляется. Может, он передумал и уехал, хотя я подозреваю, что он в запое. Никто не приходит, кроме Сальной Сэй и её внучки. После нескольких месяцев, проведённых в одиночке, даже эти двое кажутся мне толпой.

— Весна витает в воздухе. Тебе надо выбраться из дома, — говорит она, — Иди, поохотись.

Но я не иду. Я даже не потрудилась выйти из кухни для того, чтобы попасть в ванную комнату, которая находится в двух шагах от неё. Я в той же одежде, в которой уезжала из Капитолия. Всё, что я делаю — сижу у огня, уставившись на неоткрытые письма, валяющиеся на камине.

— У меня нет лука.

— Посмотри в холле, — говорит она.

После её ухода, я совершаю короткую вылазку в холл. Ничего не нахожу. Но через несколько часов, я ищу везде, передвигаясь очень тихо, будто боясь разбудить призраков. В кабинете, где пила чай с президентом Сноу, я нахожу коробку с охотничьей курткой моего отца, книгой с описанием растений, свадебными фотографиями моих родителей, втулкой, которую Хеймитч прислал, и медальоном, который Пит подарил мне на арене. Два лука и колчан со стрелами, что Гейл спас в ночь бомбардировки, лежат на столе. Я надеваю охотничью куртку, к другим вещам даже не притрагиваюсь. И засыпаю на диване в гостиной. Мне снится страшный сон, будто я лежу на дне глубокой могилы, и каждый умерший человек, чье имя я знаю, приходит и лопатой забрасывает меня пеплом. Это довольно долгий сон, учитывая то, сколько людей в нем, и, чем глубже меня закапывают, тем труднее мне становится дышать. Я пытаюсь кричать, умоляя их остановиться, но пепел забивает мне рот и нос и я не могу издать ни звука. Лопаты безостановочно забрасывают меня пеплом, я оказываюсь все глубже и глубже, а затем просыпаюсь в холодном поту. Бледный утренний свет пробивается сквозь ставни. Я до сих пор слышу скрежет лопат. Еще не до конца проснувшись, я выбегаю в холл, выскакиваю на улицу, обегаю дом, потому что уверена, что сейчас закричу. Когда я вижу его — останавливаюсь, как вкопанная. Его лицо покраснело от копания земли под окнами. В тачке лежит пять тощих кустиков.

— Ты вернулся, — говорю я.

— Доктор Аурелиус не разрешал мне покидать Капитолий до вчерашнего дня, — произносит Пит. — Кстати, он просил тебе передать, что не может вечно притворяться, будто лечит тебя. Ты должна отвечать на звонки. — Он хорошо выглядит. Худой, с телом, покрытым шрамами от ожогов, совсем как у меня, но из его глаз исчезло затуманенное, измученное выражение. Он слегка хмурится, разглядывая меня. Я тщетно пытаюсь убрать волосы с глаз и понимаю, что волосы превратились в колтуны. Я настораживаюсь.

— Что ты делаешь?

— Утром я ходил в лес и выкопал их. Для нее. — Говорит он.

— Я подумал, мы могли бы посадить их вдоль дома.

Я смотрю на кусты, комки грязи свисают с корней, и внезапно у меня перехватывает дыхание, как только слово «роза» всплывает у меня в голове. Я уже готова наорать на Пита, высказать ему самые злые и ужасные вещи, как вдруг вспоминаю полное название этого цветка. Не просто роза, а вечерняя примула. Тот цветок, в честь которого назвали мою сестру. Я утвердительно киваю Питу головой и спешу домой, запирая за собой дверь. Но зло не снаружи дома, а внутри. Дрожа от слабости и страха, я поднимаюсь по лестнице. Моя нога запинается о последнюю ступеньку, и я с грохотом падаю на пол. С трудом поднимаюсь и захожу в свою комнату. Запах еле уловим, но все ещё витает в воздухе. Она там. Белая роза среди сухих цветов в вазе. Увядавшая и хрупкая, но до сих пор неестественно совершенная, как те, выращенные в парниках Сноу. Я хватаю вазу, бегу, спотыкаясь на кухню, и бросаю её содержимое в тлеющие угли. Цветы вспыхивают голубым пламенем, пожирающим их. И ещё раз. Я разбиваю вазу о пол на мелкие кусочки.

Вновь поднимаюсь наверх и распахиваю окно в спальне, чтобы избавить помещение от вони, напоминающей о Сноу. Но она все еще здесь, моя одежда и моя кожа пропахла ею.

Я раздеваюсь, и вижу, как чешуйки кожи, размером с игральные карты, прилипают к одежде. Не глядя в зеркало, я захожу в душ и смываю запах роз с моих волос, тела, рта. Ярко-розовая, с зудящей кожей, я надеваю первую попавшуюся чистую одежду. На то, чтобы разобраться с волосами, уходит около получаса. Сальная Сэй открывает входную дверь. Пока она готовит завтрак, я сжигаю одежду, которую сняла. По её совету, я обрезаю ногти ножом.

Поедая яичницу, я спрашиваю её:

— Куда уехал Гейл?

— Во второй Дистрикт. Нашёл там отличную работу. То и дело вижу его по телевизору, — говорит она. Я погружаюсь в себя, пытаюсь почувствовать гнев, ненависть, тоску. Но чувствую только облегчение.

— Хочу сегодня поохотиться, — говорю я.

— Ну, я бы не возражала против свежей дичи, — отвечает она.

Взяв лук со стрелами, я направляюсь к Луговине. У площади я встречаю группу людей в масках и перчатках, с повозками, запряженными лошадьми. Они прочёсывают местность, покрытую снегом. Собирают останки.

Экипажи припаркованы у дома мэра. Я узнаю Тома, старого приятеля Гейла по бригаде, остановившегося на минуту, чтобы вытереть тряпкой пот с лица. Я вспоминаю, что видела его в Тринадцатом, но он, должно быть, вернулся. Он приветствует меня и я осмеливаюсь задать ему вопрос:

— Кого-нибудь нашли?

— Всю семью. И двух людей, которые на них работали, — отвечает Том.

Мадж. Скромная, добрая и смелая. Девушка, которая подарила мне брошь, давшую имя. Я сглатываю комок в горле. Интересно, увижу ли я ее сегодня в своем кошмаре. Засыпающей мне в рот пепел.

— Я думала, может, так как он был мэром...

— Не думаю, что пост мэра Двенадцатого сыграл ему на руку, — сказал Том.

Я киваю и иду дальше, стараясь не смотреть на повозки. И в городе, и в Шлаке одно и то же. Сбор трупов. Подходя к развалинам моего старого дома, я вижу дорогу, заполненную повозками. Луговины не стало, или же, во всяком случае, она изменилась до неузнаваемости. Здесь выкопали глубокую яму и она усеяна костями — братская могила моего народа. Я пролезаю в дыру и захожу в лес через свое привычное место. Хотя теперь это и неважно. По забору уже не пропускают ток; лишь чтобы защитить Дистрикт от проникновения хищников, он кое-где забит досками. Но от старых привычек не так-то легко избавиться. Я думаю о том, чтобы отправиться к озеру, но я так слаба, что с трудом добираюсь до нашего обычного места встречи с Гейлом. Я сажусь на скалу, на которой Крессида снимала нас, но она слишком широкая для меня одной. Несколько раз я закрываю глаза и считаю до десяти, думая о том, что, когда открою их, он, как обычно, без малейшего звука, возникнет из ниоткуда. Мне приходится напомнить самой себе, что Гейл во Втором, занимается своей замечательной работой, и, вполне возможно, целуется уже с кем-то другим.

Прошлая Китнисс любила такие дни. Ранняя весна. Лес просыпается после долгой зимы. Но всплеск энергии,

который во мне вызвали примулы, постепенно улетучивается. Когда я возвращаюсь к забору, я чувствую себя ужасно уставшей и у меня кружится голова. Тому приходится везти меня домой в повозке для мертвых. Он помогает мне добраться до дивана в гостиной, на котором я лежу и смотрю на кружащиеся в тонких лучах послеобеденного света пылинки.

Я улавливаю какое-то шипение, но лишь спустя долгое время осознаю, что он настоящий. Как он добрался сюда? Я вижу следы лап какого-то дикого животного, задняя лапка слегка приподнята, на мордочке резко выступают кости. Он прошел весь путь, всю дорогу из Тринадцатого. Может, они выгнали его, а может, он просто не смог оставаться там без нее, и пришел искать ее сюда.

— Напрасно ты сюда пришёл. Её здесь нет, — говорю я ему. Лютик опять шипит.

— Её здесь нет. Хоть обшипись. Ты не найдёшь Прим.

При звуке ее имени, он прислушивается. Поднимает свои прижатые уши. Начинает мяукать.

— Убирайся!

Он уворачивается от подушки, которую я бросаю в него.

— Уходи! Для тебя тут ничего нет!

Меня начинает трясти от злости на него.

— Она не вернется! Она уже никогда не вернется!

Я хватаю другую подушку и подымаюсь на ноги, чтобы попасть в него. Словно из ниоткуда, у меня по щекам начинают течь слезы.

— Она мертва.

Я хватаюсь за живот, чтобы уменьшить боль. Падаю на колени, сжимаю подушку и рыдаю.

— Она мертва, ты, глупый кот. Она мертва.

Новый звук, отчаянный полуплач-полувовай, вырывается из меня. Лютик тоже начинает жалобно выть. Что бы я ни делала — он все равно не уходит. Он кружит вокруг меня, но мне его не достать, а мое тело продолжает сотрясаться в рыданиях, до тех пор, пока я не проваливаюсь в забытие. Но он должен понять. Он должен знать, что произошло кое-что невообразимое, и, чтобы выжить, потребовались такие же невообразимые действия. Несколькими часами позже, когда я ложусь в кровать, он здесь же, в лунном свете. Свернулся рядом со мной, желтые глаза пристально смотрят, охраняя меня от ночи.

Утром он стойко сидит, пока я очищаю его раны, но когда я вытаскиваю из его лапы колючку, он мяукает, словно котенок. В конечном итоге мы вновь оба плачем, только на этот раз успокаивая друг друга. В порыве эмоций я распечатываю письмо от матери, которое мне дал Хеймитч, набираю номер телефона и мы плачем уже вместе. Пит, с теплой буханкой хлеба в руках, приходит вместе с Сальной Сэй. Она готовит завтрак, а я скармливаю весь свой бекон Лютику.

Потихоньку, по прошествии многих дней, я возвращаюсь к жизни. Я стараюсь следовать совету доктора Аурелиуса, просто жить, и удивляюсь, когда, наконец, она вновь приобретает смысл. Я делюсь с ним идеей по поводу книги, и со следующим поездом прибывает большая коробка пергаментных листьев из Капитолия.

Семейная книга о растениях послужила моим вдохновением. Место, где мы записывали все те вещи, которые нельзя доверить памяти.

Страница начинается с изображения человека. Например, с фотографии, если мы можем её найти. Если не находим, тогда с наброска или рисунка Пита. Далее, написанная самым аккуратным почерком, следует детальная информация, которую было бы преступлением забыть. Леди, лижущая Прим в щёку. Смех моего отца. Отец Пита с печеньем. Цвет глаз Финника. Что Цинна мог сделать с обычным куском шёлка. Боггс, перепрограммирующий Голо. Рута, вставшая на цыпочки, со слегка расставленными руками, словно птица, собирающаяся взлететь. Еще и еще. Мы переворачивали влажные от слёз страницы и обещаем жить достойно, чтобы их смерти не оказались напрасными. Наконец-то к нам присоединяется Хеймитч, отдавший дань двадцати трём годам, на протяжении которых он был вынужден быть ментором. Дополнений становится меньше. Давние воспоминания, не стёртые временем. Примула, высохшая между страницами. Странные кусочки счастья, такие, как фотография новорожденного сына Финника и Энни.

Мы заново учимся жить своими обычными жизнями. Пит печёт. Я охочусь. Хеймитч напивается до чёртиков, пока ликёр не заканчивается, а потом просто валяет дурака, до прибытия следующего поезда. К счастью, дураки могут неплохо позаботиться о себе сами. Мы не одни. Несколько сотен человек вернулись, ведь вопреки всему случившемуся, это наш дом. Так как шахты закрыли, они занялись земледелием. Капитолийские машины вырыли котлован для нового завода, на котором мы будем производить лекарства. Несмотря на то, что никто не засеивал Луговину, она вновь зазеленела.

Мы с Питом опять сблизились. Но всё ещё бывают моменты, когда он хватается за спинку стула и держится до тех пор, пока вспышки пережитого ужаса не проходят. Я просыпаюсь, крича от ночных кошмаров, в которых мне снятся переродки и дети. Но его руки всегда рядом, чтобы успокоить меня. И его губы. Ночью это чувство опять приходит ко мне, голод, который охватил меня на пляже, я знала, что это всё равно когда-нибудь произошло бы. То, что мне нужно, чтобы выжить — это не страсть Гейла, разожжённая гневом и ненавистью. Во мне этого более чем достаточно. Что мне нужно, это одуванчики весной. Ярко-желтые, которые означают возрождение, а не разрушение. Надежда на то, что жизнь продолжится, независимо от наших потерь. Что всё наладится. И только Пит может дать мне это.

Поэтому после, когда он шепчет:

— Ты меня любишь. Правда или ложь?

Я отвечаю ему:

— Правда.

Эпилог

Они играют на Луговине. Танцующая девочка с темными волосами и голубыми глазами. Мальчик с белокурыми локонами и серыми глазами, перебирая по-детски пухлыми ножками, старается подстроиться под нее. Потребовалось пять, десять, пятнадцать лет, прежде, чем я согласилась на это. Но Пит так сильно хотел, чтобы они появились. Когда я впервые почувствовала, как она шевелится внутри меня, я пришла в ужас, почувствовав, что стара, как сама жизнь. И лишь радость держать ее в своих руках смогла примирить меня с этим. Вынашивать его было немного легче, но лишь немного.

Вопросы только начинаются. Арены были полностью разрушены, мемориалы возведены, Голодных Игр больше не существует. Но про них рассказывают в школе, и девочка знает, что мы участвовали в них. Мальчик узнает об этом через несколько лет. Как я могу рассказать им об этом мире без того, чтобы не напугать их до смерти?

Мои дети, которые принимают слова этой песни как само собой разумеющееся:

Ножки устали. Труден был путь.

Ты у реки приляг отдохнуть.

Солнышко село, звезды горят,

Завтра настанет утро опять.

Тут ласковый ветер.

Тут травы, как пух.

И шелест ракифы ласкает твой слух.

Пусть снятся тебе расчудесные сны,

Пусть вестником счастья станут они.

Глазки устали. Ты их закрой.

Буду хранить я твой покой.

Все беды и боли ночь унесет.

Растает туман, когда солнце взойдет.

Мои дети, которые не знают, что играют на кладбище.

Пит говорит, что все будет хорошо. У нас есть мы. И книга. В некотором смысле, мы сумеем втолковать им что-то, что поможет им стать смелее. Но в один прекрасный день мне придется объяснить им, почему мне снятся кошмары. Почему они появились. И почему они никогда не исчезнут.

Я расскажу им, как выжила. Я скажу им, что по утрам мне кажется, будто я не способна наслаждаться ничем, потому что боюсь, что у меня это отнимут. Вот тогда я и составляю в голове список для каждого проявления доброты, которые мне доводилось видеть от других. Это как игра. Без конца повторяющаяся. И даже немного утомительная, после двадцати с лишним лет.

Но существуют и гораздо более ужасные игры.